

**Казанский
Кремль**

Государственный
историко-архитектурный
и художественный
музей-заповедник

Девятые Кремлевские чтения

«Национальные культуры в историческом
и музейном пространстве»,
посвященная 100-летию образования
Татарской АССР

8 октября 2020 года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДЕВЯТЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Казань – 2020

УДК 069.01:930.85
ББК 79.1+63.3(2)л6
Д 25

Редакционная коллегия:

А.М. Сibaгатуллин, С.А. Коновалова,
Д.В. Муратова, А.С. Бушуев (отв. ред.)

Д 25 Девятые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Национальные культуры в историческом и музейном пространстве» (Казань, 8 октября 2020 г.). – Казань: Изд-во АН РТ, 2020. – 320 с.

ISBN 978-5-9690-0735-2

В сборник вошли статьи участников Девятых Кремлевских чтений. Тема чтений 2020 г. «Национальные культуры в историческом и музейном пространстве» была приурочена к 100-летию образования Татарской АССР. В статьях освещается широкий круг вопросов, связанных с изучением и популяризацией историко-культурного наследия, этнокультурными образами регионов России в музейном пространстве, взаимодействием культур в исторической ретроспективе и другими вопросами. Книга рассчитана на широкий круг специалистов – музееведов и музейных работников, историков, краеведов, всех интересующихся вопросами сохранения, изучения и популяризации историко-культурного наследия.

ISBN 978-5-9690-0735-2 © Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
«Казанский Кремль», 2020
© Издательство Академии наук РТ, 2020

*Всероссийская
научно-практическая
конференция
«Девятые Кремлёвские чтения»
на тему: «Национальные
культуры в историческом
и музейном пространстве»,
посвященная
100-летию образования
Татарской АССР*

РАЗДЕЛ 1. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Аглуллина Л. Т.

Музейная ролевая игра как средство популяризации историко-культурного наследия

Игра – это особый способ рассмотрения любого явления, феномена или понятия. Игра подразумевает выделение некоторого составного элемента, «кванта» жизни (эволюции, истории и т. п.) и рассмотрение его как самостоятельной единицы [1, с. 43].

Музей является уникальным игровым пространством, где личность получает возможность освоения историко-культурного опыта и системы норм и ценностей прошлого [2].

Использование игрового подхода, игрового мышления и динамики игр сегодня является не только распространённой тенденцией, но и важным условием развития культурно-образовательной деятельности музеев. Метод игры успешно применяется при работе не только с детьми, но и со взрослыми.

Во время игры посетитель не просто проходит по экспозиционным залам музея; его поведение мотивируется на то, чтобы найти, угадать, рассмотреть, проанализировать, высказать своё суждение, воспринять сложный символический язык музея, постичь скрытый смысл окружающих вещей. Музейная игра предполагает активную работу участников – исследовательскую, творческую, деятельность.

Сотрудники Национального музея Республики Татарстан активно используют в работе игровые технологии и регулярно обращаются к предметам игровой культуры, представленным в фондах и экспозициях, с целью популяризации культурно-исторического наследия и выполнения разнообразных воспитательных и образовательных задач [3]. Практически во всех музейных занятиях для детей применяется игровой метод. Игра лежит в основе таких музейных мероприятий, как «Госпожа честная Масленица», «Сабантуй», «Ручейки Поволжья», «Новогодние приключения», «100 шагов назад», «Детский день рождения в музее» и др. Благодаря музейным играм посетители не только учатся игровому взаимодействию, развивая навыки межличностного общения, но и знакомятся с традициями края.

В музейном репертуаре встречаются сюжетные исторические игры; деловые и проектные; психологические; игры-путешествия, квесты; дидактические игры (как элемент комплексного мероприятия); компьютерные игры на электронных носителях. Данное деление, конечно же, условно, и чаще встречаются комплексные игры, включающие в себя несколько элементов – например, психологические ролевые игры. В основе сюжетных исторических, деловых и психологических игр лежит метод сюжетно-ролевой игры, поэтому их нередко объединяют в общем понятии ролевых игр.

Выдающимися казанскими теоретиками и практиками ролевой игры применительно к образованию детей являются П. Л. Шилов, Л. Е. Смеркович, Д. Д. Забиров, Н. В. Гатауллина, Б. Ю. Фетисов, А. С. Клемешов – организаторы одного из крупнейших в России фестиваля любителей фантастики «Зиланткон» и авторы методических пособий «Ролевые игры: обучение и клуб» [4] и «Урок игры» [5]. Опытными практиками ролевых исторических игр являются сотрудники Национального музея Республики Татарстан В. В. Хабаров (заведующий отделом научной реконструкции), Е. С. Зиланова (м. н. с. отдела научной реконструкции), О. В. Бударина (м. н. с. отдела музейно-образовательных программ) и др.

Сюжет является основой любой ролевой игры. Применительно к музейным мероприятиям, он должен быть связан с тематикой экспозиции, выставки или музейных коллекций. Специфика развёртывания сюжета игровыми средствами состоит в том, что если читатель и зритель сюжет только осознают, то игроку ещё необходимо и самостоятельно подействовать в этом сюжете. Таким образом, сюжет в игре должен быть развёрнут не в образе, как в искусстве, а в действии [1, с. 47].

Сюжетная историческая ролевая игра – это групповая игра, построенная на основе заранее разработанного исторического сюжета и ролевого поведения участников. Разновидностью данных игр являются историко-бытовые игры, которые проводятся в исторических, этнографических музеях, домах-музеях, музеях-усадебках и т. п. Пространство и коллекции таких музеев позволяют выстраивать ролевые сюжеты, воссоздающие те или иные ситуации из жизни разных народов, сословий, социальных групп, конкретных людей.

Музейными специалистами особое внимание уделяется достоверности исторических событий, костюмов, мировосприятия и поведения персонажей. Неслучайно наиболее опытные мастера ролевых игр Национального музея РТ работают в отделе научной реконструкции.

Музейный педагог никогда не забывает о необходимости образования, развития и воспитания. В контексте ролевой игры как метода обучения важно, прежде всего, вспомнить об известных психологических законо-

мерностях. Теоретические знания не гарантируют практического успеха, а информация, имеющая яркую эмоциональную окраску, запоминается надолго. Важно иметь возможность по-новому посмотреть на жизненные ситуации, проанализировать причины своего успеха или поражения, освободиться от инерции или излишней осторожности и попробовать новые способы решения задач, достижения целей.

Ролевая игра – это интерактивный метод, который позволяет обучаться на собственном опыте путём специально организованного и регулируемого «проживания» жизненной и профессиональной ситуации [6].

Ролевая игра предполагает временное перевоплощение участников в персонажей, от лица которых будут совершаться дальнейшие действия. Обязательно наличие организатора игры – «мастера». Он руководит игрой как режиссёр, создаёт сюжет и устанавливает состав персонажей, даёт игровые задания, направляет ход игрового действия.

Личность мастера музейной ролевой игры имеет первостепенное значение. Это должен быть одновременно и профессиональный историк, и творческий человек, и педагог, и харизматичный оратор, умеющий увлечь своим рассказом любого. Ещё лучше, когда есть слаженная команда из таких профессионалов. Задача не из простых. Однако необязательно разрабатывать музейную игру в формате масштабного полигонного мероприятия на несколько дней. Есть множество вариантов погружения музейного посетителя в воображаемые обстоятельства с целью переживания настоящего опыта.

Ролевая игра может быть полигонной или салонной (камерной), игрой живого действия или опосредованной (например, компьютерной, словесной или текстовой). Для музея первостепенное значение имеет не форма, а цель. Музейная ролевая игра – это в меньшей степени форма искусства и творчества ради создания полноценного мира, наполненного символами. Музейная ролевая игра – это, прежде всего, средство реализации социокультурной миссии музея. При этом целевой аудиторией музейной ролевой игры могут быть собственно музейные сотрудники.

Специалистами Национального музея Республики Татарстан проводятся музейные занятия в форме психологических ролевых игр «Тайны золотого запаса» и «Сказочный курултай», подведение итогов музейной практики студентов в формате деловой игры «Проектирование музея», ролевые игры в исторических платочных лагерях «Безнен тарих» и «Археос», реконструкторские мероприятия военно-исторического клуба «Витязь», классические полигонные игры и т. д.

Примеры психологических ролевых игр – музейные занятия «Тайна золотого запаса» и «Сказочный курултай». Сценарий первой основан на реальном историческом событии – исчезновении части золотого запаса

России во время Гражданской войны; второй – на сказках народов Поволжья. В основе игровой механики – всемирно известная игра «Мафия».

В музейном пространстве психологические задачи данной игры дополняются образовательными аспектами. Самое главное: она доставляет столь ценное интеллектуальное удовольствие. Из «Мафии» сохраняются только правила взаимодействия персонажей, всё остальное – сюжет, роли, полномочия ведущего – получает новое развитие и служит реализации музейно-педагогической цели. Игрокам предлагается провести собственное расследование, оказавшись в роли непосредственных участников событий. Раскрыть преступление и одержать победу помогает не столько эрудиция и знание истории, сколько умение вести дискуссию и знание основ психологии.

Деловая ролевая игра – это имитация типичных и существенных черт профессиональной деятельности или социальных функций. Таковой является игра «Проектирование музея», которая проводится в Национальном музее РТ с 1996 г. в рамках музейной практики студентов. В ходе игры студенты, объединённые в творческие группы, осваивают «роли» музейных сотрудников – директора, хранителя фондов, экспозиционера, экскурсовода и др. Творческие группы создают музейные проекты, а затем презентуют их перед своими сокурсниками, преподавателями и сотрудниками Национального музея РТ. Данная форма работы требует наиболее тщательной подготовки со стороны участников.

На протяжении 20 лет в детском палаточном лагере «Безнен тарих» («Наша история») посредством ролевой игры дети знакомились с историей родного края, причём каждый год для изучения выбирался новый исторический период: Волжская Булгария, Казанское ханство, азелинско-именьковский конфликт, ранний железный век и др. Дважды за историю лагеря «Безнен тарих» детям удалось прожить несколько эпох за смену. На выбор детям предлагались роли воинов и жрецов, ремесленников и лекарей, земледельцев и торговцев. Все смогли испытать на себе тяготы неудачной охоты или жестокого набега врага, радость от создания шедевра, победы на турнире или поддержки верного друга. Благодаря ролевой игре историческое знание превращается в историческое сознание. Сегодня традиции лагеря «Безнен тарих» продолжает «Археос».

Позднее многие ребята и даже взрослые, прошедшие через школу исторических лагерей «Безнен тарих» или «Археос», возвращаются в музей как члены клубов и студий, участвуют в музейных театрализациях, помогают в организации и проведении ролевых игр. Некоторые становятся музейными сотрудниками, горячо преданными своему делу.

В музейной сфере популярна специфическая форма игровой деятельности – исторические реконструкции. Чаще всего проходят они не в музейном пространстве, а в естественной среде – как реконструкции жизни исторических поселений различных эпох, военно-исторические реконструкции. В Национальном музее РТ военно-исторический реконструкторский фестиваль «Восток-Запад» проходит во дворе музея.

Военно-историческая реконструкция – это ролевая игра с заранее определёнными ролями и чутким руководством мастера-режиссёра. Игроки здесь – члены клубов и сотрудники музеев. Исполнителям чаще всего известен финал, но интрига сохраняется для зрителей. При этом персонажи реконструкции не только «примеряют» жизни других людей, но и играют в нечто вроде театрального коллектива.

Особого внимания заслуживает опыт Национального музея РТ в проведении ролевых игр не только для посетителей, но и для сотрудников музея. Яркий пример – музейная ролевая игра «С корабля на бал» (2013 г.), приуроченная к празднованию старого Нового года. Посетители сформировали команды искателей сокровищ и получили задание – собрать заклинание, части которого можно было получить только у персонажей в экспозиции музея. Персонажи, в которых перевоплотились сотрудники музея, преследовали свои цели. При этом у каждого из персонажей была собственная предыстория и уникальный характер.

Проводятся ролевые игры и исключительно для музейного коллектива. Не только для изучения различных форм музейно-образовательной работы и обмена опытом, но и с целью развития личностных качеств.

Игровая деятельность в группе, коллективе ускоряет формирование коммуникативных навыков, помогает примерить на себя роль другого индивида, способствует выработыванию понятия о справедливости, умеряет эгоцентризм, формирует толерантность. Игра в условиях музея является одним из наиболее удачных методов социализации.

Цели у музейных ролевых игр могут быть разными, но в результате всегда удаётся задействовать эмоции участников, расширить кругозор и повлиять на восприятие наследия, хранимого музеем. Несколько раз приняв участие в подобных мероприятиях, и дети, и взрослые увлекаются изучением истории и культуры родного края, снова и снова возвращаются в музей.

Подводя итог, можно отметить возможность применения ролевой игры для подготовки музейных кадров и экскурсоводов, а также для повышения профессионального мастерства. Благодаря музейной ролевой игре не только развиваются коммуникативные навыки, но и осуществляется погружение в тему, формируется личная заинтересованность. Ролевая

игра помогает реализовать запрос на субъектность: развитие самостоятельности личности, формирование ценностной позиции и обучение инициативной деятельности.

В качестве сюжетной основы можно использовать практически любые темы, представленные музейными предметами, коллекциями и экспозициями. Чем разнообразнее темы, тем более широкий охват аудитории будет у мероприятий. Необходимо учитывать методологические сложности и приёмы разработки и проведения ролевой игры [7]. Кроме теоретической подготовки большим подспорьем для начинающего мастера музейной ролевой игры станет личный опыт в качестве игрока, а также применение методов научной реконструкции.

Музейная ролевая игра «оживляет» прошлое, помогает сохранять и изучать историко-культурное наследие, имеет множество вариантов применения и развития в качестве актуального метода музейной педагогики и андрологии.

Источники и литература

1. Magister Ludi. Ролевые игры: мир «с нуля» / П. Л. Шилов, Л. Е. Смеркович, Д. Д. Забиров. Б.м.: Издательские решения, 2017. 156 с.

2. Мастеница Е. Н. Игра в пространстве музея / Е. Н. Мастеница, Л. М. Шляхтина [Электронный ресурс] // Е. Н. Мастеница. Музеология. Культурология: [сайт]. URL: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=8&c_text=35 (дата обращения: 06.09.2020).

3. Аглиуллина Л. Т. Коллекции предметов игровой культуры и средства их вовлечения в образовательную деятельность музея / Л. Т. Аглиуллина // Международный музейный форум в Казани «Миссия музея в мультикультурном мире». 8–12 сентября 2015 г. Тезисы. Казань: Фолиант, 2015. С. 38.

4. Ролевые игры: обучение и клуб. Методическое пособие. Изд-е 4-е. Казань: Б.и., 2012. 104 с. (Библиотечка журнала Magister Ludi)

5. Урок игры. Методическое пособие. Казань: Б.и., 2008. 236 с. (Библиотечка журнала MagisterLudi).

6. Рычина Т. Н. Интерактивный метод обучения: ролевая игра / Т. Н. Рычина [Электронный ресурс] // Открытый урок. Первое сентября: [сайт]. URL: <https://urok.1sept.ru/статьи/576686/> (дата обращения: 06.09.2020).

7. Аглиуллина Л. Т. К проблеме методологии игровых мероприятий: опыт Национального музея Республики Татарстан / Л. Т. Аглиуллина // Чувашский национальный музей: люди, события, факты (2016–2017): сб. статей. Вып. 12. Чебоксары: ЧНМ, 2017. С. 54–57.

Институт красоты, чистоты и здоровья как национальная культура и музейная ценность в Дербенте

Дербент с полным основанием называют городом-музеем под открытым небом, он объявлен Музеем-заповедником. В Дербенте с древнейших времен до наших дней сохранилось много архитектурных памятников, которые находятся под охраной российского государства и включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Особую группу архитектурных памятников средневекового Дербента составляют его бани, из которых до настоящего времени сохранилось шесть построек. Возведение или перестройка четырех из них относится к периоду XVI – XVII вв.

Дербентские средневековые бани – это сводчато-купольные сооружения значительных размеров с весьма сложной планировкой. Общая площадь бани достигает от 300 до 600 кв. м. Лишь баня в цитадели, обслуживающая правителя города, и девичья баня имеют несколько меньшие размеры.

По своему устройству и планировке дербентские бани почти не отличаются друг от друга, и даже баня правителя в цитадели в основных чертах аналогична городским.

Дербентские бани называют по-разному: средневековые бани; сводчатые бани; подземные бани; персидские бани; паровые бани; восточные хамамы.

О художественном облике дербентских бань нельзя составить даже отдаленного представления, не побывав в их интерьере. Снаружи эти монументальные сооружения вообще не производят впечатления сколько-нибудь значительных архитектурных объектов: скромный портал, глухие невысокие стены и плоская кровля, над которой возвышаются верхние части куполов. Это традиционный для Востока тип сооружения. Подобные бани играли большую роль в мусульманском городе, являясь такой же неотъемлемой составной частью его общественной жизни, как мечети и базары [1, с. 82].

Всё совершенство архитектурного стиля того времени и роскошное убранство бань было обращено вовнутрь. Можно предположить, что традиционность и обрядовость были особыми и сосредотачивались только внутри здания, то есть культура посещения бани и развитие архитектуры шло в ногу со временем.

Баня на Кавказе, как и на всём Востоке, – предмет особой заботы, потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, встреч и дружеских бесед с приятелями, разговоров о купле-продаже, о торговой сделке, а также для игр в шахматы и нарды [2, с. 316].

Таким образом, помимо санитарно-гигиенического назначения, бани служили общественным местом проведения досуга жителей. Они строились вдоль многолюдных торговых точек города, на рынках, рядом с мечетями. Город находился на пути следования торговых караванов. Сюда могли «причалить» разные заморские гости, в числе которых могли находиться как государственные представители, купцы, торговцы, так и простой люд, который в поисках «новой жизни» мог переехать целым родом в Дербент.

Количество и качество бань служили мерилом процветания города. Каждая из них имела свое предназначение и название: Хан-хамамы – ханская баня в цитадели Нарын-Кала; Базар-хамамы (Гызылар-беги-хамамы) – на древней базарной площади, расположенной на 8-м магале; Месджид-хамамы – на 7-м магале, у Джума-мечети; Гызылар-хамамы (Девичья баня) – на 7-м магале, у Джума-мечети; Кырхлар-хамамы (Кирхлярская баня), или, как ее еще называют из-за расположения на улице Хан-кюче, Ханская баня – на 6-м магале, у ворот Кырхлар-капы; Хаджи-Тагы-хамамы – на 1-м магале, у Тахта-базара.

С древнейших времен известно о высокоэффективном влиянии бани на организм человека как средстве поддержания тела в хорошем гигиеническом состоянии. Она являлась институтом чистоты на Востоке. Существовали специальные служители в бане, которые именовались «джамадарами». Они не только выполняли правильно банные процедуры, но и были хранителями народной медицины, применяемой в хамамах. Специализированные джамадары выводили бытующие знания горожан об эффективных способах приготовления отваров лечебных трав на научный уровень, перенимали опыт от целителей из других стран. По сей день в Дербенте род семьи джамадара именуется так, хотя они уже не занимаются целебными травами для хамама.

Существуют сохранившиеся в памяти современников предсвадебные обряды проведения «мальчишников» и «девичников».

С особым интересом и разнообразием проводился свадебный обряд наряжания невесты перед замужеством у дербентских азербайджанцев, который проходил в Девичьей бане [3, с. 8]. Сегодня предсвадебные обряды проводятся уже в ином облике в ресторанной обстановке, а молодое поколение всё ещё тяготеет к своей национальной культуре и ищет возможности воссоздания былой традиции.

В состав Дербентского музея-заповедника входит уникальное архитектурное сооружение XIII века «Девичья баня» (Свадебная баня), где представлена экспозиция, посвященная данной тематике. А точнее, в первом его зале проводились свадебные обряды, отсюда и второе название бани. Так,

здесь находится экспозиция под названием «Свадебный обряд украшения невесты после омовения».

Сам обряд выглядит следующим образом: в назначенный свадебный банный день сопровождающие невесту женщины («енге») (подруги, родственницы и близкие невесты), прикрывая лицо невесты кялягы (шелковый большой платок), направляются в девичью баню. Для сопровождения невесты в баню обычно приглашали музыкантов, которые так же были девушками. На всём пути следования от дома невесты до бани с обеих сторон стояли родственницы с красными полотнами в руках. Таким образом, они создавали импровизированный коридор, скрывающий невесту от посторонних глаз. Невеста и сопровождающие ее проходили по коридорам, образованным родственниками, и входили в баню. В бане невесту усаживали отдельно и две доверенные девушки держали ширму перед невестой, укрывая от взоров остальных. Такое отгораживание невесты появилось от старого поверья, что могут «сглазить» или навести «порчу» на невесту. Перед невестой укладывали медные подносы (хунча), присланные родственниками жениха. На них устанавливали посуду с кефиром и разными настойками целебных трав. Затем они вымазывали волосы невесты кефиром как символом долголетия, при этом приговаривая: долголетия тебе невеста, чтобы ты жила до седины волос. После этого невесту проводили в помещение для омовения, также отгораживая ее от взора остальных.

После завершения купания под ноги невесты стелили коврик, скрывая ее от взглядов присутствующих занавесом, надевали нарядную одежду. Затем родственницы жениха и невесты выстраивались друг против друга. Родственницы жениха приносили с собой графин шербета (подслащенный напиток из настойки сушеных фруктов), сладости, конфеты, пахлаву и прочее. Сначала угощали невесту, затем всех присутствующих. Перед невестой все держали свечи, затем начинали петь и танцевать.

После бани невесту приводили домой также с прикрытым лицом, готовили в доме шиле-плов¹ из риса, присланного родственниками жениха для свадьбы. Невесту с ее подругами угощали приготовленным блюдом. После бани невесту не должен был видеть ни один мужчина. Ее уже нарядную увидит жених. Это будет радостью для него и его родственников.

Как видно из вышеизложенного, институт бани был широко распространен в средневековом Дербенте, он стал частью бытовой культуры того времени. Можно предположить, что традиционно-обрядовая культура могла перейти еще со времен доисламского верования и найти отражение в укладе жизни, роскошной архитектуре и, естественно, в отправлении религиозного культа. Необходимо отметить, что институт бани, за мно-

¹ Шиле-плов – густая рисовая каша с кусочками мяса.

говековую историю вобравший в себя культурное наследие человечества, охватывает гигиену тела и души, достижения медицины и архитектуры. Данное обстоятельство по сей день сохраняет актуальность и заслуживает право на сохранение.

Источники и литература

1. Хан-Магомедов С. О. Дербент / С. О. Хан-Магомедов. М.: Литература по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1958. 124 с. (Архитектура городов СССР).
2. Орбели И. А. Из истории культуры и искусства Армении X–XIII веков / И. А. Орбели // Избранные труды. М.: Наука, 1968. Т. 1. 587 с.
3. Бейбалаева А. А. Свадебные обряды и нравы дербентских азербайджанцев / А. А. Бейбалаева. Дербент: Б.и., 2006. 33 с.

Сохранение и популяризация исторического наследия в условиях новой реальности (на примере деятельности Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника)

Сегодня историко-культурные территории, музеи-заповедники, исторические парки составляют каркас туристских и экскурсионных маршрутов, во многом способствуя интенсивному развитию индустрии туризма. Активное участие музеев и музеев-заповедников в индустрии туризма является еще одним свидетельством того, что культурное наследие играет значительную роль как в социальном, так и в экономическом развитии, а его сохранение и использование должно стать органической частью программ социокультурного развития.

Несмотря на наличие массива научных исследований и разработок, связанных с проблемами актуализации культурного наследия, по сути, музей самостоятельно занимается разработкой мер и проектов по актуализации культурного наследия. Алушкинский музей-заповедник также старается выработать наиболее действенные способы самореализации и самопрезентации, ведь история создания и бытования этого объекта объединяет разные эпохи и культуры.

Немного предыстории касающейся бытования музея. В Крыму генерал-губернатор Новороссии Михаил Семёнович Воронцов владел пятью имениями. В наши дни в лучшей сохранности находятся два – главное, летняя резиденция в Алушке, центр светской и культурной жизни и Масандровское, которому отводилась скромная роль экономического имения.

Детство и юность Михаила Семеновича Воронцова, будущего основателя майоратного имения в Алушке, прошли в Лондоне. Он и в дальнейшие годы не терял связей с Великобританией, сумев расположить к себе прагматичного и сурового герцога Веллингтона, который, кстати, был посаженным отцом на свадьбе Михаила Воронцова и Елизаветы Браницкой.

Прекрасно знакомый с детских лет с английской культурой граф Воронцов заказал первый проект зданий в Алушкинском имении англичанину Томасу Харрисону и жившему в России Филиппу Эльсону. Генеральный проект Воронцовского дворца выполнял будущий королевский архитектор Эдвард Блор, земляк и друг популярного выдающегося писателя, автора исторических романов Вальтера Скотта. Ансамбль в Алушке создавался в 20–40-е гг. XIX в., в период сильного влияния романтизма на литературу и искусство.

Так, в северном фасаде мы видим величественный и строгий дворец позднего английского средневековья, а элементы восточной архитектуры,

имеющие место во дворце, своего наиболее сильного развития достигли в архитектуре Южного фасада. Наличие двух стилей в одном здании отнюдь не являлось здесь механическим их соединением. Архитектор нашел детали близкие и Востоку, и готике, рассредоточил их в определенном ритме по всему комплексу и этим достиг удивительного стилового единства. После революции дворец был национализирован, оставшееся имущество дополнено коллекциями из других южнобережных дворцов, и в 1921 г. здесь был открыт историко-бытовой музей.

К Массандровскому имению с его необычайно чистым воздухом, живописным рельефом, археологическими древностями и реликтовыми рощами все владельцы относились как к своеобразному ландшафтному заповеднику.

Массандровский дворец Александра III – одно из ярчайших архитектурных сооружений Крыма конца XIX столетия, по уникальности архитектурного решения не похожий ни на один из Южнобережных дворцов. Здание дворца было построено в 1902 г. по проекту известного архитектора второй половины XIX в. – Максимилиана Егоровича Месмахера. Заложен дворец был в 1880 г., когда Массандрой владел граф Семён Михайлович Воронцов, сын Михаила Семёновича Воронцова – генерала-губернатора Новороссийского края и Таврической губернии, владельца Алупки. Затем он достраивался для императора Александра III, скончавшегося в 1894 г. и не увидевшего Массандровский дворец в завершённом виде. Строительство дворца было завершено в царствование его сына Николая II, который в память об отце сохранил название здания – Александровский дворец.

Объекты и поныне живут полноценной насыщенной жизнью, развиваясь в русле современных музейных тенденций. Здесь проводятся многочисленные и разноплановые мероприятия, в числе которых и яркие событийные, и мощные международные научные симпозиумы. Практически все проекты музея относятся к такому стратегическому приоритету Концепции развития культуры, как «Музей и общество», реализация которого должна способствовать повышению роли музеев в социокультурном пространстве и превращению музейной деятельности в значимый фактор социального и экономического развития Крыма.

Заслуживает внимания мощный научный проект, имеющий позитивные перспективы, – «Южный берег Крыма – территория всемирного наследия». Он охватывает весь Южный берег Крыма – узкую полосу суши между горами и берегом, которая до революции представляла собой пояс дворянских усадеб и специально обустроенных курортов. Многочисленные виллы и дворцы были возведены в различных исторических стилях XIX и начала XX в. К 1917 г. на Южном берегу Крыма насчитывалось несколько сотен имений, в том числе 10 дворцов Романовых. Дворцы и особняки окружали

субтропические парки и сады, прекрасно вписанные в гористый береговой ландшафт. Фонд имени Д. С. Лихачева в партнёрстве с Государственным Эрмитажем, Министерством культуры Республики Крым и Алушкинским музеем-заповедником в апреле 2018 г. презентовали проект «Южный берег Крыма – территория всемирного наследия». В ходе экспедиции фотографов и экспертов, проходившей с 22 по 29 апреля 2018 г., состоялось комплексное обследование территории южного бережья как объекта культурного и природного наследия, уникального культурного ландшафта, обладающего исключительной культурной ценностью не только для России, но и для всего мира.

Южный берег Крыма на протяжении всего времени своего пребывания исследовали руководитель археологической экспедиции Государственного Эрмитажа Светлана Адаксина, эксперт ИКОМОС по списку объектов всемирного наследия ЮНЕСКО Тереза Коллетта, заместитель председателя Совета по сохранению культурного наследия Санкт-Петербурга Михаил Мильчик, специалист по геологии и климату Южного берега Крыма Владимир Мысливец и многие другие. В состав фотогруппы проекта вошли всемирно известный фотограф Бриджит Лакомб и фотограф Государственного Эрмитажа Юрий Молодковец. По итогам экспедиции в ноябре 2018 г. в рамках VII Санкт-Петербургского Международного культурного форума состоялась Международная конференция «Южный берег Крыма – территория всемирного наследия», проведение которой – ещё один этап, приближающий проект к реализации всех поставленных целей и задач. Презентация выставки фоторабот осуществлена 20 июня 2019 г. на территории Алушкинского музея-заповедника с обсуждением ряда актуальных тем, касающихся сохранения объектов культурного наследия. Помимо этого знакового проекта на постоянной основе в музее проводятся научно-практические конференции «Музеи в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности», традиционные научные чтения «Мир усадебной культуры» и «Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком», а также другие научно-практические мероприятия. Особо хочу отметить проведение первой международной конференции «Воронцовы и Англия», состоявшейся в 2019 г. и привлечшей внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов в области сохранения культурного и исторического наследия. Учитывая тесные архитектурные связи Массандровского дворца с французскими дворцами эпохи Возрождения в 2020 г. был запланирован к проведению научно-практический симпозиум, посвящённый вопросам исторического паркостроения и обеспечения сохранности архитектурного наследия, но особенности эпидемиологической обстановки в стране и мире изменили планы, и симпозиум перенесён на 2021 г.

Совместно с администрацией города и учреждениями-партнёрами на территории музея-заповедника проводятся массовые культурно-просветительские мероприятия. Так, в Воронцовском и Массандровском дворцах в рамках всероссийских акций «Ночь музеев» и «Ночь искусств» организованы и проведены тематические лекции-беседы, мастер-классы, концерты, выставки, встречи с деятелями искусства и тематические вечера. Главным мероприятием в рамках акции «Ночь искусств», бесспорно, являются «Мистерии диабазового замка», на протяжении двух лет притягивающие живое внимание гостей и жителей Крыма и являющиеся кульминацией празднования.

Возрождая традиции вечеров классической музыки успешно осуществляется совместный проект «Под сенью Воронцовского платана», а в 2018 г. стартовал аналогичный проект «В Массандровском дворце чарующее музыки звучанье...».

В музее-заповеднике давно и активно используются мультимедийные технологии. Особо хотелось бы отметить музейный мультимедиа продукт – запущенный виртуальный квест по Воронцовскому дворцу. При помощи очков виртуальной реальности любой гость официального сайта учреждения имеет возможность не только познакомиться с историей и коллекциями музея, но и проверить свои знания в лёгкой интерактивной форме «вопрос-ответ». Вносит долю азарта в эту игру сбор золотых звёзд за каждый правильный своевременный ответ в виртуальных панорамах музея.

В музее-заповеднике ведётся целенаправленная работа по совершенствованию направления музейной педагогики. Изначально исключительно лекционная работа переросла в музейные программы с определённой методикой, главной целью которой является привлечение школьников разных возрастных групп в музей для развития у них навыков понимания искусства и осознания своей культурной принадлежности, позволяющей развиваться как гармоничная толерантная личность.

Отдельно хочу отметить тенденции 2020 г. В этот непростой период, когда весь мир борется с пандемией, одной из основных задач учреждений сферы культуры является моральная и духовная поддержка людей. Этот сложный период заставил сферу культуры столкнуться с непредвиденными вызовами, но в то же время открыл новые, доселе неизведанные горизонты.

Мы как музей, непрестанно стремящийся к развитию и совершенствованию своей работы, приняли этот вызов, прекрасно понимая, какая ответственность лежит на нас в этот период, так как перенос работы из реальности в виртуальное пространство всё же не совсем освоенный вид деятельности для музеев.

В первую очередь мы выстроили стратегию цифровых мероприятий. Этот процесс был истинно творческим, с дебатами, пылкими обсужде-

ниями, но в итоге он привел нас к тем результатам, которые есть сейчас. В процессе построения стратегии мы ориентировались на существенные результаты научных исследований, которые уже имелись в архиве музея, но не были опубликованы. Именно эта информация и послужила базой для создания видео-лекций и бесед. Также необходимо было предусмотреть и впоследствии внедрить более лёгкий для восприятия материал. В частности, альтернативой ёмким лекциям стали ежедневные эфиры в социальных сетях. Тут тематика уже выбиралась другая, которая может заинтересовать широкие слои общества. Прямой эфир или видеоролик записывался в живописных локациях, а краткое время эфира обусловлено наиболее комфортным для восприятия информации периодом времени. Особо стоит отметить дружескую поддержку наших коллег и партнёров, благодаря которой стало возможным запустить ряд интересных рубрик. В частности, благодаря взаимодействию с нашими добрыми друзьями и давнишними партнёрами – Крымской государственной филармонией – мы запустили рубрику «Музыка во дворце», которую наполняем блестящими выступлениями талантливых солистов Крымской филармонии.

Возвращаясь к уже достигнутым результатам отмечу, что наши мероприятия пользуются успехом не только у жителей нашей великой страны, но и вызывают живой интерес у представителей европейских стран. Так, представители Православного общества Франции были восхищены проектами и теперь являются нашими постоянными зрителями. Очень важно, что есть живой отклик у нашей существенно расширившейся аудитории. Причём проявляется это не только позитивными смайликами в социальных сетях, но и полноценной обратной связью на официальном сайте. Наши зрители анализируют видео-лекции, высказывают свои предложения по наполнению контента, задают вопросы. Это очень важный фактор, значит эта тема интересна нашим виртуальным гостям, значит мы выбрали верный вектор движения.

Но самое главное, что необходимо сказать, отвечая на вопрос – как нам удалось добиться почётного второго места по визуальному контенту среди музеев России – это ресурс, человеческий ресурс. За сухим выражением «человеческий ресурс» стоит полноценная сильная команда профессионалов, объединённых общей целью, которой мне посчастливилось руководить. Ошибочно полагать, что достигнутый нами результат – это заслуга одного-двух человек. Ни в коем случае! Чтобы добиться этого, мы все работаем как слаженный механизм. Наука осуществляет сбор и анализ информационных материалов, маркетологи осуществляют продвижение информации, анализ аудитории, целевую направленность и заинтересованность в материале тех или иных категорий зрителей,

наши просветители – экскурсоводы и методисты – облекают информацию в наиболее интересную и «удобоваримую» форму, техники осуществляют бесперебойный интернет-поток в самых потаённых уголках парка. Исключение или преуменьшение значимости работы любого из задействованных подразделений помножит всю нашу работу на ноль. Только вместе мы смогли добиться этого результата.

Ну а если говорить сухим языком цифр, то за период режима повышенной готовности мы реализовали в общей сложности 95 виртуальных мероприятий, в числе которых 7 экскурсий по экспозициям, 6 экскурсий по паркам, 16 лекций, 11 мастер-классов, 5 сказок, 30 прямых эфиров и 20 видеороликов для социальных сетей.

Важно понимать, что в любой работе, в реализации любого проекта (виртуального или реального) главным является целеполагание и мотивация. Мы в столь сложный период всеми силами старались не подвести наших гостей, наших постоянных зрителей и больших друзей музея, представляя уникальное историческое и культурное наследие края в самом лучшем и необыденном свете, чтобы не только не потерять аудиторию, но и привлечь новую.

Подводя краткий итог, следует отметить, что рост числа посетителей, в том числе и виртуальных, являющийся общей тенденцией для музеев не только крымских, но и мировых, разнообразие форм использования музейных коллекций в образовании и воспитании подрастающего поколения и взрослых членов общества позволяют обоснованно утверждать, что музей выполняет одну из основополагающих функций в формировании и развитии личности. Исходя из вышеозначенного можно утверждать, что вектор развития, выбранный Алупкинским музеем-заповедником, в полной мере соответствует общим направлениям развития музеев и соответствует Концепции развития музейного дела в Республике Крым. Мы развиваемся, совершенствуем методы сохранения и популяризации объектов культурного наследия, тем самым маленькими, но уверенными шагами приближая решение одной из наиболее актуальных и приоритетных задач современных музеев-заповедников – понимание и культивацию нашего культурного кода, позволяющего сохранять самоидентификацию, вдохновляя сложными и доблестными примерами истории.

Государственная культурная политика в стратегическом измерении

Культура является базовым, необходимым каждому, феноменом, что, правда, не всегда подкреплено общественным вниманием к научным исследованиям в этой области. Создается впечатление, что изучение культуры – вотчина энтузиастов-любителей, а не серьезных ученых.

Одна из причин этого в том, что культурология довольно молодая наука. Влияет и то, что культура не всегда четко может быть зафиксирована в строгих и научно измеряемых показателях. Поэтому создание культурологических школ – это важный шаг в формировании социокультурных исследований. Культура является важной основой духовной консолидации общества. Духовность, безусловно, имеет религиозную составляющую, но в культурологии ее значение сводится к ценностно-смысловым и информационно-познавательным смыслам жизни [3]. А консолидация – это поиск вариантов сплочения людей вокруг общезначимых ценностей. Тем более, что консолидированное общество достигает больше, чем разрозненное и аморфное. Примеры общественного развития об этом четко свидетельствуют. Северная Корея – армейский, Ближний Восток – кланово-семейный, Северная Америка – рационально-конъюнктурный. Соответственно есть государства и общества, основанные на атеистических, моно и мультирелигиозных базисах [4].

В современном российском обществе есть варианты объединения людей вокруг общих ценностей, таких как политические, этнические, религиозные, профессиональные и т.д., но при этом очень трудно формировать универсальные, ровно значимые для всех людей и обществ. Естественно, очень важно определиться, как консолидировать общество и государство. Самое лучшее, что обеспечивает наибольшую управляемость – это административно-командные методы. Но при этом важны самоорганизационные начала, за счет инициативы снизу, общественных объединений, профессиональных союзов и других форм. Эти теоретические основы определяют то, что без понимания явлений, залегающих в глубинных слоях культуры, невозможно осуществить конкурентоспособность государственной культурной политики.

Важную ее часть определяет потенциал историко-культурного наследия – это тот ресурс прошлого, которое выступает своеобразным фундаментом современной культуры [5], а образы будущего – это ориентиры и перспективы развития современности, продленные тенденции настоящего. Социальные опросы показывают, что когда речь идет о культурных

событиях, явлениях и личностях, которыми гордятся россияне, то это во многом связано с прошлым, то есть проявляется феномен социальной ностальгии.

Историко-культурное наследие выступает мощным консолидирующим фактором в отношении как общества в целом или больших социальных групп, так и локальных коллективов. Ярким примером является акция «Бессмертный полк», в которой участвовало более 10,5 млн. россиян. Она свидетельствует об исторической памяти. Поэтому историко-культурное наследие понимается не только как система артефактов культуры, доставшихся настоящему от минувших столетий, но и как ценностно-смысловой капитал прошлого. Из массива культурного наследия общество извлекает различные поводы для консолидации (чувство гордости, благодарности к участникам Великой Отечественной Войны и чувство скорби от имевшей место великой социальной несправедливости). Объединяющая миссия культурного наследия в разных формах – конструктивной и протестной, поэтому необходимо сформировать систему представлений о современных этапах ее развития.

Научное обеспечение этого процесса осуществляется за счет социологических массовых опросов, которые позволят исследовать современные представления россиян о логике развития культуры. Социологические опросы проводятся в разных городах Татарстана, среди больших и малых групп молодежи для анализа современной системы ценностей, морально-нравственных ориентиров.

Определяющим является участие международного сообщества экспертов. Так, при подготовке номинационного досье для включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО Казанского Кремля, Болгарского историко-археологического комплекса и Успенского собора и монастыря острова-града Свияжска и их оценке на потенциальную Выдающуюся универсальную ценность, очень важна была работа экспертов из Международного ИКОМОС, ЮНЕСКО, и она дала блестящие результаты в виде включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО этих объектов.

Важен также анализ героев, которые нам предлагают в современных художественных произведениях, масс-медиа, изучение документов, которые регулируют жизнь культуры в различных регионах страны, создание «культурной карты регионов», какие программы и концепции приняты в области культуры.

В Стратегии государственной культурной политики определяющим моментом является «запечатленная память» – то, как мы удерживаем историческую память в своей жизни, такие как исторические события, знаменательные даты и события, праздники, названия улиц, мемориаль-

ные доски, в монументальных памятниках, музеях и современных фильмах.

С точки зрения эффективности государственной культурной политики, очень важна оценка ее внедряемости, поэтому нужен регулярный мониторинг культурного развития общества, а для этого нужна обратная связь – фиксация мнений и оценок.

В определении государственной культурной политики для Республики Татарстан важной особенностью является формулировка Стратегии развития культуры и искусства татарского народа, являющегося второй по численности нацией в Российской Федерации [6]. Необходимо определение главных направлений в сфере сохранения, развития и популяризации национальной культуры, включающей татарский язык и литературу, богатое историко-культурное наследие, искусство (театр, музыка, опера, хореография, балет, изобразительное искусство, кинематограф), архитектуру, градостроительство и дизайн.

Стратегическими задачами для сохранения и развития татарского языка являются следующие принципы: сохранение и обеспечение статуса татарского языка как государственного, как родного для большого количества татар, проживающих как на территории Татарстана, так и за его пределами (в регионах РФ, различных странах мира); осуществление на татарском языке передового образования по всем отраслям науки, сделать его как массовым, так и элитным, уникальным; экономическая и правовая защита языка; расширение функционирования татарского языка и его интеграция в международное пространство, создавая на татарском языке новый, концептуальный контент мирового уровня и значения.

Татарская литература выступает носителем важных культурных ценностей, смыслов, духовно-нравственных представлений, содействуя познанию и усвоению жизненной философии татарского народа, формированию национального самосознания и самоидентификации.

Стратегия развития татарской литературы связана со знакомством и освоением читателями богатого наследия татарской литературы, в активном использовании библиотек, музеев и других культурных учреждений, формированию героев.

В области театра, музыки, хореографии стратегическое видение связано с подготовкой национальных кадров и совершенствованием системы образования, созданием национальной среды, поддержкой театров и музыкальных коллективов, увековечиванием имен и памяти деятелей культуры и искусства в рамках государственной культурной политики.

Актуальность данной проблемы ярко выражена в культурной политике в регионах компактного проживания татар. Многие выдающиеся пи-

сатели, поэты, композиторы выходцы из татарских деревень, поселений. Во многих регионах Российской Федерации функционируют татарские культурные центры, которые направляют свою деятельность на сохранение и популяризацию национального компонента в культуре и искусстве.

Визуализации культурной политики активно способствует современное изобразительное и декоративно-прикладное искусство татарского народа, в основе которой лежит культурный архетип и его функционирование, как объекта образного моделирования. Главным условием развития выступает учет соотношения национальных, этнических, семейных и цивилизующих процессов при формировании активной среды с использованием принципов развития татарского искусства и декора.

Важной составляющей культуры является архитектура и градостроительство. Сегодня явно просматривается потеря национального «лица» городов и селений Татарстана. Творческие концепции национального в архитектуре сводятся к трем аспектам: этнографическому с использованием форм народного зодчества, национально-романтическому с внедрением средневековых и ярких знаковых форм и строительных материалов и стилизаторскому с поиском национального своеобразия в определенных стилевых рамках, в том числе в рамках наиболее современных стилей [7]. Для этого необходимо издание каталогов, альбомов в помощь архитекторам, проектирование в исторической среде, где особенно важно не нарушать сложившуюся традиционную среду с учетом формирования татарской национальной традиции как государственной политики в этой области.

Эволюционный прорыв совершил и кинематограф Татарстана. Объем индустрии игрового кино вырос более, чем в 20 раз. Татарстанские фильмы впервые стали выходить в полноценный коммерческий прокат в федеральных киносетях. Стало обычной практикой, что в татарстанском кино снимаются российские звезды первой величины. Татарстанские фильмы представлены на крупнейших российских и мировых кинофестивалях. Хотя по кинопроизводству Республика Татарстан уступает Якутии, но по совокупности таких факторов как кинообразование, кинопрокат, фестивальная деятельность, Татарстан значительно опережает другие регионы.

Стратегия развития татарстанского кино, ее парадигма в том, что он стал продюсерским, все резонансные полнометражные фильмы создают небольшое количество продюсеров. Выросло новое поколение кинематографистов, которые снимают фильмы на высоком профессиональном уровне. Необходимо уделять внимание как экранизации татарской классики, так и созданию фильмов по оригинальным сценариям. Поддержка прокатного и авторского кино из разных источников. Особое внимание

уделять поддержке фильмов на татарском национальном материале, имеющих перспективы выхода в федеральный и международный прокат.

Кардинальным направлением для Татарстана и в целом для Российской Федерации является разнообразие культур, что само по себе является фактором гуманитарной безопасности и в нем кроется главный ресурс для воспроизводства и творческого развития культуры. Это разнообразие и гибкость необходимо поддерживать и научиться ими управлять.

Источники и литература

1. Основы государственной культурной политики (утверждена Указом Президента РФ №808 от 24 декабря 2014 г.). Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 15.12.2020).

2. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ № 326-р от 29 февраля 2016 г.). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/> (дата обращения: 15.12.2020).

3. Скульмовская Л.Г. Духовный аспект культуры в зарубежной и отечественной культурологии: теоретический анализ / Л.Г. Скульмовская, Х.В. Слячкус // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12, ч. 6. С. 1331–1337.

4. Молодов О.Б. Факторы консолидации и дифференциации современного российского общества / О.Б. Молодов // *Theoretical and applied science*. 2014. №3 (11). С. 141–147.

5. Валеев Р.М. Государственная культурная политика в области сохранения объектов культурного наследия в Республике Татарстан / Р.М. Валеев. Казань, 2007. 40 с.

6. Татары: стратегия действия. Стратегия развития татарского народа // *Международный союз Всемирного конгресса татар*. 2020. Режим доступа: <http://tatar-congress.org/ru/yanalyklar/tatary-strategiya-deystviya/> (дата обращения: 15.12.2020).

7. Халитов Н.Х. Концепция поддержки и развития национального своеобразия в архитектуре Татарстана. Краткое содержание документа / Н.Х. Халитов, Р.Р. Аитов, Х.Г. Надырова // *Известия КГАСУ*. 2012. №2 (20). С. 49–63.

Историко-культурное наследие России через призму детского экологического движения

В связи с интенсивным развитием миграционных процессов большинство крупных городов России, в том числе и г. Казань, превратились в многонациональные и многоконфессиональные образования. И взрослые, и дети оказались перед необходимостью толерантного восприятия такого социума. Задача взрослых сводится к необходимости формирования у детей осознания того, что они живут в многонациональном обществе, где каждая народность имеет свой язык, веру, уклад, обычаи, менталитет, где все народности равны и интересны.

Умение сосуществовать в многонациональной среде возможно лишь в том случае, если эти установки прививать ребенку с малых лет. И в этом немалую роль играет детское объединение по интересам или детская общественная организация. Вступление в ряды общероссийских детских общественных движений открывает возможность дальнейшего раскрытия творческих способностей школьников, формирования у них навыков бережного отношения к природе, а также развития толерантных качеств личности.

С первых дней организации всероссийского детского экологического движения «Зеленая планета» татарстанские школьники стали самыми активными участниками мероприятий, направленных на укрепление национальных традиций, духовного единства, гражданской ответственности и патриотизма. В 2003 г. в Москве состоялся первый Всероссийский экологический Форум детских общественных организаций, на который съехались более 500 юных экологов со всех уголков России, чтобы обсудить проблемы и составить планы на будущее. Решением Форума явилось создание Общероссийского общественного детского экологического движения. В январе 2004 г. Общероссийское детское общественное движение «Зеленая планета» было официально зарегистрировано.

В рамках деятельности всероссийского детского экологического движения организуется работа по укреплению дружбы между народами многонациональной страны путем реализации следующих проектов: «Воспитание прекрасным», «Диалог культур: от узнавания к уважению», «Воспитание в духе толерантности». Основные цели, которые достигаются благодаря мероприятиям этих проектов, направлены, прежде всего, на формирование и поддержку общечеловеческих ценностей; содействие взаимопониманию между народами и толерантному отношению ко всем народам и культурам.

А в задачи входит:

- развитие творческих способностей человека, выявление одаренных детей и создание условий для их самореализации;
- поддержка и популяризация различных форм творчества;
- развитие экологического сознания и социально-экологической активности.

Остановимся подробнее на некоторых мероприятиях и проектах.

Проект «Диалог культур: от узнавания к уважению» включает в себя организацию, проведение и участие в работе всероссийских и международных детских форумов. Ежегодно более полутора миллионов российских школьников принимают участие в экологических и социально-значимых мероприятиях, организованных движением «Зеленая планета». Участниками Форума становятся победители международных конкурсов, это более 300 человек из России, Армении, Бразилии, Казахстана, Болгарии, Таиланда, Германии и других стран. На Форуме подводятся итоги и награждаются победители.

Под лозунгом «Все флаги в гости к нам!» начинаются торжественные мероприятия Форума. В национальных костюмах с символикой региона или государства делегаты Форума располагаются в Администрации Президента Российской Федерации, в Совете Федерации или администрации г. Москвы. К этому моменту правление движения «Зеленая планета» готовит выставку детского творчества и концертные номера в исполнении детей разных стран. Делегаты Форума имеют возможность пообщаться с видными деятелями культуры, науки и государственными служащими. В программе форума проходят следующие мероприятия:

- презентация детских экологических организаций;
- работа мастер-классов;
- выполнение творческих заданий;
- конкурс исследовательских проектов в номинации «Наш вклад в будущее»;
- пресс-конференция с авторами исследовательских проектов;
- презентация творческих заданий.

Все участники Форума в качестве подарка получают сборник сказок народов мира с переводом на татарский язык.

Проект «Воспитание в духе толерантности» – это организация литературных мероприятий по произведениям известных поэтов и писателей с приглашением видных деятелей культуры, искусства и литературы. Стартом работы проекта стала организация литературного вечера «Читая сказки Светланы Савицкой...».

Светлана Васильевна Савицкая является председателем жюри литературного конкурса «Жизнь леса и судьбы людей», который организует детское движение «Зеленая планета», а также является организатором конкурса кукол и творческих работ по сказкам Савицкой. Произведения Савицкой отражают богатый национальный колорит разных народов мира, имеют экологическую составляющую и несут философское начало. Сказки писателя отличаются своеобразным стилем, имеют много общего с фольклорными произведениями народов мира, в то же время они современны и заставляют задуматься об одной из главных проблем человечества – охране окружающей среды. Секрет популярности сказок С. В. Савицкой – в индивидуальном стиле, непринужденном изложении авторской позиции относительно актуальных проблем человечества, умении достучаться до сердца каждого. Произведения писателя востребованы не только в России, но и за рубежом: повести, сказки и стихи переведены на английский, немецкий, татарский, армянский украинский и другие языки.

Мероприятие, организованное в Казани, прошло с участием Светланы Савицкой, Разиля Валеева, Елены Гильмизяновой, Веры Хамидуллиной и объединило детей – представителей разных национальностей Республики Татарстан. Для гостей праздника прозвучали армянские мелодии, отрывки сказок Габдуллы Тукая, песни народов Поволжья и Сибирские мотивы.

Мероприятия в рамках проектов имеют большой отклик и продолжаются в разных городах России в разных форматах, ведь литература, искусство и спорт помогают людям разных национальностей общаться, дружить, и обогащать друг друга духовно.

Новый подход к изучению историко-культурного наследия на примере научно-популярной книги о родниках Татарстана

Природный ландшафт Татарстана имеет свои уникальные особенности, одна из которых – это изобилие родников. По данным Министерства экологии и природных ресурсов РТ в республике было учтено более 3,6 тысяч родников. Как отмечает «Татарская энциклопедия», высокодебитные подземные источники воды (с большой мощностью) распространены в юго-восточных районах Татарстана. Такие родники зафиксированы в долине р. Шешма, а также ее правого притока – р. Кичуй. Наибольшее количество родников республики находится в Лениногорском районе, чуть меньше – в Альметьевском. Это объясняется особенностями сложного, местами горного, рельефа [1].

Изучение истории местности обычно привязано к отдельным населенным пунктам, чуть реже в центре внимания – историко-культурные объекты (например, старинные дома или другие места памяти). Родники как природно-культурные объекты привлекают мало внимания. Например, и в «Татарской энциклопедии», и в энциклопедии «Природные ресурсы Республики Татарстан» имеются лишь очерки общего характера о подземных источниках Татарстана. Упомянуты также памятники природы РТ – Боровецкие ключи (г. Набережные Челны) и Спасские ключи (Бугульминский район). Кроме того, определенную работу по сбору гидронимов Татарстана и фиксации устных историй о родниках еще в советские годы проделала ученый-филолог Ф. Г. Гарипова [2]. В качестве комплексной работы по природно-культурному представлению родников республики можно указать лишь издание Министерства экологии и природных ресурсов РТ 2007 г. Эта книга-фотоальбом «Родники Земли Татарстана», где иллюстрации сопровождалась краткими рассказами о легендах родников [3].

Между тем, родники привлекают население не только как источники питьевой воды. Наряду с другими историко-культурными объектами они являются достопримечательностями местности и несут в себе определенный туристический потенциал. В этой связи целесообразным представляется, наряду с санитарно-экологической паспортизацией, изучение родников республики как историко-культурного наследия.

Поэтому в 2017–2019 гг. группой исследователей был осуществлен специальный проект по подготовке научно-популярной книги о родниках Татарстана. Книга «Родники жизни» была выпущена в 2019 г. Она содержит сюжеты о более ста уникальных родниках Татарстана с подробными исто-

рическими экскурсами по каждой местности. Многие из них расположены в Закамье, в восточных и юго-восточных районах республики. Объемная книга богато иллюстрирована и включает тексты на трех языках (русском, татарском и английском) [4]. Это издание показывает, что к истории родного края можно подойти и таким образом – через легенды и образы, биографии людей. Актуальность изучения родников объясняется тем, что они выступают объединяющим историко-культурным символом для всех народов многонационального Татарстана.

Во-первых, подземные источники воды всегда играли сакральную роль в культуре всех народов Поволжья, с ними связано множество обрядов, верований и легенд. Так, поклонение воде, различные образы, связанные с водоемами и источниками, присутствуют в тюркской мифологии. Например, одним из чувашских свадебных обрядов было поклонение невесты роднику, где она просила прощения у источника воды за переход из своего рода в другой. Молодая жена «возрождалась» в семье мужа, но ее должны были отпустить духи предков, в том числе и духи воды. Она бросала в родник жертвенные монеты и зачерпывала воду, так начиналась жизнь новой семьи [5, с. 85]. Аналогичная свадебная традиция сохранилась у татар Закамья и Приуралья – это церемония знакомства молодой жены с родником «Су башлау», во время которой родственники мужа показывают новоиспеченной хозяйке дорогу до источника воды.

В религиозной культуре – как у мусульман, так и христиан – тоже имеются свои представления о родниках. Прежде всего они связаны с верой в чудесное исцеление с помощью святой воды. Если у мусульман целебные источники связаны с легендами о захоронениях святых, то у христиан чаще встречаются рассказы об обретении иконы в бьющем из-под земли ключе. Самое главное, исцеление водой входит в традиции всех народов Поволжья.

Например, всеобщим местом паломничества в республике является с. Билярск в Алексеевском районе РТ со своим святым источником. Загадочный родник у древнего города Биляра многие столетия остается местом поклонения людей разных верований и национальностей. Это объединяющее место коллективной памяти.

Аналогичные места памяти есть в Болгаре (колодец Габдрахмана и святой источник Авраамия Болгарского). Свою историю имеет «Святой ключ» вблизи г. Елабуга. Помимо сакрального значения этот источник тесно связан с полотнами художника И. И. Шишкина и является культурным достоянием всей России. Поэтому «Святой ключ» сегодня – один из туристических объектов Национального парка «Нижняя Кама». Таким образом, самые важные природные и историко-культурные объекты Татарстана связаны с родниками.

Кроме целебных источников в Биляре, Болгаре и Елабуге аналогичные родники с сакральным значением имеются и в других населенных пунктах Татарстана. Например, в книге «Родники жизни» есть очерки о «Святых ключах» в сёлах Бута, Урсала, Ямаш, Верхний Акташ Альметьевского района, святых родниках из Архангельской слободы Новошешминского района, с. Урсаево Заинского района, а также кряшенских сел – Сетяково Менделеевского района, Федоровка Лениногорского района. Очень почитаем родник «Аулия» в Сармановском райне, «Изге чишмә» в Лениногорском районе. Эти родники одинаково ценятся приверженцами разных конфессий. Безусловно, такие объекты нужно включать в историко-культурные туристические маршруты по Татарстану.

Во-вторых, каждый родник является отражением народного опыта, истории людей, проживавших рядом, и поэтому названия родников Татарстана звучат на разных языках – татарском, русском, чувашском, марийском, удмуртском, эрзянском и т. д. Названия многих родников, хоть и на разных языках, по смыслу перекликаются друг с другом. В основном люди обращали внимание на свойства источников или же местность вокруг. Поэтому почти в каждом районе есть свои студеные ключи («Салкын чишма», «Кезьытошмес», «Черный ключ»), а плакучие ивы у родников вдохновляли на названия «Таллы чишма», «Ивушка» и т. д. В Азнакаевском районе названия многих источников связаны с берёзами – «Ак каен», «Каенлык», «Березка», «Ялгыз каен». Таким образом, родники – это еще хранители языков народов Поволжья. Татарские «чишмә» и «кизляу», удмуртский «ошмес», марийский «памаш», чувашское «щоле» – это все родники. А еще подземные источники воды в Закамье называют исконно по-русски – ключи. В привычных обращениях на родном языке – любовь к своей земле и дань уважения предкам. И это важнейший фактор объединения народов Татарстана.

В третьих, родники – это ключи к нашей истории. Например, есть источники, носящие имена основателей деревень – «Уразмет» в Новом Надырово Альметьевского района, «Иштиряк» в Беркет-Ключ Черемшанского района и т. д. Имеются и другие исторические названия. Так родник «Городищенский» в Елабуге напоминает о воинственных кочевниках, неприступном городище и таинственных монахах. Источник «Бояр» в Лениногорском районе указывает на шляхтичей и казаков из Кувацкой слободы, наделенных за службу царю щедрыми земельными угодьями и поэтому прославивших местными боярами.

Кроме того, родники являются отражением советского периода истории. Очень много «красных» родников появилось в 1920-е гг. Например, «Кызыл чишма» (п. Актюба, Азнакаевский район), «Кызыл бакча» (п. Джалиль,

Сармановский район), «Ирекле» (Альметьевский район), «Якты-тау» (Черемшанский район), «Юбилейный» (Лениногорский район) и другие названия отсылают как раз к истории Советов. Народная память не сохранила старинные названия, но советские названия – это тоже история.

Некоторые родники являются своеобразными памятниками исчезнувшим селениям. Особенно много их в Азнакаевском районе. Среди них и революционные сельхозартели (например, «Культура»), и старые деревни, сошедшие с арены истории с ярлыком о «бесперспективности» («Ташлияр», «Сердәш» (Зверевка), «Наратлык» (Павловка) и др.). Например, недалеко от родника Ташлияр (Азнакаевский район РТ) имеется еще памятный знак исчезнувшей деревне с аналогичным названием. Он был установлен в 2013 г. Исчезнувшая еще в 1980-е гг. деревня Новый Ташлияр является малой родиной народных артистов РТ – Нажибы Ихсановой и Азгара Шакирова.

Иногда забытые родники пробуждаются благодаря энергии давно уехавших из деревни людей. Например, инициатором восстановления родника «Кырык чышма» в Анаково в Сармановском районе была ветеран войны, бывшая партизанка Чачка Загирова. Благодаря её усилиям территория около родника превратилась в благоустроенную зону отдыха. И таких примеров много. Стоит отметить, что на рубеже XX–XXI вв. шефство над родниками юго-востока Татарстана взяли нефтяники края, ими было обустроено и облагорожено множество подземных источников. Поэтому территории большинства родников в Закамье представляют собой рекреационную зону.

Таким образом, родники как историко-культурные символы объединяют народы Татарстана общностью традиций и истории.

Для развития историко-культурного значения родников и включения в различные туристические маршруты имеется уже определенный потенциал. Например, многие родники расположены вдоль автомобильных дорог. Это еще один плюс для развития туристической инфраструктуры вокруг родников. Так, на коротком участке трассы, проходящей через с. Каркали Лениногорского района РТ, насчитывается сразу три родника и несколько колодцев, питающихся от одного водоносного слоя. Эти объекты давно уже являются местными достопримечательностями, так как они оформлены довольно оригинальным образом. «Святой источник» имеет запоминающийся образ татарской девушки, выполненный в советской стилистике. Рядом находится родник «Самовар» в виде огромного самовара с чашками. В оформлении родника «Сказка» использована композиция, авторами которой являются скульптор Рада Нигматуллина и художник Виктор Рогожин. Скульптурная группа установлена здесь еще в 1977 г.

В советское время были случаи появления новых родников. Например, таковым является «Жидегән чышмә» в Лениногорском районе. Сразу семь

ключей пробилась на склоне горы в 1960-е гг. в ходе прокладки автомобильной трассы. Так, образ родника из известной татарской песни получил реальное воплощение. Рядом с родником «Жидегэн чишмэ» находится еще один историко-культурный объект – это старинное татарское село Нижние Чершилы. Именно здесь учился и работал в медресе знаменитый просветитель Ризаэтдин Фахретдин. Безусловно, два объекта можно объединить в одном маршруте.

В аналогичном направлении можно развить и другие объекты. Например, на трассе Азнакаево-Бугульма есть несколько популярных, народных родников. Это «9-й километр» вблизи с. Солдатская Письмянка и «Солояз» около одноименной деревни. Оба старинных населенных пункта имеют интересную историю – первый основан шляхтичами, а второй образовался как помещичья деревня. При этом ключ «Соловьяз» упоминается даже в дореволюционных изданиях.

Любопытными природными объектами являются парные родники. В Татарстане они встречаются почти в каждом районе. Например, «Кара-каршы пар чишмэ» в Сарманово, «Игезэк чишмэ» в Альметьевском, родники «Сероводородный» и «Курбанай» в Лениногорском, «Святой» и «Архангельский» в Новошешминском районе.

Некоторые из них уже стали туристическими объектами, например, «Кара-каршы пар чишмэ» вблизи Сарманово входит в историко-культурный комплекс «Бакыр-тау». Родник находится рядом с медными шахтами XVIII в. Известно, что в начале этого столетия сармановские рудники были приписаны к Сарайлинскому медеплавильному заводу. О старых рудниках упоминал этнограф и путешественник Николай Рычков, побывавший в этих краях во второй половине XVIII в. Очевидно, перевозка и переправа руды требовала больших затрат и была невыгодна промышленникам, поэтому рудник возле родника «Кара-каршы пар чишмэ» был заброшен. Теперь эта местность составляет важную историко-культурную достопримечательность Сармановского района.

Есть и другие примеры использования родников в качестве дополнения к историко-культурным объектам. Так, родник «Фэхретдин» на малой родине татарского просветителя Ризаэтдина Фахретдинова – в деревне Кичучат Альметьевского района РТ – является своеобразным продолжением мемориального музея знаменитого ученого и писателя. Ведь кроме документов и мемориальных вещей Ризаэтдина Фахретдина есть еще уникальная природа его родной деревни. В отличие от изменившихся за сто лет сельских улиц, окрестности населенного пункта сохранили многие дореволюционные черты. Аналогичный родник «Мулла бабай» есть и на малой родине татарского писателя и общественного деятеля Фатиха

Карими в д. Миннибаево Альметьевского района РТ. В этом населенном пункте также функционирует Дом-музей Фатиха Карими.

Таким образом, за каждым родником своя история о возникновении деревни или поселка, о трудовых буднях и испытаниях, о разных открытиях и силе веры. В этих сокровенных историях и разноцветье культур есть общая основа, объединяющая многие поколения людей и эпохи, – родники.

Материалы собранные и опубликованные в книге «Родники жизни» могут стать основой для различных историко-культурных туристических маршрутов по Татарстану или других форматов научно-популярного характера.

Источники и литература

1. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org> (дата обращения: 06.09.2020).

2. Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан / Ф.Г. Гарипова. Казан: Б.и., 1997. 282 б.

3. Татарстан чишмэләре = Родники земли Татарстана / [авт. кол.: Н.Х. Газиев и др.]. Казань: Заман, 2007. 191 с.

4. Родники жизни = Тормыш чишмэләре = The Springs of Life / научн. ред. Р.Р. Салихов; редкол.: Р.С. Хакимов [и др.]. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 552 с.

5. Черноярова М. Ю. Сравнительная характеристика водных духов в русском и чувашском фольклоре (на материале мифологической прозы Чувашии) / М. Ю. Черноярова, О. В. Зарубкина // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2017. № 1(93). С. 84–98.

К вопросу об изучении коллекции Коранов из собрания Музея-заповедника «Казанский Кремль»

В России издание арабского текста Корана наборным шрифтом было начато в правление Екатерины II. При ее преемнике Павле I в ответ на многочисленные прошения татар-мусульман оно было переведено из Петербурга в Казань, и почти до конца XIX в. Казань оставалась единственным центром Российской империи, где печатался арабский текст Корана². В подготовку петербургских изданий большой вклад внесли казанские татары. На основе письма муллы Усмана Исмаила, одного из лучших каллиграфов своего времени, специально был отлит шрифт, представлявший «недосягаемый образец для западной типографской техники» [13, с. 6]. Усан Исмаил также подготовил к печати текст Корана и по мусульманской традиции снабдил его комментариями, напечатанными на полях (маргиналии) [7, с. 401–402]. Для работы наборщиками и корректорами к типографии И. К. Шнора, где печатали Коран, приписали демобилизованных со службы на флоте, образованных по-мусульмански Хамзу Мамышева, Гали Рахматуллина и Курбангали Исакова, отставного прапорщика Абд аль-Азиза Бурашева [7, с. 137–139].

В Казани в продолжение традиций петербургских изданий «алькоранный» шрифт был усовершенствован, став признанным достоинством казанских Коранов – чётким и удобным для чтения, особенно в среде мусульман, для которых арабский язык не является родным. Огромные тиражи восполняли спрос не только среди мусульман Российской империи, но и далеко за её пределами по всему мусульманскому Востоку, где это издание получило признание и распространение.

По данным, выявленным выдающимся отечественным востоковедом-арабистом, переводчиком Корана А. Б. Халидовым (1929–2001), в период с 1803 по 1917 гг. в Казани полный текст Корана был издан 165 раз, «Хафтийак»³ – 188 раз, отдельные суры Корана – 108 раз [25, с. 316–381]. Казанское издание Корана, получившее известность среди тюркских наро-

² В 1896 г. арабский текст Корана был издан в Петербурге, в 1898 и 1899 гг. – в Бахчисарае, в 1916 г. – в Петрограде; литографированные издания вышли в Самарканде в 1909 г., в Темир-Хан-Шуре в 1910, 1911, 1913 гг. [23, с. 335–336, 338–339]

³ «Хафтийак» (персид.) – «Суб' ал-кур'ан» (арабск.) – «Седьмая [часть Корана]» или «Седмица», включает первую суру «Ал-Фатиха», пять начальных аятов второй суры «Ал-Бакара», 36 суру «Йа Син», 48 суру «Ал-Фатх» и все остальные до 114 суры включительно.

дов как «Казан басмась», стало феноменом в истории книжной культуры, многогранным по значимости явлением.

Собрание Музея-заповедника «Казанский Кремль» включает более шестидесяти полнотекстовых изданий Корана, выпущенных в период с 1816 по 1918 гг. Азиатской казённой типографией казанской гимназии и университета, частными типографиями Н. П. Коковина, С.И. и М. А. Чирковых, Г. М. Вечеслава, Б. Л. Домбровского, братьев Каримовых, И. Н. Харитонova и др. В фонды музея-заповедника они поступили большей частью среди арабографических книг, переданных населением в воссозданную в Кремле мечеть Кул Шариф. Несмотря на наличие утрат во многих из них, они, тем не менее, достаточно полно отражают особенности наборных Коранов, печатавшихся в Казани в течение 115 лет (1803–1919). Они наглядно иллюстрируют изменения, происходившие в наборе текста, его формате, в объёме приводившихся на полях комментариев, в оформлении титульного листа и унвана, вспомогательных обозначений, сопровождавших коранический текст для правил таджвида и ритуальных молений. Эти неброские перемены, почти незаметные для глаз современного читателя «мелочи», в наборном книгопечатании обеспечивались кропотливым трудом печатников разных специальностей (словолитчиков, гравёров, наборщиков, каллиграфов, корректоров, печатников и др.), проявившими свои профессиональные навыки и мастерство, большой художественный вкус.

Проведенное исследование позволяет отметить следующие особенности этих изданий.

В течение XIX в. издания Корана всех казанских типографий имели два формата: в пол-листа (воспроизведение петербургского набора) и в четверть листа (формат первого казанского издания 1803 г.). Как показывают материалы собрания, в начале XX в. формат изданий изменился на размер 17 x 25 см (примерно), который похоже стал единым для всех типографий. Кроме того, типографии Бр. Каримовых и И. Н. Харитонova начали издавать Коран в и малом формате (1/16 листа?) – 14 x 20 см.

Казанские издания Корана безошибочно узнавались и благодаря своему художественному оформлению. В первых казанских изданиях, как и в Петербургских, по мусульманской традиции текст Корана заключался в рамку, а ‘унван разворота книги с сурой «Аль-Фатиха» и первыми четырьмя (позже пятью) айатами суры «Аль-Бакара» украшали заставки, типичные для европейского книгоиздания.

На протяжении XIX в. художественное оформление изданий, осуществлявшееся доступными типографскими средствами, хотя и имело некоторую вариативность, в целом характеризовалось однообразием.

С введением титульного листа его декор обычно сочетался с украшением ‘унвана и рамки текста. С середины XIX в. в каждом издании обычно для

бордюра по периметру титульного листа, разворота с ‘унваном и рамки текста использовались одни и те же элементы мелких заставок, орнамент которых не был мусульманским. В ряде изданий в декоре унвана «классические» заставки первых изданий Корана (с изображением античных вазонов) были заменены на заставки с графическим орнаментом (например, с «плетением для браслета» или «соты»). Приемы оформления ‘унвана Азиатской типографии начали меняться, вероятно, с открытием частных типографий⁴, более свободных в своей деятельности. Так, в конце XIX в. мусульманское оформление титульного листа и ‘унвана в изданиях Корана было введено в типографии Г. М. Вечеслава и продолжено ее следующим владельцем Б. Л. Домбровским. Теперь для бордюра использовался тонкий цветочно-растительный орнамент, а ‘унван воспроизводил «купольную» форму ‘унвана мусульманских рукописей.

В изданиях университета и в начале XX в. ‘унван по-прежнему преимущественно украшался «классическими» заставками, хотя для бордюра использовали заставки с декором подобным изданиям типографии Г. М. Вечеслава.

Издания Корана, напечатанные в XX в. в типографиях Бр. Каримовых и И. Н. Харитонова, получили несколько вариантов совершенно нового, мусульманского (в стиле модерн!), декора титульного листа и ‘унвана. А в изданиях типографии И. Н. Харитонова титульный лист⁵ был замещен авантитолом с каллиграфически исполненным текстом 79–80 айтов 56 суры: «К нему прикасаются только очищенные. Он ниспослан Господом миров». Вероятно, ее автором был известный татарский каллиграф начала XX века, Галиаскар (Гали-Асгар) Камал. Оттиском этой каллиграфической композиции стали украшать и типографские обложки изданий. Среди Коранов типографии И. Н. Харитонова собрания «Казанского Кремля» на обложке издания 1903 года, подготовленного к печати Г. Камалом, эта композиция приведена впервые. Рассматриваемые Кораны показывают, что впоследствии в украшении обложек малоформатных изданий типографий И. Н. Харитонова, Братьев Каримовых и типографии «Умид» была использована эта же композиция.

До 1840–1850-х гг. издания Корана не имели титульного листа, выходные данные приводились по рукописной традиции в колофоне (послесловии), расположенном после текста Корана. Первые титульные листы были только

⁴ Лучшей по оснащению и кадровому составу стала открытая в 1840 г. типография Л. М. Шевица, которая вскоре перешла в собственность купца Н. П. Коковина, а затем С. И. Чиркова. В оформлении изданий Корана эта типография, видимо, продолжала пользоваться наработками искусного гравера Л. М. Шевица.

⁵ Выходные данные приводились в колофоне.

шрифтовыми. Поначалу на титульный лист выносили в качестве названия Корана лишь словосочетание «Калам Шариф» («Священное Слово»), сведения о месте и годе издания по-прежнему приводились в колофоне. Титульный лист сформировался к середине XIX в. На нем, помимо выходных данных, указывалось имя заказчика (издателя), на средства которого издание осуществлялось. Колофон отчасти повторял эту информацию.

В казанских изданиях Корана, включая издание 1918 г., титульный лист оформлялся только в арабской графике. Это допущение было особо оговорено с Комитетом по делам печати, во всех других мусульманских изданиях выходные данные должны были указываться и на русском языке.

Титульный лист мог сочетать текст на арабском и татарском языках. Колофоны изданий первой половины XIX в. составлялись на татарском языке (или вперемешку с арабским), впоследствии – только по-арабски. С 1874 г. по требованию цензуры на титульном листе вменялось еще указывать, где и когда было получено разрешение на издание.

Постепенно шрифтовые титульные листы стали украшаться декоративными бордюрами по периметру, к шрифтовой части добавляется каллиграфически записанное название Корана, наносимое оттиском гравированной пластины (клише). Обычно использовались не типичные для арабской мусульманской среды названия Корана – своеобразные, особые перифразы – словосочетания «Калам Шариф» («Священное Слово»), «Мухаф Шариф» или «Аль-Мухаф аш-Шариф» («Священный Свод»). В выходных же данных, где речь шла об издании, использовалось только словосочетание «Аль-Мухаф аш-Шариф». Среди казанских изданий, вошедших в каталог, только в названии издания 1918 г. использовано слово Коран.

Сведения, приводимые на титульном листе, имели определенную специфику. Например, дата получения разрешения на издание и год издания чаще всего не совпадали. При этом на титульном листе не всегда указывались одновременно год разрешения и год издания. Поэтому исследователи иногда принимали дату разрешения на издание за год издания. Нередко в случаях, когда год издания приводился и на титульном листе, и в колофоне, оказывалось, что дата издания в колофоне на год позже даты, указанной на титульном листе. Суть этого расхождения в том, что дата на титульном листе указывала на начало процесса печати, а дата в колофоне – на его завершение. Довольно распространенной практикой было указывать дату разрешения по «милادي» (то есть по нашей эре), а год издания – по хиджре, который часто приходится на два года н.э.⁶

⁶ Год по мусульманскому летосчислению, основанному на лунном календаре, может начинаться в одном, а закончиться в следующем году григорианского летосчисления (нашей эры), которое ведется по солнечному календарю.

Ещё одна характерная особенность, идущая из рукописной традиции, – оформление в ряде изданий датировок, включая месяц и день, прописью, а не цифрами. В прочтении дат, указанных цифрами в арабской графике, некоторую путаницу вносило обозначение цифры пять кружком («о»), который принимали за «ноль»⁷.

В казанских наборных изданиях текст Корана почти не декорировался (в рукописях декором мог быть и более крупно написанный текст отдельных аятов). В отличие от рукописей в изданиях название сур не только не украшалось (отдельной рамкой, орнаментом), но и кегль набора был меньше, чем в основном тексте. Помимо названия суры в «название» по традиции входило упоминание о месте ниспослания суры (мекканская или мединская) и количество аятов. Последовательность двух последних составляющих в названии могла меняться. Иногда в сурах, в название которых вынесено имя пророка, могла быть добавлена мусульманская форма благопожелания по усопшему «мир ему» (алайхи-с-салам). В казанских изданиях названия ряда сур⁸ отличаются от принятых в современных изданиях. Например, согласно Фихристу (указателю) сур, приведенному в издании 1903 г. типографии И. Н. Харитоновна, 17-я сура «Аль-Исра'» (Ночное перенесение) в казанских изданиях названа «Бану Исраиль» (Племя Израиля), 40-я сура «Аль-Гафир» (Прошающий) названа «Аль-Му'мин» (Верующий), 86-я сура «Аль-Калам» (Письменная трость) названа «Нун» (буквой арабского алфавита, с которой начинается сура), 94-я сура «Аш-Шарх» (Раскрытие) – однокоренным «Инширах» (Раскрытие), 107-я сура «Аль-Ма'ун» (Подаяние) – «А ра'айта» (Видал ли ты) по первому слову, начинающему суру [6, с. 542]. В колонтитуле страницы 570 с четырьмя последними сурами дано название 111-й суры «Аль-Масад» (Пальмовые волокна)⁹ в форме «Сура аль-Лахаб¹⁰», с проставленным над колонтитулом номером суры «113». В Фихристе сур этого же издания название 111-й суры дано как «Масад» [6, с. 570]. В разных изданиях отличалось оформление Фихриста сур и тем, что в названиях сур одни издатели приводили определенный артикль (следуя нормам арабской грамматики), другие – нет (придерживаясь, видимо, разговорной практики).

⁷ На обширных территориях мусульманского мира начертание цифр арабской графикой имело свои региональные особенности, отступавшие от классической письменной традиции. Утвердившиеся, наиболее распространенное «классическое» начертание для цифры ноль – знак • (точка), четыре знака ξ или џ, пять – знаки ° или ○ (кружок), для цифры шесть вместо ٦ – знак ۶ (хамза).

⁸ Исторически ряд сур имел несколько названий.

⁹ 111-я сура имеет несколько названий «Аль-Масад», «Абу Лахаб», «Таббат».

¹⁰ Абу Лахаб (отец огня, обитатель ада) – дядя пророка Мухаммада и один из его ярых противников.

Рамку текста в ранних изданиях составлял бордюры, компоновавшийся из мелких заставок (виньеток), позднее ее прочерчивали графически в одну или несколько линий разной ширины.

Ещё одной из главных «примет» и особенностей казанских Коранов стал разделитель аятов в виде пятилепестковой цветочной розетки. Введенная впервые в Петербурге, в Казани она никогда не менялась и обозначала аяты «чтения по общему согласию» – основной части коранического текста. Проведенное исследование показывает, что позднее в казанских изданиях текст Корана дополнили еще двумя разделителями: один для обозначения «чтения других» – в виде «0» или «О», второй для обозначения «чтения Куфитов» – в виде розетки, форма которой могла варьироваться в разных типографиях (многолепестковая или пятилепестковая, в форме «звезды»).

Рассмотренные издания свидетельствуют и о наметившихся в XX столетии переменах в графическом оформлении делителей аятов, о первых опытах издания Корана с нумерацией аятов.

С течением времени изменения коснулись маргиналий, приводимых на полях текстов. Вначале уменьшилось количество обозначений в структурном делении коранического текста, остановок (вакфов) и специальных молитв для ритуального чтения, затем постепенно сокращался объем комментариев, непосредственно относящихся к тексту Корана. А уже в начале XX в. большинство Коранов издавалось без комментариев.

Предложенный Вашему вниманию обзор предварителен, надеемся, что последующие исследования внесут свои дополнения и уточнения.

Оценивая значение казанских изданий в истории печатных Коранов, французский арабист, признанный европейский исследователь и переводчик Корана Режи Блашер (1900–1973) отмечал: «До каирского издания 1923 года, которое сегодня считается каноническим, невероятно важным этапом были казанские Кораны. Созданные строго в рамках мусульманской традиции, они, по существу, доминировали на рынке печатных Коранов и способствовали окончательной унификации его текста» [21, с. 67].

Источники и литература

1. Амерханова Э. И. Казанские издания Корана в первой половине XIX века / Э. И. Амерханова // Наследие ислама в музеях России: изучение, атрибуция, интерпретация: материалы научно-практической конференции. Казань, 3–4 декабря 2009 г. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 14–22.

2. Булгаков Р. М. Каталог арабографичных книг Национального музея Республики Башкортостан / Р. М. Булгаков. Уфа: Б.и., 2001. С. 128.

3. Габдельганеева Г. Г. Полиграфия и печать в Казанской губернии. 1800–1917 гг. / Г. Г. Габдельганеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 232 с.

4. Габдельганеева Г. Г. Возникновение и развитие типографии Казанского университета (1809–1917) / Г. Г. Габдельганеева // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности. К 250-летию вузовского книгоиздания в России: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 сент. 2006 г.). М.: Наука, 2006. С. 66–70.

5. Габдельганеева Г. Г. История татарской книги (от истоков до 1917 г.): учебник / Г. Г. Габдельганеева. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 236 с.

6. Гараева Н. Г. Коллекция Коранов – дар Ш. З. Закирова Государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику «Казанский Кремль» / Н. Г. Гараева // Балкыш. Шамил Закировка бер дога. Истәкләр. Казан: «Ак Барс» нәшрияты, 2017. Б. 32–39. (иллюстрациялар 24–25 б.)

7. Густерин П. В. Коран как объект изучения Корана / П. В. Густерин. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 36 с.

6. Аль-Калам аш-Шариф (Священное Слово). Казань: типография И. Н. Харитоновна, 1903. 574 с.

7. Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х гг. XIX в.) / А. Г. Каримуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 163 с.

8. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века / А. Г. Каримуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. 319 с.

9. Каримуллин А. Г. Татарская книга пореформенной России / А. Г. Каримуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 318 с.

10. Каримуллин А. Г. Из истории печатного слова / А. Г. Каримуллин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 39 с.

11. Каримуллин А. Г. Книги и люди / А. Г. Каримуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 301 с.

12. Кәримуллин Ә. Г. Китап дөнъясына сәяхәт. Татар басма сүзенән сәхифәләреннән / Ә. Г. Кәримуллин. Казань: Таг. кит. нәшр, 1975. 208 б.

13. Крачковский И. Ю. Первое издание арабских стихотворений в России / И. Ю. Крачковский // Библиография Востока. Вып. VIII–IX (1935–1936). С. 5–16.

14. Османова М. Н. Казань – центр мусульманского книгопечатания в Российской империи в XIX – начале XX века / М. Н. Османова // Исламоведение. 2013. № 1. С. 54–63.

15. Резван Е. А. Коран и его мир / Е. А. Резван. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 608 с.

16. Татар Китабы – Татарская книга: альбом / [төз.-авт.: Р. Ф. Мәрданов, И. Г. Һадиев; рәссамы Ш. К. Насыйров]. – Казань: Татар. кит. нәшр, 2013. 504 б.

17. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999 / 8. 703 с., ил.

18. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов; отв. ред. Г. С. Сабирзянов. Т. 1. А–В. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. 672 с.; Т. 2. Г–Й. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. 656 с.; Т. 3. К–Л. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. 664 с.; Т. 6. У–Я. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2004. 720 с.

19. Фәхредин Ризәддин. Асар, 3 һәм 4 томнар / Р. Фәхредин. Казан: Рухият, 2010. 648 б.

20. Albin, M.W. «Printing of the Qurʾān» / Michael W. Albin // *Encyclopaedia of the Qurʾān*. Leiden: E. J. Brill, 2004. Vol. 4. P. 265–276.

21. Blachère R. *Introduction au Coran* / Regis Blachère. Paris, 1947.

22. Bobzin H. *Early Printed Korans. The Dissemination of the Koran in the West. MicroFiche-Edition* / H. Bobzin. Leiden: IDC Publishers, 2004.

23. Bobzin H. *The First Printed Editions of the Holy Qurʾan in Europe (arab.: Ūlā an-nusah al-matbūʾa min al-qurʾān al-karīm fī Urubbā)* / H. Bobzin // *Hadeeth ad-Dar (Kuwait)*. 2007. Vol. 22–32. 37 p.

24. Gökkir, N. *Printing Mushaf or Gaining Power and Authority over the Muslim World* / Necmettin Gökkir // *Journal of Ilahiyat Researches*. December, 2018. № 2, 50. P. 23–43.

25. Khalidov, A. *Guide to Arabic literature in Russia from 1878 until 1917* / Anas Khalidov. [Juma Al Majid Center for Culture & Heritage], 1429/2008. 430 p.

Актуализация культурного наследия народов Среднего Поволжья в музейном пространстве (на примере программ Этнографического музея Казанского университета)

Этнографический музей Казанского университета был создан в 1913 г. по инициативе выдающегося этнографа, географа, музейного деятеля Бруно Фридриховича Адлера: он объединил три этнографических музейных собрания Императорского Казанского университета (Кабинета географии, Музея отечествоведения, музея Общества археологии, истории и этнографии). Следует отметить, что этнографические коллекции стали собираться уже с открытия Казанского университета в начале XIX в., и в 1815 г. открылся первый в Волго-Уральском регионе музей гуманитарного профиля – Кабинет редкостей [1, с. 106].

Специфика исследовательских интересов ученых Казанского университета первой половины XIX в., обусловленная, прежде всего, географическим положением Казани, повлияла и на музейное собрание, в центре которого находились восточные коллекции. Предметы, характеризующие традиционную культуру народов Поволжья, в собрании Кабинета редкостей были единичными. С переводом Восточного разряда в Петербург произошла реорганизация Кабинета редкостей, был создан Музей местных древностей и этнографии, который также несколько раз реорганизовывался, и, наконец, в 1885 г. на его основе создали Музей отечествоведения. Изменилось не только название, но и направления собирательской деятельности, были поставлены новые исследовательские задачи в изучении народов Поволжья. Однако они были реализованы не сразу, в большей степени пополнение фондов происходило за счет памятников древностей и археологии, а не этнографических коллекций [2].

Фактическое создание и регулярное пополнение коллекций по народам Поволжья началось благодаря деятельности Ивана Николаевича Смирнова, поддержанное директором музея Н. А. Фирсовым. Благодаря экспедиционной деятельности И. Н. Смирнова музей пополнился коллекцией по марийцам, удмуртам, кряшенам. Большую роль в создании коллекций по народам Поволжья сыграло Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), созданное в 1876 г. В 1880–1916 гг. собранные во время экспедиций по Среднему Поволжью коллекции передали в Музей отечествоведения и Музей ОАИЭ такие известные исследователи Поволжья как И. Н. Смирнов, В. К. Магницкий, М. Е. Евсевьев, Н. В. Никольский. Б. Ф. Адлер расширил собрание по казанским татарам. Таким образом, уже

в конце XIX в. сформировалось достаточно большое собрание по народам Среднего Поволжья, хотя большая часть коллекций представляла собой предметы костюмных комплексов. Вместе с тем, поволжские коллекции не стали визитной карточкой Музея отечествоведения. Во всех путеводителях делался акцент на экзотические экспонаты из Азии, Австралии, Америки [2, с. 52, 81].

Стоит отметить подход Бруно Адлера к сохранению и репрезентации традиционной культуры народов Поволжья. Он не только провел реэкспозицию, но и в трудные послереволюционные годы организовывал тематические вечера и этнографические концерты, где звучала музыка поволжских народов. Например, в мае 1920 г. было проведено два этнографических концерта мадьярской музыки, которые сопровождались историческим очерком музыкального творчества, сделанным Б. Ф. Адлером [3, с. 5].

В период 1925–1945 гг. музей не функционировал. Возобновление музейной деятельности связано с именами Н. И. Воробьева, Е. П. Бусыгина, Г. В. Юсупова, Н. В. Зорина. В период 1945–1946 гг. музейные экспозиции были приведены в порядок, а позднее проведена реэкспозиция по народам Поволжья. Это было связано в том числе и с тем, что новая методологическая концепция требовала от музеев показывать не только и не столько традиционную культуру, но и те трактуемые как позитивные изменения, произошедшие в деревне за годы советской власти. Проводились тематические выставки и экскурсии, одной из которых стала выставка по казанским татарам, посвященная годовщине образования ТАССР в 1960 г. Для создания обновленной тематической экспозиции была организована этнографическая экспедиция под руководством Н. В. Зорина в северо-западные районы республики. Экспозиция выставки отражала традиционную национальную специфику, особенности моды конца XIX – начала XX в., социальные различия сельского населения, демонстрировала изменения в татарской деревне после революции и в годы советской власти. Часть предметов была специально закуплена в Кожевалкомпромсоюзе Артель «Труд» и Татпромсовете «Художпром» [4, с. 81–82].

Вместе с тем, в советское время проведение экскурсий по Этнографическому музею было нерегулярным, что обусловлено нехваткой кадров и ограниченным пространством музея. Проведение экскурсий, поиск и апробация новых форм взаимодействия с посетителями относятся к новейшему периоду истории – с 2008 г., когда музею вернули исторические аудитории, где была создана новая экспозиция, в которой один из новых залов был посвящён народам Казанского Поволжья.

В 2009–2010 гг. были разработаны несколько новых тематических экскурсий, ориентированных на школьную программу, в том числе на ее

региональный компонент: регулярно музей посещали и посещают школьники в рамках тематической экскурсии и музейного занятия «Наш дом Татарстан». Вместе с тем, и сегодня большая часть посетителей записывается на музейные занятия по народам Азии, Австралии и Америки. Народы Поволжья воспринимаются казанцами как известные и неинтересные, по сравнению с экзотическими народами, даже в условиях цифровой информационной доступности. С другой стороны, у иногородних гостей интерес вызывают именно народы Поволжья. Также на тематические занятия по конкретному поволжскому народу приходят учащиеся национальных школ, учебных заведений с этнокультурным компонентом.

В настоящее время все культурно-просветительские мероприятия Этнографического музея КФУ можно разделить на три условные группы:

– проводимые совместно с музеями КФУ (квесты по университету, акция «Университетские музеи детям», музейные занятия в рамках «Про-наука», объединенные единой темой музейные занятия);

– проекты Института международных отношений КФУ (тематические лекции в рамках Детского университета, открытый лекторий «OpenHistory», регулярные открытые заседания студенческого кружка ЭТНОФОРУМ, олимпиады и конференции);

– программы музея (обзорная и тематические экскурсии, музейные занятия, мастер-классы и игры).

На сегодняшний день в Этнографическом музее Казанского университета проводятся несколько тематических экскурсий, посвященных этнографии народов Среднего Поволжья:

1) «Мой дом Татарстан» с рассказом в доступной форме об этногенезе коренных народов Татарстана, миграционных процессах, которые происходили и происходят сейчас, особенностях межэтнического взаимодействия нашего края в прошлом и настоящем.

2) «Традиции и быт народов Поволжья» с рассказом об основных традиционных хозяйственных занятиях и семейно-бытовых традициях.

Лекции:

1) «Календарные праздники народов Поволжья» с рассказом о праздничном годовом цикле, соотношении с религиозным и гражданским календарями.

2) «Многонациональная Казань», знакомящая слушателей с историей заселения Казани, создании слобод, сочетании народных и городских традиций.

3) «Религии народов Поволжья».

Музейные занятия:

1) «В гостях у...», посвященное одному из коренных народов Поволжья.

2) «Мир деревни», в котором идет речь о традиционном поселении и жилище, составе населения и т. п.

Подобные занятия ориентированы, прежде всего, на школьников и детей, включают в себя выполнение и определённых письменных заданий.

Отдельно следует отметить актуализацию культурного наследия Поволжья в социальных сетях (Instagram: ethnographic_museum_kfu; Вконтакте: club164479008 Этнографический музей КФУ; Facebook: ethnokpfu), где мы регулярно публикуем материалы по традиционной культуре нашего края, которые находят достаточно большой отклик у аудитории.

Одной из своих задач мы видим актуализацию культурного наследия народов Поволжья через расширение сотрудничества и проведения различных музейных программ. Также нами придумана и апробирована игра «Этно-активити», 80% вопросов которой касаются народов Поволжья. Созданы и разработаны музейные занятия, экскурсии, лекции. Мы открыты любым запросам посетителей и постоянных гостей. Например, сейчас разрабатывается музейная лекция по традиционной пище поволжских народов.

Этнографический музей обладает уникальными коллекциями по традиционной культуре народов мира, в том числе нашего многонационального Татарстана. Поэтому трансляция культурного разнообразия и интеграция научного знания в широкие слои населения, осуществление диалога культур и поколений является главной миссией нашего музея. Сохранение и трансляция культурно-нравственных ценностей, укрепление духовного единства многонационального народа Российской Федерации, нравственное и патриотическое воспитание детей и молодежи занимает ключевое место в работе нашего музея.

Источники и литература

1. Гущина Е. Г. История формирования этнографического собрания Казанского университета во второй четверти XIX – первой четверти XX вв. / Е. Г. Гущина, Г. Р. Столярова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (2). С. 106–111.

2. Гущина Е. Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития / Е. Г. Гущина // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 2019. Т. 39. № 1–2. 255 с.

3. Зорин Н. В. Бруно Фридрихович Адлер, 1874 – не ранее 1932 / Н. В. Зорин. Казань: Б.и., 2001. 35 с.

4. Гущина Е. Г. Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития / Е. Г. Гущина. Казань: Отечество, 2013. 108 с.

**Изучение расизма как исторической реалии в современной Америке
(на материалах Музея Джима Кроу
в Государственном университете им. В. Ферриса)**

26 апреля 2012 г. в государственном университете имени Ферриса был торжественно открыт музей экспонатов расизма – Музей Джима Кроу. Основатель музея, вице-президент университета Давид Пилгрим при открытии экспозиции обозначил цель выставки такими словами: «Это не алтарь расизму, это возможность учить наше новое поколение толерантности через историю расизма...». Задача музея – не пропаганда агрессии, а открытая дискуссия о насущных проблемах современного американского общества. Обсуждение полемических экспонатов помогает создать обучающую атмосферу, где американская история борьбы за равноправие афроамериканцев в США учит нас толерантности и социальной справедливости сегодня, помогает извлекать уроки из негативного прошлого что бы избежать подобных ошибок в будущем.

Давид Пилгрим объясняет функцию музея следующим образом: «Наш музей не традиционный, это скорее лаборатория для сбора, демонстрации и сохранения объектов расизма, периода расовой сегрегации и времен борьбы за расовое равноправие; это также учебный ресурс для научных исследований, материалами нашего музея-лаборатории активно пользуются учителя штата Мичиган, нашей страны и зарубежные преподаватели. Выставочные экспонаты рассказывают историю афроамериканцев с 1830–1840 гг. до сегодняшних дней. Многие экспонаты музея расизма представляют собой предметы быта эпохи Джима Кроу, например, посетители музея могут увидеть фонтаны для питьевой воды с надписями «только для белых» и «только для цветных». Однако в музее можно увидеть современные объекты, отражающие расизм американского сообщества, например, в экспозиции музея имеется серия экспонатов, посвященных президенту Барак Обама: футболка со слоганом «Любой белый мужчина в президенты, 2012» или карикатуру, на которой президент Обама изображен в образе обезьяны с бананом. Поскольку экспозиция музея представляет собой коллекцию полемических объектов, посещение музея рекомендуется для взрослой аудитории, но это не значит, что школьникам вход запрещен. Детям до 16 лет рекомендуют приходить в музей в сопровождении взрослых. Реакция посетителей на многие экспонаты варьируется от недоумения до полного неприятия. В книге отзывов нередко такие комментарии: «Ужасно видеть такие примеры агрессии», «Очень стыдно за наше прошлое», «Очень грустная выставка».

Хотелось отметить необходимость создания музея расизма именно на базе университета имени В. Ферриса в небольшом городе Биг Рапидсе в центре штата Мичиган. Создатель университета Вудбридж Феррис, педагог, сенатор и губернатор штата, основал университет более 100 лет тому назад на принципах равноправия и свободы: «Образование для все детей, всех мужчин и всех женщин...». Мы, преподаватели и студенты университета, продолжаем эту традицию просвещения и социального равноправия.

В последнее время американское общество открыто обсуждает проблемы расизма, религиозной толерантности, гендерного равноправия. Преподаватели государственного университета им. В. Ферриса включают материалы музея расизма в образовательный процесс, экскурсии и дискуссии придают учебному материалу дополнительную глубину. Например, я включаю экспозицию музея в программу курса литературы для студентов, изучающих право, будущих работников правоохранительных органов. Мы обсуждаем в программе вопросы расовой дискриминации, религиозных стереотипов, полового неравенства. Посещение выставки о расизме помогает студентам не только понять, но и прочувствовать как глубоко укоренены социальные проблемы в современном обществе, вызывает эмоциональный отклик, помогает в процессе воспитания толерантности. Изучение расизма через объекты быта и популярной культуры демонстрирует, насколько глубоко укоренилось в американском мировосприятии расовое неравенство. Например, дискуссия об использовании образов афроамериканских женщин, одетых как домашняя прислуга, в рекламе продуктов фирмы «Aunt Jemima» демонстрирует опасность «бытового расизма». Мы легко рассказываем анекдоты, смеемся над стереотипными изображениями представителей других рас или национальностей в кино, мультипликации и рекламе, не замечая, что такое поведение становится фундаментом расизма.

Экспонаты музея расизма помогают понять историческое значение и различное восприятие таких предметов как флаг конфедерации южных штатов времен гражданской войны. Многие американцы понимают и используют флаг южных штатов как элемент национальной истории вне ассоциаций с расизмом, с другой стороны многие американцы видят в демонстрации флага рабовладельческого Юга символ расизма. Почему возникают такие разные интерпретации одного объекта? Это связано с разницей мировосприятия представителей разных рас и таким явлением как «белая привилегия» в американском обществе. Музей расизма в университете им. В. Ферриса объясняет подобные разногласия с помощью открытых дискуссий, лекций о скрытом расизме, о бытовых расовых предрассудках и предубеждениях, которые существуют в современном американском обществе. В сложный период глобальной эпидемии этого года, музей предлагает виртуальные

экскурсии и лекции, щедро делится учебными материалами в формате «онлайн».

Курс «Литература и агрессия» так же пользуется экспонатами музея при обсуждении тем насилия. Курсы философии и этики обращаются к экспозиции музея как к активной части образовательного процесса. Так же курсы истории обращаются к экспозиции Музея Джима Кроу для иллюстрации учебного материала. Таким образом, университет включает музей расизма в образовательный процесс будущего поколения молодых специалистов. Высшее образование в США, как и в России, ставит перед собой задачи воспитания современных, многопрофильных и разносторонне развитых профессионалов, обсуждение исторических проблем, таких как расовая дискриминация и стереотипное мышление, которые актуальны и сегодня, один из многих элементов этого процесса.

Несмотря на огромные достижения в развитии толерантности и создания равноправного общества (выборы первого афроамериканского президента, выдвижение женщины – кандидата в президенты) Соединенные Штаты Америки сегодня, к сожалению, не могут полностью освободиться от расизма и социальной несправедливости. Негативные образы иммигрантов, стереотипы об американцах-мусульманах, дискриминация афроамериканцев – проблемы современного общества. Риторика ненависти и страха переполняет экраны телевизоров и компьютеров, популярность профашистских слоганов вызывает серьезное беспокойство. Антирасистские марши-протесты против агрессивных действий полиции продемонстрировали, что американцы не могут считать расизм явлением прошлого. Именно поэтому образование и обучение должны быть многоуровневыми и многосторонними для наших детей, чтобы новое поколение было свободно и прогрессивно. Для этого мы должны не только помнить и уважать положительные уроки нашей истории, но и учить негативные страницы нашего прошлого, чтобы не повторять ошибок.

Источники и литература

1. Pilgram D. Understanding Jim Crow / D. Pilgram. Independent Publishing Group, 2015.

2. Householder M. New Michigan museum showcases racist artifacts / M. Householder // Associated Press. 2012. April, 19.

Новые возможности изучения и продвижения объектов культурного наследия в социальных сетях

Цифровые средства коммуникации, визуализации и взаимодействия, появившиеся в нашей жизни в последнее десятилетие, уверенно становятся востребованными во многих аспектах жизни музеев. У музеев появилось множество новых способов воздействия на посетителей. С возникновением компьютерных технологий появилась возможность оцифровки целых музейных коллекций, что упрощает знакомство заинтересованного человека с искусством, при этом рост внимания к музеям не угасает. Современный посетитель ждет от музея чего-то большего, особенно с появлением социальных сетей.

Формат подачи информации онлайн стал настолько разнообразным, что порой музейным учреждениям становится очень сложно найти алгоритм работы в социальных сетях и конкурировать на виртуальных площадках с компаниями и фирмами, чьи возможности в создании визуального контента намного выше. Музеи находятся в поиске содержательных форм таких активностей, балансируя на грани развлечения.

Сложившаяся в 2020 г. сложная для всех учреждений и предприятий ситуация создала благоприятные условия для более глубокого ознакомления онлайн с опытом других столичных и провинциальных музеев, что в свою очередь позволило по-новому взглянуть на выставку «Матисс. Пикассо. Шагал... Искусство Западной Европы 1910–1940-х гг. в собрании Эрмитажа» в Центре «Эрмитаж-Казань». Выставка западноевропейского искусства начала свою работу уже в октябре 2019 г., что во многом заставило задуматься над внедрением новых идей и практик в работе с социальными сетями Центра.

В рамках выставки «Матисс. Пикассо. Шагал...» была проделана большая работа на виртуальных площадках Центра «Эрмитаж-Казань». Продолжилась работа над рубриками, которые создаются специально к каждому выставочному проекту, чтобы привлечь к нему больше внимания.

Самой популярной и одной из любимых сейчас является рубрика «Искусство в деталях», в которой мелкие штрихи, нюансы представлены крупным планом. Некоторые публикации посвящены не одному музейному экспонату, а нескольким. Одна из публикаций могла быть посвящена такой детали, как глаза, другая – губам, третья – фактуре одежды и т. д. Также в данной рубрике публиковались фотографии тех элементов предмета, которые не всегда можно увидеть в экспозиции. Такие фотографии создаются во время монтажа выставки.

Отдельно стоит выделить процесс монтажа и демонтажа. Процесс построения выставки – это одно из событий, которое посетитель не может увидеть, и, соответственно, оно вызывает не только интерес, но и любопытство. Для освещения того, как происходит превращение одной экспозиции в другую, ведется рубрика «Музейное закулисье» [1, с. 30].

Кроме того, на платформе Testix была создана онлайн-игра «Мастера XX столетия» по выставке западноевропейского искусства [2], представляющая коллекцию Государственного Эрмитажа подписчикам представительства в Казани. С помощью игры можно было потренировать свою память и узнать о произведениях выставки «Матисс. Пикассо. Шагал...». Был запущен онлайн-челлендж «Пока Матисс дома», где всем подписчикам в Instagram предлагалось создать фото по мотивам произведений искусства, представленных на выставке [3].

Самым масштабным стал совместный проект «Вкусное искусство» Центра «Эрмитаж-Казань» и гастробара Казани «New kitchen» в рамках выставки «Матисс. Пикассо. Шагал...».

Искусство и еда хотят быть вместе исторически. Их объединяют слова «потребление», «вкушение», «наслаждение». По последним сведениям ученых, без еды можно прожить около 50 дней. А сколько можно прожить без искусства? Подсчитать это трудно, искусство в формах дизайна и архитектуры окружает нас повсюду. Мы живем в искусстве сами того не замечая. В свою очередь художника можно сравнить с поваром, а создаваемые им произведения – пища, пусть и душевная.

Видеопроjekt «Вкусное искусство» стартовал в июне 2020 г. в социальных сетях Центра «Эрмитаж-Казань». Специальный выпуск журнала «Эрмитаж» под названием Pronkstilleven («Роскошный натюрморт»), связанный с модной в европейском искусствоведении темой «Искусство и пища», стал отправной точкой для создания проекта [4]. Журнал «Обед в саду: искусство на столе» посвящен созданию блюд по мотивам произведений из коллекции одного из самых крупных музеев мира – Государственного Эрмитажа. Среди них оказалась «Композиция с разрезанной грушей» Пабло Пикассо, которая очень близка произведению «Композиция с разрезанной грушей и гроздьем винограда» испанского художника на выставке в Казани. Кроме работы Пикассо из 273 предметов выставки были выбраны две живописные картины европейских художников XX столетия, которые шеф-повар «New kitchen» Марат Вахитов превратил в кулинарные произведения.

Вы когда-нибудь представляли, какой вкус может быть у произведения искусства? Как создается рецепт по мотивам работ известных художников? Насколько важна техника и цвет для вкусовых рецепторов? В рамках проекта «Вкусное искусство» появилась возможность задействовать все

рецепторы для полного ознакомления с произведениями европейских мастеров первой половины XX столетия.

«Вкусное искусство» раскрыло историю произведений творцов XX в. и помогло по-новому взглянуть на искусство не только зрителям, но и участникам! Каждую неделю в течение июня выходил новый выпуск, где произведения Пабло Пикассо, Хулиана Кастедо Палеро и Анри Матисса превратились в шедевры кулинарного искусства.

Произведение «Женщина в синей блузе» Анри Матисса на кухне гастро-бара стало сладким десертом, коллаж Пабло Пикассо превратился в утку с грушей и виноградом, а «Натюрморт» Хулиана Кастедо Палеро – в салат из хрустящих баклажанов и томатов [5].

Кроме того, в Instagram Центра «Эрмитаж-Казань» самые внимательные зрители получили возможность выиграть приз от Центра «Эрмитаж-Казань» и комплимент в гастробаре «New Kitchen». Было необходимо посмотреть все выпуски и ответить на вопросы. В июле случайным образом был выбран победитель.

Неотъемлемой частью стало отслеживание посетителей, которые знакомились с выставкой, посмотрев выпуски проекта. Каждому зрителю на входной зоне в Центре «Эрмитаж-Казань» за промокод «Вкусное искусство» вручался буклет выставки «Матисс. Пикассо. Шагал...», которого нет в продаже.

Практики столичных музеев, в том числе Государственного Эрмитажа, показывают, что связь искусства с едой непременно выигрышный ход. Одно из первых вторжений современного искусства в Эрмитаж – это перформанс Фабрики Найденных Одежд на чердаке музея, в рамках выставки Луиз Буржуа. По чердачным коридорам, согласно указаниям регулировщиков в масках, под музыку шествовали персонажи некоего безумного чаепития, неся в руках подносы с бесстыдно и жутко выглядящей пищей: сердцами, печенками, кровавыми колбасками. Внушительные по размеру блюда с частями тела расставлялись на столах, неожиданно превращаясь во вкусный фуршет, участникам которого предстояло помирить друг с другом свои чувства. Обескураженные зрители некоторое время пребывали в сомнениях, но все же решились попробовать заявленные блюда и были приятно удивлены.

Искусство готово идти навстречу еде во всех своих проявлениях. Множество тем объединяют искусство и еду, ведь еда питает тело, а искусство – душу. Что хуже – нарочито отравленная еда или заведомо вредное искусство? Чем несвежее искусство опасно?

В апреле 2016 г. в Болонье проходила международная конференция «Искусство и пища». Ее участники, задававшиеся частными и общими вопросами, объединяющими две темы, с удивлением увидели многие точки соприкосновения. Так, виноделы обнаружили на старинных натюрмортах

сорта винограда, которых более не существует. А кулинары увидели в бодегонах (испанский термин, которым сегодня обозначают «натюрморты») необычные сочетания продуктов и спорили об их сочетаемости и о последовательности подачи блюд.

Каждый проект охватывал разные временные периоды, историю и искусство разных стран. Так, культура российских дворцовых трапез стала основой для создания проекта «Дворцовые трапезы. От кухни до стола». Государственный Эрмитаж и Официальная гостиница Государственного Эрмитажа в видеопроекте обращают особое внимание на кулинарные предпочтения императоров и изысканные блюда «Высочайшего стола». Историческая часть подкреплена не только рассказом кандидата искусствоведения Ирины Багдасаровой, но и проиллюстрирована произведениями из собрания музея – это сервизы и украшения столов. Кулинарную часть представляет ресторан «Екатерина Великая» Официальной гостиницы Государственного Эрмитажа, где, основываясь на историческом меню и названии блюд, создаются рецепты и проводится поэтапное оформление всех блюд. Каждый зритель получает возможность повторить блюдо с императорского стола в домашних условиях для своих родных.

Социальные сети и возможности, которые они открывают для изучения объектов культурного наследия, становятся важнейшим направлением деятельности музеев России и зарубежья. Множество практик можно встретить на страницах музеев, среди них рубрики, фото и видеопроекты, которые вдохновляют не просто углубиться в историю, культуру и искусство того или иного периода, а посетить музей и вживую увидеть произведения искусства.

Источники и литература

1. Ахметзянова Д. П. Продвижение выставок Центра «Эрмитаж-Казань» в социальных сетях: каналы, примеры, особенности / Д. П. Ахметзянова, А. С. Маркова // Музей и проблемы «Культурного туризма». Материалы одиннадцатого Круглого стола. СПб., 2020. С. 29–32.

2. Testix. [Электронный ресурс]. URL: <https://p.testix.me/7ec395c9da/ca79eef578/> (дата обращения: 12.04.2020).

3. Официальная страница Instagram Центра «Эрмитаж-Казань». [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/centre_hermitage_kazan/ (дата обращения: 31.08.2020).

4. Журнал «Эрмитаж». Специальный внеочередной выпуск. СПб., 2016. 65 с.

5. Официальная страница Вконтакте Центра «Эрмитаж-Казань». Видеозаписи [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/videos-458001> (дата обращения: 31.08.2020).

История изучения памятников архитектурного ансамбля «Александровская слобода» и особенности их музеефикации

Музей-заповедник «Александровская слобода» расположен в уникальном дворцово-храмовом архитектурном комплексе, созданном в начале XVI в. по указу великого князя Василия III лучшими русскими и итальянскими зодчими.

В историю России Александровская слобода вошла как средневековая столица, центр опричнины благодаря тому, что именно отсюда на протяжении 17 лет правил первый русский царь – Иван IV Грозный. Этот период можно считать периодом расцвета Слободы, ставшей тогда политическим, экономическим и культурным центром страны. Здесь принимали иноземных послов, печатались книги, создавалась духовная музыка.

Благодаря запискам иностранцев, посещавших Государев двор в Александровской слободе в XVI в. (датского посла Якоба Ульфельда, немца Генриха Штадена, шведского дипломата Петрея де Ерлезунда), мы узнаем, что «крепость в Александровой слободе пространна и великолепна...», а великолепные архитектурные сооружения того времени поражали своей роскошью [1].

Памятники Александровской слободы не только привлекают многочисленных туристов, но и на протяжении всей своей истории вызывают интерес ученых, исследователей – историков, археологов, архитекторов и искусствоведов.

До нашего времени сохранилось лишь четыре храма, связанных с эпохой Грозного, поскольку деревянные строения, галереи, соединяющие храмы и терема Государева двора были уничтожены в начале XVII в. во время Смуты. С середины XVII в. на территории Слободы учрежден Свято-Успенский женский монастырь, который пользовался покровительством многих Романовых. Этот период характеризовался активной монастырской застройкой, результатом которой стало значительное искажение облика средневековых памятников.

В середине XVIII в. под руководством архитектора Евлашева (РГАДА) были проведены большие ремонтные работы на сооружениях и устраивались дренажи к отдельным зданиям. Уже тогда у специалистов вызывало опасение хозяйственное использование подклетов и подвалов, набиваемых льдом для хранения продуктов. Высокая влажность естественного происхождения в сочетании с результатом хозяйственной деятельности стала причиной многочисленных трещин и даже обрушения памятников (Успенская церковь) [2].

История изучения памятников Александровской слободы в XIX в. связана с именами таких исследователей, как Мурзакевич, Рагцин, Сухов, Стромиллов и др.

В конце XIX в. была впервые выполнена фотофиксация архитектурного ансамбля, дающая представление не только о его внешнем виде, но и об интерьере и отдельных элементах (деталях). Эта работа осуществлялась под руководством академика, исследователя русского зодчества, архитектора Владимира Владимировича Суслова (1857–1921). В ходе возглавляемой им экспедиции в 1883–1887 гг. по городам России были представлены обмеры и чертежи около 70 памятников. По Александрову иллюстративный материал составили 14 фотографий, половина из которых – памятники архитектуры.

Автором этой работы стал один из первых русских фотографов-профессионалов, занимавшихся архитектурной съемкой – Иван Федорович Барщевский. Благодаря качеству фотографий Барщевского, отвечавшему высшим техническим достижениям конца XIX в., мы можем увидеть, как выглядели памятники в то время. Фотографии печатались непосредственно с негатива, не прибегая к увеличению, чем достигалась наилучшая четкость изображения (негативы хранятся в НИИ им. А. В. Щусева).

В XX в. памятники Слободы привлекли внимание таких выдающихся ученых, как П. Д. Барановский, А. И. Некрасов, Б. А. Рыбаков и многие другие.

В 1920–1930-е гг. после упразднения Успенского женского монастыря архитектором Петром Дмитриевичем Барановским проведены работы по восстановлению и изучению памятников. Наиболее значимыми из них стали демонтаж с крыши Троицкого собора четырех главок (построенных в 1824 г.), раскрытие сюжетной фресковой росписи шатра Покровской церкви. Им были открыты фрагменты дворцовой архитектуры грозненского периода и начались первые реставрационные работы.

В 1947–1949 гг. под руководством архитектора Петра Полонского были тщательно изучены и проведены обмеры памятников, осуществлены работы по ремонту и реставрации. Благодаря устройству зондажей раскрыто древнее ядро Распятской церкви-колокольни. По периметру памятников был снят культурный слой до 1,5 м, сделаны первые отмостки и водоотводы; удалены поздние (монастырские) пристройки у Успенской и Срегенской церквей.

Этот же период связан с именем выдающегося ученого – историка и теоретика архитектуры, доктора искусствоведения, профессора Александра Ивановича Некрасова. В его монографии 1948 г. «Памятники Александровской Слободы, их состояние и значение» была подчеркнута значимость этого уникального архитектурного ансамбля. Он характеризовал их как «произведения выдающегося как художественного, так и историко-идейного

значения» и подчеркивал, что памятники Александровской слободы «не какие-нибудь провинциальные сооружения, а стоят в первых рядах столичных памятников зодчества и художественно, и идейно...» [3].

В 50–60-е гг. под руководством архитектора-реставратора Николая Васильевича Сибирякова проводились реставрационные работы: был разработан проект реставрации Покровской церкви, проведены обследования Успенской, Распятской, стен и башен. В 1960, 1966 гг. совместно с А. Д. Варгановым были проведены археологические раскопки.

В 1950–1970-е гг. по проекту, разработанному Н. В. Сибиряковым, восстанавливается Покровская церковь (односкатная крыша трапезной заменяется четырехскатной, ремонтируется покрытие шатра, демонтируются поздние пристройки), продолжают работы по водоотводам, ремонту стен и башен.

В 1970–1971 гг. под руководством академика Бориса Александровича Рыбакова проводились архитектурно-археологические раскопки, которые позволили обнаружить остатки дворцовых построек XVI в., в том числе мощные фундаменты и белокаменные архитектурные фрагменты.

Следующая четверть века (1970–1995 гг.) связана с именем московского архитектора Вольфганга Вольфганговича Кавельмаера. В 90-е гг. при расчистке западного портала Покровской церкви (домового храма XVI в.) он обнаружил белокаменную резьбу, скрытую под монастырской штукатуркой. Это открытие было признано научной сенсацией XX в. и позволило в дальнейшем доказать единовременность постройки всего комплекса архитектурных сооружений Александровского кремля в начале XVI в. [4]

Отдельного внимания заслуживают работы по изучению и реставрации настенной живописи Покровской церкви XVI в. Первые работы были проведены в 1936 г. В 1948–1949 гг. выполнялись реставрационные работы по укреплению и расчистке живописи в четверике и шатре под руководством Н. П. Сычева. В 1962 г. росписи восстанавливались художниками-реставраторами из Москвы под руководством Д. Е. Брягина. А с декабря 1972 г. Владимирская СЭНРИМ начала реставрацию сохранившейся живописи в шатре Покровской церкви. Именно этот период можно считать временем второго рождения уникальных фресок XVI в. Эта сложнейшая работа была проведена специалистами ГП «Владспецреставрация» под руководством старшего художника реставратора высшей категории А. П. Некрасова [5].

Перед началом реставрационных работ было проведено комплексное исследование состояния росписи, температурно-влажностного режима церкви и материалов живописи, проведена работа по подбору материалов реставрации и отработана ее методика. Благодаря проведенным реставрационно-консервационным работам по росписям шатра церкви были раскрыты красивые, яркие по колориту фрагменты живописи Покровской церкви.

Спустя почти 20 лет работа была продолжена: в ноябре 1991 г. встал вопрос о профилактических работах по раскрытым фрескам. В 1993 г. бригадой художников-реставраторов под научно-техническим руководством кандидата искусствоведения А. И. Скворцова и художника-реставратора высшей квалификации А. П. Некрасова проведены профилактические работы, которые позволили сохранить живопись до наших дней [5].

В 1989 г. наш музей получил статус федерального, а в 1994 г. – статус музея-заповедника. В 1997 г. был создан отдел охраны памятников, который более 20 лет возглавлял А. Н. Петрухно. Сотрудниками отдела проводились визуальное наблюдение и фотофиксация современного состояния памятников. Этот период характеризуется началом комплексного подхода к изучению памятников и территории с применением совершенно новых подходов и методов исследования.

С начала 2000-х гг. проводились работы по инженерной геологии и архитектурно-техническому исследованию недвижимых памятников, разрабатывается «Комплексная программа реставрации недвижимых памятников». Проведенные исследования по изучению водонасыщенности и уплотненности грунтов методом радиоволновой диагностики позволили уточнить состояние надземных и подземных частей памятников и провести ряд противоаварийных и профилактических работ. Были проведены экологические исследования состояния территории, связанные с загрязнением почвы тяжелыми металлами, выделением радона в воздух подвальных помещений.

Благодаря комплексному инженерно-геологическому обследованию территории в 2001 г. специалистами ЗАО «Инженерная геология исторических территорий» разработаны рекомендации по выведению памятников из аварийного состояния. С этого времени начался многолетний систематический мониторинг деформации памятников с рекомендациями по их сохранению.

В разные годы, начиная с конца 90-х, несмотря на тяжелейшую экономическую ситуацию в стране, были проведены ремонтно-реставрационные работы на памятниках Александровской слободы. В связи с недостаточностью финансирования они велись на памятниках, вызывающих наибольшую тревогу на данный момент, и часто имели противоаварийный характер работ.

Таким образом, на протяжении более пяти веков памятники Слободы сменили многих владельцев. После организации здесь музея в 1919 г. они перешли на баланс государства. С этого времени началась кропотливая и сложная работа по их сохранению и музеефикации. При крайне скудном финансировании Александровского музея начался процесс создания экспозиций в главных памятниках Слободы. Первая экспозиция была создана

в Покровской церкви (1920–1921 гг.), затем ее демонтировали и перевели в Успенскую церковь (1926–1927 гг.). С конца 20-х гг. по распоряжению местных властей большая часть площади Покровской церкви (за исключением домового храма) сдавались в аренду для хранения зерна, использовались как овощехранилище. Ситуация грозила уничтожением уникального памятника XVI в., и музейщики на протяжении долгого времени боролись за его спасение. Лишь летом 1937 г. удалось провести реставрацию и укрепить стенную живопись, а уже осенью «закрома» Покровской церкви вновь наполнили овощами и зерном [6].

Поэтому до начала 1940-х гг. главными музейными объектами были лишь два памятника – Успенская церковь и Троицкий собор. В верхнем этаже Успенской церкви располагались, кроме основной исторической экспозиции, канцелярия, склад книг и квартира реставратора. В ходе работы комиссии, прибывшей для проверки музея в 1937 г., были сделаны замечания как к содержанию экспозиций, не отражающих идеологию марксизма-ленинизма, так и к антисанитарному состоянию главного объекта показа. В непосредственной близости от Успенской церкви – в Сретенской церкви – размещался Молокозавод. Сточные воды проникали внутрь памятников и вокруг них, а постоянный подъезд лошадей приводил к образованию колеи, где скапливалась зловонная жижа. Несмотря на то, что Троицкий собор был объектом музейного показа с 1931 г., его подвалы также использовались под склады, а в ризнице находилось основное фондохранилище музея [6].

Ситуация осложнялась также тем, что на территории музея в советское время существовал поселок «Заря». В памятниках проживало более 500 человек, земля была отдана местными властями под огороды и сады. Все это наносило непоправимый вред архитектурному комплексу и природному ландшафту «Александровской слободы». Только в 1989 г. закончилось выселение последних семей поселка «Заря» из памятников. И затем в течение нескольких лет шла расчистка территории от старых деревянных бараков, планировка территории, была разработана программа по ее благоустройству. На балансе музея-заповедника в 1994 г. было 22 памятника, из которых в 1996 г. 8 были переданы Владимирской епархии Русской православной церкви.

После обретения статуса федерального музея-заповедника начался новый современный этап его развития. Были определены главные приоритеты всех направлений деятельности, позволяющие создать уникальное мемориальное пространство. Главной концептуальной идеей музеефикации средневековых памятников царского кремля стало создание в подлинных дворцовых интерьерах экспозиций, позволяющих раскрывать значимые

события отечественной истории, в центре которых оказалась Александровская слобода.

До августа 2019 г. в музее-заповеднике существовал комплекс взаимодополняющих друг друга экспозиций, рассказывающих о судьбе царской Слободы в XVI–XVIII вв. Половина из них размещалась в главном объекте показа – Покровской церкви. Начавшаяся реставрация этого памятника значительно повлияла на жизнь музея. Для сохранения турпотока основную экспозицию («Государев двор в Александровской слободе»), рассказывающую о времени пребывания Ивана Грозного в Слободе, перенесли в выставочный зал Успенской церкви, поэтому пришлось отказаться от ряда выставочных проектов, запланированных на это время. Для музея текущий 2020 г. кроме продолжающейся реставрации был осложнен и ухудшающейся экономической ситуацией в стране из-за ограничительных мероприятий, связанных с пандемией.

Мы также понимаем, что для сохранения памятников XVI в. необходимо учитывать следующие факторы: это и проблемы поддержания требуемого температурно-влажностного режима в течение года, и ограничение количества посетителей в интерьерах, и сложность выполнения требований по пожарной безопасности, антитеррористической защищенности и пр. В большинстве памятников до сих пор отсутствует водопровод и канализация, а системы электроснабжения находятся в плачевном состоянии. Достаточно сказать, что до 1980-х гг. отопление памятников осуществлялось угольной котельной, расположенной на территории.

В заключении хотелось бы отметить, что судьба нашего музея во многом схожа с судьбами многих музеев-кремлей России. В этой работе, в первую очередь, мы хотим выразить свою бесконечную благодарность всем, кто смог сохранить это уникальное место для последующих поколений.

Источники и литература

1. Бочаров Г. Н. Александровская слобода / Г. Н. Бочаров, В. П. Выголов. М.: Искусство, 1970. 128 с.

2. Петрухно А. С. Проблемы изучения, сохранения и дальнейшего развития архитектурного ансамбля «Александровская слобода» / А. С. Петрухно, Н. И. Шириня // Кремли России. М., 2003. С. 537–541.

3. Некрасов А. Н. Памятники Александровской слободы, их состояние и значение / А. Н. Некрасов. М., 1948. (Рукопись, № 1289. Научный архив библиотеки музея-заповедника «Александровская слобода»).

4. Кавельмахер В. В. Древности Александровской слободы: сборник научных трудов / В. В. Кавельмахер. М.: АЛЕВ-В, 2008. 312 с.

5. Бальгина Л. П. Исследования и реставрация настенной живописи XVI в. Покровской церкви Успенского монастыря г. Александрова / Л. П. Бальгина, А. П. Некрасов. Александров, 1994. (Научный архив библиотеки музея-заповедника «Александровская слобода», № НА-207).

6. Рыбакова М. К. Музей в 1929–1944 годы: неизвестные страницы истории (по материалам Государственного архива Ивановской области) / М. К. Рыбакова, О. В. Сидорова // Роль музеев в формировании национальной, исторической и культурной идентичности: сб. мат-лов всеросс. науч.-практ. конференции. Т. 2. Владимир: Транзит-ИКС, 2020. С. 151–167.

Популяризация историко-культурного наследия среди детей в современных реалиях

2020 г. внес существенные коррективы во все сферы жизни, в том числе в сфере культуры. В ходе обсуждений на одной из площадок XXII Международного фестиваля «Интермузей-2020» прозвучала мысль, что если бы не было коронавируса, то его надо было придумать. Из-за пандемии появился хороший стимул для более сильного развития цифрового направления в области культуры и искусств. Конечно, не в ущерб традиционным офлайн-мероприятиям. Министерством культуры РФ начат масштабный долгосрочный проект по цифровой трансформации отрасли культуры. Данная задача была также сформирована и в ходе обсуждения проекта «Стратегии развития культуры Республики Татарстан на 2020–2025 гг. и на период до 2030 г.» [1].

При этом была подчеркнута важность сохранения и развития культуры как инструмента передачи культурного кода многонационального народа Республики Татарстан последующим поколениям, обеспечивающим будущее Республики Татарстан. Самобытность культуры конкретного региона определяется материальным и нематериальным историко-культурным наследием, являющимся непосредственной и существенной частью национального достояния. И поэтому культурное наследие является полноценным инструментом в системе патриотического воспитания детей – наших потомков. В них закладываются основы миропонимания, именно в этот детский период жизни через памятники прошлого и отношение к ним можно привить любовь к своей стране и культуре. Только установление связей человека с его культурными кодами, к которым наряду с языком, религией относится материальное и нематериальное наследие, может воспитать ответственного за сохранение нашего наследия гражданина – патриота своей малой и большой Родины.

Для популяризации историко-культурного наследия среди детей необходимо создать условия, способствующие формированию культурно-образовательной среды с учетом их потребностей и предпочтений в современных реалиях.

Границы познавательной среды давно вышли за рамки образовательных учреждений ввиду активного включения детей и подростков в интернет-пространство. Поколение Z, дети гаджетов, они же зумеры – первое поколение, которое полностью сформировалось под влиянием гаджетов и соцсетей. Как правило, к ним относят детей, родившихся с 1995 по 2010 гг. Главная

особенность и основное преимущество «цифровых детей» – технологичность. Немаловажная роль в создании условий для всестороннего, в том числе культурного и творческого развития детей, принадлежит не только учреждениям образования и культуры, но и, в первую очередь, семье.

Огромное значение в формировании образовательной интернет-среды представляют культурно-просветительские ресурсы (веб-сайты, страницы в социальных сетях и др.). Поэтому одна из основных задач родителей, а также педагогов, работников культурной сферы – помочь открыть детям виртуальное пространство в нужном направлении: вовлечь в интересные социальные группы по интересам, паблики, порталы, поисковые сайты, интернет-библиотеки, видеотеки и иные интернет-ресурсы (связанные с учебой и увлечениями ребенка). Большое количество онлайн мероприятий проводится на интернет-площадках Музея-заповедника «Казанский Кремль», Национального музея РТ и других культурных учреждений.

В настоящее время существует большое разнообразие как федеральных (Культура.РФ, платформа мультимедиа гидов с технологией дополненной реальности «АРТЕФАКТ»), так и республиканских специализированных культурно-образовательных ресурсов. Остановимся на некоторых из них.

Сайт «Культурный дневник школьника» (культурныйдневник.рф) – детский культурно-образовательный интернет-ресурс с механизмом блогового наполнения, своего рода детская культурная социальная сеть для обсуждения впечатлений. Сайт реализуется в рамках республиканского культурно-образовательного проекта «Культурный дневник школьника» с 2014 г.

Создателем и куратором портала, ставшего логичным и удачным дополнением к «бумажной» версии «Культурного дневника школьника», является объединение «Татармультфильм». Участниками портала являются школьники, которые совместно с родителями ведут культурные блоги, делятся впечатлениями о посещениях культурно-исторических достопримечательностей и тематических мероприятий, а также успехами и достижениями в разных сферах культурно-познавательной деятельности. Обратная связь со сверстниками является способом мотивации к активному участию в культурно-просветительских мероприятиях, способствует повышению самооценки ребенка.

Большое внимание на сайте уделяется конкурсам и мероприятиям творческой направленности, которые проводятся в партнерстве с культурными и образовательными учреждениями, Общественной палатой РТ. Благодаря участию в таких конкурсах, как «Культурное наследие Татарстана», «Мой домашний кукольный театр», «Моя родословная», «Семейная память войны» ребенок может попробовать себя в разных ролях – ученого, художника,

поэта, экскурсовода и т. п. Наградой служат приглашения на спектакли, экскурсии и иные тематические мероприятия.

Юному поколению важно принимать активное участие в краеведческой деятельности путем посещения культурных учреждений и мероприятий, памятников исторического наследия республики. Проект позволяет включить детей вместе с семьей и школьными коллективами в пространство истории и культуры родного края. Благодаря эффективным и современным способам привлечения внимания детей в проект с помощью своеобразных инструментов («дневника – культурного путеводителя» и культурной информационной площадки на сайте) у детей с раннего возраста вырабатывается потребность к постоянному формированию культурного мировоззрения, появляется ценностное отношение к родной республике. Этот подход является разумным сочетанием оффлайн и онлайн мероприятий в сфере культуры. Хотелось бы надеяться, что этот положительный опыт будет также учтен и при внедрении других проектов культурной направленности, в том числе и федеральных.

Удачным примером интернет-ресурса по историко-культурному наследию является сайт национального образовательного анимационного проекта «Век Татарстана» (вектатарстана.рф), посвящённого празднованию 100-летия образования ТАССР. В рамках этого уникального проекта на протяжении трех лет проводились конкурсы рисунков и стихов. В проекте приняли участие тысячи учащихся 1–8 классов Республики Татарстан. По количеству участников уже за первый год существования проекта (2017 г.) «Век Татарстана» стал поистине народным и вошел в Книгу рекордов России как мультфильм, в создании которого приняло наибольшее количество детей.

В основу трех серий мультфильма о Татарстане легли работы школьников республики о геральдике, культурно-исторических и архитектурных объектах, природных памятниках и достопримечательностях их родных районов, поселков и городов. Этот сериал и другие познавательные мультфильмы, учебники «Наследие Татарстана» и иные обучающие материалы на тему историко-культурного наследия размещены на сайте «Школьная электронная энциклопедия Татар Иле: все о татарском народе в его исторических границах» (tatarile.tatar). Проекту «Век Татарстана» даны высокие оценки представителей образовательной, общественной и культурной сферы. Как отметила Л. П. Кочнева, заслуженный учитель школы РТ, заслуженный учитель РФ, почетный гражданин г. Казани, «Мультфильм «Век Татарстана» – толерантное творческое вхождение в любовь к своей Отчизне. Это социальная педагогика».

В рамках проекта «Век Татарстана-3» успешным оказался опыт проведения при поддержке родительской общественности среди учащихся

г. Казани комплекса занятий по краеведению – «Казань: было – стало». Особое внимание было уделено объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО – Казанскому Кремлю. Для создания художественных образов историко-культурных достопримечательностей, погружения в историю нашего города и республики для детей проведена экскурсия-квест по древней крепости. Исходя из личного опыта в проведении экскурсий хотелось бы отметить, что многие жители города, как взрослые, так и дети, плохо ориентируются на территории Казанского Кремля, не знают какие объекты и музеи там находятся. Тем не менее, отрадно заметить, что эта достопримечательность – пример успешного сочетания сохраненного памятника историко-культурного наследия и современного общественного пространства. Эту трансформацию попытались запечатлеть юные художники на своих рисунках в обликах кремлевских зданий разных периодов истории. Приятным результатом стал совместный коллаж-панорама «Век Казанского Кремля: было – стало». А имена всех участников проекта вошли в титры мультфильма «Век Татарстана-3».

Хотелось обратить внимание на появление новых краеведческих интерактивных онлайн ресурсов в год 100-летия ТАССР: 100летнашемуумоду.рф (комплексный ресурс для учащихся начальных классов с мобильным приложением, играми, книгой и мини-энциклопедией) и ресурс для первоклассников «Путешествие Барсика по истории Татарстана» (<https://game2020.akbars.ru/>).

Стоит отметить продуктивность для всестороннего развития детей внеклассной формы активности в виде участия в проектах республиканской сетевой образовательной площадки ШАНС (Школьная Академия Наук и Сотрудничества – chancert.ru). Данная площадка дает возможность участия в межпредметных совместных сетевых проектах ученикам, родителям, учителям. Одним из результатов успешной реализации проекта явилось создание электронной энциклопедии «Ими гордится Татарстан», куда внесена информация о жителях Татарстана, внесших значительный вклад в развитие Татарстана и оставивших яркий след в его истории.

В настоящее время существует множество различных образовательных технологий, применяемых при создании обучающих ресурсов в сфере изучения историко-культурного наследия: веб-квесты, интеллектуальные игры, викторины и онлайн тесты. Их преимущество в интерактивном способе обучения, способствующем мотивации к познавательной деятельности. В интерактивной ненавязчивой форме изучение краеведческой информации с разумным сочетанием оффлайн и онлайн мероприятий становится увлекательным и мотивирует к получению новых знаний об

историко-культурном наследии республики, формирует чувство гордости за свою родину.

При всем многообразии тематических интернет-ресурсов эффективным является участие родителей и детей в совместных образовательных программах и проектах, таких как научно-популярный проект «PROНаука в КФУ», проект «Детский университет Приволжского федерального округа». Особенностью последнего является тот факт, что родители имеют возможность не только совместно присутствовать на научно-популярных лекциях в рамках занятий с последующим их обсуждением, но и просматривать видеозаписи лекций на сайте «Студенческий телеканал UNIVER TV» (universmotri.ru). Для наиболее активных студентов применяется поощрение – экскурсионная поездка. Среди маршрутов – Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск» и иные объекты историко-культурного наследия Татарстана.

Таким образом, существует огромное разнообразие видов интернет-ресурсов культурно-познавательной направленности, которые сопровождают поисковую деятельность ребенка, дают новые возможности изучения и популяризации историко-культурного наследия в современных реалиях. Родители, педагоги, работники сферы культуры выполняют решающую роль при формировании круга интересов ребенка и развития талантов с учетом современных потребностей путем его вовлечения и направления в необходимую культурно-образовательную интернет-среду. Но при этом должен соблюдаться разумный баланс между оффлайн и онлайн мероприятиями.

Совсем недавно появились интересные оффлайн программы, посвященные теме сохранения историко-культурного наследия: программа «Волонтеры культуры» (направлена на обеспечение поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации, включая деятельность по сохранению исторического облика малых городов) и лекторий «Школа горожанина – история и наследие Казани». Хотелось бы, чтобы появился формат проведения таких мероприятий для детской аудитории. По опыту Москвы можно предусмотреть создание исторического клуба для детей и взрослых, или детского исторического музея (специализированного музейно-педагогического пространства для занятий по краеведению). Погружаясь в специально спроектированную историческую среду, дети в игровой форме смогли бы получать первые знания по краеведению. Возможно, такая площадка появится в будущем на территории Казанского Кремля? Время покажет...

Очень верно подметил советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук Д. С. Лихачев: «Существует экология биологическая, то есть экология, необходимая для элементарной жизни, но есть и экология культуры, без которой невозможна для человека культурная, духовная жизнь – жизнь, воспитывающая в нем нравственность, уважение к окружающему, к прошлому, заботу о будущем... Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотов, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленные целители души... Воспитание школьников проходит в школах, воспитание студентов – в вузах; воспитание же и школьников, и студентов, и «взрослых» – в музеях, художественных галереях, мемориальных квартирах и домах, лекториях» [2, с. 163–166].

Источники и литература

1. Стратегия развития культуры Республики Татарстан на 2020–2025 гг. и на период до 2030 г. рассмотрели на заседании Президиума Кабинета Министров РТ // Официальный сайт Министерства культуры РТ. URL: <https://mincult.tatarstan.ru/index.htm/news/1802345.htm> (дата обращения 04.09.2020)

2. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. М.: Искусство, 2000. 440 с.

Арт-менеджмент как технология изучения и популяризации историко-культурного наследия

Россия как уникальная страна мира и спектр ее республик (в данном случае – Республика Татарстан) обладают богатейшим историко-культурным наследием, объединяющим материальные и нематериальные ценности, а также спектр различных видов искусства и уникальную систему подготовки творческих и управленческих кадров.

В сегодняшнем социокультурном контексте достаточно значимым видится процесс сохранения историко-культурного наследия, который, согласно «Основам государственной культурной политики», предполагает собирание, документирование, изучение, физическую сохранность и внесение в научный оборот многочисленных объектов такового [5].

Одним из приоритетных направлений «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года» является «создание условий для развития культуры» [2, с. 27].

Культура – это уникальный феномен исторической социокультурной реальности, способствующий трансляции таких классических ценностей представителей ноосферного социума, как Истина, Добро, Красота, Любовь, Гармония, необходимых для реализации проектных решений, в том числе в сфере культуры и искусства.

Впервые культура была возведена в статус национальных приоритетов и трактовалась как важнейший фактор роста качества жизни, гармонии общественных коммуникаций, гарант единого культурного пространства и целостности территории страны в «Основах государственной культурной политики» (утв. указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808).

Культура для России как современного государства является стратегическим ресурсом и признается п. 4. ст. 68 Конституции РФ (вступившей в силу 4 июля 2020 г.) уникальным наследием многонационального народа, которое поддерживается и охраняется государством [1].

Сфера культуры и ее квинтэссенция – сфера искусства со спектром различных видов – это синергийный элемент и собственно креативная индустрия, наполненная различными институтами, деятелями, историко-культурным наследием как символической продукцией и интеллектуальной собственностью.

Для реализации государственной политики по сохранению российского культурного наследия необходимо осуществлять управление проектной деятельностью, результаты которой – выставки, спектакли, кинофильмы,

картины, «звезды» эстрады/сцены/экрана и т. д., способствуют одной из целей культурной политики страны, а именно – формированию гармонично развитой, духовно-нравственной, ответственной, самостоятельно творчески мыслящей личности, развитию способностей к разнообразным формам творческой активности и самоактуализации [5].

Проектная деятельность/проектирование как «путь делания вещей» (Макс Уайдман), посредством приобщения различного рода ресурсов (интеллектуальные, информационные, художественно-творческие, управленческие, финансово-экономические, нормативно-правовые, маркетинговые и т. д.), содействует генерации идеи, маркетингового коммуникативного информационного пространства текста культуры, текста арт-пространства, квинтэссенцией которого является либо спектр всех видов искусства (пространственных, временных и пространственно-временных), либо конкретный вид искусства.

В контексте рыночной свободной экономики впечатлений/восприятий потребители/публика/зрители заинтересованы в трате собственных средств (материальных и духовных) не столько на удовлетворение различных потребностей, сколько на получение новых ощущений/смыслов/эмоций / информации/экспрессии. Именно сфера искусства с различными видами и шире – сфера культуры, проектная деятельность (в данном случае – в музеях) и грамотный менеджмент способны содействовать данным запросам реципиентов.

В этой связи актуальным представляется рассмотрение концепта «арт-менеджмент», который представляет собой многогранный кристалл полизначного восприятия и, вследствие этого, существует множественность понимания, трактовок контента такового.

В исполнительских видах искусства; временных/пространственно-временных видах искусства (театр, музыка, танец, цирк, радио, телевидение, кинематограф и т. д.), шоу-бизнесе как коммерческой/предпринимательской деятельности в индустрии развлечений, арт-менеджмент логично воспринимать как артистический менеджмент, т. е. управление артистами сцены/арены, их карьерой, творческой деятельностью.

В изобразительном искусстве, пространственных видах искусства, сфере искусства (артосфере, от англ. art – искусство) в целом/арт-индустрии/арт-бизнесе, в социально-культурной сфере, в том числе в деятельности музеев логично используется термин «арт-менеджмент» [3; 4].

Арт-менеджмент – это:

- 1) философия и культура управления в сфере искусства (артосфере) как квинтэссенции художественной культуры, в арт-индустрии, в арт-бизнесе;
- 2) инструмент управления проектами в контексте реализации государственной культурной политики;

- 3) механизм творческих/креативных индустрий как малого и среднего бизнеса в сфере культуры и искусства;
- 4) драйвер динамики культурного, политического, экономического и иного развития конкретных территорий страны;
- 5) технология инновационного развития современности.

Арт-менеджмент – это:

- отраслевой менеджмент;
- прикладная наука;
- учебная дисциплина;
- пространство субкультуры;
- искусство управления искусством;
- политика как особый «свод правил», способствующий корректной и эффективной генерации, продвижению и реализации арт-продукции;
- религия как генерализационная идея, объединяющая представителей арт-сообщества;

магия, поскольку все в сфере управления различными процессами арт-индустрии/арт-бизнеса не предсказуемо и зависит как от объективных, так и, в большей степени, от субъективных причин, сложных для «просчитывания».

Арт-менеджмент – это уникальный социокультурный феномен, культурная практика, научное направление, профессиональная деятельность управления проектной деятельностью в учреждениях сферы культуры и искусства.

Арт-менеджмент как ступок профессиональной интеллектуальной энергии задает вектор экономического развития сферы культуры и искусства, креативных индустрий, конкретных организаций/институций/учреждений данной сферы деятельности, ориентированных на сохранение национальных культур в историческом и музейном пространстве.

Арт-менеджмент как наука зиждется на достижениях спектра наук (философия, искусствоведение, психология, социология, маркетинг, экономическая теория, семиотика, информатология и т. д.), позволяющих осуществлять эффективное управление либо в конкретном виде искусства, либо в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнесе. Это влияет на разработку теории, контентом которой являются законы и закономерности, принципы, функции, формы и технологии целенаправленной деятельности людей и процессов управления в рассматриваемой сфере.

Теория арт-менеджмента связана с исследованием функций, методов/технологий управления, применяемых в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса для создания арт-проекта, результатом которого является арт-продукт.

Исследованию различных проблем арт-менеджмента, изучения и популяризации историко-культурного наследия страны способствует междисциплинарность с синтезом вариативных подходов – системный, деятельностный, информационный, морфологический, компетентностный, культурно-исторический, процессный, ситуационный, социологический, биографический, творческо-генетический, функциональный, аксиологический, философский, историко-генетический, цивилизационный, сравнительно-культурный.

Важным для проведения исследования актуальных проблем арт-менеджмента и историко-культурного наследия является спектр методов, например, общетеоретические (анализ, синтез, индукция, дедукция), диалектический, сравнительный, лонгитюдный, интерпретационный (структурный, генетический), системно-структурный, системное моделирование (или моделирование смежных систем), морфологический анализ, метод критики, семиотический анализ, прогностические методы (публикационный метод прогнозирования), методы анализа данных (контент-анализ, латентный анализ), компаративный анализ.

Выбор тех или иных подходов и методов для изучения проблем арт-менеджмента и историко-культурного наследия в том или ином учреждении культуры (например, в музее, галерее, выставочном зале и т.д.) зависит от задач, стоящих перед исследователем/теоретиком, практиком, институцией и социумом.

Арт-менеджмент – это ресурс и драйвер межкультурной коммуникации, генератор маркетингового информационного пространства, наполненного вихрем идей/смыслов/текстов произведений историко-культурного наследия.

Различные технологии арт-менеджмента (художественно-творческие, организационно-управленческие, в том числе психологические (трансактный анализ, метод невербальных коммуникаций, нейролингвистическое программирование), маркетинговые (PR, реклама), финансово-экономические, нормативно-правовые) способствуют эффективному управлению проектной деятельностью, диалогу культур, сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия страны и реализации государственной культурной политики.

Хаосмос художественной информации историко-культурного наследия страны/конкретной территории генерируют и «вращают» – арт-менеджеры (агенты, арт-дилеры, кураторы, директора, продюсеры, промоутеры и т.д.), которые являются значимыми элементами/посредниками маркетингового коммуникативного информационного пространства, находясь между автором/художником, текстом произведения, реципиентом/потребителем, экспертным сообществом, институциями отрасли, государством/властью.

В контексте глобализации рыночной экономики впечатлений арт-менеджер как человек экономический/*homo economicus*, *homo informaticus* является агентом и продюсером как в артосфере/арт-индустрии/арт-бизнесе, так и собственно артосферы/арт-индустрии/арт-бизнеса.

Арт-менеджер, кроме генерирования информационного маркетингового хаосмоса, управляет процессами продвижения и реализации арт-продукта (например, выставки) как предложения, а также формирует пространство арт-рынка / смыслы / вкусы / предпочтения / нравственные принципы / идеологическую составляющую различных представителей социума.

Арт-менеджер – это тонкий психолог; бизнес-помощник художника/артиста; организатор бизнес-деятельности в конкретном виде искусства (например, в изобразительном) и/или в сфере культуры и искусства; стратегический интеллектуальный ресурс/актив учреждения/организации / структуры в данной сфере деятельности, активность которого направлена на реализацию культурной политики государства по сохранению, изучению и популяризации различных объектов историко-культурного наследия страны.

Значимыми для арт-менеджера являются деловые навыки, связанные с тайм-менеджментом, бизнес-планированием, ведением бизнес-коммуникаций и т. д. Эффективные коммуникации с различными представителями/«игроками» арт-рынка/экономическими агентами, например, сотрудниками аукционных домов, директорами музеев, сотрудниками страховых компаний и др., способствуют глубинному пониманию состояния, трендов развития, политики государства, экономики сферы культуры и искусства и арт-рынка.

Уровень культуры управленческого мышления, художественное чутье, рациональное экономическое поведение арт-менеджеров влияет на их эффективную и конкурентоспособную профессиональную деятельность как в конкретном виде искусства, так и в сфере культуры и искусства.

Арт-менеджеры, владеющие корпоративной культурой предпринимателя с атмосферой творчества/креатива, новаторства, эмоционального подъема, способны генерировать идеи, стремиться к новым достижениям/идеалам, реализовывать мечты и проекты в процессе успешной профессиональной активности.

Холистическое, самостоятельное, грамотное экономико-правовое мышление арт-менеджеров свидетельствует о таковых как о серьезных, вдумчивых специалистах, ориентированных на понимание, анализ конкретных бизнес-ситуаций и принятие грамотных управленческих решений в контексте реализации государственной культурной политики, связанной с историко-культурным наследием.

Профессиональная активность арт-менеджеров ориентирована на создание высококачественного продукта (например, выставка), способствующего генерации и/или возрождению светлого начала, т. е. духовной/ нравственной чистоты в реципиенте/потребителе/покупателе «символической» продукции – текста художественного произведения, страждущего получить новый, соответствующий его запросам/потребностям и значимый для дальнейшего бытия смысл/код/контент.

Арт-менеджмент – это значимая для конкретного учреждения сферы культуры и искусства технология (от греч. *techne* – искусство, мастерство, умение + *logos* – мысль, знание) как способ/алгоритм/последовательность действий/механизм деятельности, связанный с проектированием и реализацией государственной культурной политики.

Арт-менеджмент – это технология изучения и популяризации историко-культурного наследия, практика постмодернистского информационного социума, способствующая «погружению» реципиента/публики/зрителя в матрицу Мира Текста Искусства как Хаосмос Высокого и Прекрасного!

Источники и литература

1. Конституция РФ [Электронный ресурс] URL: <http://duma.gov.ru/news/48953> (дата обращения: 10.07.2020).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» от 29 февраля 2016 г. № 326-р. [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения: 06.08.2019).

3. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: реализация государственной политики в сфере культуры и искусства / Т. Н. Суминова. М.: Академический проект, 2017. 167 с.

4. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: теория и практика: учебник для вузов сферы культуры и искусства / Т. Н. Суминова. М.: Академический проект, 2020. 655 с.

5. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70828330/#friends> (дата обращения: 06.08.2019).

РАЗДЕЛ 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ РЕГИОНОВ И МЕСТА ПАМЯТИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Айкашева О. А.

Представления Н. А. Дуровой об особенностях заключения брака у татар

Литературная биография Надежды Андреевны Дуровой довольно короткая, но плодотворная: за пять лет кавалерист-девицей в Санкт-Петербурге было опубликовано 14 произведений, все они относятся к романтическому направлению. Надежде Андреевне удалось создать высокохудожественные произведения, которые занимают видное место в истории русской литературы.

В творчестве кавалерист-девицы нашли отражение традиции русского, польского, литовского, марийского, татарского фольклора. Автор подчеркивает, что не является сочинителем, она рассказывает те истории, легенды и предания, которые услышала от людей, встретившихся на ее жизненном пути. Так, роман «Гудишки» родился из рассказа раввина Самуила об истории двенадцати населенных пунктов под одним названием «Гудишки», а повесть «Павильон» появилась благодаря случайной встрече Н. Дуровой со старым больным ксендзом Венедиктом.

В своих произведениях писательница часто обращает внимание на природу Поволжья и Прикамья, описывает берега Камы, красоты обширных лесов, лугов и рассказывает о жителях этой территории. Наиболее яркие описания татар встречаются в повестях «Клад», «Нурмека» и в «Рассказе татарина». Эти произведения взяты за источниковую базу для написания данной работы, которая преследует цель рассмотреть представления Надежды Андреевны Дуровой о национальных особенностях заключения брака у татар. Временные рамки обозначены разворачивающимися действиями, описанными в произведениях – период царствования Иоанна Грозного, полвека до восстания Емельяна Пугачева и начало XIX в.

С культурой и традициями татар Надежда Дурова была знакома благодаря многонациональному составу Вятской губернии, где основную массу населения составляли русские, однако весомым был процент татар, марийцев и удмуртов [2]. Герои произведений Дуровой описаны в соответствии с представлениями автора об этом этносе: молодые мужчины-татары бравые юноши, отличные стрелки, отважные наездники; девушки – смуглые

татарочки, статные, с черными глазами и бровями (Дурова считает, что они почти все черноглазы [1, с. 220]); старики седовласы, хмуры; женщины домовиты, и немногословны.

Татарские обычаи описаны Н. А. Дуровой очень ярко, центральное место в этих описаниях занимает калым (цена невесты, выкуп). Это камень преткновения для влюбленных юношей и девушек. Г. Н. Ахмаров в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете» выделил и описал три типа «приобретения невесты»:

- похищение путем насильственным, то есть против воли самой девушки и ее родных;
- добровольный уход девушки из родительского дома к жениху – по обоюдному согласию, но без ведома и согласия родителей сторон;
- в порядке обыкновенного сватовства, по воле и предварительному соглашению родителей сторон [3].

Повесть «Нурмека» полностью построена на традиции отдавать калым за право обладать девушкой. Действие разворачивается вскоре после покорения Казани русским царем. Нурмеку сватают князя и богатейшие люди, родители девушки получают с каждой почтой письма с беспрестанными предложениями калымов, мать Нурмеки, гордая Кизбек, просит за свою красавицу дочь «политический калым» – ключи от Казанского ханства [4, с. 439]. Условие дерзкое, но рассказы о неслыханной красоте Нурмеки и желание стать ее обладателем подвигли молодых людей заплатить назначенный калым. К Нурмеке сватается ее двоюродный брат Сулейман. Двоюродное родство не является препятствием для заключения брака у татар, хотя ислам подобные браки не поощряет [6]. В конце повести сын Кизбек женится на двоюродной сестре Роксане [4, с. 453].

В двух других произведениях – «Клад» и «Рассказ татарина» – женихи, не имея возможности заплатить калым, крадут невест, пользуясь их расположением.

«Рассказ татарина» – история о татарском юноше, который стал разбойником. Этот рассказ лег в основу одной из повествовательных линий в повести «Клад», только имя героя писательница изменила, в повести его зовут Гамет. В обоих произведениях возлюбленные героев носят имя Зугра. В повести «Клад» описана простая татарская семья, где отец и старший сын Гамет выполняют тяжелую физическую работу, а мать с младшим сыном Зайнуллой хлопочут дома. В этой истории кульминацией является эпизод, когда повзрослевшие сыновья влюбились в одну девушку, Зугру, и мать упростила своего мужа отдать калым (все скопленные деньги) для женитьбы младшего сына. Гамет, узнав об этом, становится разбойником, крадет Зугру и исчезает в непроходимых лесах.

В «Рассказе татарина» юноша Хамитулла, узнав, что его возлюбленную отдали за богатого купца, против калыма которого не смог устоять отец девушки, украл Зугру с постели мужа. Муж и отец разыскивали Зугру, подали просьбу в суд, Хамитулла был объявлен в розыск. Молодые прятались в густых лесах, но с приходом осенних холодов Хамитулла вынужден был вернуть свою Зугру под кров друга с условием, что тот защитит ее от гнева отца и мужа и от злых насмешек людей. У татар были редкостью случаи самовольного ухода девушки к своему избраннику, похищения невесты. Общественное мнение осуждало такие формы бракосочетания [5], в таких случаях считалось, что девушка не уважает своих родных. Дурова вскользь упоминает об отношении девушек к своему положению украденной невесты. Так, Зугра из повести «Клад» отказывается бежать с Гаметом в лес, боится «устыдить седины отца, убить его горестью» [4, с. 263], однако будучи похищенной, покоряется воле мужчины и становится доброй женой и матерью. Зугра из «Рассказа татарина» после того, как ее возлюбленного поймали и казнили, осталась верна любимому Хамитулле, к мужу не вернулась, уговорив отца вернуть калым.

Процесс расторжения брака у татар предусматривает возможность трехэтапного развода (первые два могут быть незавершенными, но последний уже окончателен) и обязательность разводного периода. Если муж с женой развелись ни разу с момента женитьбы не вступив в половую связь, то разводного периода для этой женщины не существует (см. Св. Коран, 33:49) [7]. У Зугры не было разводного периода, ее украли с постели мужа, Дурова обращает внимание на этот нюанс, ее героиня говорит Хамитулле, что у нее «не было другого мужа» [1, с. 226].

Интересно описан обычай просить отца заплатить калым за невесту – молодой татарин встает на колени перед отцом, открывает свое сердце, произнося имя любимой, и говорит: «Дай мне ее!» [4, с. 262]. Такой эпизод встречается дважды в повести «Клад», первый раз Гамет просит отца дать ему Зугру, второй раз сын Гамета, Рашит, просит дать ему Ревекку.

Строгость закона по отношению к девической чести и скромности встречается в описании Нурмеки: обычай велит закрывать лицо девушки от посторонних мужских глаз, этим законом пользуется мать Нурмеки, скрывая под покрывалом младшего сына Селима и выдавая его за красавицу-дочь. В «Рассказе татарина» Дурова спросила у ямщика Якуба, как удалось Хамитулле разглядеть девушку-татарку, ведь девушки прячутся от мужчин, Якуб дал очень ироничный ответ: «...только не от тех, кому они хотят понравиться, тут они очень искусно умеют дать себя увидеть» [1, с. 220].

Г. Н. Ахмаров отмечает, что, несмотря на возможность татар иметь несколько жен, этой практики придерживались немногие, главным поводом

к двоеженству служила бездетность жены [3]. Н. А. Дурова отмечает, что не все мужчины-татары брали себе вторую жену. Так, ямщик Якуб рассказал о том, что в возрасте 42 лет не имел детей, поэтому скопил калым и взял вторую жену [1, с. 219], а для того, чтобы помогать тестю в трудах, он переехал в деревню второй жены. Отец Нурмеки, напротив, страстно любил свою единственную жену Кизбек, когда она начала стариться, он, вопреки обычаям магометан, не брал молодых жен. Кизбек была его друг, жена, любовница, впоследствии мать многих детей [4, с. 407].

Таким образом, в произведениях Н. А. Дуровой нашли отражение представления писательницы о татарских обычаях вступления в брак. Дурова воссоздает быт и нравы татар, она имела возможность наблюдать их в Сарапуле, в Елабуге и в Казани. В духе романтизма Надежда Андреевна описывает обычай выплаты калыма и умыкание невесты, однако нельзя сказать, что писательница была знакома с тонкостями расторжения брака и многоженства, представления Н. А. Дуровой о татарах общеприняты, она как человек другого вероисповедания не имела возможности детально вникнуть в семейные традиции и уклад жизни татарского народа.

Источники и литература

1. Дурова Н. А. Избранное / Н. А. Дурова. М.: Советская Россия, 1984. 440 с.
2. Фаттахов Т. Д. К истории расселения татар-мусульман в юго-восточных городах и уездах Вятской губернии / Т. Д. Фаттахов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-rasseleniya-tatar-musulman-v-yugovostochnyh-gorodah-i-uezdah-vyatskoj-gubernii> (дата обращения: 29.08.2020)
3. Татарская свадьба 100 лет назад: похищение невест, споры о калыме и свой мальчишник URL: <https://realnoevremya.ru/articles/65450-svadba-rotatarski-kak-gotovilis-k-brakosochetaniyu> (дата обращения 5.09.2020).
4. Дурова Н. А. Избранные сочинения / Н. А. Дурова. Елабуга: ЕлТИК, 2013. 480 с.
5. Уразманова Р. К. Этнография татарского народа. Татарский обряд бракосочетания URL: <https://tatobzor.ru/tatarskij-obryad-brakosochetaniya> (дата обращения 3.09.2020).
6. Ислам для всех. URL: <https://islam.plus/ru/fatwa/sema/nikah-brakosocetanie/kak-islam-otnositsa-k-braku-s-kuzinoi> (дата обращения: 6.09.2020).
7. Агялутдинов Ш. Процесс расторжения мусульманского брака. Развод (талак). URL: <https://umma.ru/protsess-rastorzeniya-musulmanskogo-brakara-zvod-talak/> (дата обращения: 6.06.2020).

Отражение тюркского народного искусства через экспонаты Музея истории государственности Татарстана

История и культура Волжской Булгарии богаты разнообразными образами и символами, отражающими бытовую и духовную жизнь народа. На территории Волжской Булгарии росли новые города, они развивались как с политической, так и с экономической стороны. Помимо развития градостроительства население умело изготавливало керамические, бронзовые, металлические предметы быта, искусно выполняло ювелирные украшения. В период Волжской Булгарии активно развивалась торговля не только с Русью, но и с Византией, Ираном, Китаем, Средней Азией. По территории Булгарии проходило два караванных пути в Хорезм и Крым, а основной торговый крупный узел проходил через известный исторический путь «из варяг в греки».

История Волжской Булгарии берет свое начало с начала VIII в., когда на территорию Среднего Поволжья с территории Приазовья происходило массовое переселение тюркских племен таких, как булгар, барсил, баранджар, эсегел и сувар. Булгары пришли на Среднюю Волгу в составе целого конгломерата племен.

Вместе с массовым переселением тюркских народов, конечно, создавались новые культурные и исторические изделия Волжской Булгарии. Помимо архитектурных строений таких как дома, мечети, хозяйственные строения, бани археологи на территории бывшей Волжской Булгарии находят остатки керамической посуды, начеканенных монет с X в., а также ювелирных украшений. Волжская Булгария была известна не только своими монетными дворами, но и бытовыми изделиями из бронзы и металла. Таким ярким примером является бронзовый замок в виде барса. В работах болгарских мастеров нашли отражение мировоззрение и мифология народа, народные предания. Например, широко был распространен так называемый «звериный стиль». Образцом этого стиля могут служить бронзовые замочки в виде фигурок барса-единорога. Данный замок представлен в нашем музее. «Замки в виде фигурки барса в массовом виде производились в Биляре, – писал А. Х. Халиков. – Барс – хищное животное кошачьей породы, распространенное в горах восточной части Средней Азии, Южной Сибири и Алтая, – был, очевидно, тотемным животным одного из ведущих болгарских племен в Поволжье и на Среднем Кавказе – барсил [2, с. 10]. По мнению ученого, название племени состоит из древнетюркских слов «барс», что означает хищный зверь и «ель» либо «иль», что означает племя, народ, либо племенной союз.

Волжская Булгария была известна своим декоративно-прикладным искусством. Мастера очень умело и искусно изготавливали ювелирные украшения из серебра, золота, меди и свинца, применяя разные художественные и ювелирные техники при выполнении изделий. Больше всего в составе богатых кладов, зарытых в свое время в землю самими булгарами и случайно обнаруженных уже в последние столетия, накоплен весьма обширный ассортимент разнообразных изделий ювелирного дела: золотые, серебряные, бронзовые, медные, костяные, стеклянные украшения и предметы туалета [7, с. 115]. Такими объектами были перстни, височные кольца, пряжки, браслеты, подвески, шейные гривны, очелья, бляхи, амулеты, накладки, бусы и другие изделия ювелирного искусства. Украшения изготавливались с помощью разнообразной техники, например, зернь, скань, чернь, чеканка, гравировка, инкрустация серебром и золотом по металлу и дереву, золочение, глиптика (резьба на драгоценных и полудрагоценных камнях). В домонгольский и золотоордынский период ювелирное искусство было широко развито. В XIV в. оно достигло высшего уровня своего совершенства.

Я бы хотела рассмотреть височное кольцо с фигурой утки, которое представлено в нашем музее. В Волжской Булгарии «звериный стиль», то есть изображение животных в искусстве, было очень популярным. Искусство передавало все, что видел и замечал человек рядом с собой, что его окружало. Изображение птиц так же было очень актуально в то время. Уточка и само кольцо изготавливались из золота при помощи штамповки, литья и тиснения. Такое украшение крепилось на лентах, не отягощая уши.

Основой украшения является разомкнутое медное кольцо, на которое надеты три бусины из золотой фольги. Внутри композиции находится сама уточка, которая держит в раскрытом ключе шарик – по легенде клочок земли, из которого зародился наш мир. Голова и клюв украшены зернью. Зернышки напаивались на заготовку шариками из золота диаметром от 0,01 до 2 мм. Всего использовали около 1500 шариков зерни. Крылья и шею украшали узором из золотой проволоки, которая сплеталась из двух тонких проволочек – сканью [9].

По трактовкам древней мифологии тюркских, финно-угорских и индоиранских племен уточка ныряет на дно моря-океана и достает из глубины комочек земли, и именно от него создается наша вселенная. Древние тюрки считали утку тотемным животным, так как она символизировала мир в трех стихиях. По книге Фахрутдинова утка, которая летает в небе, ходит по земле, плавает в воде, символизирует мир в трех стихиях – небесный свод, земную твердь, водную глубину. Эти символы отражаются в височном кольце тремя бусинами на самом кольце и тремя подвесками на ажурных цепочках. Сама птица изображает семейное благополучие,

здоровье и счастье. По другой трактовке мифа – рождение мира из яйца утки. По этому мифу Луна, Земля и солнце возникли из трех яиц, снесенных уткой. Именно этот сюжет находит отражение в трех бусинах на кольце и цепочках. Образ утки встречается в многочисленных археологических находках, фольклорных и этнографических материалах и выступает как символ солнца и неба [9].

В «Музее истории государственности Татарстана» представлен еще один экспонат периода Волжской Булгарии. Помимо ювелирного искусства мастера изготавливали большое количество керамических сосудов, бронзовых и железных котлов для варки пищи, богато орнаментированную керамическую (как простую, так и поливную), а также металлическую посуду для хранения продуктов питания и приема пищи [7, с. 130]. Большинство предметов обозначались тюркскими руническими графемами. В музее представлено донце керамического сосуда с клеймом. Это клеймо является той самой рунической графемой в форме перевернутой буквы «А» «с перекладиной в виде галочки острием» [5, с. 92]. Такая тюркская руническая графема является одной из самых распространенных знаков на болгарской керамике. Графема читалась как буква «Б» и давала некое разъяснение о территории ее создания, указывая на г. Булгар. Так же такая графема играла роль символа и знака государственности Волжской Булгарии.

Н. А. Кокорина прямо связывала этот вид болгарских клейм с «тамгой правящего в Волжской Булгарии княжеского рода и основной группы населения», а размещение гончарных мастерских с тамгой «А» в политических центрах, по ее мнению, свидетельствовало о принадлежности их к государству [4, с. 93]. С одной стороны, историками он обозначался как символ правящего болгарского дома, с другой – основной группы населения. Интерпретация символа очень разная. По мнению А. Ф. Кочкиной, знак передавал звук буквы «б», возможно означал начальную букву слов «Биляр», «Булгар». К этому мнению присоединилась и Н. А. Кокорина, так же она предложила и свою семантику знака. По ее видению, графема использовалась в качестве тамги родом, который считал своим тотемом волка («буре») в юго-восточной Башкирии, а волк в качестве прародителя тюрков являлся тотемом рода каганов Ашина, а почитание волка известно у многих средневековых и современных тюркских народов, в том числе сохранилось в татарском и башкирском фольклоре [4, с. 92–93]. Данная руническая графема была популярной в государственно-политической, военно-дружинной, торговой сферах и в гончарном ремесле. По мнению историков, такие тамги приравнивались «знакам Рюриковичей» на Руси и владельческим знакам из Дунайской Болгарии.

Объем материалов по рунике позволяет сделать вывод, что в Волжской Булгарии выявляется целый ряд важных знаков и символов государственности.

Руническая графема «А» встречается как на массовых изделиях в виде клейм, так и на социальных предметах, например, монетах, оружии. Возможно, подобные знаки были символом правящего дома родовой знати Булгарии.

Таким образом, описанные материалы и предметы дают возможность проанализировать уровень развития народа Волжской Булгарии. С X по XIII вв. шло активное развитие декоративно-прикладного искусства. Народ Волжской Булгарии умело торговал, чеканил монеты и, в целом, жил в гармонии с окружающей его средой. Данный период отображает яркий подъем культурного и духовного уровня в истории татарского народа.

Источники и литература

1. Бариев Р. Х. Материальная и духовная культура волжских булгар в исторической ретроспективе / Р. Х. Бариев. Казань, 1996. 22 с.

2. Из истории ранних булгар: сборник / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1991.

3. Измайлов И. Л. «Зелёных не сочтешь там шелковых знамен...» (Символы болгарской государственности (X – первая треть XIII в.) / И. Л. Измайлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. № 2. С. 18–34.

4. Кокорина Н. А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии / Н. А. Кокорина // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 93.

5. Руденко К. А. Знаки-тамги в культуре волжских булгар: новые открытия / К. А. Руденко // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 88–98.

6. Соболева Н. А. Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» / Н. А. Соболева // Хранитель, исследователь, учитель. К 85-летию В. М. Потина. СПб., 2005. С. 50.

7. Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана / Р. Г. Фахрутдинов. Казань: Магариф, 2000. 255 с.

8. Червонная С. М. Искусство Татари: [История изобразит. искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 г.] / С. М. Червонная. М.: Искусство, 1987. 351 с.

9. «1 день – 1 экспонат»: височное кольцо [Электронный ресурс] // Казанский репортер. URL: https://kazanreporter.ru/post/2458_1_den_-_1_eksponat_visochnoe_kol-co (дата обращения 17.09.2020)

10. Измайлов И. Л. Средневековое феодальное государство в Волго-Уральском регионе (начало X в. – 1236 г.) [Электронный ресурс] / И. Л. Измайлов // Татарская онлайн-энциклопедия Tatarica. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/gosudarstva/volzhsкая-bulgariya> (дата обращения 20.09.2020).

**Этнокультурные образы в изобразительном искусстве
на примере татарских и башкирских художников – участников
международных арт-симпозиумов в Елабуге**

Развитие и сохранение этнокультурной традиции сегодня происходит в стремительно глобализирующемся мире. Это в значительной степени обострило проблему существования локальной культуры в новых условиях. Большинство исследователей склоняются к тому, что обязательным условием сохранения самобытности должен быть диалог культур, дальнейшее развитие и интегрирование традиционных ценностей в современную культуру.

Елабужский государственный музей-заповедник осуществляет большое количество различных художественных проектов, имеющих этническую направленность и ставящих своей целью сохранение исторической памяти, национальной самобытности и развитие межэтнического культурного диалога, в который вовлекаются как учащиеся художественных школ, студенты вузов и ссузов художественной направленности, так и именитые художники различных регионов нашей страны и стран ближнего и дальнего зарубежья. Центральным из таких проектов является ежегодный Международный арт-симпозиум по современному искусству, который проводится музеем-заповедником с 2006 г. и неизменно посвящен этнокультурной тематике.

Культура любого этноса всегда была связана с прошлым, и поэтому она, представляя собой коллективную память народа, всегда стремилась сохранить накопленный духовный опыт. Эта память запечатлевала важные для каждого народа, повторяющиеся из века в век идеи и образы, устойчивые комплексы представлений – все то, что обозначается введенным К. Г. Юнгом термином «архетип». Функционально архетипы рассматриваются как первичные формы адаптации человека к окружающей реальности. В современной науке широкое распространение получил термин «культурные архетипы», обозначающий архаические культурные первообразы, нормативно-ценностные ориентации этноса, проросшие через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в пространстве современной культуры. Это глубинные установки коллективного бессознательного, которые люди могут не осознавать и, как правило, не осознают, но которые всегда работали и работают на сохранение культурного генотипа того или иного народа.

В каждой национальной культуре доминируют свои культурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения этноса.

Архетипы всегда сопутствовали человеку, являясь источником мифологии, религии и искусства. В этих культурных образованиях происходила сублимация аффективных и амбивалентных по своей природе образов, посредством чего они превращались в символы прекрасные по форме и всеобщие по содержанию. Мифология и фольклор были изначальным способом обработки архетипических образов, а творческий процесс – «бессознательным оживлением» архетипов, их развитием и оформлением до законченного произведения.

Пережив когда-то последствия отрыва сознания от «матери-природы», от коллективного бессознательного, наши предки вынуждены были восстанавливать утраченную гармонию при помощи магии, ритуалов, мифов и искусства, которое и само на тот момент больше склонялось к магии, чем к эстетике. Однако с развитием сознания пропасть между ним и бессознательным неумолимо углублялась, напряжение росло, угрожая неминуемым конфликтом. Пока, наконец, перед современным человеком не встала проблема приспособления к собственному внутреннему миру, который наряду с личным бессознательным, куда входили вытесненные из сознания представления; где скапливалось все то, что было в разное время подавлено или позабыто, включал и «коллективное бессознательное», которое являлось итогом жизни рода с незапамятных времен. Последнее стало тем основанием, на котором вырастает индивидуальная психика, которая содержит в себе и общие всему живому инстинкты, и специфически человеческие бессознательные реакции на постоянно возобновляющиеся на протяжении жизни рода феномены внешнего и внутреннего миров.

Архетипы «коллективного бессознательного» при этом являются своеобразными когнитивными образцами, согласно которым и организуется наш внешний и внутренний опыт. Эти врожденные образцы, воспринимались нашими предками как пугающая и чуждая воля, как нечто бесконечно превосходящее человека, глубоко надличностное. В ответ на это свойственное человеку воображение порождало фантастические образы и многочисленные мифы.

«Все те творческие силы, которые современный человек вкладывает в науку и технику, человек древности посвящал своим мифам» [2, с. 97–128.]. Мифотворчество устанавливало равновесие с силами бессознательного, добываясь свойственной человеческой психике целостности бессознательных и сознательных процессов. Однако неизбежное в связи с развитием науки и техники обособление сознания привело к утрате этого равновесия, и бессознательное стало стремиться «компенсировать» односторонность сознания. И если люди древних цивилизаций высоко ценили опыт сновидений как милость божию, поскольку именно в них они вступали в прямой

контакт с коллективным бессознательным (с душами предков), то сознание современного человека отказывается принимать во внимание опыт архетипов, которые никуда не деваются и не изменяются в угоду сознанию.

Тогда-то и возникает опасность компенсаторного «вторжения» коллективного бессознательного в наше сознание в самых примитивных формах, что может привести не только к индивидуальным, но и к коллективным психозам – лжепророчествам, массовым истериям и войнам.

Возможно, именно об этом предупреждали ведущие критики культуры (Руссо, Фрейд, Ницше), утверждавшие, что современная культура делает из человека больное животное.

«Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства», «... для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства». [4, т. 3–4, с. 107].

Согласно Юнгу, искусство имеет социальную природу, оно – «надличностное явление». Творческий процесс Юнг видит в «бессознательном оживлении» архетипа, его развитии и оформлении до законченного произведения, а тайну восприятия произведения искусства, то есть катарсический механизм – в обнаружении архетипа, связь с которым «освобождает в нас голос более могучий, чем наш собственный» [5]. Таким образом, творение и восприятие художественного произведения – это вечное возвращение к перводанности, к первоосновам, которые таятся где-то в области бессознательного, а роль художника, имеющего непосредственную связь с бессознательным, состоит в извлечении из забвения значимого первообраза, его новом осмыслении и насыщении адекватным современности содержанием, придании соответствующей формы и вида, а уж «обратную дорогу» в коллективный духовный опыт народа тот найдет сам.

Возможно, в этом и состоит суть творчества современных художников, вовлеченных в процесс этнокультурной рефлексии.

Обращение их к символам и первообразам, таящимся в глубинной памяти народа, не случайно и, надо думать, вызвано не только модой (хотя и сама мода – явление не случайное, а скорее необходимое в данной ситуации), а внутренней потребностью самого художника или сознательным стремлением явить на свет возникающие из неведомых глубин образы и видения. И в какой бы – авангардной или реалистической – манере не работал мастер, в его произведениях всегда явно или косвенно будут проступать заветные мотивы и символы дорогой сердцу старины. Они способны впечатлять, внушать, увлекать, поскольку восходят к универсально-постоянным началам человеческой природы. А тайна воздействия искусства состоит в особой способности художника почувствовать архетипические формы и точно реализовать их в своих произведениях.

Интерпретируя произведения искусства с точки зрения архетипического их содержания, всегда необходимо помнить о том, что «природа архетипов не позволяет четко истолковывать их... всякая интерпретация – это более или менее успешная попытка «перевода на другой образный язык» (Юнг) [6].

Вглядываясь в картины современных татарских художников – Рабиса Саляхова, Сагиды Сиразиевой, Рията Мухаметдинова, – мы невольно обнаруживаем при их стилистическом различии упомянутое уже сходство – стремление прикоснуться, подобно легендарному Антею, к своим истокам, к тому миру, в котором до сих пор обитают образы и состояния, необходимые сегодня человеку для ощущения целостности мира и своей духовной укорененности в нем. Это и образы детства, возникающие словно из сна, словно выхваченные светом воспоминания, где всё синкретично вплетено в одну светлую песню («Мечтатель», «Долгая долгая песня» Рабиса Саляхова), которая начинается на заре и сопровождает до самого заката жизни, ни на миг не тускнея, ни на миг не переставая говорить нам о любви. Нежное тепло мира, непередаваемый запах сена и пение самого дорогого на свете существа, которое движет твою повозку, которое любит тебя больше всего на свете – вот главные знаки вселенной, которым должно следовать человеку. Все это лишь крохотный островок воспоминания – сочная палитра травы, солнца и хрупкая фигурка, сотканная из пестрого платка и платья той, кто любит, чтобы сохранить очертания, чтобы запомнить и передать своим детям, чтобы знали, где искать спасения от посягательств этого мира. И за всем этим – бесконечность. А вот и совсем «Древняя песня», которая представляет нам образы априорного времени, где сон младенца, олицетворяющего начало новой, вечно обновляющейся жизни, уютно расположившегося на руках древней как мир и неизменной как материнская любовь праматери, сон, навеваемый музыкой ангела, связующей новое и древнее через искусство.

Понять можно символы, но образы можно только почувствовать по тем движениям, которые непроизвольно возникают в душе зрителя в момент контакта с ними. Почти все работы Сагиды Сиразиевой («Лунная дева», «Колыбельная», «Темный лес», «Обряд вызывания дождя») наполнены архетипическими образами, они все – сны во сне о том времени, когда «небеса были телесны» и сообщались с земным миром через деревья и птиц. Так поддерживалась целостность мира в сознании людей, которые органично вписывались в него и гармонично существовали. Мир Сиразиевой кажется условным и даже, на первый взгляд, орнаментальным, но стилистика сна, вневременность и певучесть населяющих его образов делают его чувственно воспринимаемым и пробуждающим в нас коллективную память о мифическом благоденствии.

Но миф здесь не вымысел, а бывшая когда-то для наших предков самая что ни на есть «напряженная реальность». Спустя века эта реальность, как нечто, во что мы вглядываемся издалека, представляется по большей части размытыми силуэтами и цветовыми пятнами в ослепительных лучах солнца или луны, а порой только иероглифом, знаком, который художник разрабатывает, чтобы сделать доступным нашему сердцу. Сделать заветную старину доступной своим современникам стремится в своем творчестве и Рият Мухаметдинов, коллега Рабиса Салыхова по художественной группе «Тамга». Если в картине «Коз канаты» («Крыло гуся») и особенно «Токтамыш и Идегей», благодаря фольклорно оформленному источнику мы видим свернутый, энергетически и ритмически насыщенный сгусток легендарного мира, то в работе «Элли-бэлли» («Колыбельная») мир прошлого космичен и глубоко символичен, он подобен матрице, из которой произойдут затем бесчисленные миры и судьбы. Но и здесь мы не просто считываем символику, а становимся очевидцами и даже участниками – в той мере, в какой мы прониклись образами картины, судьбоносного события в жизни человеческого рода, – формирование будущей гармоничной личности, закладка здоровой психики через песню и интонации.

Образы «непреходящего» прошлого оживают и в современном изобразительном искусстве Башкортостана. В творчестве башкирских художников, как и татарских, преемственность и единство духовного мира воспринимаются как необходимое условие здоровья художника, зрителя и нации в целом. Потому и обращение к архетипическим сакральным образам прошлого стало основной чертой в творчестве таких художников, как Салават Гилязетдинов, Айгуль Байрамгулова и Чулпан Билалова. Их картины также напоминают нам о стремлении древних к единству, к гармонии, целостности бытия человека и космоса как об основополагающем принципе жизни.

У башкир многие атрибуты былой родоплеменной структуры к настоящему времени не сохранились. «В генеалогиях, фольклоре, памяти информаторов кроме этнонимов еще можно обнаружить данные о родовых тамгах и их названиях, птицах, деревьях, уранах. Они возникли в недрах родового строя и имели большое значение в жизни соплеменников в свете их анимистического мировоззрения. Тамги сохранились до настоящего времени, хотя уже и потеряли свое былое значение, они высечены на скалах и камнях по берегам р. Белая, озер Аслыкуль и Кандрыкуль, на каменных плитах у д. Ташлы Альшеевского района (Киленташ). При всем их многообразии **родовые тамги** были устойчивы и, передаваясь из поколения в поколение, сохраняли начертание древней основы. Происхождение тамг до сих пор до конца не выяснено» [7].

Тем диковиннее выглядят работы Салавата Гилязетдинова, исполненные в технике конгрев, воссоздающей иллюзию этой древней основы, иллюзию, способную пробудить подлинные связи, таящиеся глубоко в подсознании, а начертанные знаки и символы кажутся проступившими из глубины веков очертаниями Великой степи, наполненной ветрами, топотом копыт, великих и драматических историй, оживших под рукой мастера, не позволившего кануть в безвестность и окаменеть тому, что было наполнено страстью и трепетом живого сердца. Его стилизованные под тамги работы («Степь», «Степной напиток», «Айкайлюк», «Зиляйлюк») из символических знаков исчезнувших родов превратились в пространства, где вновь разворачиваются события теперь уже не местного значения, а глубоко эпические, на все времена.

И опять сновидение, где нет временных и пространственных границ, где оживают дороге сердцу образы эпического сказания «Кунгыр-буга» («Бурая корова») в работах Айгуль Байрамгуловой «Бурая корова» и «Дорога Тандысы». «Шла Тандыса длинными дорогами в страдании и муках и заметила, что горы, земля и воды этих мест похожи на те, что в родном краю. Воспрянула она духом, запела...» [8]. Это край обетованный, где все узнаваемо, где живет сердце художницы, где каждая деталь пребудет в образах гор, холмов и деревьев, в фигурах родных ей стариков, где всё неизменно, неизменно ласково, полно любви и ожидания её, Айгуль. И время не властно над ними, оно проносится мимо силуэтами всадников и коров, постепенно превращающихся в орнамент.

Образ степного певца в работе Чулпан Билаловой «Акын» весь будто сотканный из трав, палящего солнца, запахов и звуков бескрайнего пространства, которое давно уже стало временем, сам превратившийся уже в дух степи, взывает во все пределы обозримые и необозримые, ища понимания и отклика, подобно гласу вопиющего в пустыне; рот его подобен бездне, глаза сомкнуты, взор обращен внутрь, а эзотерические, ни кем не услышанные песни опадают неопознанными знаками, подобно высохшим степным цветам.

«Ни славы и ни коровы,
Ни шаткой короны земной –
Пошли мне, Господь, второго –
Чтоб вытянул петь со мной!» [9]

Эта работа художницы во многом символична и созвучна нашей теме, – она призыв и горькое напоминание ныне живущим о единстве мира и необходимости обращения к мудрости и образному миру предков, чтобы это единство восстановить.

Источники и литература

1. Колчева Э. М. Культурологические подходы к исследованию национального изобразительного искусства / Э. М. Колчева // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: сб. науч. ст.: в 3 ч. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. унт., 2011.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. М.: Ренессанс. 304 с.
3. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтикохудожественному творчеству / К. Г. Юнг // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Изд. группа «Прогресс»; Универс, 1996. 331 с.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. / Н. В. Гоголь. М. Русская книга, 1994.
5. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. М.: Изд. Академический проект, 2007.
6. Колчева Э. М. Понятие «культурный архетип» как инструментарий анализа национального искусства / Э. М. Колчева // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 254–263.
7. Родовая символика башкир. Изобразительное искусство Башкирии. URL: <http://hallart.ru/culturallifeofbashkortostan/rodovaya-symbolism-bashkortostan>
8. Конгур Буга. Башкирский народный эпос. URL: <http://shejere.narod2.ru/index/0-7>
9. Вознесенский А. Песня акына / А. Вознесенский // Дубовый лист вилоанчельный. М.: Художественная литература, 1973.
10. Иллюстрации, упоминаемые в тексте, на интернет-ресурсе «Выставочный зал ЕГМЗ». URL: <https://vk.com/club191161929>.

Краеведческий музей Полоцка как место изучения, сохранения и трансляции историко-культурного наследия

Полоцк – самый древний город на белорусской земле. Его историко-культурное наследие сегодня изучает, сохраняет и транслирует старейший в стране Краеведческий музей г. Полоцка, ставший с 1985 г. филиалом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Однако история музея насчитывает уже почти сто лет, и началась она в 1926 г., когда Полоцкий окружной краеведческий музей был открыт в стенах знаменитого Софийского собора. За свою многолетнюю историю музей пережил несколько переездов и реэкспозиций, но несмотря на это продолжал оставаться верен своей миссии – сбору, исследованию и презентации того богатейшего исторического наследия, которое принадлежит полочанам и всем белорусам.

Почти за вековой период своего существования Краеведческий музей Полоцка по-разному презентовал публике всё культурное многообразие Полотчины. Во второй половине 1920-х гг., когда в республике активно проводилась политика белорусизации, открытие в Полоцке краеведческого музея стало результатом плодотворной работы Комиссии по охране памятников старины и искусства и Полоцкого краеведческого общества. В 1927 г. музей переехал в здание бывшей лютеранской церкви, где работал на протяжении всех последующих лет. Несмотря на финансовые трудности, связанные с социально-экономическими преобразованиями Советской власти, вторая половина 1920-х гг. была насыщена яркими событиями в истории музея. Его сотрудники в условия новой политики не только презентовали портреты религиозных деятелей, старопечатные христианские книги, знаменитые служские пояса, изготовленные на мануфактурах белорусских магнатов Радзивилов, но и принимали участие в археологических раскопках, которые проводил Институт белорусской культуры, постоянно печатались на страницах местных и республиканских СМИ, проводили большую краеведческую работу с молодёжью. Кардинально ситуация изменилась в 1930-е гг., в период становления культуры личности Сталина и массовых репрессий. В эти годы деятельность музея была практически свёрнута, и он «выпал» из активного взаимодействия с социумом. Это доказывают и отдельные архивные сведения: часто сменяемые руководители, простои в работе, уменьшение экспозиционных площадей. А годы Великой Отечественной войны стали завершающим аккордом периода застоя музейной деятельности с момента его открытия:

экспозиция была полностью разграблена и для города навсегда утеряны уникальные памятники прошлого.

Со второй половины 1940-х гг. Краеведческий музей Полоцка получил второе рождение. В послевоенные годы шёл активный сбор материалов, пополнение музейного собрания из обменного фонда. В Полоцк были переданы предметы по истории Отечественной войны 1812 г. из белорусских городов Кобрин и Волковыска, предметы из коллекций оружия и нумизматики из Витебского областного музея, археологические находки с территории бывшего Полоцкого княжества X–XIII вв., найденные московским археологом Л. В. Алексеевым. Музейная экспозиция 1950–1980-х гг. создавалась на основе советской идеологии, выделяя наиболее яркие страницы локальной истории. По причине своего геополитического положения Полоцк нередко оказывался в центре международных событий. Поэтому отдельные тематические комплексы рассказывали про период расцвета Полоцка в X–XIII вв., как крупнейшего торгового центра на пути «из варяг в греки», про годы борьбы в XIII–XIV вв. с крестоносцами, про французское нашествие XIX в., Первую мировую и Великую Отечественную войны, и, конечно, про успехи «советского периода» второй половины XX в. Музей пользовался популярностью у полочан, о чём свидетельствуют архивные документы и материалы местной печати. Обновлённые стационарные экспозиции, а также выездные выставки активно посещали как взрослые, так и дети. Но перестройка и распад Советского Союза внесли свои коррективы в сознание людей, что, естественно, должно было отразиться и на презентации региональной истории уже в новой экспозиции.

Расширяя музейное пространство, в Полоцке был открыт музей Боевой славы, где в новом здании был представлен период Великой Отечественной войны, но остальное советское время нуждалось в новой трансляции. Поэтому половина экспозиционных залов Краеведческого музея, расположенных на втором этаже бывшей лютеранской церкви, с 1996 г. почти 10 лет использовалась под временные выставки. Они позволили научным сотрудникам сконцентрировать внимание на тех темах и проблемах, которые планировалось представить в будущей экспозиции, посвящённой советскому времени.

В рамках празднования 80-летия музея в 2006 г. произошло открытие новой стационарной выставки «Полоцк в межвоенный период. 1917–1941», ставшей со временем частью постоянной экспозиции. Научные сотрудники, используя материалы государственных архивов, частных коллекционеров, общественных организаций, попытались исторически верно, эмоционально и многопланово рассказать об одном из непростых и трагических периодов

в истории города. В экспозиции нашли своё место документы полочан, безвинно погибших в годы массовых репрессий, оружие и колючая проволока времён оккупации города, хлебные карточки и фотографии укреплений «линии Сталина». Создатели новой выставки впервые в истории музея открыто показывали последствия антирелигиозной компании – материалы операции «Боевик» по изъятию церковных ценностей и вскрытию мощей, фотоматериалы и документы замученных в застенках НКВД полоцких учителей и литераторов, аутентичные предметы, раскрывающие политику государства в отношении представителей разных национальностей – белорусов, русских, евреев, поляков.

В 2016 г. в рамках празднования 90-летия музея была открыта ещё одна стационарная выставка «Почётные граждане города Полоцка». Сегодня, когда мировое музейное сообщество уделяет всё больше внимания человеку как объекту музейного пространства, сотрудники Краеведческого музея Полоцка также решили через персонализацию познакомить своих посетителей с современной историей города. На работе данной стационарной выставки мне бы хотелось остановиться несколько подробнее.

Материал по теме «Почётные граждане города Полоцка» научными сотрудниками музея стал собираться ещё с 1960-х гг., то есть практически с момента утверждения Положения о звании. В 1970–1980-е гг., когда награждение проходило в рамках юбилейных дат города или всего государства, эта работа велась эпизодично. После обретения Республикой Беларусь независимости новое руководство города в 2003 г. решило возобновить старые традиции, сделав награждение не эпизодичным, а ежегодным. Как итог, к моменту открытия выставки уже 36 полочан были удостоены высокого звания «Почётный гражданин города Полоцка». У каждого из награждённых за плечами был продолжительный трудовой, а у некоторых и боевой путь, у всех – свой весомый вклад в развитие разных сфер деятельности (политики, экономики, образования, медицины и др.). И это несмотря на то, что многие из награждённых родились не в Полоцке. Среди почётных граждан есть уроженцы Российской Федерации (Чувашия, Москва, Санкт-Петербург, Смоленск, Тверь, Невель), Украины (Киев, Белгород-Днестровский), Грузии (Ачамчары).

Выставку за четыре неполных года посетило почти 19 тыс. человек. Сегодня она стала местом проведения различных мероприятий – тематических экскурсий и вечеров, музейных занятий и уроков, открытых диалогов. Музей уже не первый год продолжает активный сбор материала по данной теме, большую часть которого использует для наполнения инфокиоска. Его контент систематизирован по персоналиям, и ознакомиться с ним можно не только реальному, но и виртуальному

посетителю. Подробный анализ собранного материала, запись интервью с самими почётными гражданами, а также их родными и близкими, дал возможность научным сотрудникам создать интерактивные тематические карты и серию видеофильмов.

2020 г. для всего мира стал особенно трудным в рамках пандемии. Доступ в музеи был ограничен, посетителям было рекомендовано избегать мест массового скопления людей, к каковым относились и музейные мероприятия. В это время научные сотрудники, как и большинство их коллег, активно использовали в работе со своими посетителями интернет пространство. На сайте Краеведческого музея в разделе «Новости» ежемесячно выходили краеведческие материалы о почётных гражданах, они дополнялись редкими фотоматериалами из личных архивов, видеофильмами и интервью, снятыми ранее. В рамках Международного дня музеев были подведены итоги акции «Моя семья – моё богатство!», где среди 88 фотографий часть принадлежала Почётным гражданам г. Полоцка. На сайте музея сегодня можно посмотреть презентационное видео по выставке с одноимённым названием. Там же представлена и виртуальная галерея «За Родину, за честь, за свободу», посвящённая Почётным гражданам, участникам Великой Отечественной войны. Она была разработана сотрудниками музея с помощью конструктора сайтов Tilda. Все материалы сегодня находятся в открытом доступе. И на этом работа не останавливается. Есть уже планы у музея и на ближайшее время.

Аналогичную работу по популяризации историко-культурного наследия Полотчины Краеведческий музей проводит и на площадках временных экспозиций. В качестве примера можно привести последний масштабный проект, посвящённый истории развития физической культуры и спорта Полоцка, промежуточным итогом которой стало открытие в мае 2019 г. выставки «Рождённые побеждать». В процессе поиска материала было собрано много нового. Как оказалось, у Полоцка и Казани есть своя точка пересечения на данной теме. Так, уроженец Полоцка Владимир Алекно, который в 1970-е гг. у себя на родине начинал спортивную карьеру, сегодня Почётный гражданин Казани, получив это звание «за выдающийся вклад в развитие спорта, достижения во славу Казани и воспитание талантливых спортсменов». Владимир Романович в дар музею передал материалы по истории спорта, а в планах у научных сотрудников – проведение в ближайшее время онлайн-встречи со своим знаменитым земляком.

Таким образом, Краеведческий музей Полоцка на протяжении десятилетий своего существования старался оставаться тем социальным институтом, который работает с учётом потребностей общества и способствует воспитанию ценностей, вкусов, образования. Сегодня в своей деятельности

он ищет новые формы работы, как с реальными, так и с потенциальными посетителями, стремится стать местом культуры участия, местом воздействия друг на друга носителей разных систем знаний, идеалов, ценностей, устремлений. Краеведческий музей Полоцка активно занимается научным документированием региона, сбором устной истории, исследовав которую затем транслирует её в своих проектах. Став частью не только музея-заповедника, а всего социокультурного пространства, он в состоянии сегодня формировать и развивать имидж своего города, подчёркивая уникальность Полоцка в глазах как полочан, так и гостей древнейшего города Беларуси.

Источники и литература

1. Воднева І. П. Навуковая канцэпцыя выстаўкі «Ганаровыя грамадзяне горада Полацка» / І. П. Воднева С. В. Гаўрылава // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-заповедніка ў 2016 г.) / уклад. Т. У. Явіч. Мінск: Медысон, 2019. С. 27–30.

2. Комлев Ю. Э. Музей как социально-культурный центр региона. [Электронный ресурс] / Ю. Э. Комлев. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzej-kak-sotsialno-kulturnyy-tsentr-regiona-1> (дата обращения 24.08.2020).

3. Краско В. Д. Праблемы паказу і інтэрпрытацыі савецкай гісторыі ў экспазіцыі Краязнаўчага музея / В. Д. Краско // Матэрыялы гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі: (да 80-годдзя Полацкага краязнаўчага музея) / уклад. В. Д. Краско. Полацк: НППКМЗ, 2008. С. 117–124.

Выставочный проект 2019 года «Древо жизни»

Этнографическая выставка «Древо жизни», представленная Владимиро-Суздальским музеем-заповедником в августе-декабре 2019 г. в музейном центре «Палаты» в г. Владимире, показала не только интерес публики, высокую посещаемость, но и большой образовательный и просветительный потенциал. Сроки продлевались из-за не снижающегося количества посетителей, в пространстве выставки проходили не только экскурсии, занятия музейной студии, но даже некоторые обряды музейных свадебных церемоний, люди активно обсуждали её. Земляки-владимирцы хотели большей представленности региона, это говорило о том, что материал растрожил посетителей, обратил к собственным корням. Да и отзывы гостей из других городов и областей нашей большой страны говорили об одном: существует огромная потребность в подобных экспозициях. Потому хотелось проанализировать её задумку, реализацию и особенности.

Этот проект родился «от коллекции». В 1975 г. во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике появился единственный в России «Музей самодеятельного творчества», где, кроме картин самодеятельных художников, показывались и самые разные произведения народных мастеров, в том числе продолжающих традиционные промыслы. Благодаря некоторой терминологической неразберихе (что считать самодеятельным, а что народным искусством) сформировался фонд, куда входили не только произведения самодеятельных живописцев, скульпторов, но и предметы народного костюма и утвари разных народов, населяющих территорию СССР. Формирование этой коллекции не было систематическим, не ставилась задача этнографической полноты отдельных комплексов, потому что это был музей мастеров, музей умений. После Всероссийских и региональных выставок декоративно-прикладного искусства фонд Музея самодеятельного творчества (МСТ) пополнялся прекрасными экземплярами народных костюмов, предметов посуды, украшениями, выполненными умельцами большой страны, представителями разных народностей. В 2017 г. экспозиция, к сожалению, закрылась из-за необходимости реставрировать здание, но фонд (фонд МСТ) как отдельный в системе фондов ГВСМЗ продолжает существовать.

На сегодняшний день он насчитывает более 1500 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Живопись и скульптура регулярно показываются на различных выставках, а вот декоративно-прикладное искусство в новом времени музейного существования не было востребовано, хотя очень хотелось эти богатства

представить публике. Момент настал, когда родился совместный проект с одним из наших партнеров.

Межрегиональная молодежная общественная организация «Дом мира» ежегодно организует в августе пленэр для юных художников на Владимиро-Суздальской земле. Уже почти 20 лет Владимиро-Суздальский музей-заповедник принимает участников пленэра на празднике фольклора и народных ремесел «Яблочный Спас» в Спасо-Евфимьевом монастыре Суздаля, организует экскурсии по самым красивым и интересным объектам музея-заповедника, где у ребят потом проходят натурные зарисовки и художественные блиц-конкурсы. Каждый год пленэр посвящен какой-то теме («Богатырская сила», «Византия-Русь» (году Греции в России посвящается), экология, тема детства в искусстве и т. д.), с темой связаны очные и заочные конкурсы, программы экскурсий. В последние 5 лет начали приезжать дети из русскоязычной диаспоры и смешанных семей из самых разных стран мира. Родители хотят, чтобы следующее поколение не только узнало, но и почувствовало Россию через язык, предания, архитектуру, ландшафт, искусство, которое, с точки зрения философа И. А. Ильина, является языком человеческого согласия, общения и единения людей [1].

В 2019 г. темой пленэра стали межнациональные отношения, проект победил в конкурсе Фонда президентских грантов. Так как работа над программой начинается за год (заканчивается один пленэр и начинается подготовка следующего), то в музее к теме межнациональных отношений была задумана выставка, призванная показать те самые этнографические материалы, хранящиеся в фонде Музея самодельного творчества. Сотрудник отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства с хранителем фонда МСТ выбрали костюмные комплексы разных народов, сопроводив их некоторым количеством предметов быта, дополняющих образы.

Но оказалось, что в фонде самодельного творчества отсутствует один из главных русских женских комплексов – сарафанный, тогда как панёвных в наличии несколько. Тогда было принято решение обратиться к этнографической части коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника в фонде «Ткани», где хранятся в числе разных прочих экспонатов сарафанные комплексы, старинные платки и шали. Для показа были выбраны покосная рубаха, праздничная рубаха-рукава, типичный сарафан XIX в., а также кокошник XVIII в. Поэтичная деревенская легенда (Сарафан принадлежал прабабушке частной владелицы Никитиной Евдокии Панкратовне, жене Алексея Никитина, бурмистра деревни Пивоварово Мошенской волости Судогодского уезда Владимирской губернии – владения князя Щербатова) рассказывает, что сарафан вышел из рук крепостной мастерицы князя

Щербатова Прасковьи, шившей сарафаны для самой Екатерины II. С этими уникальными прибавлениями полноценным становился показ-обозначение русского женского костюма. Сразу нужно сказать, что отбирались типичные предметы, чтобы составить узнаваемые комплекты-образы. Именно образность помогала, когда не было полных комплектов: отдельные предметы, дополняя друг друга, рождали искомый образ.

В итоге 155 экспонатов из фонда «МСТ» и 16 экспонатов фонда «Ткани» позволили развернуть выставку этнографическую по составу, многонациональную по содержанию, основанную на показе костюмных комплексов и отдельных предметов костюма и утвари разных народов России.

Перебирая варианты названий выставки, мы решили остановиться на всеохватном архетипном «Древе жизни» не только потому, что практически на каждом предмете видели его изображение, но еще и потому, что Древо жизни как Древо Мира перекликается с комплексом костюма, который также является выражением представления народа о вселенной. Эта идея отражения представлений о мироздании в костюме и предметах быта стала идейным и образным стержнем выставки.

Цель – показать через народный костюм и произведения декоративно-прикладного искусства, с одной стороны, – разнообразие и богатство искусства разных народов, с другой стороны, – глубинное родство важнейших декоративных мотивов разных народов, таких как Древо жизни, объединяющее их. Особенно важно было проявить это родство на фоне заявок на участие в юношеском пленэре гостей из 31 региона России от Чукотки до Калининграда и 32 стран мира от Австралии до Марокко.

Для показа предметы сформировали в комплексы по географической и этнографической принадлежности. Демонстрация этих комплексов была организована по географическому принципу (повторяющему порядок расположения регионов на карте), когда переход от одного комплекса к другому является своего рода путешествием не только из региона в регион, но и от народа к народу. Легенды и мифы, обычаи, поверья разных народов дают возможность интересно представить буквально каждый предмет. Так как «путешествие» можно начать из любой точки, то такой принцип показа выставки давал вариативность маршрута и предоставлял посетителям свободу выбора в осмотре.

Пространственно выставка была построена так, чтобы передать географическое ощущение большой страны. Но при этом хотелось создать и ощущение некой глубины времени, в которую погружал многоликий и многомерный объединяющий образ Древа.

Из всех образов традиционного декоративно прикладного искусства «древо жизни» – важнейший. Он олицетворяет в себе единство простран-

ства и времени, носит имена «мирового древа», «небесного древа», «древа плодородия», «древа восхождения», «древа познания»... В самом широком смысле Древо – Космическая ось мироздания. Этот древнейший образ предстает на вышивках, в узорах тканей и ковров, резьбе по дереву, чеканке по металлу, декоре самых разных предметов.

Первый зал вводил посетителя в мир представлений о Древе жизни и связи этих представлений с костюмом, одновременно давал понять, на каком мифологическом и земном пространстве будет разворачиваться «путешествие» экскурсанта. Вступлением служили строки А. С. Пушкина:

Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает –
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит...

Далее вступительный текст задавал идею осмотра выставки: Гениальный А. С. Пушкин показывает мифологический образ, в котором женщина представляет собой символическое Древо жизни – прекрасное, как весь мир со светилами, и живое. Но поэт не описывает костюм чудесной царевны, может быть, потому что вариантов таких костюмов множество: у каждого народа на земле – свой. Однако рассказывают костюмы в разных местах земли об одном: все мы части большого Родового древа, растущего на общей Земле, уходящего ветвями в общее Небо. Народные костюмы тоже напоминают нам, что каждый человек есть Древо жизни, несущее в себе и память предков, и рождение новой жизни.

Встречали посетителя костюмы русские, обозначая Владимир как точку начала нашего виртуального путешествия. Интересной особенностью Владимирской губернии было то, что как раз по ее территории проходила пограничная линия северного и южного вариантов русской бытовой культуры: здесь бытовали северный сарафанный и южный понёвный комплексы женской одежды, строили северные крытые двory и южные открытые, северные коньковые крыши изб и южные четырехскатные... Потому знакомство начинается с трех женских костюмов: рубахи, паневного и сарафанного комплектов. Рубаха и сарафанный комплект – из этнографической коллекции музея. Паневный комплект Белгородского женского костюма, принят в 1977 г. в фонд МСТ.

Интересно, что в торжественном открытии выставки участвовал ансамбль «Радуница», костюмы которых являются воспроизведениями тех, что есть в нашей этнографической коллекции. Реконструкцию одежды

и головных уборов выполнил коллектив специалистов во главе с владимирским краеведом, исследователем исторической моды, руководителем творческой лаборатории «Народный русский костюм. Материалы. История. Технология» отдела «Центр традиционной русской культуры Волго-Окского региона» Государственного республиканского центра русского фольклора Г. А. Федоровой по образцам, хранящимся в ГВСМЗ и Государственном этнографическом музее (Санкт-Петербург).

Переходы к следующим витринам задавали масштаб материала – юг (Кавказ) и север (Чукотка и Камчатка) – и заставляли «взглянуть» на нашу «карту» с космической высоты. Мы будто летим над просторами России, «приземляясь», чтобы познакомиться с произведениями, которые были когда-то частью повседневного существования, например, камчадалов. Необыкновенные, оригинальные, ни на что не похожие предметы вдруг обнаруживали глубинное родство представлений о мире создавших их людей с представлениями народов, живущих за тысячи километров от них.

Второй зал выстроен как экспозиционное путешествие с востока на запад. От Хабаровска через Якутию, Красноярский край, Хакассию, в Поволжье, а затем снова в серединную Россию. Переход от одного комплекса к другому является своего рода путешествием не только из региона в регион, но и от народа к народу. Комплексы народных костюмов, ковры и бытовая утварь – предметы, несущие в своем декоре древние смыслы, оберегающие жизнь и мир, объединенные мотивом древа, составляли мир нашей выставки.

Кроме рукотворного мира традиционной культуры в залах размещались и дополнительные материалы на вертикальных растяжках, помогающие понять язык этнографии. Объяснения значений цвета в народном костюме, символических изображений, большинство из которых являются интернациональными (своего рода «словарь» для перевода «текстов» вышивок и узорного ткачества, аппликаций и резьбы), были и средством работы с аудиторией, и информацией для самостоятельного изучения одиночными посетителями. Портреты мастеров предлагали задуматься о жизни традиции, которая передавалась даже не веками, а тысячелетиями от поколения к поколению. На выставке произошло своего рода чудо, когда потомки мастерицы Н. К. Ходжер (Хабаровский край), уже живущие в центре России, случайно увидели здесь произведения своей прабабушки и её портрет. Они написали чудесный отзыв: «Мы, Ходжеры, прямые потомки одного из самых древних народов Земли – ульчей. На выставке работы нашей прабабушки Нины Константиновны Ходжер. Мы рады, что много владимирцев теперь могут узнать о нашем народе и о других, не менее интересных творческих малых народах России. ... станем дружно и светло передавать своим по-

томкам свет, добро, тепло, силу и нежность наших предков. Пусть уйдет скорее вся пена и мусор, останется добро и радость! Мы любим жизнь, любим людей, любим Землю нашу! С благодарностью, Галина Ходжер и 6 потомков Ходжеров! 19.11.2019 г.»

На выставке побывали не только владимирцы, отзывы показывают большое количество гостей со всей страны, а во время пленэра её посетили с экскурсиями более 600 его участников – тех самых юных художников со всего мира. Оставили свои отзывы канадцы, швейцарцы, эстонцы, болгары, катарцы, белорусы... Большое количество российских школьников и студентов организованно приходили на экскурсии и занятия.

Эта выставка не была тихой музейной экспозицией: её жизнь началась с громкого концертного открытия – выступления фольклорного ансамбля «Радунца». И продолжалась звонкими голосами детей во время интерактивных занятий: они «сеяли лён», «ткали» и «вышивали» в сопровождении музыкального сотрудника Детского музейного центра Г. В. Семенковой. Рабочая зона «Мастерская» стала местом, где шли практики на самые разные темы по программе музейной студии, мастер-классы, посвященные традиционному костюму, проходил Всероссийский этнографический диктант.

Кроме того, выставку сопровождала и работа в социальных сетях, где на страницах музея размещались материалы об отдельных произведениях и ремеслах, например, «Дом на плечах» о кавказской бурке, «Древесное чудо» о бересте.

Резюмируя весь массив откликов на выставку, оставленных профессионалами (этнографами и музейщиками), простыми посетителями (взрослыми и детьми), мы можем сказать, что они не только «прочитали» главную идею о единстве мира людей, но и отметили прекрасное настроение, рождающееся от встречи с показанными предметами традиционной культуры. А каждого посетителя защищал главный оберег – наше общее Мировое Древо, Древо жизни, веточками которого является каждый из нас.

Источники и литература

1. Ильин И. А. Избранные работы об искусстве народных промыслов, архитектурных наследий XVI–XX веков / И. А. Ильин. М., 1976. С. 16–18.

Музейная коммеморация поэта Габдуллы Тукая

Французский историк Пьер Нора определяет рубеж XX–XXI вв. как эпоху всемирного торжества памяти (мемориальную эпоху). Современное общество желает сохранить память о прошлом (останки и свидетельства прошлого) и передать потомкам, что позволяет говорить о коммеморативном сознании групп. Обращение к прошлому связано со стремительным развитием общества; современными поисками себя, своей идентичности, с опорой на собственное прошлое. Общество, стремясь сохранить память в материальной форме, создает мемориалы и места памяти.

Коммеморация – это актуализация прошлого в настоящем путем сохранения в памяти событий или фигур прошлого в виде памятников, дат, юбилеев и т. д. Коммеморативное сознание рождается из потребности группы ощущать свое единство, подтвердить свою идентичность через обращение к общему прошлому.

Одним из мест памяти (по Пьеру Нора) являются музеи. Практика музейной коммеморации актуализирует события прошлого в настоящем, рождает новые интерпретации личности, которые формируют представление группы о прошлом и имеют объединяющий характер. Музей является одним из способов «говорения» о прошлом. Через репрезентацию исторического события или личности в музее закрепляется образ прошлого.

Поэт Габдулла Тукай (1886–1913) является важной консолидирующей фигурой прошлого для национальной группы татар. Годы его жизни относятся к рубежу XIX–XX вв., когда шел процесс нациестроительства / становления национальной идентичности татар. На данном этапе национальная группа нуждалась в объединяющей фигуре, ею становится татарский поэт Габдулла Тукай. Сегодня он признанный символ татарской культуры и народа, Республики Татарстан, также фигура, консолидирующая национальную группу татар. Его имя увековечивается в названиях улиц, памятниках, музеях, школьных учебниках и поминальных действиях.

Создание музеев Г. Тукая связано с процессом формирования образа поэта и со стремлением зафиксировать память о великом татарском поэте в материальной форме. Желанием сохранить останки отдаляющегося прошлого.

На сегодняшний день существует четыре музея, посвященных жизни и творчеству Габдуллы Тукая. При активном участии Баки Урманче в 1976 г. (в год 90-летия поэта) был создан музейно-мемориальный комплекс в Кырлае. В данном населенном пункте маленький Апуш жил в семье Сагди абый. Принято считать, что эти края Тукай описывал в своих произведениях

(например, упоминание Кырлая в поэме «Шурале»). В 1986 г. (в год 100-летия поэта) был открыт литературный музей Г. Тукая в Казани. В 1996 г. дом-музей семьи Тукаевых в деревне Кошлауч, где родился поэт и находится могила его отца. Наконец, в 2006 г. был открыт музей в г. Уральске (Казахстан) на территории Татарской слободы в доме Тухватуллиных. В Уральске (бывший Троицк) Тукай провел свои юношеские годы и начал свою литературную и публицистическую деятельность. Под влиянием идеологии евразийства в Казахстане формируется образ Тукая-евразийца, идеологом которого выступает председатель Евразийского (Уральского) центра Г. Тукая Р. А. Абузяров.

Также в Казани существуют две мемориальные комнаты, связанные с именем Г. Тукая. В 1968 г. в здании бывшей Клячкинской больницы (на современной улице Островского) по предсмертным фотографиям поэта будет воссоздана палата, в стенах которой он скончался от туберкулеза. В 1968 г. в здании находился родильный дом, ныне Министерство здравоохранения РТ. Другая мемориальная комната была создана на первом этаже современного здания ЖК Татарстан, построенного на месте разрушенной гостиницы «Булгар», где останавливался и жил поэт.

Рассмотрим казанский музей Г. Тукая, который был открыт в честь 100-летия со дня рождения поэта в историческом здании, известном как дом Шамяля. Точных сведений о посещении Г. Тукаем здания нет. Однако на Юнусовской площади (вблизи современного музея) Мухаметзариф хазрат Амирхан¹¹ прочитал джаназа-намаз¹² по покойному поэту, затем многотысячная толпа двинулась в сторону кладбища в Ново-Татарской слободе.

Территориально здание музея находится в Старо-Татарской слободе. Как правило, дом Шамяля входит в туристический маршрут Казани как памятник архитектуры, однако редкий турист заглядывает в музей. По словам заведующей литературным музеем Г. Тукая Гузель Тухватовой, ежегодно музей посещает около 25 тысяч человек [6]. Далее будет описана экспозиция музея, существовавшая до апреля 2016 г. До этого экспозиция обновлялась в последний раз в 2005 г. (год празднования тысячелетия Казани). В связи со 130-летием Г. Тукая в 2016 г. начали реконструкцию музея, который был открыт в 2018 г. с обновленной экспозицией.

В старой экспозиции жизни, творчеству и памяти Габдуллы Тукая были посвящены четыре зала на втором этаже здания. Они расположены по хронологическому принципу. Первый зал повествует о детстве поэта,

¹¹ Мухаметзариф хазрат Амирхан (1853–1921) – имам мечети «Иске таш» в Ново-Татарской слободе, отец Фатиха Амирхана, сторонник новометодного обучения.

¹² Джаназа-намаз – похоронная молитва, совершаемая перед погребением тела покойного мусульманина.

основной акцент сделан на сиротстве, как он кочевал из одной семьи в другую и нашел приют в деревне у Сагди абый в Кырлае. Второй зал посвящен уральскому периоду жизни: обучение Тукая в медресе, работа в типографии, принявшая его семья Усмановых, знакомство с Тухватуллинными.

Третий зал – казанский период, рассказывает об активной творческой жизни Тукая в Казани, работе в редакции газет. Пишущая машинка как презентация рода занятий поэта. Изобразительный ряд рассказывает о считающихся знаковыми знакомствах Тукая с Фатихом Амирханом, Хусаином Ямашевым и другими современниками. Об увлечении музыкой свидетельствуют музыкальные инструменты. Экскурсовод обязательно остановится у записей Зайтуны Мавлюдовой, расскажет историю любви молодых, как избегал поэт внимания со стороны женской половины.

Четвертый зал о путешествиях поэта в Уфу, Астрахань, Санкт-Петербург символично завершается историей болезни и смерти поэта. В музее представлена посмертная маска, которая была снята после кончины поэта, что свидетельствует о желании современников сохранить внешний облик поэта и зафиксировать память о нем.

Последний зал – зал памяти, где рассказывают о посвященных Тукаю произведениях, учреждении премии его имени, установке памятников. Говоря пафосные речи об увековечивании имени Тукая, выражают признание его заслуг, благодарность и ответственность младших поколений перед величиной поэта.

В новой экспозиции посмертная маска будет размещена в конструкции, напоминающей алтарь, что подчеркивает сакральный характер самой маски, смерти поэта и характер его поминания (подразумевается «сакральный» не религиозного, а светского характера – подробнее описано у У. Уорнера [7]). В обновленном музее стало больше интерактивных и мультимедийных технологий, были созданы читальный зал с литературой о Габдулле Тукае, отдельный зал для встреч и чаепития, оформив интерьер в стиле начала XX в.

Статус народного и великого поэта татарского народа был «присужден» Г. Тукаю сразу после смерти, тому подтверждение реакция на смерть поэта в периодической печати и масштабные похороны. По оценкам М. Фридриха, татарский мир не знал подобной траурной процессии по своим масштабам и числу участников [8, с. 68–70]. Однако появление первых памятников поэту относится к 1950-м гг., что связываю с явлением мирасизма¹³ [1]

¹³ Мирасизму свойственно обращение к историко-культурному наследию татар, расширение исследовательского поля, реабилитация деятелей культуры, осужденных в 1920–1930-х гг., организация археографических экспедиций, открытие новых источников, издание многотомных трудов по истории, литературе и языку татарского народа.

и «охлаждением» [3] памяти. Идея о создании музея была высказана задолго до появления первого мемориального комплекса в Кырлае (1976), однако реализована не была. В конце 1960-х гг. была создана мемориальная палата в бывшей Клячкинской больнице. Предположительно, в конце 1930 – начале 1940-х гг. была установлена мемориальная доска на здании номеров «Булгар» и сделаны замеры комнаты, где жил поэт.

В экспозиции литературного музея принадлежащих Г. Тукаю предметов немного. Это шкатулка, которую поэт купил на первый гонорар сестре Газизе. Плетеная дорожная корзина, стакан-карандашница, привезенная им из Санкт-Петербурга. Тюбетейка, в которой он запечатлен на одной из фотографий. Среди оригинальных предметов посмертная маска и фотографии с похорон, копия записи в метрической книге о рождении поэта (оригинал хранится в фондах Национального архива). Интересная деталь, в советское время фотография похорон Г. Тукая не выставлялась, лишь в 90-е гг. прошлого века они появляются в экспозиции.

Другая фотография, на которой запечатлен Тукай в больнице накануне своей смерти вместе с друзьями, была обрезана в советское время. Сидящие у изголовья поэта Ш. Ахмеров, Ф. Сайфи-Казанлы (оба репрессированы), Габдулла Кариев (умер в 1920 г.) будут вырезаны из фотографии. Фотография воспринимается как объективное представление фактического, образного способа представления предмета или факта. Однако фотографический документ можно изменить. Перед нами пример, как запечатленный на фотографии субъект с течением времени превращается в музейный объект.

Таким образом, перед нами разворачивается биографическая история о поэте, своего рода иллюстрация школьного учебника и результат поиска биографов, литературоведов, историков – исследователей жизни поэта. История о поэте сопровождается предметами быта своего времени, изображениями и фотографиями поэта, лиц из его окружения, посещенных Тукаем городов, связанных с его именем мест. Что объясняется отсутствием сохранности интерьеров или описания дома и номеров, где останавливался Тукай.

Объекты определяются и классифицируются в соответствии с рамками знаний, которые позволяют им быть понятыми. Созданные музеями представления находятся в рамках дискурса, который составляет совокупность «знаний» и утверждений, направленных на репрезентацию представлений о поэте. Дискурс определяет «способ говорения» о предмете, сбор и экспонирование рассматривается как результат существующего дискурса.

Все музеи созданы в местах, связанных с Тукаем. Проживание Тукая в этих локациях придает особый статус в качестве мест памяти. Порою носят сакральный характер, как в случае с Кырлаем существует устойчивая

связь между Тукаем и населенным пунктом, Арским районом, Заказаньем. Музей создает нарратив, который репрезентирует образ великого татарского поэта. Роль музея как места памяти заключается в создании и сохранении памяти о прошлом и настоящем группы, национальной идентификации.

Источники и литература

1. Lazznerini E. J. Tatarovedenie and the «New Historiography» in the Soviet Union: Revising the Interpretation of the Tatar-Russian Relationship / E. J. Lazznerini // *Slavic Review*. 1981. Vol. 40, Issue 4. P. 625–635.

2. Representation. Cultural representations and signifying practices / ed. by Stuart Hall. The Open University, 1997. 400 p.

3. Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой* / А. Ассман. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

4. Магыйзов М. Шагыйрь яткан палатада / М. Магыйзов // *Социалистик Татарстан*. 1983. № 96. Б. 3.

5. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // *Франция-память*. Спб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.

6. Стрельникова О. Музей Тукая: выйти из тени / О. Стрельникова // *Республика Татарстан*. 2016. № 57. URL: <http://rt-online.ru/muzej-tukaya-vujti-iz-teni/> (дата обращения: 10.11.2017)

7. Уорнер У. Живые и мертвые / У. Уорнер. М., Спб: Университетская книга, 2000. 671 с.

8. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / М. Фридерих. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 343 с.

На южных рубежах

Одежда – важный компонент культуры народа. Она является богатым источником изучения исторического прошлого. На протяжении столетий одежда сохраняет древние черты в покрое и украшениях.

Собрание южнорусского народного костюма, представленное в Белгородском государственном историко-краеведческом музее материалами конца XIX – начала XX в. разнообразно по своему составу.

Формирование этнического состава населения Белгородчины связано с расширением Московского государства и началом строительства Белгородской оборонительной черты. Общая протяжённость Белгородской черты составляла около 800 км. В неё входило 28 городов-крепостей: Белгород, Короча, Обоянь, Яблонев, Старый Оскол, Валуйки, Ольшанск, Воронеж и др. Позднее одни города исчезали, другие потеряли своё значение, сохранив лишь старые названия. Большая часть сторожевых городов располагалась на территории нынешней Белгородской области. Однако Белгород, основанный в 1596 г. и давший имя оборонительной черте, не стал тем территориальным центром, вокруг которого формировалась местная культурная традиция. Самобытные очаги культуры формировались вокруг Курска и Воронежа. Земли этих двух исторически сложившихся регионов как раз и вошли в административные границы нынешней Белгородской области.

Заселение южнорусских земель происходило в XVI–XVIII вв. Стекались сюда служилые люди и боярские дети, бедняки и беглые крестьяне, которых привлекали плодородные земли. Позднее началась монастырская колонизация, и появились монастырские крестьяне. Помещики привозили крепостных из центра России, Украины и Белоруссии. В активном взаимодействии разных национальных и сословных традиций складывалась местная культура. Её этнографическое разнообразие отразилось в типах одежды.

Белгородчина славится многообразием типов народного костюма. Не случайно культуру Белгородчины сравнивают с лоскутным одеялом. Этнографы, изучающие народный костюм, условно делят Белгородскую область на три региона: Белгородско-Курский (западная часть области), Белгородско-Оскольский (центральная часть области) и Белгородско-Воронежский (восточная часть области).

Влияние переселенцев с Украины ощутимо в традиционном женском костюме Белгородско-Курского и Белгородско-Оскольского регионов. Здесь бытуют рубахи в сочетании с разнообразными сарафанами и кокошниками.

В колорите вышивки преобладает красный цвет. В рисунках господствуют растительно-геометрический и растительный орнаменты, выполненные крестом или счётной гладью. Мастерицы вышивали реалистичные розочки, васильки и гвоздики в соответствии с украинской традицией размещения узора по всему полотну рукавов женских рубашек.

В мотивах вышитых узоров самобытных рушников, характерных для этих регионов были популярны образы птиц: лебеди, петухи, парные голуби, павы и павлины с пышными хвостами, а также деревья, цветы, виноград и розы. Вышивали узоры гладью, крестом и тамбуром. Холсты для скатертей соединяли прошвой из ткани, украшенной вышивкой.

Сарафаны шили из чёрной домотканой шерстяной ткани – волосени. В музейной коллекции собраны сарафаны женские и девичьи; будничные и праздничные. В разных сёлах их шили по-разному: чаще всего косоклинные, но встречаются так же прямые и туникообразные. В Шебекинском районе преобладал глухой косоклинный сарафан на лямках, в Борисовском, Ракитянском, Грайворонском – аналогичный сарафан, только с крупными фалдами, в виде современных складок от пояса до низа спереди и сзади. В Яковлевском, Ивнянском, Прохоровском районах крупные складки выполнены в виде гофр, которые украшали сарафан со спины. Сарафаны отличались по принципам декорирования и по материалам, используемым для украшения. Повсеместно верх сарафанов и бретели богато украшали парчой, плисом, позументом и золотой канителью, посеребрёнными пуговицами и тесьмой. В зависимости от того, какая ширина парчи или плиса использовалась для отделки, судили об имущественном положении женщины. Если отделка на груди уложена в три ряда, то семья считалась богатой, двумя рядами – среднего достатка, в один ряд – бедной. Низ сарафана украшался разноцветными лентами. По тому, насколько богато уложена нижняя часть сарафана, судили об умении и мастерстве женщины. Так, если он до пояса был уложен лентами и штофом, а сверху широкой красной лентой, узорчатой тесьмой, позументом, золотой нитью, украшен пуговицами, женщину считали искусной мастерицей. Будничные сарафаны были намного скромней, отороченные по низу тонкой красной бечечкой или тесьмой.

В Белгородско-Курском регионе традиционным головным убором был «бархатник». Его носили в сочетании с сарафаном или юбкой. Это головной убор замужних женщин типа кокошника цилиндрической формы с плоским овальным или круглым верхом. Изготавливался из парчи и бархата на твердой основе с подкладкой из холста или ситца. Передняя часть украшалась полосой серебряного или золотого позумента. Сзади к нижней кромке бархатника прикреплялись ленты и четыре кисти из шелка или

гаруса, называвшиеся «батоги». Около висков на бархатнике закреплялись помпоны из разноцветных шерстяных ниток. «Бархатник» надевался поверх «сборника» – шапочки из тонкой ткани. Он полностью закрывал волосы женщины, заплетенные в косы и уложенные вокруг головы.

Белгородско-Воронежский регион (восточная часть области) подвергался влиянию южнорусской культуры, которую принесли служилые люди. В регионе бытовал понёвный комплекс. Отличительной чертой этого женского костюма являются рубахи с чёрноузорной вышивкой с геометрическим орнаментом, выполненные крестом. Мощный чёрный узор на белом фоне создаёт особую праздничность таких рубах. Нигде больше мы не встретим подобную графичность. Главные мотивы вышивки – ромбы, ромбы с отростками, треугольники, розетки, солярные знаки, косые кресты. Ещё один мотив вышивки – дерево. Внешний вид, которого мог быть чрезвычайно разнообразным. Высота дерева зависела от назначения предмета. Количество узоров в композиции вышивки не слишком велико. Они повторяются, но в новых сочетаниях они каждый раз воспринимаются как разные, делая костюм своеобразным и изысканным. Вышивальщицы размещали такие символы на верхней части рукавов рубахи и на плечах. Кроме этого, вышивкой украшали планку воротника, разрез ворота и манжеты.

Более богатой считалась рубаха с «золотым ремнём». «Ремнём» называли вставки на оплечьях рубахи, вышитые в технике золотного шитья. Обычно в селе была одна или две рубахи с золотым ремнём. Известные на всю округу золотошвейки жили в с. Афанасьевка Бирюченского уезда Воронежской губернии.

Влиянию южнорусской культуры подверглась и поясная одежда региона. В XVII в. появился юбочный комплекс. Рубаха с большим отложным воротником, домотканая полосатая, клетчатая или однотонная юбка, жилетка и фартук – одежда, практически ничего общего с русским костюмом не имеющая. Однако она смогла укорениться на довольно обширной территории и даже оказать влияние на районы с понёвным комплексом, где встречаются иногда как полосатая юбка, так и жилетка, причём последняя не только в женском, но и в мужском наряде.

В Белгородско-Воронежском регионе носили «глухую» понёву. Она шилась из трёх полотнищ домотканой шерсти чёрного цвета или чёрного с синим отливом. Для понёвного полотна нити заправляли на ткацком стане так, чтобы холст разделить на три части: по краям – горизонтальные полосы, а по центру – клетки. Для горизонтальных полос использовали красные, зелёные и жёлтые цвета, они служили контуром для последующей вышивки. В отделке понёвы преобладал красно-оранжевый цвет. Понёвы вышивали шерстяными нитками в техниках счётная гладь, роспись

и набор. Расшивать понёву начинали с подола: сначала нижнюю кайму, потом шли вверх по горизонтальным полоскам. Стежки должны были плотно прилегать друг к другу. Название понёвы зависело от её назначения и характера вышивки. Если понёва называлась «сосна», значит, вышивка её задних полотнищ напоминала «дерево», то есть стежки расходились вверх по сторонам. В понёве «косина», напротив, они были направлены в одну сторону. Каждая женщина имела до десяти понёв, а у искусных рукодельниц их число доходило до двадцати.

Шерстяные нитки для вышивки красили в разные цвета, используя природные красители. Например, шалфей, спорыш, лепестки василька и ягоды ежевики дают синий цвет; листья бузины, стебли хвоща, листья шавеля, ягоды можжевельника, кора черёмухи и тополя – зелёный; ягоды бузины, молодые ветки и листья крушины до соцветия, душица, кора тёрна – красный.

Непременной частью женского костюма, как праздничного, так и будничного, был передник. В Белгородско-Воронежском регионе с понёвой носили короткий передник – завеску, который должен был составлять с нарядом единое целое. Завеска представляла собой соединение двух полотнищ с отделкой по шву и подолу. Главное в завеске то, что её вышивка должна иметь аналогичный рубахе набор и расположение орнаментов. Самой праздничной считалась завеска с канителью, то есть отороченная по низу тонко скрученной металлической нитью.

В число предметов домашнего обихода входили полотенца и скатерти. Полотенца предназначались для разных целей, поэтому существовало несколько их разновидностей. Самые простые – дежки, ими накрывали испечённый хлеб. Повседневные полотенца для умывания назывались утирками и украшались скромной вышивкой. Нарядные же, для украшения дома – рушниками. Богатые узоры вышивки рушников сходны с теми, что использовались на рубахах. Концы их украшали кружевом, бахромой, разноцветными лентами. Холсты для скатертей соединяли прошвой из кружева, что характерно только для Белгородско-Воронежского региона.

В регионе в сочетании с понёвным комплексом носили традиционный женский головной убор «Сороку». Она состояла из кички, «Сороки» и позатыленника. Кичка – это основа убора, простеганный в несколько слоев холст, которому придавалась определённая форма в виде рожек. «Сорока» – твёрдая шапочка седлообразной формы. Позатылень – затылочная часть головного убора прямоугольной формы. «Сорока» и позатылень обильно отделялись золотыми нитями техникой шитья в прикреп. На рисунке вышивки изображались ромбы, кресты и другие геометрические символы, аналогичные тем, что были на понёвах и рубахах.

Украшения на шее и груди неременный атрибут женского наряда. На Белгородчине нашейным украшением была – грибатка. Она представляет собой широкий шнурок, обшитый бисером, на котором закреплено от четырёх до шести плоских кружков – «махров». Кружки расшивались золотными и шерстяными нитями, бисером и посеребрёнными пуговицами. Такие «махры» использовали как серьги, а также в качестве отделки головного убора. На ряду с грибаткой популярны были и многоярусные бисерные бусы. Из бисера плели также нагрудные украшения – «сеточки» в виде пелерины.

На обувь белгородских крестьян особое влияние оказала украинская культура, так как во многих русских сёлах носили лапти, а в украинских поселениях носили исключительно кожаную обувь. Сначала местные сапожники изготавливали грубые кожаные туфли – «башмаки», «черевки». По форме они были открытые с круглым носком наборным каблуком и петлёй на заднике, в которую вдевалась верёвочка для закрепления на ноге. В конце XIX в. в село пришла кожаная обувь городского типа. В сёлах Белгородско-Воронежского региона использовали лапти, но преимущественно как рабочую обувь.

Народная одежда – символ богатейшей истории края, национального самосознания и художественно-эстетических взглядов белгородцев, связующая нить дней нынешних и дней минувших. Этнографическая коллекция Белгородского государственного историко-краеведческого музея является предметом гордости нашего края и объектом постоянного изучения научными сотрудниками и учёными, вызывая восхищение искусством крестьянских рукодельниц.

Источники и литература

1. Жиров М. С. Народная художественная культура Белгородчины / М. С. Жиров. Белгород. 2000.
2. Зотова И. П. Белгородский народный костюм / И. П. Зотова. Белгород, 2005.
3. Никитина В. Н. Наряды и обряды Южной России / В. Н. Никитина. М., 2014.
4. Пономарев П. Д. Народный костюм Воронежской губернии / П. Д. Пономарев. Воронеж, 1994.
5. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры / Л. Н. Чижикова. М., 1988.

**Проект «Живые хроники войны»,
посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне**

В 2020 г. Республика Татарстан отметила 75-летнюю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 100-летие образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

Елабужский государственный музей-заповедник (ЕГМЗ) в течение многих лет проводит торжественные мероприятия, приуроченные к юбилейным датам. В год 70-летия Победы в составе музея-заповедника был открыт Музей Памяти. В основу научной концепции экспозиции легло намерение ее автора – генерального директора ЕГМЗ Г. Р. Руденко – показать маленький город в большой войне. Ведь Елабуга стала одним из сотен и тысяч небольших тыловых городов Советского Союза, наравне со всеми переживших все тяготы, выпавшие на долю нашей страны в 1941–1945 гг., всю безмерность трагедии, которая коснулась каждой семьи даже за тысячи километров от фронта.

В музее слились воедино две главных темы: фронта и тыла. Ведь из Елабужского района на фронт ушло около 14 000 человек, а вернулись из них менее половины. За храбрость и мужество орденами и медалями были награждены более 6500 человек. В экспозиции представлен ряд уникальных предметов военного времени из фондов ЕГМЗ и личных архивов елабужан: газеты и письма, документы и фотографии, награды, предметы вооружения и обмундирования, образцы продукции елабужских и эвакуированных в наш город предприятий. Общую экспозицию дополняют два сенсорных киоска – с Всероссийской Книгой Памяти (ОБД «Мемориал») и материалами о Второй мировой войне, важнейшей частью которой стала Великая Отечественная.

«Великая Отечественная война длилась без малого четыре года и стала целой эпохой для нашей страны – эпохой мужества и отваги, тяжелейших испытаний и трагических потерь, светлой надежды и беспредельной веры в Победу. Великая Отечественная война навсегда останется выдающимся священным подвигом нашего народа, призывом жить по совести, держать высоту правды и справедливости, передавать эти ценности от поколения к поколению» [1, с. 5], отмечал Президент РФ В. В. Путин.

Елабужский государственный музей-заповедник целенаправленно работает над патриотическим воспитанием и формированием гражданской позиции подрастающего поколения. Воспитание в детях чувства любви к Отчизне, гордости за свой народ, уважения к культуре и традициям предков можно и нужно осуществлять на простых, доступных и наглядных

примерах. Таким примером, несомненно, является изучение истории малой родины, знакомство со значимыми событиями, биографиями родственников, земляков, современников, встречи с живыми свидетелями событий.

С ноября 2019 г. по май 2020 г. сотрудники музея-заповедника в рамках реализации проекта «Живые хроники войны», посвященного 75-летию Победы и ставшего обладателем гранта Благотворительного фонда «Гатнефть», провели совместно с работниками Комплексного центра социального обслуживания населения «Доверие» 32 встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, тружениками тыла и вдовами ветеранов.

Целями проекта стали восстановление связи поколений, стремление показать подвиг советского народа в Великой Отечественной войне с точки зрения ее свидетелей и непосредственных участников, рассказать подрастающему поколению правду об этой войне и ее героях, о боли и лишениях, пережитых жителями нашей Родины.

Задачами проекта стали:

- укрепление российской гражданской идентичности и единого информационного пространства на основе общей системы культурно-нравственных ценностей народов Российской Федерации;
- формирование осознанного отношения к базовым ценностям: патриотизму и любви к Родине, правам и свободам человека и гражданина, символике Российской Федерации, национальному самосознанию, уважению чести и достоинства других граждан;
- противодействие равнодушию, эгоизму, немотивированной агрессии у подрастающего поколения.

Как отметил директор Центрального музея Великой Отечественной войны А. Я. Школьник: «Мы вновь и вновь возвращаемся к Великой Отечественной войне, стараясь рассмотреть ее во всех деталях и подробностях. Для нас она всегда останется главным событием истории страны, тесно переплетенным с судьбой практически каждой российской семьи. Казалось бы, за прошедшие после Победы годы все уже сказано, проанализировано, исследовано. Но это не так. Наша общая Великая Победа слагалась из миллионов побед – бойцов и командиров, санитарок и связистов, тружеников тыла. Наш долг – помнить всех победителей. Поэтому каждая личная история для нас важна и интересна» [2, с. 8–9].

Современная молодежь воспринимает информацию о событиях Великой Отечественной войны не только через интернет, телевидение и радио, но и через воспоминания родственников – фронтовиков и тружеников тыла. «Живые хроники войны» – это уникальная возможность для школьников узнать из рассказов очевидцев о суровой правде тех дней, историческом опыте стойкости и беззаветного служения Родине ее сыновей и дочерей. Использование современных мультимедийных средств делает проект

понятным и доступным продуктом для молодежи. Это особенно необходимо сейчас, когда находятся желающие переписать историю, подменить реальные события политическими спекуляциями, очернив роль Советского Союза и судьбоносные для всего мира действия защитников Отечества.

Организации встреч с жителями города и записи бесед на видео предшествовала большая подготовительная работа. Сотрудники музея-заповедника провели поиск материалов и документов, связанных с жизнью елабужан в годы Великой Отечественной войны, в фондах ЕГМЗ, архивах Елабуги и городского военкомата, а также предоставленных елабужанами. Были проведены сбор и изучение информации о проживающих в Елабуге и Елабужском районе ветеранах Великой Отечественной войны, тружениках тыла и «детях войны», подбор видео- и фотохроник тех времен, связанных с фронтовыми путями ветеранов. Было приобретено специальное оборудование для записи интервью и монтажа видеороликов. Затем последовали разработка вопросов для интервью и написания сценариев бесед.

Встречи с елабужанами и их запись на видео велись с октября по май, всего были сделаны 32 видеозаписи. Ветераны-фронтовики, труженики тыла и «дети войны» поделились воспоминаниями о минутах радости и горя, трудностях и победах на фронтах и в тылу. Одной из проблем, с которыми столкнулись сотрудники ЕГМЗ, стало то, что некоторые ветераны не сразу соглашались на встречи, потому что «нечего сказать», стеснялись говорить на камеру, от волнения забывали, о чем хотели рассказать. Других подводило здоровье – все-таки возраст у этих замечательных людей весьма преклонный.

К сожалению, за время реализации проекта ушли из жизни 4 ветерана-фронтовика: Николай Иванович Гранов, Ракип Мубаракевич Мубаракшин, Мулла Назипович Назипов, Иван Александрович Митряшкин. «Уходят из жизни участники войны, свидетели тех великих событий, навсегда унося с собой страницы нашей истории. С каждым годом их остается все меньше, и тем дороже для нас их подлинные воспоминания, не отредактированные пером журналиста или писателя» [2, с. 8–9].

Следующим этапом работы над «Живыми хрониками войны» стал монтаж полноценных видеороликов и итогового документального фильма, готовых к трансляции и записи на различные носители. Затем последовали разработка и печать памятных авторских дипломов и благодарственных писем, вручение их участникам проекта, создание в сенсорном информационном киоске «Цифры. Факты. События» в Музее Памяти раздела «Живые хроники войны» и загрузка в него контента.

Презентация фильма и 32 отдельных видеороликов прошла в Музее Памяти ЕГМЗ 8 мая 2020 г., в канун празднования 75-летия Победы,

150 дисков с записью были переданы в учебные заведения, библиотеки и социальные учреждения Елабуги. Все материалы были размещены на музейном YouTube-канале (https://www.youtube.com/playlist?list=PL6_NIWC4OqnUzNf5pB0uX3jsYCBMGMrD), официальном сайте Елабужского государственного музея-заповедника (http://www.elabuga.com/warMuseum/_chroniclesOfWar.html), группах ЕГМЗ в социальных сетях (<https://vk.com/elmuseum>, https://www.instagram.com/museum_yelabuga/), переданы в фонды ЕГМЗ. Кроме того, фондовые коллекции музея-заповедника пополнились документами, фотографиями и другими предметами из личных архивов фронтовиков, тружеников тыла, «детей войны».

Одновременно с реализацией проекта информация о работе над ним публиковалась в районных СМИ (газеты «Новая Кама», «Вечер Елабуги», телеканал «Елабуга 24»), на официальном сайте ЕМГЗ и страницах в соцсетях, на таких крупных интернет-ресурсах, как «Культура.рф», «Новости Елабуги», «Елабуга Блог» и др. Всего вышло 70 публикаций. По завершении работы был создан творческий отчет о «Живых хрониках войны».

Отметим, основную поддержку проекту оказали Благотворительный фонд «Татнефть», взявший на себя финансирование в рамках гранта, Комплексный центр социального обслуживания населения «Доверие» (г. Елабуга), военный комиссариат г. Елабуги и Елабужского района и местная общественная организация ветеранов (пенсионеров) Елабужского муниципального района.

«Живые хроники войны» получили высокую оценку и множество теплых откликов от елабужан и жителей других городов, которые посмотрели видеозаписи на интернет-ресурсах. Проект был признан социально значимым, так как напрямую направлен на формирование осознанного отношения молодежи к любви к Родине, национальному самосознанию, гражданственности, уважения к чести и достоинству ветеранов-фронтовиков, тружеников тыла, «детей войны».

Работа, начатая в рамках проекта «Живые хроники войны», была продолжена благодаря новому проекту – «Память поколений», также ставшему победителем конкурса грантов ПАО «Татнефть» в номинации «Сохранение исторического наследия». «Память поколений» предполагает серию встреч тружеников тыла с елабужскими школьниками, запись этих встреч на видео и создание документального фильма. Проект рассчитан на широкую аудиторию и будет реализован в 2020–2021 гг.

Отзывы о проекте

«Я Старикова Галина Васильевна, мне 83 года, и я рассказывала о своем военном детстве в проекте «Живые хроники войны», посвященном 75-ле-

тию Победы в Великой Отечественной войне. Когда сотрудники музея предложили мне участвовать в проекте, я сомневалась, будет ли кому-то интересен мой рассказ. Но когда увидела, что получилось в ходе работы, все сомнения рассеялись. Ребята создали настоящий фильм с фотографиями военного времени, фрагментами хроники тех лет, снимками родной Елабуги и детей войны.

Со слезами на глазах мы его смотрели сначала всей семьей, а потом разослали родственникам и знакомым в Тулу, Москву, Санкт-Петербург и Нижневартовск, и от всех услышали добрые слова искреннего сопереживания. Многие высказали свое удивление, что никто не догадался до сего времени вот так записать воспоминания своих близких старшего поколения, которых становится все меньше и меньше...

От себя лично и от всей нашей семьи хочу выразить слова искренней благодарности всем руководителям и работникам Елабужского государственного музея-заповедника, создавшим этот проект, пожелать вам здоровья, мира, уюта и благополучия в семьях, много творческих идей и осуществления всех ваших проектов! Спасибо всем вам, уважаемые сотрудники музея-заповедника, за проделанную работу. Спасибо, что смогли прочувствовать нашу боль голодного военного детства и нашу радость, что мы выжили, несмотря ни на что!»

Галина Васильевна Старикова,
участница проекта «Живые хроники войны», г. Елабуга

«Огромная благодарность Елабужскому государственному музею-заповеднику за работу над проектом «Живые хроники войны»! Думаю, эти бесценные кадры с ветеранами Великой Отечественной войны, тружениками тыла и детьми войны помогут школьникам узнать больше о тех нелегких годах в истории нашей страны и научиться ценить великий подвиг наших дедов. Хорошо, что ролики размещены в свободном доступе, где любой желающий сможет их посмотреть».

Ксения Пономарева, учитель г. Елабуги

Источники и литература

1. Владимир Путин, Президент Российской Федерации. Победа одна на всех. Портрет поколения. Ветераны войны и тыла Республики Татарстан: фотоальбом / сост. Ф. Губаев. Казань: Центр инновационных технологий, 2020. 368 с.

2. Александр Школьник, директор Центрального музея Великой Отечественной войны. История, рассказанная народом (Военная история Российского государства) / под. ред. В. А. Золотарева. Москва: ИНЭС, РУБИН, 2017.

**Фарфоровая фабрика торгового дома
«Карякин и Рахманов» – экспонент Всероссийской
научно-промышленной выставки в Казани 1890 г.¹⁴**

Фарфоро-фаянсовое производство в Ярославской губернии было организовано в 1885 г. на базе перепрофилированного кирпичного заведения рыбинского купца П. А. Никитина. Через год, в мае 1886 г. предприятие было продано Торговому дому «Василий Карякин и Гавриил Рахманов». Фабрика располагалась на берегу р. Волги, в нескольких километрах от г. Рыбинска вниз по течению, и местонахождение фабрики указывалось «в Рыбинске». Совладельцами и управляющими предприятия были М. И. Карасёв и Г. С. Рахманов – выходцы из крестьян Богородского уезда Московской губернии – знаменитого керамического района Гжели. Именно отсюда, в деревню Песочная, приезжали многие мастера-фарфористы с семьями и связывали свои судьбы с Поволжьем на долгие годы. К концу 1880-х гг. фабрика значительно расширилась и по численности рабочих приравнялась к средним предприятиям в отрасли. В 1890 г. изделия Торгового дома «Карякина и Рахманова» экспонировались на Всероссийской научно-промышленной выставке в Казани, это стало значительным событием в деятельности предприятия.

Выставка проходила под высочайшим покровительством Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича. Среди почётных членов выставочного комитета был ярославский губернатор – генерал-майор А. Я. Фриде, председатель Казанского биржевого комитета – потомственный почётный гражданин И. Н. Журавлёв. Заведующим фабрично-заводского отдела был гласный Казанской городской думы, казанский купец В. Е. Соломин [1]. В выставочных павильонах было представлено около двух тысяч экспонатов из Москвы, Санкт-Петербурга, гу-

¹⁴ При изучении истории Первомайского фарфорового завода в посёлке Песочное Рыбинского района Ярославской губернии автор обращалась за помощью к коллегам из Казани. В 2015 г. были направлены письма о предоставлении сведений в Национальный музей и Национальную библиотеку Республики Татарстан. Хотелось бы поблагодарить за предоставленную информацию генерального директора Национального музея Республики Татарстан Г. Р. Назипову, старшего научного сотрудника отдела истории и культуры Татарстана В. А. Зайцева, сотрудников отдела татарской и краеведческой литературы. Кроме того, информацию о своём родственнике А. И. Милованове, работавшем на Первомайском фарфоровом заводе, любезно предоставил Р. Ш. Давлетгильдеев – заместитель декана юридического факультета по международной деятельности Казанского (Приволжского) федерального университета.

берний Волжско-Камского региона, Урала, Сибири, Туркестана. С 15 мая по 16 сентября 1890 г. выставку посетило около 100 тыс. чел. Среди почётных посетителей были обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, министр финансов И. А. Вышнеградский, управляющий канцелярией министра внутренних дел А. Д. Пазухин, сенатор А. П. Безобразов, директор железнодорожного департамента и будущий премьер-министр С. Ю. Витте, губернаторы многих губерний. От Высочайшего Покровителя участникам были присуждены 4 золотые медали, от комитета выставки – 30 золотых, 80 больших и 120 малых серебряных, 200 бронзовых медалей [12].

Был издан каталог выставки, который состоял из нескольких частей, соответствующих отделам выставки. Торговый дом «Василий Карякин и Гавриил Рахманов» представил чайную и столовую посуду, вазы и другие изделия в фабрично-заводском отделе, в котором было двести экспонентов. Среди главных конкурентов, демонстрировавших на выставке фарфоровые и фаянсовые изделия, был Иван Емельянович Кузнецов с продукцией своей Волховской фабрики, построенной в 1878 г. на р. Волхов, близ д. Сосника Чудовской волости Новгородского уезда (станция Волхов Николаевской железной дороги) [9, с. 173–178]. Также свою продукцию показывала фарфоровая фабрика братьев Барминых Исаакия и Филиппа Андреевичей, основанная в 1881 г. при д. Фрязево Богородского уезда Московской губернии (станция Степаново Нижегородской железной дороги).

Из каталога выставки можно почерпнуть ценную информацию для сравнения этих предприятий. В частности, что на фабрике «Карякина и Рахманова» ежегодно вырабатывался фарфор и фаянс на сумму до 200 000 руб., при количестве работающих мужчин 320 человек, женщин – 30 и 10 мальчиков (200 000 / 360). И. Е. Кузнецов указывал сумму выработки своей фабрики 270 000 руб., рабочих: мужчин до 550 чел., женщин до 50, детей обоего пола до 30 (270 000 / 630). А фабрика братьев Барминых изготавливала в год изделий на сумму до 150 000 руб., на ней трудилось 125 мужчин и 25 женщин (150 000 / 150). К этому времени Волховская фабрика И. Е. Кузнецова работала уже 12 лет, а производство Барминых существовало 9 лет. Фарфоро-фаянсовая фабрика «Карякина и Рахманова» была молодым (5 лет со времени основания) и успешно развивающимся предприятием [2, с. 22–24; 3, с. 124–130].

Фабрика И. Е. Кузнецова представила на выставке фарфоровые вазы, лампы, чайные сервизы, чашки и чайники, галопажи и персидские приборы, из полуфаянса бочонки и ковши, кувшины, маслёнки и сахарницы, табачницы, пепельницы и статуэтки. Фарфоровая посуда торгового дома «Карякина и Рахманова» также была разнообразной, она расписывалась, главным образом, цветочными узорами на гжельский «манер», применял-

ся подглазурный кобальт с последующей росписью золотом. Фаянсовые изделия декорировались печатным орнаментом и ручной росписью. Среди изделий фабрики «Карякина и Рахманова» встречаются оригинальные образцы мелкой пластики, солонки и перечницы в виде фигурок, оригинальные кашпо с рельефным декором. В каталоге выставки указывалось количество и состав сырья, используемого для производства, а также техническое оснащение: для размла массы паровая машина в 15 л. с., для обжига фарфоровой посуды – 2 горна и фаянсовой – 3 горна. Добавлялось, что кроме фарфоровых и фаянсовых изделий на фабрике вырабатывается огнеупорный кирпич и гончарные трубы [3, с. 130].

По итогам выставки фабрике Торгового дома «Карякина и Рахманова» была присуждена большая серебряная медаль «за хорошее качество и выработку дешёвых сортов фаянсовой посуды» [4, с. 23]. Медаль «За трудолюбие и искусство» вскоре нашла отражение в новой маркировке изделий в 1891–1894 гг. [6]

Владелец фарфоровой фабрики Василий Александрович Карякин (29.01.1851–14.10.1913) родился в г. Рыбинске, получил образование в Рыбинском уездном училище, стал заниматься коммерческой деятельностью. С начала 1870-х гг. В. А. Карякин был доверенным лицом ставропольской купчихи Ф. Л. Климушиной, вместе с П. Г. Сусловым вёл по доверенности дела нижегородского купца Ф. А. Блинова, служил комиссионером. В 1875 г. Василий Александрович женился на Екатерине Павловне (Сусловой) (1858/9 – после 1918?), которая, как и её отец, принадлежала к единоверческой церкви. Павел Григорьевич Суслов (1830/1–5.02.1885) был казанским купцом, крупным хлеботорговцем [14]. После смерти тестя В. А. Карякин вместе с женой переселился в Казань, и жил в собственном каменном доме на Ново-Комиссариатской улице (ныне Муштари). В это время он уже совладелец Торгового дома «Василий Карякин и Гавриил Рахманов», учреждённого 6 ноября 1885 г. в Санкт-Петербурге, занимавшегося в основном оптовой торговлей зерном. Компаньоном В. А. Карякина был петербургский купец первой гильдии, выходец из Гжели Гавриил Степанович Рахманов (1839?–14.09.1896). Возможно его болезнь (?) и скорая смерть повлияли на то, что, несмотря на успешную деятельность, в 1894 г. Торговый дом «Карякина и Рахманова» продал фарфоро-фаянсовое предприятие «Товариществу М. С. Кузнецова», ставшему седьмым в большой фарфоро-фаянсовой монополии. После смены собственника, в 1894–1896 гг. Михаил Александрович Карякин – старший брат Василия – оставался управляющим «Рыбинской фабрики М. С. Кузнецова» [7; 8].

Дальнейшая деятельность В. А. Карякина принесла ему широкую известность: он торговал хлебными и лесными товарами в Рыбинске, Нижнем

Новгороде и Санкт-Петербурге. С 1 февраля 1895 г. в звании казанского купца первой гильдии, позже – коммерции советник, член Учётно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам Рыбинского и Казанского отделений Государственного банка (1901–1913). Он был гласным Казанской городской думы (1896–1913), старшиной и исполняющим обязанности председателя Казанского биржевого комитета, председателем Казанского общества взаимной помощи купцам, впадшим в бедность (1898–1913), попечителем Казанского коммерческого училища. Был членом комитета Казанского общества попечения о бедных и больных детях. В Рыбинске выступал в качестве учредителя и попечителя второго городского четырёх-классного училища, названного в его честь. В родном городе на его средства был обустроен парк, носящий его имя (1903). В 1906 г. В. А. Карякин вошёл в состав Казанского отделения «Союза 17 октября». В 1907 г. был избран в Третью Государственную думу (1 ноября 1907–9 июня 1912), был членом различных комиссий. Входил в объединённую торгово-промышленную группу членов Государственного совета и Государственной думы, созданную в начале декабря 1907 г. [5; 10; 11] За заслуги по ведомству Министерства финансов В. А. Карякин имел золотые медали «За усердие» на Станиславской, Аннинской и Александровской лентах.

Василий Александрович Карякин владел землями в Казанской, Курляндской и Ярославской губерниях. В последние годы жизни он в основном занимался делами своего Курляндского имения Калкúны, приобретённого в 1908 г., не отступая от своих принципов, покровительствовал развитию русского образования. В частности, в принадлежащих ему зданиях с 1911 по 1915 г. находилась Илукстская учительская семинария, где готовили учителей для русских народных школ и училищ. Ему принадлежали пивзавод в Клопмансроде, кирпичный завод «Катариненгоф», садоводческий питомник, винокуренное и дрожжевое производство [13; 18; 19]. В. А. Карякин входил в состав учредителей, а затем был председателем крупнейшего по тем временам Западного дрожжево-винокуренного сельскохозяйственного акционерного общества «Дрожжи» [16].

В 1912 г. В. А. Карякин принимал участие в первом Всероссийском Съезде православных старообрядцев (единоверцев), состоявшемся в Санкт-Петербурге 22–30 января [17]. В конце XIX – начале XX в. в Казани насчитывалось около семи тысяч старообрядцев; приблизительно более пяти процентов всего населения города. Скончался В. А. Карякин 29 (16) октября 1913 г. Его отпевание состоялось в Никольской единоверческой церкви, при большом количестве народа, пришедшего отдать последний долг умершему. В казанской газете сообщалось, что «напротив Казанского коммерческого училища, почётным попечителем которого состоял покойный

Василий Александрович, была отслужена панихида, во время которой все воспитанники училища стояли, выстроенные шпалерами. Затем процессия направилась на единоверческое кладбище» [15].

Участие фарфоро-фаянсовой фабрики Торгового дома «Карякина и Рахманова» во Всероссийской научно-промышленной выставке в Казани 1890 г. служит веским доказательством значительного развития этого производства за короткий период (1885–1890), а присуждение большой серебряной медали – признанием заслуг умелого ведения дел. Можно сделать вывод, что до приобретения М. С. Кузнецовым, за то время, когда владельцами предприятия были В. А. Карякин и Г. С. Рахманов, производство окрепло и приносило устойчивую прибыль. Фабрика «Карякина и Рахманова» успешно конкурировала с другими производителями фарфоро-фаянсовой отрасли. Был налажен рынок сбыта продукции в поволжских городах и ярмарках, с удобной транспортной магистралью для доставки сырья на баржах и транспортировки товара во все российские губернии и за рубеж (Финляндию, Персию и Бухару [3, с. 130]).

Источники и литература

1. Казанская научно-промышленная выставка (1890). Положение и программы Казанской научно-промышленной выставки 1890 года, состоящей под покровительством Его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича. Казань: Тип. и литограф. А. А. Родионова, 1890. 83 с.

2. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоящей под покровительством Его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича: Ввозной отдел / пред. отд. В. И. Заусайлов. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. 47 с.

3. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоящей под покровительством Его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича: фабрично-заводской отдел / пред. В. Е. Соломин. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. 134 с. XIII группа: Стекло, фаянс, фарфор. С. 124–130.

4. Список наград, присужденных на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. 116 с.

5. Алексеев И. Е. Под сенью царского манифеста: (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века) / И. Е. Алексеев. Казань: б. и., 2002. 311 с.

6. Коновалова Н. Е. О приобретении М. С. Кузнецова в деревне Песочной Ярославской губернии / Н. Е. Коновалова // Сохранение культурного наследия. Исследования и реставрация = Preservation of Cultural Heritage. Research and Restoration: мат-лы II Междунар. конф. в рамках V Международного культурного форума, СПб. 1–3 декабря 2016 г. / сост. Ю. Г. Бобров. СПб.:

Институт имени И. Е. Репина, 2018. С. 115–124. URL: <http://repin-book.ru/konovalovai-rest2018.pdf>

7. Коновалова Н. Е. Новые сведения о фарфоровой фабрике в деревне Песочной Ярославской губернии 1880-х – 1895 гг. (По материалам ГАЯО и РБФ ГАЯО) / Н. Е. Коновалова // История и культура Ростовской земли. 2017. Материалы XXVII научной конференции. Ростов, 2018. С. 235–243. URL: <https://www.rostmuseum.ru/upload/iblock/21e/21e1b70be4423ffc7895dbdb9b82aa67.pdf>

8. Коновалова Н. Е. «Собирая по крупицам историю...»: род мещан и купцов Карякиных / Н. Е. Коновалова // XVIII Золотарёвские чтения: Материалы научной конференции. Рыбинск, 2020. (в печати)

9. Кузнецов Б. А. Иван Емельянович Кузнецов. Новгородский король русского фарфора. Истории семьи и фабрик / Б. А. Кузнецов. М.: Галлея-Принт, 2015. 732 с.

10. Усманова Д. М. Карякин Василий Александрович / Д. М. Усманова // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. / ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. Москва: РОССПЭН, 2008.

11. Алексеев И. Е. Участие старообрядцев в деятельности умеренно монархических организаций Казанской губернии в начале XX века / И. Е. Алексеев // Традиции старообрядческой благотворительности. Республиканская научно-практическая конференция (гг. Казань – Чистополь, 3–4 октября 2018 г.). URL: https://ruvera.ru/articles/alekseev_uchastie_staroobryadcev (дата обращения: 7.04.2020)

12. Беляновский А. С. «Полезьа обществу как цель выставки». Уроки Казанской научно-промышленной выставки 1890 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.informexpo.ru/new/view_content.php?id=438 (дата обращения 22.08.2020)

13. Василий Карякин / Русские в Латвии. Персоналии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/v-karyakin.html?source=persons> (дата обращения: 4.05.2020).

14. Казанский некрополь. [Электронный ресурс]. URL: <http://history-kazan.ru/v-kurse-sobytij/chitalnyj-zal/17463-kazanskij-staroobryadcheskij-nekropol> (дата обращения: 7.04.2020); <https://www.tatar-inform.ru/news/society/16-04-2018/s-arskogo-kladbischa-kazani-unesli-kovanuyu-ogradu-1885-goda-5167957> (дата обращения: 7.04.2020).

15. Похороны Василия Александровича Карякина // Казанские старости. 1913. 31 (18) октября [Электронный ресурс]. URL: <https://sharklish.livejournal.com/39699.html> (дата обращения: 7.08.2017).

16. Рогатко С. А. История продовольствия в России с древних времён до 1917 г. М.: Русская панорама, 2014. С. 507–534. [Электронный ресурс]

URL: <https://statehistory.ru/5790/Vinokurennaya-promyshlennost-Rossii-s-1863-ro-1917-g/>(дата обращения: 4.05.2020).

17. Списки членов I Всероссийского Съезда православных старообрядцев (единоверцев), состоявшегося в С.-Петербурге 22–30 января 1912 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petergen.com/bovkalosp/eds1.html> (дата обращения: 7.08.2017).

18. Трукшанс Лео. Интересные факты из истории Калкун / Л. Трукшанс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grani.lv/daugavpils/39513-interesnyefakty-iz-istorii-kalkun.html>(дата обращения: 7.08.2017).

19. Чайкина Ж. Сюжеты Калкунской истории / Ж. Чайкина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grani.lv/daugavpils/48087-syuzhety-kalkunskoy-istorii.html> (дата обращения: 7.08.2017).

Музей истории государственности Татарстана: выставки к 100-летию ТАССР

В 2020 г. Татарстан отмечает свой 100-летний юбилей – образование Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. В рамках празднования юбилея во многих учреждениях республики были запланированы десятки культурных мероприятий, издание исторических монографий, создание временных выставок, освещающих последние сто лет жизни Татарстана.

Необходимо отметить, что разработка и проведение выставочных проектов, приуроченных к юбилейным датам, требует масштабной работы ведущих историков, искусствоведов и музейщиков. Однако, все приложенные силы могут быть напрасны, если проект будет не успешным (провальным).

Для понимания успешного проекта, необходимо отметить, что под «успешностью» подразумевается совокупность качественных и/или количественных показателей, которые дают возможность судить о степени успешности выполнения проекта. То есть они отражают степень достижения целей проекта или выполнения определенных требований. Другими словами, успех проекта напрямую зависит от главной цели, при этом она должна быть четко сформулирована, достижима с помощью имеющихся ресурсов и соответствовать направлению деятельности организации.

При работе над проектами необходимо учитывать факторы, которые влияют на достижение цели, а значит на успешность проекта. Часть из них являются общими для всех проектов, однако есть специфические факторы, характерные только для определенных типов проектов.

Основными факторами можно назвать:

- стратегическая важность и достижимость целей проекта;
- поддержка со стороны руководства;
- степень и качество проработки плана проекта;
- наличие квалифицированных специалистов;
- техническая поддержка;
- мониторинг и обратная связь, коммуникации;

В выставочном плане Музея истории государственности Татарстана на 2020 г. в рамках юбилейных мероприятий было запланировано проведение трех проектов: «Вперед в прошлое», «Первые лица республики» и «Открытый миру». Несмотря на то, что перечисленные выше проекты относятся к выставочной деятельности и имеют схожие цели, каждый обладает своей уникальной концепцией и форматом реализации.

Первые два проекта – «Вперед в прошлое» и «Первые лица республики» – на момент подготовки статьи (октябрь 2020 г.) являются реализованными и позволяют оценить свою успешность.

Выставки были приурочены к 100-летию ТАССР и освещали период с 1920 по 2020 г. Главной целью данных выставочных проектов было активизировать интерес молодого поколения к истории и мотивировать к исследованию исторического прошлого родного края в XX в.

XX в. стал эпохой масштабных изменений в истории страны. Революция, две мировые войны и прочие потрясения не прошли бесследно для населения. С другой стороны, именно в XX в. был сделан масштабный рывок вперед как в научном, так и в технологическом отношении. Социальные изменения в XX в. также оказались весьма масштабными. Важные вехи в истории произошли в XX в. и для Республики Татарстан.

Если смотреть по выполняемости факторов успешности, то можно отметить, что цель для проектов была определена четко, она была стратегически важной. Проекты были поддержаны высшим руководством: Указом Президента Республики Татарстан от 25 сентября 2019 г. № УП-572 в ознаменование 100-летия образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, в целях широкого привлечения общественного внимания к важному историческому этапу становления и развития республики 2020 г. в Республике Татарстан объявлен годом 100-летия образования Татарской АССР [2].

Работа велась при содействии Аппарата Президента РТ, Кабинета министров РТ, Государственного Совета РТ, Министерства культуры РТ, Государственного комитета РТ по архивному делу, Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ и Государственного архива РТ. Проекты получили поддержку таких предприятий Республики Татарстан как ПАО «КАМАЗ», ОАО «Казанский авиационный завод им. С. П. Горбунова», ОАО Казанского моторостроительного производственного объединения «КМПО», ООО «Мелита», ОАО Казанский завод «Электроприбор», ГК «Тасма» и ЗАО Чистопольский часовой завод «Восток».

Формулировки – «приурочены к 100-летию ТАССР», «активизировать интерес молодежи...» и «мотивировать к исследованию...» – являются спецификой данных проектов. В первую очередь из-за охватываемого периода (XX в.) и возраста аудитории (молодежь).

Насыщенность XX в. событиями и неоднозначность отношения населения к данным событиям создает сложность в восприятии и определенный «интеллектуальный порог» [1] для посетителей, желающих увидеть выставки.

Если говорить о возрасте аудитории, то для младших школьников выставки с такой темой становятся совершенно сложными для восприя-

тия. Школьники старших классов в свою очередь не очень впечатляются историей. Интересуясь вымышленными историческими мирами, они мало увлекаются изучением истории родного края. Захватывающий сюжет, отлично прорисованная графика и запоминающийся звуковой ряд, дополненный эмоциональным контекстом приводит к тому, что зачастую молодежь легко ориентируются в правящих династиях сериала «Игры престолов», но совершенно не знают историю своего народа, тем более если эта история XX в. Определенную трудность создает традиционный формат подачи истории данного периода в виде плоскостного материала, традиционной лекции или экскурсии. Такая история не «запоминается» и в конечном итоге молодое поколение не чувствует ответственности за настоящее своего региона и не связывает с ней свое будущее.

Именно поэтому при создании выставки «Вперед в прошлое» основной упор был сделан на аудиторию школьников младших и средних классов. При создании экспозиции были выделены зоны с интерактивными экспонатами, с которыми посетители могли взаимодействовать. Специально для проекта были созданы культурно-образовательные программы как для семейного, так и для индивидуального посещения. Активно велась работа по продвижению проекта онлайн: специальные выпуски о предметах выставки, викторины с вручением ценных призов, онлайн-экскурсии. Такие решения сделали выставку привлекательной не только для детской аудитории, но и для взрослой. Выставка работала шесть месяцев, в течение этого времени ее посетило более 8 тыс. чел., в формате онлайн выставку увидели более 20 тыс. чел.

Выставочный проект «Первые лица республики» – выставка под открытым небом. Проект был реализован на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря Музея-заповедника «Казанский Кремль» в нескольких метрах от главного входа в Кремль – Спасской башни. Выставка разместилась на 25 информационных тумбах-баннерах. Каждая тумба стала летописью жизни человека, руководившего Татарской республикой. Также подробные биографии руководителей Республики были доступны на платформе *izi.travel*. В рамках выставочного проекта был выпущен буклет с краткими биографиями руководителей общим тиражом 1000 экземпляров. На момент подготовки статьи выставка работает три месяца, в течение этого времени ее посетило более 250 тыс. чел. – гостей и жителей г. Казань.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что основные факторы успешного проекта были учтены и проработаны. Главная цель, количественные и качественные показатели, установленные организаторами, достигнуты. Следовательно, данные выставочные проекты являются успешными.

Источники и литература

1. Абанкина Т. В. Музей и школа: стратегии сотрудничества / Т. В. Абанкина // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции краеведческого образования: научные исследования и педагогическая практика». – Иваново: Автономное учреждение «Ин-т развития образования Ивановской области», 2016.

2. Указ Президента Республики Татарстан от 25.09.2019 № УП-572 «Об объявлении 2020 года в Республике Татарстан Годом 100-летия образования Татарской АССР» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1600201909260005> (дата обращения: 15.10.2020).

**Многоцветие национальных культур
(из опыта работы с национально-культурными объединениями
г. Нефтекамск Республики Башкортостан)**

Башкирский край – прекрасный край. На нашей нефтекамской земле дружной семьёй живут, трудятся, творят башкиры и русские, татары и мари, украинцы и удмурты, а также люди других национальностей. Их дети учатся в одних школах, их семьи дружат и рождаются между собой. Они уважают традиции друг друга, язык и живут в тесном взаимопонимании.

С 2008 г. на базе городского музея работает Центр национальных объединений, в который вошли: Курултай башкир, Собор русских, татарское, марийское, удмуртское, украинское национально-культурные объединения, осуществляющие свою деятельность в соответствии с Законами Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», «О национальных объединениях граждан Республики Башкортостан».

Стало доброй традицией проводить ежегодно Дни национальных культур с января по ноябрь, которые открываются церемонией вручения городского переходящего «Кубка дружбы». Планы проведения разнообразны и многогранны. Это научно-практические семинары «Праздники, традиции, обряды русского народа», «Обряды башкирских удмуртов», «Марийское национальное искусство», где показана преемственность традиций, проведена параллель истории и современности; праздники-конкурсы «Самобытность башкир в узорах национальной одежды», «Красота и своеобразие национальной одежды татарской женщины», где показана история изменения национальной одежды, особенности её элементов, головных уборов и украшений. Каждое мероприятие сопровождается пояснительной компьютерной презентацией, которая позволяет придать ему яркость. Народные праздники, конкурсы национальных блюд, выставки предметов быта разных народов, заводные пляски и трогаящие душу народные песни стали символом культуры, гармонии и дружбы жителей города благодаря совместной работе Центра национально-культурных объединений, городского музея, учреждений культуры и образования, общественных организаций.

Ежегодно в январе проходят мероприятия, посвященные рождественским дням «Я люблю тебя, Родина светлая!». В феврале – праздник «В семье единой», посвященный Международному Дню родного языка. В марте – городской фестиваль «Моя семья говорит на татарском языке». В апреле – фольклорные посиделки «Традиции татарского народа» и праздник

родословной Шежере-байрамы «Я ветка в кроне рода моего», где свою родословную представляют школьники, студенты и взрослые всех национальностей на родном языке. В апреле – фестиваль «Дуслык моно» имени Ф. Кудашевой. В мае – Всероссийская акция «Ночь музеев», в рамках которой колоритно проходит праздник национальной песни и частушки. В сентябре – фольклорно-этнографический фестиваль национальных культур «Созвездие дружбы», девиз которого – «Мы разные, но все мы равные». В рамках фестиваля организуются национальные подворья. В декабре – новогодние утренники на родных языках.

Проводимая многообразная работа способствует бережному сохранению национальных традиций, фольклора, культуры языка, укрепления дружественных связей между людьми разных национальностей.

Культура, быт, занятия народов края нашли яркое отражение в экспозициях зала городского музея «Этнография народов Республики Башкортостан». Богатая природа, представленная на художественном панно, подчеркивает влияние её на особенности жизни башкир, проживающих на северо-западе Башкортостана, о чём свидетельствует одежда, предметы быта и культуры. Богато представлено в экспозиции ткачество (паласы и шаршау с разным орнаментом). Башкирская юрта и кочевье позволяют получить представление о жизни башкир XIX – начала XX в.

Своеобразно, в виде русской ярмарки представлен в музее быт русского народа. В экспозиции находится большая коллекция различных предметов быта: самовары, утюги, часы, зеркала, посуда и др. В витринах представлена домотканая одежда XIX в. На планшетах материалы о семье купца Гаврилы Вечтомова, которая занималась благотворительностью (конец XIX в.) и сыграла важную роль в развитии культуры Касёвской волости (ныне микрорайон города Нефтекамск). Интерес у посетителей вызывают материалы о посещении села Касёво, деревни Марино в 1910 и 1914 гг. великой княгиней Елизаветой Фёдоровной Романовой.

Художественная панорама татарской деревни и крестьянская изба знакомят посетителей музея с культурой, бытом, хозяйством татар, проживающих на территории края. В экспозиции представлены более 200 экспонатов. Это утварь, предметы убранства дома, орудия труда, национальная одежда.

Богатая экспозиция раскрывает особенности хозяйства, культуры, быта народов мари и удмуртов. Здесь представлена большая коллекция национальной одежды, полотенец, орудий труда, предметов быта, которые были собраны во время экспедиций в близлежащие марийские и удмуртские деревни.

Музей имеет большой потенциал в формировании любви к родному краю, языку, воспитанию признательности к предшественным поколе-

ниям благодаря реализации в рамках национального проекта «Культурная среда» музейно-образовательной программы «Хранят музеи для потомков свидетельства иных эпох». Разделы программы представляют собой цикл краеведческих и этнографических занятий, уроков, лекций и тематических экскурсий, научно-практических конференций старшеклассников и студентов, связанных с исследованием истории края, города, его предприятий и учреждений, судеб горожан, конкурсов юных экскурсоводов «По малой родине моей», исследовательских работ «Дорогами Отечества». Большая работа по обучению и воспитанию подрастающей молодёжи ведётся учителями родных языков школ города. Обучающиеся и учителя ежегодно участвуют в городских, республиканских, всероссийских конкурсах, занимая призовые места.

В рамках Дней национальных культур в выставочных залах музея проводятся оригинальные выставки произведений живописи, прикладного искусства, фоторабот. Яркие впечатления произвели на горожан выставки: «Патриарх. Служение Богу, Церкви, людям», «Русь Православная», «Души прекрасные порывы», «Радуга талантов», «Родные просторы глазами фотографа», «Этнография башкирского, татарского, удмуртского народов», «Караванный путь мариЙцев от Волги до Урала».

Ежегодно коллектив сотрудников музея и представители национально-культурных объединений выезжают на семинары и тематические экскурсии с целью обмена опытом в музеи республик Башкортостан и Татарстан, Удмуртии и Пермского края.

Опыт деятельности городского Центра национально-культурных объединений, городского музея и других учреждений культуры и образования в рамках сохранения историко-культурного наследия отражён в брошюрах «Свет неугасимый национальных культур», «Мы разные, но все мы равные», «Созвездие дружбы», «Многоцветие национальных культур», «Инновационные формы музейной деятельности», «Музей – центр воспитания», «Отсюда начинается Отечество моё», «В мире старинных предметов», «Нефтекамск. Прошлое, настоящее, будущее», «История края и города в названиях улиц, площадей, скверов», а также в статьях и очерках местных и республиканских газет и журналов «Славься, Родина наша светлая!», «Марийский национально-культурный центр: итоги и перспективы», «Творческая встреча удмуртов Башкортостана», «Пусть всегда в семье звучит родная речь», «Хранители нации», «Башкортостан отмечает День национального костюма», «Единый день фольклора», «Там, где прописано счастье...» и других. Выпущены книги: «Нефтекамск смотрит в завтра», «Нефть на Каме», «Отражение», «Радуга слова» и др.

Нефтекамск является маленькой каплей, в которой отражается весь многонациональный Башкортостан. В городе чрезвычайно бережно, чутко и уважительно относятся к традициям, языку, укладу, образу жизни народов, проживающих рядом. И сегодня жители города продолжают развивать свой язык, свою самобытную культуру, передавая своё наследие будущим поколениям.

Тем не менее, сохранение языкового многообразия и культурной идентичности народов, проживающих в городе Нефтекамск Республики Башкортостан, остаётся важнейшей задачей. С целью оказания эффективного воздействия на духовные и нравственные качества народа необходимо глубокое знание традиций и обычаев национальной культуры, активизация работы по повышению знаний этнографии татар Башкортостана и других народов, проживающих в городе и в Башкортостане в целом; объединение усилий, средств и возможностей всех заинтересованных государственных учреждений и общественных организаций, появление новых меценатов, которые путем финансовых вливаний подняли бы национальную культуру на более высокий уровень.

**Репрезентация выставочного проекта «Незримые узы с родиной»
к 100-летию ТАССР (опыт выставочного отдела –
Центр «Эрмитаж-Казань»)**

В год 100-летия ТАССР в музеях и выставочных пространствах Республики Татарстан были организованы проекты, посвященные важной дате. Следует отметить тематику выставочных экспозиций, которые в основном были посвящены истории республики, где центральное место занимал раздел 1920 г., или выставка, представляющая ведущих художников Татарстана, чье творчество охватывает последние сто лет. В частности, выставочные проекты были посвящены основным достижениям Татарстана в самых разных областях: в науке, тяжелой промышленности, оборонном производстве, сельском хозяйстве, а экспонаты выставки знакомили посетителей с деятельностью наиболее крупных предприятий республики.

К вышеизложенным темам добавился проект Выставочного отдела – Центра «Эрмитаж-Казань» музея-заповедника «Казанский Кремль» – «Незримые узы с Родиной», который представлял творчество художников, связанных так или иначе с Татарстаном, но не проживающих в республике. В рамках проекта состоялось три выставки, которые были посвящены темам малой родины, зову предков, традиций семьи. Эти темы на протяжении многих лет находили отражение в творчестве художников.

Первая выставка проекта с одноименным названием состоялась в июне 2019 г. Экспозиция представляла творчество одиннадцати современных татарских художников Санкт-Петербурга, среди них Азат Галимов, Роберт (Миф) Мифтахутдинов, Раис Тимергалиев, Эльмира Мустафина, Екатерина Чиханова, Роман Абдуллин, Ильдус Вахитов, Сания Бахтиярова, Вагиз Адельшин, Ахнаф Зиякаев, Елена Сайтбагина. Более сорока произведений выставки, которые показывали красоту деревенских пейзажей, жанровые сцены, увиденные на улицах города Казани, традиционный быт татарского народа, изображение родных мест, где до сих пор живут родители. Важно отметить, что эта тема нашла большой отклик посетителей выставки. Две экспозиции в рамках проекта состоялись в юбилейный год образования Татарской АССР.

В августе 2020 г. открылась персональная выставка петербургского художника Азата Хаизовича Галимова «Между Западом и Востоком», отражающая единение художника с родными местами и возвращение на малую родину. Художник родился в 1958 г. в Буинском районе Татарской АССР, с 1979 г. живет и работает в Санкт-Петербурге. Несмотря на то, что

он много путешествует, пишет городские пейзажи европейских городов, пишет Санкт-Петербург – город, в котором живет сейчас, художник все равно в своем творчестве всегда возвращается к теме малой родины. В экспозиции было представлено сто четырнадцать работ А. Х. Галимова, написанные в разные годы во многих уголках мира и нашей необъятной Родины. Выставку открывали виды Казани, теперь являющейся центром в творчестве художника и находящейся между Западом и Востоком и в географическом, и в культурном смысле. В работах А. Х. Галимова были запечатлены величественные стены белокаменного Кремля, башня Сююмбике, мечеть Кул Шариф, уникальные старинные силуэты Азимовской и Бурнаевской мечетей. Как отмечает сам художник, что в какой бы стране он ни работал, он везде подмечал приметы смешения культур разных народов, искал наиболее близкие его сердцу мотивы, напоминающие его малую родину.

Следовательно, первые две выставки в рамках проекта показывали творчество современных татарских художников, которые живут и работают в Санкт-Петербурге, но, так или иначе, возвращаются к теме Татарстана в своих работах.

Третья выставка расширила хронологические и географические рамки проекта «Незримые узы с Родиной». Партнёром выставки выступил Фонд поддержки и развития научных и культурных программ имени Шигабутдина Марджани, г. Москва. В сентябре 2020 г. состоялось открытие выставки «Родник любви и вдохновения. Произведения татарских художников из коллекции фонда Марджани». Куратором выставки выступила искусствовед Мария Юрьевна Филатова. Выставка была посвящена творчеству шестнадцати художников – авторов живописных, графических работ и скульптурных композиций. Экспозиция рассказывала о художниках-татарах, чье творчество пришлось на XX в. и развивается в наши дни. География их судеб обширна: Узбекистан, Казахстан, Латвия, Башкортостан, Пермь, Москва, Санкт-Петербург. Экспозиция была разделена на две условные части: татарские художники в Средней Азии и те, чья жизнь и творчество связаны с Башкортостаном, Прибалтикой, Москвой и Санкт-Петербургом. В первом разделе представлены, в частности, такие широко известные живописцы, как Баки Урманче и Чингиз Ахмаров, а также Марат Садыков и Равил Халилов. Второй раздел более обширный: живущие в Москве живописец Амир Тимергалеев и скульптор Тагир Субханкулов, художник из Санкт-Петербурга Марат Вафин, пермский скульптор Альфиз Сабиров, учившийся и часто бывающий в Латвии Рамин Нафиков. Несколько татарских художников живут в Уфе – Анвар Кашаев, Ринат Миннебаев, участники группы «Чингисхан» Василь Ханнанов, Ринаг Харисов, Мидат Мухаметов, Расих Ахметвалиев. В Уфе работала Адия Ситдикова. На

выставке были представлены разные жанры: пейзаж, натюрморт, портрет, жанровые композиции; исторические темы, древние легенды и мифологические образы. Такие стили художников как реализм, авангард – от примитивизма до абстракции.

Таким образом, один из важных аспектов выставочного проекта заключался в том, чтобы показать творчество художников – даже тех, кто рожден вне Татарстана, но которые передавали и передают потомкам культуру, традиции, язык, сознание национальной идентичности. Так сохранился и сохраняется сформировавшийся на протяжении многих веков культурный код народа, явленный в образах литературы, музыки и конечно, в изобразительном искусстве.

Эффенди Капиев – поэт Кавказа и сын России

Долгое время имя Эффенди Капиева упоминалось как имя уроженца освобожденного большевиками Дагестана, трибуна новой страны и новой советской литературы. Эти замечания соответствуют исторической действительности, но гораздо большее значение творчества дагестанского поэта становится ясным в связи с его переводческой деятельностью и вкладом в дело придания дагестанскому фольклору российского и мирового признания. Отдавая дань уважения и признательности горцу, сумевшему стать талантливым русским писателем, хочется написать эту статью. Коль скоро в руки попали документы и фотографии, хранящиеся в фондах Пятигорского краеведческого музея, свидетельствующие о пребывании Эффенди Капиева на Ставропольской земле. Нужно особо подчеркнуть, что русский город Пятигорск стал второй творческой родиной поэта Капиева, жившего и работавшего здесь с 1935 до момента своей смерти в январе 1944 г.

Эффенди Мансурович Капиев родился 13 марта 1909 г., хотя некоторые исследователи утверждают, что эта дата приблизительная, продолжают спорить и о месте, где появился на свет поэт. Н. Капиева и Р. Гамзатов сообщают, что это произошло в высокогорном дагестанском ауле Кумух, М. Чудакова склоняется к мысли, что будущий писатель родился в калмыцкой станице Аргаки, куда переехали поженившись его родители [1; 2; 3]. Первому сыну из родившихся в браке пятерых детей они дали весьма почетное у мусульманских народов имя Эффенди, означающее «умный», «знающий», «святой». Несмотря на то, что семья вела кочевой образ жизни, и между членами семьи практиковался национальный кумыкский язык, становление мальчика прошло в русских образовательных учреждениях. Вехами на пути к образованию Эффенди стали детский дом, интернат горцев при педагогическом техникуме, школа-девятилетка и Ленинградский машиностроительный институт.

Литературные способности дагестанского парня определились рано. Еще на школьной скамье он сочинял басни на русском языке. Они помещались в стенной газете вместе с рисунками юного автора. Он надолго сохранил любовь к басням, знал наизусть почти всего Крылова, с большим юмором рассказывал народные притчи [4, с. 57].

В школе он вступил в могучий и волшебный мир великой русской литературы. Особенно сильно покорило его воображение Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой. Ему, кавказцу, эти исполины открыли Кавказ. Посредством их произведений он узнавал, как прекрасен мир, в котором он живет, каким

душевным благородством исполнены люди в бешметах и чарыках. Русский стих, сильный и нежный, зазвенел в его сердце.

Но дыхание его любимой родины было и в народных песнях горцев. Нужно отметить, что жители Кавказа до октябрьских событий почти не знали письменности и передавали образцы своего творчества в сказаниях и легендах. Дефицит национальной дагестанской поэзии в более широком русском пространстве уловил своим пытливым умом и чутким сердцем Эффенди Капиев и не случайно поэтому, начал свою литературную деятельность как переводчик с дагестанских языков: кумыкского, лакского и аварского. Именно как фольклорист он открыл миру горцев с помощью переводов их поэтических сочинений.

Молодой писатель исходил и изъездил верхом, на попутных грузовиках, на арбе многонациональный Дагестан и записывал, сидя на холмике, у входа в саклю народные песни, стихи поэтов страны гор – страстного аварца Махмуда, певучего лезгина Етим Эмина, сурового и печального Батырая. [5, с. 8] Он превосходно перевел эти стихи, песни и легенды на русский язык, собрав их в своей книге «Резьба по камню». И, подобно произведениям искусных горских камнерезов и златокузнецов, эта книга до сих пор поражает нас своей самобытностью, пластичностью, острым и твердым словесным рисунком.

Особенно важной и значительной в жизни Капиева была его встреча с народным певцом из лезгинского аула Ашага-Стал, по имени Сулейман. Сулейман был не обычный горец. Он много странствовал, бывал в Закавказье и в Средней Азии, встречался с русскими и азербайджанскими рабочими на бакинских нефтепромыслах, немного понимал по-русски, и, кроме того, сочинял хорошие песни. После работы Эффенди Капиева над его творчеством, имя Сулеймана Стальского стало известно многим. Капиев привез старого горца в Москву на первый съезд писателей. Тогда на Сулеймана обратил свой внимательный профессиональный взор старейшина советской литературы Максим Горький, назвав дагестанского певца «Гомером XX века». Слушая Горького, Эффенди Капиев увидел свое предназначение, понял свою задачу: показать читателю в образах Дагестана эпос XX в. Так начался новый период в жизни Эффенди Капиева – период переводов песен и поэм Сулеймана Стальского. Переводы эти принесли ему заслуженную славу. Эффенди Капиева жег благородный огонь творческой неудовлетворенности: в песнях Сулеймана он уже смутно ощущал облик своего будущего героя. И это было почвой для творчества самостоятельного, свободного от чужих переводов.

Этот новый эпический образ народного певца-сказителя Капиев воплотил в главном труде своей жизни – в книге «Поэт». Именно в этом произведении

реализовалось подлинное изящество русской прозы национального поэта. Автор взглянул на своего героя, горского певца, глазами горца, но такого горца, который усыновлен русской культурой, для которого ближайшими наставниками были любимые русские писатели. Не случайно он восклицает в «Поэте»: «О великий русский язык! Стою перед тобой на коленях. Усынови и благослови меня, но не как приبلудного, а как найденного сына... Верен ли я твоим заветам? Точен ли я в своих чувствах и порывах без примеси лжи?.. Принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя, и ныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия! Без тебя нет, и не было будущего, с тобой мы воистину всеильны!» [5, с. 148] И это вдохновенное восклицание не случайно, поскольку именно на русском языке, хотя он им и не владел, обрел свою славу Сулейман Стальский, и именно в русском языке обнаружил свой талант и выразил свой творческий гений поэт Эффенди Капиев. За правду жизни, выраженную в слове, ушел сражаться на фронт с гитлеровскими захватчиками дагестанский поэт. Но это уже было в Пятигорске.

«Поэтом» и книгой переводов с дагестанских языков, в которых Эффенди Капиев блеснул оригинальным поэтическим дарованием и другими творческими замыслами он занимается уже в Пятигорске, куда он переехал в 1935 г. Переехал поэт под давлением дагестанских рапповцев, у которых язвил Капиев «ортодоксально-диалектическое сознание» готовое перепахать ниву культуры до полного бесплодия... Курорт же привлекал и возможностью подлечить все более беспокоившую язву и новыми горизонтами творческой работы [4, с. 98]. Напомним, что в те годы город у подножья Машука был центром Северо-Кавказского края. Туда часто съезжались горские и столичные писатели. В те времена в Пятигорске издавались книги, и выходила комсомольская газета, называвшаяся «Молодой ленинец», в нее-то и пошел работать Капиев. В газете он часто писал статьи о литературе и о театре. Эти работы радовали руководство газеты, поскольку были написаны как-то ново, живо – так как еще не писали в городе. Известно также, что Эффенди писал стихи, которые уже вошли в его самостоятельный сборник. Коллега по цеху Семен Бабаевский так вспоминает о его творческом существовании в Пятигорске: «В Пятигорске Эффенди с семьей жил в доме № 7 по улице имени Анджиевского. Я часто бывал у него и невольно становился очевидцем его творческой лаборатории. Он поражал меня своим удивительным трудолюбием. По 12 часов он не поднимался из-за стола и был безжалостным к себе и своему слову. Он любил Чехова и умел по-чеховски оттачивать фразу. Писал он, как правило, ночью, и жизнь его строилась не так, как у всех людей: он работал тогда, когда люди обычно спят. Поэтому всю ночь в окне его

комнаты не потухал огонек. Поэт садился к рабочему столу вечером, а вставал из-за стола утром» [4, с. 147].

Из Пятигорска в большой мир уйдут книги Капиева. Отрывки из его произведений появляются в «Правде», в журналах «Знамя», «Тридцать дней», «Смена», «Молодая гвардия». Здесь, в Пятигорске, он был одним из инициаторов создания и первым редактором литературного альманаха «Ставрополье». Жизнь в этом городе его полностью устраивала. Здесь он получил квартиру и родился его первый долгожданный сын Рустем. Жена, Наталья Владимировна, устроилась на работу в «Домик Лермонтова», неподалеку от которого находилось жилище Капиевых. В сквере Лермонтова супруги проводили долгие летние и осенние вечера, глядя в красивую цепь Кавказских гор. Они напоминали поэту о его такой далекой, но желанной родине – о Дагестане. «Здесь все замечательно – пишет Капиев, – днем и ночью поют птицы, ящерицы подползают прямо к порогу» [6, с. 211]. В беседах с научным сотрудником и по совместительству журналистом Елизаветой Яковкиной Эффенди Мансурович часто спрашивал о Пятигорске, об истории города. Ей же он признавался, что находит Пятигорск красивым и не шаблонным, городом, имеющим свое лицо. Не случайно, по его замечанию, именно в нем состоялась судьба одного из любимейших русскими людьми поэта Михаила Лермонтова [4, с. 178].

Наступил 1941 г. Издательство «Художественная литература» в Москве, крайиздат в Пятигорске и Даггиз в Макачкале включили в свои планы книгу «Поэт». Все складывалось так, как можно было мечтать литератору, выходящему на длинный творческий путь! Но планы эти прервала война. С самого начала Великой Отечественной войны Эффенди Мансурович участвовал в военно-патриотической работе. Он был агитатором, выступал на митингах в поле, на производствах, на вокзалах перед войсками. Капиев вместе с С. П. Бабаевским осуществлял эту деятельность по путевкам Пятигорского Комитета Оборона [6, с. 145]. В рамках агитационной работы Э. Капиев раскрыл свой талант оратора. С начала войны его на фронт не брали из-за болезни – прогрессирующей язвы желудка. Но он не сдавался и все рвался туда, в эпицентр самых важных в истории событий. «На фронт! На фронт! – кричу я и бью крыльями об стол... Тщетно», – напишет он в блокноте. Однако в январе 1942 г. уходит из дома с командировочным удостоверением в кармане. Оно сообщает нам, что «писатель, тов. Э. М. Капиев командирован... в действующую армию... для написания книги о ее героях и героических делах» [7, с. 79]. И он пошел с армией, преследуя отступающего врага, несмотря на болезнь, все более обостряющуюся во фронтовых условиях. Он активно работал во фронтовой газете и систематически, изо дня в день вел свои фронтовые дневники, одна за

другой заполняя записные книжки наблюдениями военной жизни. Война еще больше пробудила в нем писателя. От образности и эмоциональной изощренности своих первых книг он перешел к простоте и ясности языка. В своих «Фронтowych записках», коих обнаружилось двадцать блокнотов, Э. Капиев предпринимает мужественную попытку вести разговор фактами, через описание конкретных случаев, боевых и после боевых картин. Это выразительное, но неопровержимое по достоверности рассказанных случаев повествование вслед за Капиевым утвердится в русской прозе 1930-х и 1940-х гг. [9, с. 8]

В записях Капиев пишет о том, что видит. Он ни на шаг не отходит от действительности, окружавшей его. Все, что останавливает его внимание, волнует или пробуждает мысль, – попадает в блокнот. Истинное свое призвание он видит в том, чтобы ни от чего не отвернуться, не пропустить ничего, что дорисовывает каким-то новым штрихом лицо войны. В его рассказах с фронта есть и батальные сцены, рассказы о людях и пейзажи. Но все эти разнородные заметки скрепляет личность автора, умевшего находить что-то живое человеческое даже в самом жестоком и ужасном. Его фронтowych записки – гимн человеку, борющемуся за правое дело, и в силу этой правды не умирающего никогда. Жизнеутверждающая философия, интенсивность духовной жизни писателя и есть самое сильное оружие против человеконенавистнического фашизма. Не случайно после того, как его фронтowych дневники стали доступны массовому читателю, а это случилось через 10 лет после его смерти, они стали по силе выразительности в один ряд с произведениями таких фронтowych писателей как Б. Горбатов и В. Гроссман [9, с. 9].

На фронте болезнь Капиева обострилась. В начале 1944 г. он вынужден был лечь в госпиталь. В переписке с друзьями он выскажется: «Фронтowych записки» (1941–1944) – лучшее, что я создал», – трагически осознавая, что болезнь может помешать закончить труд. Капиев мечтал превратить свои военные дневники в книгу. Он не выпускал из рук пера и блокнота до последних минут жизни. В январе 1944 г., перед тем как лечь на операционный стол в Пятигорске, он делает свою последнюю запись, – как обычно, немного подтрунивает над собой и своей болезнью: «Итак, сделали укол морфия... Я ли не терпел? Ты ли не терпел, Капиев? Он ли не терпел этот несчастный страдалец язвы, столько лет? И уж на сей раз потерпим. Не беда! Хрен с тобой...» [8]. И последняя строка: «Как ни странно, книжечка кончилась минута в минуту перед операцией, хотя я и не хотел этого» [8].

На другой день, 27 января 1944 г., на рассвете закончилась жизнь поэта – он скончался от внутреннего кровоизлияния. На склоне Машука, рядом с местом первоначального погребения Лермонтова, 30 января опустили

в могилу под автоматные очереди гроб с телом Эффенди Капиева. При жизни он как-то сказал: «Мог ли я когда-нибудь думать, что буду жить на той земле, по которой ходил Лермонтов?» «Мог ли он думать, что обретет вечный покой в земле, в которой был похоронен после дуэли Лермонтов», – продолжает Елизавета Яковкина [4, с. 147].

Именем Эффенди Капиева названы школы в аулах и городах Дагестана, улицы в Махачкале и Буйнакске. Имя поэта носит Государственный музыкально-драматический лакский театр. В Пятигорске на доме, где он жил прикреплен мемориальная доска. В Пятигорском краеведческом музее в год 75-летия Великой Победы были использованы документы из мемориального фонда Эффенди Капиева. На мероприятии было рассказано о том, что в 1943 г. по приезду в Пятигорск Капиев стал свидетелем перезахоронения жертв гестаповского режима в городе, а после работал в чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Пятигорска. В этот же юбилейный год сотрудниками музея планируется провести встречу в Доме национальных культур, посвященную жизни и деятельности талантливого сына гор и степей. Поэт, воспевавший красоту и гармонию мира на Кавказе, долгие годы служивший укреплению дружбы между народами достоин отнюдь не забвения, а специальной беседы с представителями национальных сообществ Пятигорска и подрастающим поколением.

Источники и литература

1. Капиева Н. В. По тропам времени: о писателях Дагестана / Н. В. Капиева. М., 1982.
2. Слово о поэте: к 70-летию со дня рождения Эффенди Капиева // Дружба народов. 1979. № 4.
3. Чудакова М. О. Эффенди Капиев / М. О. Чудакова. М., 1970.
4. Воспоминания об Эффенди Капиеве. Ставрополь, 1980.
5. Капиев Э. Поэт / Э. Капиев. М., 1978.
6. Капиев Э. Записные книжки / Э. Капиев. Ставрополь, 1959.
7. Капиев Э. М. Фронтвые очерки / Э. М. Капиев. Махачкала, 1944.
8. Капиев Э. Из фронтвых блокнотов / Э. Капиев // Кавказская здравница, 1985.
9. Капиев Э. Избранное / Э. Капиев. М., 1979.

**Способы конструирования и формы репрезентации
социальной памяти в современной культуре
(на примере деятельности ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск»)**

То внимание и популярность в современном мире, которое оказывается проблемам социальной памяти, не случайно: можно назвать современную эпоху «мемориальной». Актуальность тем и проблем социальной памяти связывается с исторической динамикой, последствия которой привели к новой потребности самоидентификации в условиях глобализации. Обычно прошлое является реконструированным, но чаще всего бывает именно сконструированным в настоящем времени еще до того, как индивид придал ему смысл [5, с. 41]. Реконструкция событий как индивидуальной, так и коллективной памяти определяется позицией, жизненными идеалами и установками рассказчика, который в той или иной мере формирует пространство воображаемой истории.

Социальная память обеспечивает связь поколений, их преемственность, способствует консолидации и сохранению общества. Социальная память – это видение прошлого сквозь призму социальной, культурной, исторической, политической субъективности, которая конструирует себя и вместе с этим динамический разнообразный конструктор [4, с. 450].

Способы конструирования и формы репрезентации феномена социальной памяти будут рассмотрены в рамках данного исследования как термин коммеморация или коммеморативные практики. Эти практики существовали и в прошлых общественно-экономических формациях, но их активность в современном мире обусловлена рядом причин: глобализация, научно-технический прогресс, информатизация, а также появление новых механизмов коммуникации [8, с. 71]. Различные формы репрезентации памяти, разнообразие мест памяти, виды коммеморативных практик и ритуалов становятся все чаще предметом дискуссий в научном сообществе. Термины «коммеморация» и «коммеморативные практики» чаще всего используются в междисциплинарном направлении исследований «Memory studies», которое появилось в 1980-е гг., активно изучалось и продолжает изучаться французским ученым Пьером Нора, и в центре которого находится память всего человечества [2, с. 40]. Пьер Нора ввел в научный оборот понятие «место памяти» – эти «места» создаются и рождаются благодаря такому чувству в социуме, что спонтанной памяти не существует, а значит нужно создавать архивы, организовывать празднования, отмечать годовщины, произносить надгробные речи [3, с. 61]. Коммеморация – это

комплекс разнообразных форм репрезентации, с помощью которых в обществе фиксируется, сохраняется и передается из поколения в поколение память о прошлом, с помощью утверждения «мест памяти».

Рассмотрим некоторые из форм репрезентаций коммеморативных практик.

Праздник – форма коммеморативной практики, представляющий собой феномен этнической истории группы, который сохраняет и репрезентирует традиции, историческую память и культурное многообразие [1, с. 105]. Также это одна из форм символического оформления прошлого в настоящем. По мнению немецкого ученого Я. Ассмана: «Праздник служит воскрешению в памяти обосновывающего прошлого, которое обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы» [6, с. 143]. В официальных государственных праздниках коммеморация используется для некоторых форм репрезентации социальной памяти с целью выражения политической солидарности. Каждый элемент структуры праздника своим функционированием обеспечивает сохранность и актуальность коллективной памяти.

Также в отдельную группу можно отнести такие государственные «институты памяти» как музеи, библиотеки, архивы, художественные галереи. Их деятельность можно рассматривать как формы коммеморативных практик, так и в качестве инструментов для социальных преобразований, репрезентирующих обществу символы власти, которые в свою очередь являются памятью власти. М. Фуко высказывал интересную мысль в отношении музеев, что музей становится тем местом, которое объединяет образы прошлого и современное искусство через коммеморативные практики публичной презентации с учетом политических, социальных и культурных императивов современности.

Одной из действенных форм репрезентации и способов конструирования социальной памяти являются музеи. Музей как институт социальной памяти отбирает, хранит, экспонирует, исследует, реставрирует и интерпретирует культурное наследие. Своей деятельностью музей организывает коммеморативные практики для этих процессов.

Рассмотрим событийный туризм как одну из форм коммеморативных практик. Событийный туризм – один из востребованных видов туризма в современное время. Татарстан является одним из ведущих туристских регионов, не спроста его культурное наследие богато и уникально по-своему [9, с. 79]. Благодаря этому направлению в Республике Татарстан была создана современная туристская инфраструктура. Большое внимание в регионе уделяется развитию и популяризации национальных праздников народов Татарстана.

В Свияжске одним из ярких примеров возрождения древней традиции является «Свияжская масленица». В Свияжске она проходит очень атмосферно: огромные оформленные качели, блины, снежные бои, костюмированное шествие ряженных, выступление творческих коллективов и, конечно же, сжигание чучела зимы. Свияжская масленица завоевала Гран-при в российском конкурсе «Russian Event Awards» в 2014 г.

Также к событийному туризму в ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск» можно отнести ежегодный фестиваль «Свияжская уха». Истоки этого фестиваля находятся в древней свияжской промысловой традиции. С основания Свияжска этот промысел был самым прибыльным среди жителей острова. Лещ и по сей день находится на части герба острова-града, ведь именно лещами в древние времена славились свияжские рыбацкие сети. Рыболовство по сей день является важной и неотъемлемой частью жизни местного населения. Местные жители говорят, что раньше во время рыбного нереста на острове не звонил ни один колокол. Секреты приготовления свияжской ухи передаются из уст в уста от поколения к поколению. Во время фестиваля вкусная, наваристая уха подается гостям острова совершенно бесплатно. Также в этот день проходят соревнования по рыбалке, с награждениями в разных номинациях. Торжественное костюмированное шествие с песнями, плясками и шутками-прибаутками не оставит ни одного гостя равнодушным. В это же время проходит конкурс «Оригинальная и красивая подача приготовленной ухи». Различного рода рыбацкие конкурсы, викторины, эстафеты, богатырские бои, а также на этом фестивале предусмотрена детская программа. Интерактивная программа «Уха-царица, в рот просит-ся», мастер-класс «Золотая рыбка» в технике монотипия, интерактивный урок-экскурсия «Свияжская рыба – особая честь» и многое другое.

Также хотелось бы упомянуть что с 2009 г. в апреле в день памяти Шалапина проводится ежегодный Свияжский фестиваль духовной музыки всероссийского значения. С 2010 г. в июле проводится ежегодный Открытый турнир Тагарстана всероссийского значения по стрельбе из лука и арбалета «Кубок Свияжска». ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск» входит в ассоциацию с «Волжским Иерусалимом».

В Свияжске возрождается тема народного судостроения и как одна из форм коммеморативных практик с 2019 г. проходит Свияжский фестиваль «Народная лодка». Тематика фестиваля – Волжское народное судостроение и судовождение. Это уникальный формат событийного мероприятия, совершенно не представленный в регионах Поволжья, и единственный в своем роде существует именно в Свияжском музее-заповеднике. В ходе проведения мероприятия организовывается комплекс различных тематических площадок, связанных с деревянным судостроением, традиционной

деревообработкой, обычаями и бытом жителей Свяжска и ближайших Волжских поселений, а также музыкальная программа и мастер-классы с игровым вовлечением туристов в мероприятие. Происходит конструирование реконструкций: Рыбачий стан, Бурлацкая тяга, Мастерская узлов, Судоверфь. В конце фестиваля проходит настоящая гонка на гребных лодках и парад судов, в ходе которого все участники совместно с гостями мероприятия совершают выход вдоль береговой линии острова Свяжск. Для участия в фестивале приглашаются владельцы всевозможных плавсредств, созданных собственноручно или индустриальным методом (маломерные суда, парусные яхты, мотолодки, исторические реплики волжских судов, разборные суда, байдарки, каяки, плоты и т. п.) и отвечающих требованиям безопасности на воде. Сейчас это мастерство утрачивается как никогда, и задача ГИАХМЗ «Остров-града Свяжск» продолжать эту самую традицию и сделать тем самым Свяжск местом памяти традиции судостроительства как одной из форм нематериально культурного наследия.

Еще одной уникальной коммеморативной практикой является Театральная лаборатория «Свяжск АРТель», которая проходит ежегодно в Свяжске. Организаторами выступает Фонд поддержки современного искусства «Живой город» при поддержке Министерства культуры РТ. Лаборатория является ярким примером направления *site-specific*. Для участия в проекте на остров традиционно приезжают театральные профессионалы из России и Европы. За время существования «Свяжск АРТель» в лаборатории приняли участие известные режиссёры Штефан Кэги, Массимо Фурлан, Роман Феодори, Дмитрий Волкострелов, Всеволод Лисовский и др. [10]

ГИАХМЗ «Остров-град Свяжск» выполняет роль культурно-духовного распространителя и воспитателя туристов и гостей острова, а также коренного населения. Для многих народов России нематериальное культурное наследие является основным источником идентификации, и многие формы этого феномена находятся под угрозой исчезновения [7, с. 88]. Неосязаемость духовного наследия делает его уязвимым. Наиболее эффективными методами сохранения нематериального культурного наследия является его сохранения с помощью знаний, архивирования в музейной среде, а также при использовании в этой среде различных коммеморативных практик.

ГИАХМЗ «Остров-град Свяжск» со своей деятельностью является объектом формирования, сохранения и репрезентации социальной памяти в полном объеме, так как его деятельность пронизана исторической, этносоциальной, политической, коммуникативной, коллективной и культурной памятью.

Источники и литература

1. Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы / М. Габович // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 93–111.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
3. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 570 с.
4. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
6. Артюшкина В. В. Праздничная культура как способ репрезентации культурной памяти / В. В. Артюшкина // Вестник МГУКИ. 2017. № 5 (79). С. 138–145.
7. Галимов Ш. Ш. Объекты нематериальной культуры Татарстана в развитии регионального туризма / Ш. Ш. Галимов, Л. И. Галимова // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 3. С. 86–90.
8. Ибраилова З. А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти / З. А. Ибраилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. С. 70–73.
9. Розанова Л. Н. Событийный туризм: опыт вовлечения нематериального культурного наследия республики Татарстан в сферу туризма / Л. Н. Розанова, Л. Р. Мухаметова, Д. И. Чинкина // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 3. С. 79–85.
10. ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ostrovgrad.org/> (дата обращения: 03.09.2020).

Микроистория как метод визуализации событий Великой Отечественной войны в музейном пространстве

Микроистория призвана помочь нам делать более качественные обобщения через изучение конкретных кейсов. Новые ответы могут устареть и быть опровергнуты, но в целом микроистория остается многообещающим проектом [4].

Карло Гинзбург

Сегодня по-прежнему актуален вопрос о статусе и месте научного знания в музейном пространстве. Диапазон восприятия музейных предметов довольно противоречив. Современный музей стремится стать не только хранилищем «мертвых» вещей, посетителю все чаще предлагается некий «живой музей» с интерактивной средой. Этому, в частности, способствует внедрение информационных технологий, заменяющих подлинный предмет его разнообразными визуальными представлениями. Одним из способов решения экспозиционно-выставочной модели, главной задачей которой является детальная реконструкция прошлого, становится микроистория.

Микроистория – это постмодернистское направление в исторической науке, появившееся в 60–70-х гг. XX в. в Италии. Её родоначальники – Джованни Леви, Карло Гинзбург, Карло Пони, Эдуард Гренди – группа историков, объединившихся вокруг журнала «Квадэрни сторичи» (итал. «Quaderni Storicì» – «Исторические тетради») и инициировавших в 1981 г. издания книжной серии микроисторических исследований [6]. При всех существующих различиях между учеными микроисториков отличает общее пристрастие к выбору очень небольших исторических сюжетов – истории одного человека, одного дня, одной деревни, непродолжительного периода.

В связи с этим стоит вспомнить наиболее яркий и в то же время тяжелейший период за всю историю России – период Великой Отечественной войны. Триумф военной мысли и боевой техники, торжество воли и духа нашего народа в эти страшные годы пламенем отзывается в сердцах миллионов людей и сегодня. Ежегодно по всей стране проходят торжественные мероприятия, не оставляющие без внимания не только различного рода памятные места, мемориальные комплексы, но и учреждения культуры.

Одним из знаковых событий, приуроченных к 75-летию Великой Победы, на территории Музея-заповедника «Казанский Кремль» должен был стать иммерсивный музейно-выставочный проект «Эвакуация жизни:

Казанский Кремль в годы Великой Отечественной войны». Однако 2020 г. внес существенные коррективы и из-за внезапной эпидемиологической ситуации реализация данного проекта была временно приостановлена.

Тема эвакуации, звучащая лейтмотивом в раскрытии художественного образа будущей выставки, была выбрана не случайно. На время войны территория современного Татарстана превратилась в важную тыловую базу страны – кузницу Победы, где разместилось более 70 эвакуированных промышленных заводов и фабрик, прибывших из центральных и восточных регионов. Не стал исключением и Казанский Кремль, который на несколько лет превратился в убежище для множества работников эвакуированных в Казань предприятий. 16 октября 1941 г. СНК ТАССР совместно с обкомом партии принял специальное постановление «О предоставлении 30 тысяч квадратных метров площади на территории Кремля для заводов Наркомата авиационной промышленности». Согласно архивным источникам, только для Московского авиационного завода № 22 им. С. П. Горбунова была выделена площадь в 4107 кв. м. Эвакуация жизни не прошла бесследно. В годы Великой Отечественной войны на кремлевской территории помимо госучреждений, располагались квартиры и общежития. Много архитектурных объектов нуждалось в особой защите и восстановлении. Лишь спустя годы Казанский Кремль начал оживать, подтверждая свой статус музейной исторической ценности.

Поскольку основой проекта становились люди: их жизнь, история, судьбы – отличительной особенностью экспозиции должен был явиться взгляд со стороны, или «микроистория», благодаря которой каждый человек мог бы стать не просто сторонним наблюдателем, но и соучастником процесса осуществления данного проекта. Задачами подобного показа экспозиции становятся: сосредоточение внимания на предмете, экспозиционное воссоздание его культурно-исторического бытия, создание ситуации смысловой интерактивности.

Нестандартные экспозиционные решения предлагают многие музеи, но с точки зрения вовлечения посетителя в музейное пространство хочется остановиться на выставках «Горький. Модернизм» и «Территория Победы» Государственного центра современного искусства в Нижнем Новгороде «Арсенал». Город остается проектом до тех пор, пока в нем не появляются горожане. Именно им был посвящен раздел «Личные истории» выставки «Горький. Модернизм». Сотрудники ГСЦИ оставили в экспозиции пустое пространство, которое на протяжении работы выставки заполнялось фотографиями из личных архивов нижегородцев/горьковчан. Если партнерами других разделов проекта выступили городские институции – Нижегородский государственный художественный музей, Государственный архив специаль-

ной документации Нижегородской области, ГТРК «Нижний Новгород», – то в «Личных историях» помощником стали соцсети, а именно Facebook-группа «Город Горький: его уже нет». Это одно из наиболее активных городских сообществ, объединившее более 10 тыс. чел., интересующихся советской историей города и реконструирующих ее на основе семейных фотографий и воспоминаний. Интересно, что на открытии выставки участники сообщества указали кураторам на ряд неточностей в аннотациях к фотографиям и поделились материалами для пополнения экспозиции. Впоследствии уже постоянные посетители, готовые наполнить жизнью архивно-музейные материалы, присоединялись к участию в параллельной программе выставки.

Еще одним, не менее интересным и близким к нашей теме проектом, завершившим свою работу буквально в августе 2020 г., стала выставка «Территория Победы». В экспозицию, которая явилась частью программы «История России в фотографии. Фотолетопись России», начатой Мультимедиа Арт Музеем в 1997 г., вошли работы советских фотокорреспондентов (из фондов МАММ/МДФ). Важной особенностью параллельной программы «Искусство документа» стал ее выход за пределы музейного пространства. Виртуальная экспозиция была призвана ответить на вопрос: фотография – это произведение искусства или документ? Вместе со зрителями на примере снимков из их семейных архивов сотрудники ГСЦИ изучали фотографии 1940-х гг.: студийные съемки и любительские кадры, технические и художественные особенности фотоизображений, фрагменты и детали. Экспозиция подразделяется на шесть тематических разделов, которые последовательно демонстрируют разные типы военной фотографии: «Фотостудия и ее имитация»; «Полевой портрет»; «Фиксация отношений»; «Групповые снимки»; «Художественное оформление»; «Репортаж». Главное достоинство подобных проектов, что нет определенных временных рамок, все желающие поучаствовать могут в любое время заполнить анкету на официальном сайте музея и стать его соучастниками.

Таким образом, важно помнить, что не только фотографии, но и «простые» предметы быта, ставшие характерными знаками своего времени, могут обладать насыщенным содержанием. Для наглядного примера применения микроисторического метода в музейном пространстве достаточно привести советскую хронику. Так, один из польских беженцев, портной Ихил Друпевский в заметке «Зверство германских фашистов» газеты «Красная Татария» за 1941 г. подробно описывает быт и жестокость немецких захватчиков по отношению к полякам и евреям, находящимся в Польше:

«Вот один штрих из моей личной жизни. Жена моя в период войны родила дочь. Спустя две недели ребенок заболел. Я решил пойти по больницам. Кошмарная картина предстала перед моими глазами – везде валялись

сотни, тысячи женщин с израненными детьми. Через несколько дней немцы вступили в Варшаву. Они запретили оказывать населению, в особенности евреям, медицинскую помощь. Новорожденная умерла. У меня еще сохранился документ о смерти – наглядное свидетельство о «культуре» и «цивилизации» фашистских разбойников» [5].

В действительности подобных свидетельств сохранилось бесчисленное множество, но лишь благодаря контексту, в т. ч. личным комментариям очевидцев, мы в праве реконструировать всю цепь событий. В этом и состоят возможности микроистории. В данном случае в качестве визуального представления в экспозиции могут быть использованы как сама заметка, так и те источники, о которых она повествует. Интересно, что в продолжении текста говорится о Казани и о том, что родные польского беженца просят прислать хлеба в Варшаву, так как «умирают с голоду».

Не только тема хлеба, но и продовольствия в целом остро поднимается на страницах прессы в этот период. В одной из английских газет описывается продовольственное положение в Германии еще до начала войны 1939 г.: «Страна посажена Гитлером на голодный паек. К недостатку масла, говядины, свинины прибавился недостаток самого жизненно необходимого продукта – хлеба», и добавляют, что если ранее потребителя утешали, что мясо и жиры может компенсировать хлеб, то теперь последний можно заменить свеклой и капустой. Это историческое упоминание касается не столько вопроса экспонирования, сколько перспективы разнообразить культурный досуг посетителей музея благодаря интерактивным программам, включающим дегустацию продуктов.

Так же нередко на страницах советской хроники встречается подборка антифашистских фильмов с подробной статистикой их посещения зрителями. В конце подобных заметок примечание: «в фойе кинотеатров города устраиваются выставки, посвященные Красной Армии и героическому военному положению нашей страны» [2]. Есть и личные отзывы: «Вчера были с Надей Вавиловой в ДКА на картине «Гибель Орла». Очень хороший фильм. Народу было много. Большинство – военные...» [3] Как вариант, такие источники стоит использовать в качестве визуального технического сопровождения – так называемый импровизированный кинозал.

Помимо публицистики любопытный материал можно найти в дневниковых записях студентов и сотрудников Казанского университета. Одним из наиболее запоминающихся событий стала встреча первого эшелона ученых из Академии наук, прибывшего из Москвы в Казань в июле 1941 г., и последующая помощь в размещении научных лабораторий, квартир в стенах университета. Здесь обращают на себя внимание подробные описания интерьеров так называемых комнаток-шалашей: «На одной

тумбочке стояла настольная лампа с импровизированной чернильницей, на другой таз с замоченным бельем, на третьей шумел и пыхтел примус. Когда вдруг гас свет, появлялись свечи или керосиновые лампы, и в ульях актового зала продолжалась жизнь» [3].

По поводу социальной обстановки в Казанском Кремле в те годы так же сохранились немногочисленные личные документы. В частности, свидетель эвакуации авиастроительного завода им. Горбунова – Абдуллина Зинаида Петровна рассказывает о своем приезде в Казань в декабре 1941 г. и условиях размещения ее семьи на территории современного музея-заповедника: «Первый дом, справа на входе, первый подъезд. Комната на втором этаже, огромная комната с очень высокими потолками и в этой комнате 16 семей. Так и жили, разложив матрасы на полу, кто вдоль стен, кто посередине. В доме были огромные печи, но их не топили – негде было взять столько дров. Электричества и воды не было, вообще не помню, чтобы на территории Кремля где-то был водопровод. У кого были свечи – настоящая роскошь, а так жгли лучины. За водой ходили под гору на колонку, в сторону улицы Баумана. Одна колонка на всю округу, тоненькая струйка, огромная очередь и страшный мороз...» [1].

Таким образом, благодаря визуализации свидетельств исторического прошлого, таких как дневниковые записи, фотографии, архивные данные, видео- и аудиоматериалы, сделанные на основе личных воспоминаний, появляется уникальная возможность воссоздать и дополнить образ Казанского Кремля советских лет, в частности периода особого военного положения.

Источники и литература

1. Абдуллина З. П. Ехали долго, пропуская воинские эшелоны на фронт под постоянными бомбежками. Наследие легендарной эпохи / З. П. Абдуллина. Казань. С. 16–17.
2. Антифашистские фильмы // Красная Татария. 1941. № 150 (7027).
3. Во имя Отчизны: Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань: Изд-во Казанского университета, 1975. 317 с.
4. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история / К. Гинзбург; пер. с ит. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004.
5. Друпевский И. Зверства германских фашистов / И. Друпевский // Красная Татария. 1941. № 147(7024).
6. Медик Х. Микроистория / Х. Медик // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т. 2, вып. 4.

РАЗДЕЛ 3.
КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
КУЛЬТУР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Зуев К. О.

**Значение православной культуры
на территории острова-града Свяжск для Республики Татарстан**

В последние несколько лет в Республике Татарстан в области поддержки и развития православной веры была осуществлена работа внушительных объёмов. Нельзя не отметить и деятельность, ведущуюся по укреплению духовности, улучшению отношений в религиозно-государственном аспекте, а также укреплению межрелигиозного сотрудничества. Посещение Республики Татарстан Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, а также многими иерархами свидетельствует о признании весомой результативности работы, ведущейся в данном направлении.

Одним из знаковых событий для всей республики и Татарстанской митрополии Русской Православной Церкви в частности стало ожидаемое событие на острове-граде Свяжск, а именно – освещение Успенского собора. Значение данного события митрополит Феофан отметил в своей поздравительной речи: «В чем значение освящения Успенского собора? Представьте себе: целый век монастырь был закрыт, а собор – поруган. До того он был одним из главных на земле Казанской. Здесь служили великие святители, имена которых вписаны в золотые страницы истории нашего народа. Успенский собор – величайшее достояние не только земли Казанской, не только города Свяжска и всей России, но больше. Именно Успенский собор включен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО как один из шедевров русского зодчества и иконописи. Его фрески XVI века, пожалуй, единственные в России, сохранившиеся в такой полноте. Сколько здесь надежд, сколько здесь святых! Именно здесь неоднократно, будучи митрополитом Казанским, совершал богослужения великий светильник земли Русской – будущий патриарх Гермоген, святитель Герман Казанский, священномученики XX века. Сегоднешнее освящение собора – это возвращение к самому главному, к духовной жизни. Вновь затеплилась лампада, вновь совершена Божественная литургия, на престоле приносится Бескровная Жертва за всю землю Русскую. Освящение собора имеет значение для всей Русской Православной Церкви. Пусть Господь хранит

землю Русскую, наш край Казанский и Татарстанский в мире и согласии. Успенский собор – это новый светильник на небосклоне православном. Всех поздравляю с этим великим событием в жизни Русской Православной Церкви» [1]. Действительно, освещение собора стало ярким событием в православной жизни не только Свяжска, но и всей Республики Татарстан. Данное событие, без сомнения, является важным аспектом в религиозной жизни Свяжска.

С целью выявления значения православной культуры на территории острова-града Свяжск для жителей Республики Татарстан нами было проведено исследование с помощью приёма анкетирования, участниками которого стали люди разного возраста и рода деятельности.

Метод анкетирования – психологический вербально-коммуникативный метод, в котором в качестве средства для сбора сведений от респондента используется специально оформленный список вопросов – анкета.

В данном случае нами было использовано выборочное и заочное анкетирование. Анкета была распространена в сети Интернет среди учащихся в школе, студентов и работающей молодёжи. Она включала вопросы с вариантами ответов. Данное анкетирование было проведено с целью выявления восприятия и значения Свяжска в дискурсе респондентов. Анкетирование было проведено следующим образом. Опросный лист был составлен на сайте GoogleDocs и разослан респондентам. После того, как все респонденты ответили, результаты анкетирования были изучены и проанализированы.

В опросе принимали участие люди разных возрастных категорий, видов деятельности и вероисповедания. Целью опроса было выявить, воспринимается ли Остров-град Свяжск в представлении людей как место духовного сосредоточения, и какого его значение вообще. Всего в опросе приняло участие 37 человек. Среди опрошенных было 54% женщин и 46% мужчин. Возрастная разбивка выглядит следующим образом: 18,9% опрошенных – в возрасте до 17 лет; 54,1% – от 18 до 30 лет; 21,6% – от 31 до 55 лет; 5,4% – 56 лет и старше. Также в опрос была заложена идея выявления основного вида деятельности респондентов. По результатам опроса, среди респондентов было выявлено следующее: 18,9% опрошенных являются учениками школ/гимназий, 13,5% опрошенных – студенты, 62,2% опрошенных обозначают свой основной вид деятельности как работающие, 2,7% являются пенсионерами, либо в декрете. Ещё одним вопросом первого раздела являлось выявление того, какой процент опрошенных были в Свяжске. 59,5% респондентов ответили, что были в Свяжске; 40,5% – не были. Выявить процент опрошенных, которые были в Свяжске или не были необходимо было для того, чтобы отследить потенциально

различающееся мнение относительно Свяжска в целом и его позиционирования как «колыбели православия», а также других аспектов, заложенных в данном опросе.

Рассмотрим и проанализируем ответы тех респондентов, которые были в Свяжске. Для общей осведомлённости об истории Свяжска и его статусе как «колыбели» православия в регионе был предусмотрен соответствующий вопрос. Большинство опрошенных (81,8%), осведомлены об истории и статусе. Здесь же необходимо отметить, что респонденты, которые не были в Свяжске, осведомлены об истории и статусе Свяжска гораздо хуже – лишь 18,1% респондентов.

Далее, из числа тех, кто посещал Свяжск, 17,3% делали это в рабочих целях; 47,8% посещали Свяжск вместе с родителями/родственниками; 21,7% ответили, что посещали в рамках самостоятельной поездки; 8,6% были в Свяжске в рамках школьной экскурсии. Подобная статистика указывает на то, что Свяжск выбирают местом посещения для поездки с родителями/родственниками, а также для самостоятельной поездки.

Для выявления того, с чем ассоциируется Свяжск у респондентов был задан вопрос: «Что больше всего вызвало эмоций и отклика в вашем сердце?». При этом, осознавая, что все три варианта ответа в полной мере отражают ассоциации со Свяжском. Данный ход был необходим для того, чтобы вызвать противоречие у респондентов и, таким образом, резко разграничить мнение, выбирая между всеми потенциально подходящими вариантами. В итоге 47,8% ответили, что «местные пейзажи и природные ландшафты» вызвали больше всего эмоций. 26% опрошенных назвали «насыщенное историческое прошлое Свяжска» главным моментом, который вызвал больше всего эмоций. И, наконец, у 21,7% опрошенных больше всего эмоций и отклика в сердце вызвали религиозные сооружения (церкви, соборы, монастырские комплексы). В целом, мнение респондентов разделилось практически пополам, относительно исследуемой проблематики, если учитывать тесную взаимосвязь исторического развития и религии на территории Свяжска. Это был один из нескольких вопросов, для того, чтобы определить, как именно Свяжск воспринимается среди респондентов и какое значение имеет в целом.

Далее, для дальнейшей идентификации был задан вопрос: «С каким из следующих утверждений вы согласны в большей степени?». Данный вопрос предполагал всего два варианта ответа. Голоса респондентов распределились следующим образом: 31,8% опрошенных в большей степени согласны с тем, что Свяжск – это «колыбель» православия в регионе. Исторически это город монастырей, храмов и церквей. 68,1% респондентов склоняются к утверждению, что Свяжск – это прекрасное туристическое место,

с интереснейшей историей, музеями и красивейшими пейзажами. Данный вопрос был включён в анкетирование, с той целью, чтобы категорически разграничить мнение респондентов для выявления наиболее подходящего, по их мнению, ответа. Для сравнения, такой же вопрос был задан респондентам, которые не были в Свяжске. Здесь процент тех, кто склоняется к тому, что Свяжск – это «колыбель» православия в регионе, исторически это город монастырей, храмов и церквей, составляет всего 13,3%.

Из полученных данных следует, что респонденты воспринимают Свяжск, скорее, как некий туристический объект, что, естественно, не противоречит этому. А как «колыбель» православия в регионе Свяжск воспринимают меньше половины тех, кто был в Свяжске. Результаты распределения ответов на эти вопросы свидетельствуют о том, что значение Свяжска для религиозной жизни Татарстана, безусловно, велико. Но также мы видим, что Свяжск воспринимается жителями республики, скорее, как туристический объект.

Далее, для подтверждения потенциально выдвинутого предположения респондентам был задан вопрос: «Посещали ли вы религиозные сооружения (храмы, церкви, монастыри)?». По результатам опроса 18,2% респондентов отрицательно ответили на данный вопрос, 81,8% – положительно. Из числа тех, кто посещал религиозные сооружения, нами была предпринята попытка выявить с какой целью те, кто посещали религиозные сооружения, делали это. Для этого респондентам был задан вопрос о том, с какой целью вы посещали религиозные сооружения? По результатам данного вопроса 51% опрошенных посещали религиозные сооружения в Свяжске в рамках экскурсии; 49% посещали религиозные сооружения самостоятельно. В качестве варианта ответа в данный вопрос было заложено ещё и паломничество, но никто из респондентов не выбрал это вариант при ответе на указанный выше вопрос. Данная тенденция показывает нам, что респонденты при посещении религиозных сооружений в Свяжске не руководствуются паломническими целями, а выбирают либо экскурсию по таким местам, либо самостоятельно посещают для того, чтобы «просто посмотреть». Это может быть связано с уже высказанным предположением о том, что Свяжск воспринимается в сознании людей как туристическое место. Более того, нами был выявлен процент опрошенных, которые хотели бы побывать в Свяжске в качестве паломника к святыням. Голоса респондентов распределились следующим образом: 33,3% опрошенных хотели бы побывать в Свяжске в качестве паломника к святым местам; 66,7% – не хотели бы. Проанализировав полученные данные, мы можем прийти к предположению, что те респонденты, которые уже посещали Свяжск, потенциально желают посетить Свяжск уже не в качестве ту-

риста, а в качестве паломника.

Здесь же необходимо отметить, что из числа респондентов, которые не были в Свияжске, также 33,3% опрошенных хотели бы посетить Свияжск в качестве паломника к святым местам.

По итогам данного исследования мы можем прийти к нескольким выводам. В первую очередь нужно отметить, что осведомлённость респондентов о том, что Свияжск на момент основания и развития являлся центром распространения христианства в регионе коррелирует с фактором посещения Свияжска. То есть гораздо больший процент респондентов осведомлён об истории освоения Свияжска и его значимости среди тех, кто посещал его, относительно тех, кто не посещал. Такая тенденция вполне закономерна. Далее было выявлено, что Свияжск в основном выбирают местом посещения для поездки с родителями/родственниками, а также для самостоятельной поездки. Без учёта рассмотрения возможности посещения Свияжска в качестве паломника к святым местам.

Фактор посещения Свияжска коррелирует с тем, как Свияжск воспринимается в сознании респондентов. Здесь видна закономерность того, что те, кто не посещал Свияжск, относятся к нему в полном большинстве как к туристическому месту с акцентом на музеях, истории и ландшафте. Те респонденты, которые были в Свияжске, с большей вероятностью воспринимают его как «колыбель» православия в регионе, как град монастырей, храмов, как значимое место для людей православной веры. Далее результаты опроса свидетельствуют о том, что значение Свияжска для религиозной жизни Татарстана, безусловно, велико. Но также мы видим, что Свияжск воспринимается жителями республики, скорее, как туристический объект. Также необходимо отметить, что по итогам опроса респонденты при посещении религиозных сооружений в Свияжске в меньшей степени руководствуются паломническими интересами, а выбирают либо экскурсию по таким местам, либо самостоятельно посещают для того, чтобы «просто посмотреть». Это может быть связано с уже высказанным предположением, о том, что Свияжск воспринимается в сознании людей как туристическое место.

Источники и литература

1. В праздник Успения Пресвятой Богородицы митрополит Казанский Феофан совершил великое освящение Успенского собора Свияжского монастыря. Официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5491711.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Этнографические материалы в работах казанских фотографов конца XIX – начала XX в.

В 1839 г. мир узнал об изобретении нового способа фиксирования изображения – о дагеротипии. Новинка получила название в честь ее создателя – Луи Жака Манде Дагера.

Через 4 года европейская новинка появилась и в Казани. В 1843 г. в столицу Казанской губернии приезжают первые фотографы-гастролеры. Первое фотографическое заведение в Казани располагалось в доме Перцова на Рыбной улице и принадлежало братьям Барт. И только спустя десятилетие в 1853 г. на Воскресенской улице в доме Акчурина (ныне Кремлевская 15/25) в Казани открывается первая стационарная фотография. Всего в период с 1843 по 1918 гг. мы выявили 110 фотографов, открывших в Казани свои заведения. Большинство из них специализировались на портретной съемке. Некоторые также занимались видовой съемкой, результатом которой стали многочисленные фотографии городской архитектуры. Эти снимки также были ориентированы на продажу.

Во второй половине XIX в. фотография используется в разных сферах жизни, о чем восторженно писала фотографическая пресса. На страницах специализированных изданий, таких как «Фотограф», «Фотографический вестник», «Фотограф-любитель», выходят статьи, посвященные применению фотографии. Например, «Военная фотография», «Применение светописи в библиотеках и собраниях художественных произведений», «Светопись в суде», «Судебная светопись», «Фотография в дорожно-инженерном деле», «Фотография в страховом деле», «Фотография в торговле», «Фотография для модисток» и др. [1]

Таким образом, уже в первые десятилетия развития фотографии представители разных сфер деятельности увидели потенциал применения фотографического метода в своей работе.

Сразу после обнародования нового способа фиксирования изображения новинку оценили ученые. Уже в первые годы после изобретения дагерротипа были получены снимки основных астрономических объектов – Солнца, Луны и ярких звезд. В 1842 г. во Франции был сделан первый снимок Солнца, в 1844 г. в России сфотографировано лунное затмение, в 1851 г. получена первая фотография солнечного затмения, также выполненная методом дагеротипии.

Фотографическую съемку начинают применять в ходе экспедиционной работы. О применении фотографии в отечественном землеведении заботи-

лись такие выдающиеся ученые, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский (географ), Н. А. Северцев (зоолог), Н. М. Пржевальский (географ), Г. Н. Потанин (географ), Д. Н. Анучин (антрополог), И. В. Мушкетов (геолог), В. Л. Комаров (ботаник). О вкладе фотографии в науку свидетельствовала экспозиция России на Международной географической выставке в Париже (1875), на которой особенно привлекали внимание этнографические снимки народов России, которые в ходе работы выставки неоднократно срисовывались художниками. [2]

Во второй половине XIX – начале XX в. в Казани как крупном научно-образовательном центре развивается научная фотография.

Вопросы истории развития фотографии, в том числе и научной, привлекают все больше исследователей. Наиболее интересные исследования – это научные изыскания сотрудников музеев, архивов, библиотек, то есть специалистов, имеющих возможность работать с большим массивом фотографического наследия. И если в музеях краеведческого профиля собирается разнообразный материал, то в узко специализированных хранилищах формируются обширные профильные фотографические коллекции. Эти собрания становятся основой для серьезных исследований и разработки методологии работы с фотографическими коллекциями.

Хотелось бы отметить диссертационное исследование Е. Б. Толмачевой «Фотография как этнографический источник: по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН». В работе предложена периодизация этнографической фотографии, классификация по жанрам, а также интерпретация фотоисточника [3].

Этнографические фотографии представлены в самых разных казанских коллекциях. Значительная часть сосредоточена в собрании Этнографического музея Казанского федерального университета. Подробно это наследие проанализировано в работах сотрудника Этнографического музея М. В. Вятчиной [4].

В данной работе мы хотели бы остановиться на казанских фотографах, которые, кроме портретной и видовой съемки, выполняли фотофиксацию этнографических материалов.

Наиболее ярким представителем является Константин Трифонович Сафонов. Являясь членом Общества археологии, истории и этнографии, он активно участвовал в экспедиционной деятельности. Сложился тандем между фотографом и ученым – профессором Казанского университета И. Н. Смирновым.

Именно профессор И. Н. Смирнов на одном из заседаний предложил включить К. Т. Сафонова в состав Общества: «Имею честь предложить Совету Общества Археологии, Истории и Этнографии пополнить Музей

Общества фотографиями, имеющими отношение к быту народностей, населяющих Казанскую губернию. Пополнение это может быть произведено без всяких затрат, если Совет Общества даст фотографу К. Т. Сафонову удостоверение, что он имеет право производить для Общества нужные для него снимки, и войти к начальнику губернии с представлением о выдаче ему свидетельства на право производить фотографические работы в городах и селения Казанской губернии». Предложение профессора И. Н. Смирнова было принято и 2 мая 1890 г. К. Т. Сафонов стал членом-сотрудником ОАИЭ. На заседании Совета Общества, состоявшемся 12 марта 1891 г. ему было поручено выполнить «фотографическую работу этнографического материала в пределах Вятской и Уфимской губерний» [5]. Подробно о совместной работе Сафонова и Смирнова пишет М. И. Вятчина в своих исследованиях.

Фотографии К. Т. Сафонова сегодня хранятся в собраниях музеев, архивов и библиотек Чебоксар, Казани, Санкт-Петербурга, Хельсинки. Им выполнены снимки археологических объектов, народов, населяющих Казанскую губернию, виды городов. В его ателье, работавшем в 1890-е гг. под маркой «Адмиралтейская фотография», можно было приобрести снимки «Руины Булгар», «Древности Ананьинского могильника», виды Казани и уездных городов, волжские виды. Им была подготовлена серии фотографий из цикла «Народы Поволжья»: «Русское население Казанской губернии», «Чуваши», «Черемисы», «Мордва», «Вотяки» [6].

Еще до вступления в ОАИЭ К. Т. Сафонов производил этнографические снимки, которые экспонировались на Научно-промышленной выставке. В собрании Национального музея РТ сохранились фотографии, на обороте которых имеется штампель: «Казанская Научно-промышленная выставка 1890 г. Фотограф К. Т. Сафонов». Профессор И. Н. Смирнов, описывая этнографические материалы на выставке, отмечал: «Общее число фотографий одного Музея отечествоведения доходит до 250. Фотография разделяется на два основных разряда. Первый можно назвать антропологическим. Сюда относятся поясные снимки в фас и профиль, имеющие целью дать понятие о типе лица – форме носа, губ и т. д. Второй [...] составляют фотографии, иллюстрирующие быт инородцев – сюда относятся общие виды деревень, водоемов, домов, гумен, овинов, пчельников, сеновалов, клетей, отдельные части построек – крыльца, двери, окна» [7]. А. П. Вяткина сделала серию снимков выставки 1890 г., в том числе и стенда Музея отечествоведения, на котором хорошо идентифицируются работы К. Т. Сафонова, некоторые из которых сохранились в собрании НМ РТ.

Также на Научно-промышленной выставке экспонировались фотографии одного из мэтров казанской фотографии Г. Ф. Локке. Это постановочные (павильонные) снимки киргизов. К сожалению, пока не удалось установить

где были выполнены фотографические работы. Выезжал ли Локке в киргизские степи или же снимки были выполнены с «гостей», посещавших Казань. Известно также, что Локке подготовил «Альбом с видами г. Казани и типами инородцев населения Казанской губернии», который был подарен императору Александру II во время посещения Казани в 1871 г. [8]

Традиция преподносить в дар фотографические альбомы была распространена во второй половине XIX – начале XX в. Кроме Германа Федоровича заказы на изготовление подобных фотоальбомов получал фотограф Владимир Павлович Бебин. В казанских изданиях неоднократно воспроизводились снимки В. П. Бебина с видами г. Казани из альбома, который был преподнесен в дар великому князю Петру Николаевичу во время посещения Казани в 1879 г. Альбом вернулся в Казань уже в советское время и был передан из Павловского музея-заповедника. Среди многочисленных городских видов в альбоме есть два этнографических снимка, которые на обороте имеют подписи, выполненные чернилами: «Типы инородцев, живущих в Казанской губернии». Это постановочные снимки группы лиц в национальных одеждах [9].

Видимо, для губернии, на территории которой проживало много «инородческих народов», это была традиционная форма подачи материалов: обязательное включение этнографических снимков. Аналогичный подход к формированию концепции подарочного фотоальбома встречаем и в альбоме, который был подготовлен в 1897 г. в ожидании визита в Казань президента Франции Феликса Фора.

Фотоснимки, вероятно, также были сделаны В. П. Бебиным. На обложке альбома, выполненного из красного бархата, имеется надпись золотом: «Дорогому гостю Президенту Франции Феликсу Фору. На добрую память. Фотография Дубровина и Анисимова, бывшая Бебиной. Казань». При этом фамилии «Дубровина и Анисимова» вытравлены. Вероятно, альбом был изготовлен после смерти Бебина уже его преемником Дубровиным с использованием негативов прежнего владельца фотоателье. К сожалению, о семье Бебина ничего неизвестно, и тот факт, что на обложке стоит надпись «бывшая Бебиной» дает нам основание предположить, что непродолжительное время, вероятно, после смерти фотографа, этим заведением заведовала либо жена, либо дочь Владимира Павловича.

Феликс Фор посетил Россию в 1897 г., но до Казани не доехал, альбом остался в Казани и пополнил собрание Национального музея РТ. Среди многочисленных видовых снимков Казани представлено также две фотографии «инородцев».

Если заказ на подготовку подарочного альбома был почетным, но достаточно традиционным, то неожиданный заказ на выполнение этногра-

фической съемки находим в архивных документах: «Собрание бумаг об изготовлении фотографических карточек с народонаселением Казанской губернии и от съемки и г. Министру Внутренних дел на предмет формирования одежды ополчения».

В 1877 г. казанский губернатор НЯ. Скарятин получил письмо из Министерства внутренних дел с просьбой произвести фотосъемку для Военного министра с целью последующего создания формы для ополчения. В письме были даны рекомендации по выполнению работ. Снимки необходимо было произвести «с нескольких крестьян, в наиболее распространенных в различных местностях губернии образцах одежды, с объяснением на оборотной стороне каждой фотографии, из какого материала шьются – кафтан, верхняя одежда, панталоны, шапка; наиболее употребленный цвет и местное название этих предметов, насколько они распространены в губернии и в каких именно местностях и народностях. При этом желательно иметь фотографии в двух видах: одну – крестьян, одетых в кафтан, а другую – с надетою поверх кафтана – верхнюю одежду, носимую в ненастье и осеннее время». Также отдельным письмом указывалось «означенные снимки, должны быть сделаны в формате обыкновенных фотографических портретов (четверть обыкновенного листа бумаги)». То есть фотографии должны были быть изготовлены в кабинетном формате.

Необходимо было подобрать крестьян из чуваш и черемис от 25 до 35 лет и как писалось в рекомендации «повиднее из себя». Задание это было направлено Чебоксарскому уездному исправнику. Каждый из крестьян должен был быть «одет вообще употребляемой ... в верхней одежде, кафтан, панталоны (если носят) и шапка; а также должен привести с собою ту одежду, которую он носит поверх одежды в ненастное и осеннее время». Далее надлежало крестьян доставить в Казань для фотофиксации. Русского крестьянина подобрали из числа жителей Казанского уезда.

Работа была сделано оперативно и уже по прошествии месяца военному министру были направлены «фотографические карточки:

- а) с крестьянина Казанского уезда (русского), одетого в кафтан;
- б) с такового же крестьянина с надетого поверх кафтана верхней одеждой, носимую в ненастье и осеннее время;
- в) с крестьянина из черемис Чебоксарского уезда, одетого в кафтан;
- г) с такового же крестьянина – с надетою поверх кафтана верхнюю одеждой, носимой в ненастье и осеннее время;
- д) с крестьянина из чуваш Чебоксарского уезда, одетого в кафтан;
- е) с такового же крестьянина, с надетою поверх кафтана верхнюю одеждой, носимой в ненастье и осеннее время» [10].

Фотосъемку выполнил Вениамин Антонович Гисси. Именно он владел в 1877 г. фотозаведением, которое располагалось на Воскресенской улице в доме Алкина (ныне Кремлевская, 23/17). Это было фотографическое заведение Г. Ф. Локке и с 1864 по 1875 гг. работало под маркой «Фотографический институт Г. Ф. Локке». В связи с тем, что в 1875 г. Локке уезжает из России, его заведение переходит к провинциальному секретарю Гисси. Фотография работала под маркой «Фотографический институт В. А. Гисси, бывший комиссионера императорского университета Г. Ф. Локке в Казани».

Всего было отпечатано 66 снимков «с крестьян разных народностей, снятых в их национальных костюмах». Именно так было написано в счете, выставленном Гисси. Свою работу он оценил из расчета 1 рубль за каждый снимок.

Таким образом, казанские фотографы производили этнографические снимки. Создавались они в соответствии с конкретным заказом, который мог поступить как от научного сообщества, так и от представителей городских и губернских властей.

Источники и литература

1. Военная фотография // Фотограф. 1893. № 5. С. 133; Фотография в Русско-японской войне // Вся Россия. 1905. № 5. С. 138; Светопись на поле битвы // Фотографический вестник. 1894. № 2. С. 45–46; Применение светописи в библиотеках и собраниях художественных произведений // Фотографический вестник. 1890. № 2. С. 45; Светопись в суде // Фотографический вестник. 1891. № 12. С. 287–288; Судебная светопись // Фотографический вестник. 1890. № 7. С. 166–167; По поводу Судебно-фотографического павильона С. П. Бурге // Фотограф-любитель. 1891. № 8. С. 265–266; Применение фотографии к архитектуре // Фотограф-любитель. 1894. № 8. С. 296–298; Применение фотографии к медицине // Фотограф-любитель. 1893. № 2. С. 75; Применение фотографии к путешествиям // Фотографический вестник. 1893. № 8. С. 184–185; Применение фотографии к строительному искусству // Фотограф-любитель. 1893. № 2. С. 74; Фотография в дорожно-инженерном деле // Фотографический вестник. 1890. № 7. С. 167; Фотография в страховом деле // Фотограф-любитель. 1896. № 4. С. 154; Фотография в торговле // Фотограф-любитель. 1893. № 9. С. 354–355; Фотография для модисток // Фотографический вестник. 1893. № 1. С. 23–24; Заметки о фотографических экскурсиях // Фотографический вестник. 1890. № 4. С. 83–88.

2. Чибисов К. В. Очерки по истории фотографии / К. В. Чибисов. М.: Искусство, 1987. С. 52.

3. Толмачева Е. Б. Фотография как этнографический источник: по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: дис. ... к.и.н. 07.00.07 / Е. Б. Толмачева. СПб., 2011. 246 с.

4. Вятчина М. В. Визуализация этничности в фотоматериалах конца XIX – начала XX веков (на примере фотографий Этнографического музея Казанского университета) [Электронный ресурс] / М. В. Вятчина // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1358-stolyrin-palach-ili-> (дата обращения: 25.10.2020); Вятчина М. В. Опыт визуализации этничности: исторический контекст собирания фотофонда «Вотяки» (из коллекции Этнографического музея Казанского университета) [Электронный ресурс] / М. В. Вятчина // Этноэнциклопедия. URL: <http://http://www.etnosy.ru/node/542> (дата обращения: 25.10.2020).

5. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. IX. Вып. 3. Казань, 1891. С. 28.

6. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Т. XII. Вып. 2. Казань, 1894. Б/п.

7. Смирнов И. Н. Этнография на Казанской Научно-промышленной выставке / И. Н. Смирнов. Казань, 1890. С. 8–9.

8. Казанские губернские ведомости. 1871. Часть неофиц. № 67. 1 сентября.

9. НМ РТ. КП № 120148.

10. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3991. Л. 12.

Становление татарского профессионального музыкального искусства (1917–1930-е гг.)

Неотъемлемой частью культурной жизни любого народа является музыка. После революционных потрясений 1917 г. в развитии татарского музыкального искусства стали заметны новые веяния, появились возможности для становления высокой профессиональной музыкальной культуры татарского народа. Хотя следует подчеркнуть, что первые ростки профессиональной музыки заложили уже видные татарские музыканты, творившие в начале XX в., – Загидулла Яруллин, Фаттах Латыпов. Отсутствие профессионального образования они компенсировали своим талантом и трудолюбием. По оценке известного музыковеда М. Нигмедзянова, труды этих одаренных музыкантов-самоучек стали «почвой для начала развития творчества и исполнительства после утверждения советской власти» [9, с. 273].

В первые годы существования советского государства, в рамках выполнения программы культурной революции, которая была определена властными органами в качестве важнейшей составляющей социалистического строительства, в регионе большое внимание уделялось музыкальному просвещению населения и пропаганде художественной культуры. В ноябре 1919 г. организуется музыкальная секция губернского отдела народного образования, создается нотная библиотека, которая снабжала казанцев партитурами. В целях распространения музыкального образования в том же году были открыты две музыкальные общеобразовательные школы. Их программы включали музыкальную грамоту, хоровое пение, постановку голоса, знакомство с инструментами. Аналогичные школы были созданы при фабриках «Поляр» и «Победа», при заводах Крестовниковых, Алафузовых [4, с. 117].

В городе и на селе часто устраивались бесплатные концерты, в которых участвовали известные музыканты-исполнители: гармонисты-виртуозы Файзулла Туишев, Файзи Биккинин, пианист Загидулла Яруллин, скрипачи Хабибулла Ахмадуллин и Мухаммед Яушев, певцы Камиль Мутыги, Абруй Сайфи, Марьям Рахманкулова. Весьма популярны были выступления оркестров народных инструментов под управлением Вали Апанаева и Исмагила Галиакберова.

Проводилась работа и по приобщению слушателей к шедеврам мировой полифонической классики. В сентябре 1919 г. в Казани состоялись первые показательные концерты симфонического оркестра. Новым методом, облегчавшим восприятие симфонических произведений, было переложение

ние сочинений русских композиторов: М. И. Глинки, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского – для исполнения на народных инструментах. В таком звучании они были более понятны широким массам, к тому же ярче проступал национальный колорит музыки.

С образованием Татарской АССР в Казани и районах республики начали открываться детские музыкальные студии, кружки, в которых основы музыкального образования постигали как дети, так и взрослые. Значительную работу в этом направлении проводили русские педагоги Р. А. Гуммерт, З. М. Славянова, Н. Д. Кашкин, В. И. Виноградов, М. А. Пятницкая, Е. Г. Ковелькова, А. А. Литвинов. Для подготовки преподавателей татарской музыки в 1921 г. Народный комиссариат просвещения ТАССР организовал 4–6-месячные курсы для будущих работников музыкальных школ и детских садов [1, л. 13]. Более основательное музыкальное образование они затем получали в Казанском восточно-музыкальном техникуме. В 1927 г. в нем обучалось 258 человек, в том числе 59 татар [7, с. 314].

В начале 1920-х гг. появляются песни нового жанра – с элементами «скорой городской», то есть быстрого темпа. Традиционная пентатоника обогащается за счет новых элементов под влиянием интонационного строя украинского, русского и западного песенного творчества. К ним можно отнести песни: «Ком бураны», «Каз канаты», «Баламишкин», «Замана» и др. [4, с. 117].

Особую страницу в татарском музыкальном искусстве составляет творчество выдающегося композитора Салиха Сайдашева. Его многогранная деятельность, по словам М. Джалиля, являла собой «целую эпоху» в художественной культуре республики. Мелодии композитора, написанные к спектаклям «Башмагым» («Башмачки»), «Зэнгәр шэл» («Голубой платок»), «Казан сөлгесе» («Казанское полотенце»), снискали безграничную любовь и признание народа. Музыкальное оформление С. Сайдашевым спектаклей Татарского драматического театра, как отмечают искусствоведы, стало принципиально важным явлением в татарской советской музыке [10, с. 266–267]. Столь же созвучной душевным струнам слушателей оказались созданные композитором марши и песни, симфонические произведения.

В 1920–1930-е гг. начинает формироваться музыкальный стиль татарской массовой и лирической песни в творчестве С. Габяши, С. Сайдашева, М. Музафарова, Дж. Файзи, З. Хабибуллина, Ф. Яруллина, А. Ключарева.

В этот период закладываются основы татарского профессионального музыковедения и музыкальной фольклористики. Одним из выдающихся теоретиков национального музыкального искусства стал Султан Габяши. Широкая музыкальная эрудиция, прекрасное знание национальной литературы и фольклора, народных традиций и исполнительства позволили

С. Габяши стать авторитетным общественно-музыкальным деятелем из татар. Он известен как автор музыки к спектаклям «Тагир и Зугра», «Юсуф и Зулейха», «Гашыйк Кариб», «Сак-Сок». В начале 1920-х гг., когда перед татарской музыкальной культурой настоятельно встала проблема подготовки профессионально образованных кадров, С. Габяши приобщился также к педагогической деятельности. Он преподавал теорию музыки в школах Казани и музыкальном техникуме.

Значительный вклад в развитие татарской музыкальной культуры внес и Василий Виноградов. В 1921–1924 гг. он создал несколько крупных симфонических произведений, среди которых «Татарская сюита», «Шихай». Они были написаны на темы татарских и башкирских песен.

В 1925 г. в музыкальной жизни ТАССР произошло крупное событие. К пятой годовщине образования республики была подготовлена первая национальная опера «Сания», ставшая плодом сотрудничества мастеров разных национальностей. Создателями ее являлись татарский композитор Султан Габяши, башкирский певец и композитор Газиз Альмухаметов, русский композитор Василий Виноградов. Либретто написано по одноименной поэме Г. Альмухаметова. Сюжетом «Сании» послужила излюбленная в произведениях татарской драматургии тема борьбы против духовного закрепощения, власти денег, за самостоятельность молодых людей в выборе жизненного пути [11, с. 42–44].

Вспоминая об обстоятельствах создания оперы, Султан Габяши писал: «В начале 1922 года Газиз Альмухамедов приехал в Казань. Взяв за основу свою поэму «Сания», он поделил ее на отдельные разделы, предпослав каждому народную песню. Затем встретил меня и пригласил вместе с ним написать оперу на этот сюжет. Я ему разъяснил, что из 10–15 напевов нельзя создать полноценного произведения. Для настоящей оперы необходимо выстроить композицию, сделать оркестровую партитуру, а на это моих знаний не хватает, поэтому я не могу принять его предложения.

Через некоторое время он уехал и, вернувшись в Казань через год, вновь обратился ко мне. В наших раздумьях об опере постепенно стало появляться имя композитора Василия Виноградова, который мог бы стать нашим соавтором, правильно гармонизовать и оркестровать сочинение.

Так, потихоньку, мы начали работать с текстом [...]. В конце концов мы отказались от первоначальной мысли о том, чтобы целиком писать свою оригинальную музыку. Решили максимально использовать народные песни, а там, где потребует сюжет, – прибегнуть к цитированию или свободному варьированию и развитию народных напевов. И только в тех местах, где подлинные народные мелодии не подходят, сочинять свои музыкальные темы» [5, с. 232–233].

Первая татарская опера впервые была поставлена на сцене Татарского государственного академического театра при участии оркестра и хора Казанского музыкального техникума 25 июня 1925 г. Ведущие партии исполнили известные татарские мастера – Галия Кайбицкая и Марьям Рахманкулова. В 1927 г. клавир и фотографии артистов спектакля «Сания» были выставлены на международной музыкальной выставке во Франкфурте-на Майне. Немецкая пресса отметила особый интерес посетителей к этим экспонатам. Корреспондент газеты «Красная Татария» писал, что такое внимание свидетельствует «о большом подъеме музыкальной культуры в Татарской Республике» [6].

Премьера второй оперы «Эшче» («Рабочий»), созданной тем же авторским коллективом, была приурочена к 10-летию образования Татарской АССР. В основу ее положена поэма М. Гафури, поднимающая тему зарождения национального пролетариата в период первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. Эта опера тоже имела большой успех.

Рост музыкального искусства в Татарстане вызвал необходимость подготовки высококвалифицированных национальных кадров. В 1934 г. при Московской государственной консерватории была открыта Татарская оперная студия. Из ее стен вышли видные впоследствии композиторы Мансур Музафаров, Джаудат Файзи, Фарид Яруллин, Загид Хабибуллин, Назиб Жиганов, певцы Мунира Булатова, Нияз Даутов, Галия Кайбицкая.

Наличие одаренных музыкантов и певцов подготовило почву для создания целого ряда учреждений, где был востребован их талант. В 1937 г. была открыта Татарская государственная филармония, которая сыграла огромную роль в популяризации музыкальной культуры татар. Тогда же, в 1937 г., приступил к работе Ансамбль песни и танца Татарской АССР под управлением Зулейхи Ахметовой; он охватил своими гастролями сотни городов и сел Советского Союза. В 1938 г. с целью научной обработки татарских народных песен был открыт Казанский кабинет музыкального фольклора под руководством А. С. Ключарева. Уже через полтора года здесь было собрано и записано более 300 татарских народных песен, причем сбор материалов осуществлялся не только в районах республики, но и в других регионах [8, с. 17]. В 1940 г. Кабинет выпустил 1-й том татарских песен с их научным анализом и комментариями, в него были включены 145 названий [2, л. 69–81].

В 1939 г. для координации работы музыкальных учреждений республики был образован Союз композиторов ТАССР, его председателем был избран Назиб Жиганов.

Значимым событием в культурной жизни Татарстана стало открытие 17 июня 1939 г. Татарского оперного театра [7, с. 548]. В феврале 1941 г. статус театра изменился, он стал официально именоваться Татарским театром оперы и балета. На открытии была показана премьера оперы Н. Жиганова «Качкын» («Беглец»). Главной сюжетной линией спектакля являлась тема борьбы татарского народа с крепостничеством в эпоху пугачевского движения. В 1940 г. была поставлена еще одна опера Н. Жиганова «Ирек» («Свобода») о революционных событиях 1917 г. Театральная критика Москвы высоко оценила произведения татарского композитора. Журнал «Театр» писал: «По своей эмоциональности, глубине музыкальных тем, оркестровке и техническому мастерству они могут с успехом состязаться с многочисленными произведениями современных русских композиторов» [4, с. 120].

Открытие оперного театра активизировало творческую деятельность композиторов, сразу несколько авторов предложили включить в его репертуар написанные ими новые произведения. Татарское профессиональное искусство обогатилось операми «Наемщик» С. Сайдашева (либретто Т. Гиззата), «Алтынчеч» Н. Жиганова (либретто М. Джалиля), «Сафа» Дж. Файзи (либретто А. Файзи), «Галиябану» М. Музафарова (либретто А. Ерикеева), «Кара кюзляр» З. Хабибуллина (либретто М. Максумова) [3, с. 25].

Предвоенные годы отмечены еще одним важным событием в истории татарской музыки. Молодой композитор Фарид Яруллин закончил работу над первым национальным балетом «Шурале». За основу он взял классическое произведение Г. Тукая, либретто написал А. Файзи. С детства хорошо знавший татарский быт, народный фольклор, профессионально музыкально подготовленный, Ф. Яруллин смог создать новаторское произведение, которое было высоко оценено специалистами. Однако в связи с начавшейся войной постановка балета была отложена. Премьера спектакля состоялась только в марте 1945 г. К сожалению, автор не увидел его на театральной сцене, Ф. Яруллин погиб за Родину в 1943 г. в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками. Но написанное им произведение и сегодня продолжает победное шествие по лучшим мировым сценам. Первый национальный балет постоянно собирает аншлаги, оставаясь лучшим произведением этого жанра в истории татарского музыкального искусства.

Таким образом, в начальный период существования советского государства были заложены основы профессиональной музыкальной культуры татарского народа. Появились молодые талантливые композиторы, были созданы новые произведения как малых, так и крупных музыкальных форм.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-3682. Оп. 2. Д. 432.
2. ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 33. Д. 1380.
3. ГАРТ. Ф. Р-6663. Оп. 1. Д. 17.
4. Гарипова З. Г. Казань: общество, политика, культура / З. Г. Гарипова. Казань: Магариф, 2004. 167 с.
5. История Татарстана и татарского народа. 1917–2017: хрестоматия / авт.-сост. А. Г. Галлямова, А. Ш. Кабирова, И. И. Ханипова и др.; под ред. А. Г. Галлямовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 656 с.
6. Красная Татария. 1927. 23 июля.
7. Культурное строительство в Татарии (1917–1941 гг.). Документы и материалы / под ред. М. К. Мухарямова и М. З. Тутаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 672 с.
8. Нигмедзянов М. Татарская народная музыка / М. Нигмедзянов. Казань: Магариф, 2003. 255 с.
9. Нигмедзянов М. Три поколения музыкантов / М. Нигмедзянов // Цвети, мой Татарстан. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. С. 271–285.
10. Салитова Ф. Ш. Роль творчества С. Сайдашева в развитии интернациональных черт татарской музыки / Ф. Ш. Салитова // Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР: материалы второй научной конференции, Казань, октябрь 1981 г. Казань: Академия наук СССР, Казанский филиал, 1983. С. 265–267.
11. Султан Габяши. Материалы и исследования в двух частях / вступ. ст. Г. Б. Губайдуллиной. Ч. 1. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 1994. 114 с.

Появление и влияние фотографии на культуру татар

Издавна человек мечтал «остановить мгновенье», то есть быстро зафиксировать на каком-либо материале окружающий мир или события из его жизни.

В 1839 г. в Париже эта мечта осуществилась. Во время объединенных сессий Академий – наук и изящных искусств – астроном и физик Луи-Франсуа Араго представил новый способ фиксации изображения, изобретенный Луи Дагером и названный по фамилии своего изобретателя. Французское государство выкупило новинку у её изобретателя и преподнесло его в дар человечеству. С этого момента каждый мог беспрепятственно и без ограничений как во Франции, так и за ее пределами внедрять и использовать дагерротипию [2, с. 24].

Итоги экспериментов, открывшиеся всему миру, конечно же, не могли пройти мимо Петербургской Академии наук, которая пристально следила за появлением технических новинок в Западной Европе. И. Х. Гаммель был командирован в Париж для изучения дагерротипии и приобретения необходимого оборудования для нее [9].

Во Франции ученый выполнил свою миссию и отправил в Санкт-Петербург необходимое для фотопроекции оборудование [8, с. 16].

В Российской империи новинка быстро начинает пользоваться популярностью и становится частью городской культуры. Появляются новые профессии «фотограф» и «ретушер», новые заведения – фотографические временные и стационарные мастерские. Последние, со временем, становятся в некотором роде ориентирами в городском пространстве.

Начинает формироваться традиция, дошедшая и до наших дней – семейные фотоальбомы. Также появляется мода на фотографические бланки, давшая толчок развитию типографии в Казани.

Появление нового жанра – видовой фотографии, а вслед за ним и альбомов со снимками городских пейзажей Российской империи, позволило сохранить для нас облик городов XIX – XX вв.

В конце позапрошлого столетия развитие фотолюбительства достигло такого уровня, что в столицах и провинции создаются целые фотографические общества и специализированные магазины.

Однако, не смотря на свою популярность, в татарской культуре и жизни фотография прочно закрепилась только в начале XX в. По мнению доктора исторических наук Л. Р. Габдрафиковой, это было связано как с более поздним развитием фотослужб в провинциальных регионах Российской

империи, так и с особенностями мусульманского мировосприятия.

Как известно, в исламской культуре не приветствуется изображение живых существ. Оно ассоциировалось с воспоминаниями о языческом прошлом, поэтому в исламе на протяжении многих веков отрицательно относились к живописи, а также к другим схожим с ней видам искусств. И, как утверждал татарский богослов Шигабутдин Марджани, запрет на изображение живых существ был обусловлен не собственно требованиями Корана, а лишь желанием пророка оградить арабов от поклонения языческим идолам. Поэтому, в отличие от соседних культур, у татар-мусульман не было принято изображать людей, животных или птиц [3]. Фотография также попадала под эту традицию.

Однако отношение к ней у татар было неоднозначное. В результате тесного взаимодействия с соседними культурами высшие слои татарского общества приобщались к европейским новшествам, в том числе к искусству фотографии. Первые фотоснимки известны еще с 60-х годов XIX в., но это были, скорее, исключительные случаи. Л. Р. Габдрафикова приводит в пример коллективную фотографию купцов И. Г. Юнусова, И. И. Апакова, Г. Усманова, М. Мустакимова, которые представляли казанскую депутацию по разным общественным делам.

Многие состоятельные семьи охотно заказывали фотокарточки на память. Между тем, среди богатых татарских купцов встречались и противники этого. Сохранились воспоминания о купце Мухаметшакире Казакове, который был категорически против фотосъемки, так как была сильна традиция запрета изображения живых существ в татарском мусульманском обществе, поэтому в семье не сохранилось ни одной фотографии купца [3].

Важным событием в распространении фотографии среди татар стало появление фотографии одного из самых известных и уважаемых казанских имамов, ученого-богослова Шигабутдина Марджани. Ведь главную роль в духовной жизни играли муллы. Сфотографироваться ученого попросило одно лондонское издательство, и имам выполнил их просьбу.

Уже после его смерти, в 1897 г. фотография имама и статья о нем появились на страницах турецкой газеты «Маглюмат». Важным обстоятельством стало то, что фотоснимок богослова был опубликован в мусульманском издании [5].

Значительное влияние оказывало и все более активное распространение фотоуслуг в регионах. С появлением сухого броможелатинового процесса популярность фотоискусства еще больше возрастает. Так как фотографический процесс становится доступен практически каждому появляется большое количество фотолюбителей. Как и в крупных городах Российской империи, в Казани они объединяются в фотографическое общество.

Его членами могли стать как мужчины, так и женщины. Не было национальных ограничений. Сразу же создание общества было замечено татарской интеллигенцией и купечеством. Среди его членов были представители таких известных фамилий как Азимов, Айтуганов, Усманов [6, с. 5].

А одним из первых татарских фотографов считается Абдулгази Галтыевич Миннигалеев. Сведений о нем мало. Неизвестно, где и когда он родился. Но проживал Абдулгази Галтыевич в начале XX в. в Казани. Не имея в городе собственного дома, он часто менял съемные квартиры. При этом он был достаточно обеспеченным горожанином. Как и многие богатые люди того времени, он увлекался фотографией, но не на любительском, а на профессиональном уровне. На его профессиональную принадлежность указывают косвенные сведения.

В своих исследованиях Л. Р. Габдрафикова пишет о том, что в архивных делах сохранилась реклама магазина фототоваров Генриха Герингслаке. Скорее всего, Абдулгази Миннигалеев купил свой фотоаппарат или детали к нему в этом заведении. На протяжении почти десяти лет с 1903 г. он страховал свой аппарат и различные детали к нему в Московском страховом от огня обществе.

В фонде Национального музея Республики Татарстан сохранилось несколько снимков Абдулгази Галтыевича. На одном он запечатлен с фотоаппаратом на штативе. На заднем фоне – небольшая выставка фотографий. Возможно, это его работы. Снимок датируется началом XX в. В фонде имеется и служебная карточка, выданная ему Казанским губернским земством как участнику Международной выставки в Казани в 1909 г. В ней есть приписка о том, что Миннигалеев Абдулгази Галтыевич является помощником фотографа Частихина. Об уровне его мастерства свидетельствует и тот факт, что он был награжден бронзовой медалью за жанровую съемку на Второй Казанской фотографической выставке [7].

Фотоискусством увлекались люди различных сословий, профессий и полов. И последнее обстоятельство стало еще одним шагом к раскрепощению татарских женщин. Обычно они находились на своей половине дома и не показывались чужим мужчинам. Поэтому и сфотографироваться для них было затруднительно, так как тогда девушка должна была показать свое лицо мужчине-фотографу. С появлением женщин-фотографов новинка стала для татарских женщин более доступной.

Фотографии показывались родственникам и друзьям семьи, и женщины в любом случае представляли на совместном снимке с мужем перед его близкими товарищами.

Л. Р. Габдрафикова приводит в пример слова Фатиха Амирхана своему другу Ризвану Алуши: «То, что ты разрешил мне посмотреть на снимок

Фарханы, говорит о твоей спокойной природе». Алуши прислал ему в 1906 г. свою фотографию, где он был запечатлен с молодой женой Ф. Ибрагимовой [4].

Кроме того, фотоснимки играли важную роль в выборе супруга или супруги. Появление фотоснимков облегчило процедуру сватовства. Девушке показывали фотографию потенциального жениха, и она уже решала – нравится он ей или нет. Если фотографию будущего мужа давали только перед бракосочетанием, то невеста уже имела представление за кого ей предстоит выйти замуж.

Распространение фотоуслуг повлияло и на развитие татарского изобразительного искусства.

Стоит отметить, что профессиональное татарское изобразительное искусство сложилось лишь в XX в. В своем развитии оно вобрало в себя, с одной стороны, традиции народного декоративного искусства, а с другой, – развивалось под влиянием русской и зарубежной школы живописи.

До начала XX в., соответственно, и до появления фотографии в татарской культуре, в народном изобразительном творчестве господствовало искусство орнамента с использованием растительно-цветочных мотивов и полихромией в вышивке, кожаной мозаике, шамаилях и книжной графике.

В прошлом столетии в связи с атеистическими идеями в мировоззрении, влияниями русских и европейских традиций, в том числе и фотографии с её портретным жанром, национальное изобразительное искусство приобретает более прочные связи с реальностью и проблемами современности.

Например, в 20-е гг. одними из самых популярных тем в искусстве становятся образы, отражающие революционный порыв и те грандиозные перемены, которые происходили в жизни страны. Объектом изображения была современная действительность с образами красноармейцев, быта рабочих, крестьян, портретами деятелей революции и героев труда [1, с. 209–211].

Таким образом, несмотря на то, что фотография прочно вошла в татарское общество достаточно поздно, её появление повлекло за собой существенные изменения в татарской культуре. Прежде всего, меняется взгляд на изображение живых существ, в том числе и человека. Если раньше люди, как правило, не изображались, то после появления фотографии к изображению человеческого лица стали относиться более лояльно.

Кроме того, популярность фотографии и появление женщин-фотографов, были одними из факторов, повлиявших на изменение роли женщин в татарской среде.

Источники и литература

1. Алмазова А. А. Художественная культура Татарстана в контексте социальных процессов и духовных традиций: очерки / А. А. Алмазова. Казань: Казан. ун-т, 2013. 246 с.
2. Беньямин В. Краткая история фотографии / пер. с нем. С. А. Ромашко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 88 с.
3. Габдрафикова Л. Р. Жил был фотограф один... [Электронный ресурс] / Л. Р. Габдрафикова // Журнал «Казань». 2016. № 2. URL: <http://kazan-journal.ru/news/mashina-vremeni/zhil-byil-fotograf-odin> (дата обращения: 24.09.2020)
4. Габдрафикова Л. Р. Татары и фотография: Гаспринского на мыло, женитьба по портрету и первые фотолюбители [Электронный ресурс] / Л. Р. Габдрафикова. URL.: <https://realnoevremya.ru/articles/63246-istoriya-proniknoveniya-fotografii-v-sredu-tatar-prodolzhenie> (дата обращения: 22.09.2020)
5. Габдрафикова Л. Р. Татары и фотография: швея без головы, портреты Марджани и Фахреддина и «харам» от Баруди [Электронный ресурс] / Л. Р. Габдрафикова. URL.: <https://realnoevremya.ru/articles/62378-istoriya-proniknoveniya-fotografii-v-sredu-tatar> (дата обращения: 23.09.2020)
6. Жаржевский Л. М. Из Казанской истории / Л. М. Жаржевский, М. Н. Павлов, Г. В. Фролов / ред.: М. Н. Павлов. Казань: Титул, 2003. 256 с.
7. Идрисова Р. Р. Становление и развитие фотографического дела в Казани и Казанской губернии (1843–1918 гг.): дис. ... к. и. н.: 07.00.02 / Р. Р. Идрисова. Казань, 2012. 358 с.
8. Левашов В. Лекции по истории фотографии / В. Левашов. М: Три-медиагруп, 2014. 484 с.
9. Уйманен О. Ф. Фотография второй половины XIX – начала XX в. в культурном наследии России [Электронный ресурс] / О. Ф. Уйманен // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 1. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-vtoroy-poloviny-xix-nachala-xx-veka-v-kulturnom-nasledii-rossii>

Межгрупповая дистанция между представителями этнических групп в Республике Татарстан

Проведенное исследование было направлено на анализ групповой дистанции между представителями различных этнических групп, проживающих в Республике Татарстан, и определению факторов, обеспечивающих высокий уровень межнационального согласия в республике.

В исследовании, проведенном в конце 2017 г., приняли участие 1500 человек. Это представители следующих этнических групп: татары (48,4% опрошенных), русские (41,5%), чувашаи (4,5%) представители иных этнических групп (5,6%).

Исследованием были охвачены следующие города и районы Республики Татарстан: г. Казань, Нижнекамск, Набережные Челны, Мамадыш, Болгар, Агрыз, Лениногорск, Мензелинск, Зеленодольск, Буинск, Тетюши; районы: Мамадышский, Спасский, Агрызский, Лениногорский, Мензелинский, Зеленодольский, Буинский, Актанышский, Тетюшский, Черемшанский, Высокогорский.

Более половины опрошенных (52%) являются уроженцами того населенного пункта, в котором проживают в настоящий момент; четверть опрошенных переехали более 10 лет назад. Менее 10 лет назад переехали 17,5% респондентов, менее года назад – 5,9%.

Распределение респондентов по возрастным группам: 36,6% опрошенных принадлежат к возрастной группе 18–30 лет; 37% – к возрастной группе 31–50 лет; к возрастной группе старше 51 года принадлежат 26,4% опрошенных.

Уровень образования респондентов, принявших участие в исследовании, можно охарактеризовать как достаточно высокий. Более половины респондентов имеют высшее образование, треть опрошенных – среднее специальное.

Распределение респондентов по сферам занятости показывает, что наибольшее количество опрошенных заняты в сфере «промышленность, строительство, транспорт» – 17,6%, а также в сфере услуг – 16,5% (ЖКХ, торговля, общественное питание, гостиничный бизнес, посредничество) и в сфере образования и науки – 14,5%. 20,5% респондентов являются студентами, 9,7% – пенсионерами.

Исследование показало, что общая направленность отношений между представителями различных этнических групп носит позитивный характер – доброжелательное и спокойное отношение к представителям других

национальностей, проживающих в Республике Татарстан, демонстрируют в целом 85,5% (см. табл. 1).

Таблица 4. Отношение к представителям других национальностей, 2017 г., %¹⁵

	Как Вы относитесь к представителям других национальностей, проживающих в РТ?			
	Татары	Русские	Другие народы	Итого
Положительно, так как считаю, что дружба народов – основа политической и социальной стабильности в нашей республике	33,2	35	35,8	34,2
В целом, спокойно, я предпочитаю судить о достоинствах и недостатках конкретных людей, а не народов	51,9	52,5	45	51,5
Отрицательно к отдельным народам, поскольку меня раздражают представители этой культуры/языка/образа жизни	3,4	1,9	2	2,7
Затрудняюсь ответить	11,4	10,6	17,2	11,5

Социальная дистанция, измеряемая по шкале Богардуса, между основными этническими группами – татарами и русскими – минимальна. Об этом свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство респондентов согласуются в отношении таких позиций как «житель моего населенного пункта», «соседи по дому», «сослуживцы», и «друзья». Более 90% представителей татар и русских готовы принять друг друга в этом качестве. Несколько снижаются показатели социальной дистанции по отношению к таким ролям как «родственники» и «брачные партнеры», однако, готовность принять представителя другой этнической группы в предложенной социальной роли остается достаточно высокой: татар в качестве родственников готовы принять 89%, русских – 85,2% опрошенных; в качестве брачных партнеров татар готовы принять 84,4%, русских – 76,7% опрошенных.

В сфере взаимодействия с представителями других этнических групп, респонденты демонстрируют высокие показатели социальной приемлемости по отношению к представителям народов Поволжья (чуваши, удмурты, марийцами, мордвой, башкирами) во всех предложенных социальных ролях

¹⁵ Данные приведены по совокупности позиций: «Отношусь положительно, так как считаю, что дружба народов – основа политической и социальной стабильности в нашей республике» и «Отношусь спокойно, так как предпочитаю судить о достоинствах и недостатках отдельных людей, а не народов».

(см. табл. 2). Имеет место плавное увеличение социальной дистанции от менее значимых к более значимым видам контактов, без резких скачков, что свидетельствует о толерантных установках респондентов. По отношению к украинцам показатели социальной приемлемости ниже, причем как у татар, так и у русских респондентов. Однако, по отношению к украинцам респонденты демонстрируют большую степень социально-психологического принятия, чем по отношению к представителям других народов РФ. Наиболее низкие показатели социальной приемлемости выявлены в отношении представителей мигрантских сообществ РТ (см. табл. 2).

Таблица 2. Показатели социальной межгрупповой дистанции, 2017 г., %

Готовы принять в качестве	Готовы принять в указанном качестве представителей следующих национальностей:							
	Чувашей	Удмуртов	Марийцев	Мордву	Украинцев	Башкиров	Представителей других народов РФ	Представителей мигрантских сообществ
Жителей города (населенного пункта)	88,2	86,2	84,2	82,1	77,1	88,2	67,9	56,7
Соседей по дому	83,3	80,7	78,8	76,3	71,2	84,6	62	47,8
Друзей	78,9	77,3	75,6	72,2	67,8	81,7	59,5	44,8
Родственников	62,5	58,7	58,1	55,4	53,1	68,2	42,9	29,7
Брачного партнера	50,8	46,6	45,2	43,3	43,2	57,8	32,4	21,1

Высокий уровень социальной приемлемости по отношению к народам Поволжья обусловлен длительным гармоничным взаимодействием с этими народами, интересом к национальной культуре, наличии конкретных знаний и представлений о культурных и психологических особенностях этих народов. Культурная и психологическая близость с украинским народом продолжает оказывать влияние на уровень социальной дистанции, несмотря сложности в политических отношениях с Украиной. Довольно поверхностные представления о культуре других народах РФ обуславливают более низкие показатели социальной приемлемости, способствуют большей дистанцированности по отношению к этим группам.

Отношение к представителям мигрантских сообществ является одним из показателей стабильности в сфере межнациональных отношений.

Несмотря на то, что измерение социальной дистанции по шкале Богардуса демонстрирует дистанцированность представителей принимаю-

щего сообщества по отношению к мигрантам, большинство респондентов демонстрирует лояльное отношение к представителям мигрантских сообществ (см. табл. 3).

Таблица 3. Отношение к присутствию мигрантов в своем населенном пункте, 2017 г., %

Как Вы относитесь к присутствию мигрантов в Вашем населенном пункте?	Татары	Русские	Другие народы	Всего
Положительно	12,5	11,2	7,9	11,5
В целом, положительно	15,4	17,7	15,2	16,3
Спокойно	31	30	32,5	30,7
Безразлично	21,2	15,7	15,2	18,3
Скорее отрицательно	11,8	12,7	11,9	12,2
Отрицательно	5,1	7,5	9,9	6,6
Затрудняюсь ответить	2,9	5,1	7,3	4,3

Таким образом, наличие значительного количества инокультурных мигрантов не является фактором, способным дестабилизировать сферу межнациональных отношений, в силу традиционно поликультурного характера татарстанского общества.

Русские дворяне и служилые татарские мурзы и их вооружение во второй половине XVII в. в Саранской десятне 1680 г.

Наша статья имеет свою целью частичное восполнение пробела исторического знания «в части выявления персонального состава городских дворянских корпораций». Основные задачи данной работы – ввести в научный оборот имена детей боярских, мурз и татар, верставшихся по Саранску и оставшихся в рейтарском строе к 1680 г., подробно подсчитать (поименно) и по «статьям» в таблицах обеспеченность вооружением данной части городской корпорации.

Десятни – разновидность делопроизводственной документации Московского государства XVI–XVII вв., именные военно-учетные списки служилых людей «по отчеству» (дворян и детей боярских), «составлявшиеся в военно-финансовых интересах государства, при их разборе, верстании, и раздаче им денежного жалованья и получившие значение юридического доказательства права владеть населенным поместьем» [1, с. 495–496].

«К рубежу XVI–XVII вв. у большинства служилых организаций великорусского центра, а также окраин государства сложилась троичная чиновная градация. Лучшие в служебном отношении представители уездных служилых организаций служили в чине выборных дворян и являлись высшим слоем городского дворянства. Средний чин городских служилых людей носил наименование дворовых детей боярских, низший и наиболее многочисленный слой представителей уездных служилых организаций служил в чине городских детей боярских» [2, с. 19].

Если Атемарская десятня 1669/70 г. имела своей целью рассмотреть всех служилых людей «на лицо» вообще, то перед составителями исследуемого документа 1679/80 г. ставились совершенно иные цели – рассмотреть только рейтар (как правило это были беднейшие городовые дворяне), а не всю служилую корпорацию; выбрать из них «вновь» копейщиков и переверстать часть помещиков из рейтар в солдатский строй. В оригинале читаем об этом: «В нынешнем во 188-м году, по указу великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексевича и по грамотам и по указным статьям из Рейтарского Приказу, в Саранску, воевода Павел Петрович Языков да подьячий Андрей Степанов, атемарских помещиков и вотчинников русских людей и мурз, и татар, старых рейтар и новиков, которые по разбору прошлого 187 году из городской службы и из недорослей писаны в рейтары ж, пересмотрели и разобрали с окладчики; а копейщиков выбрали вновь из рейтар, потому что на Атемаре копейщиков наперед сего не было, и, разобрав

копейщиков и рейтар, для службы великаго государя расписали по полкам. А кто в копейщики и в рейтары и в солдаты написаны, и что есть за ними поместий и вотчин и сколько за кем крестьян и бобылей и задворных людей, и за пустопоместными сколько в дачах поместных... и всяких земель... и сколько за кем на службе людей с боем и в кошу будет, и то писано в сем разборном списке под их имяны, ниже сего по статьям» [3, стб. 249–250].

Если в десятне 1669/70 г. из 625 человек дворян значится только 89 рейтар (из которых дворян было всего 13), а остальные были поверстаны из русских казаков и казаков-татар, то в исследуемом документе все оставшиеся к 1680 г. рейтары поверстаны из детей боярских, дворян, мурз и татар. Всего на рейтарской службе по Саранску и Атемару в результате разбора 1680 г. оставлено 200 человек.

Также в десятне значатся 14 человек мелкопоместных дворян и детей боярских, записанных из рейтар в солдатский строй; из них шесть помещиков также переписаны из рейтар в солдаты, однако, «служить им с братьями и с детьми и с племянники погодно, по переменам» [3, стб. 345–352].

Двадцать три атемарца «казачьи дети, служили рейтарскую службу, а ныне... служить им солдатскую службу» [3, стб. 352–359], из которых восемь человек будут служить «для безлюдства попеременно, погодно» [3, стб. 359–363].

Пять мурз и татар также из рейтар переведены в солдатскую службу [3, стб. 363–365].

Три дворянина (два из которых уже оставлены по старости от службы – А. В. Палибин, Ф. А. Шурловский) оставлены служить по городу [3, стб. 365–367].

Тринадцать русских дворян и татарских мурз отставлены от службы за старость, раны и увечья. Из них четыре городских дворянина [3, стб. 367–370], в особой статье записан выборный сын боярский Григорий Васильевич Алферьев, имевший оклад в 990 четей земли и 56 рублей деньгами [3, стб. 370–371]. Отдельно значатся и 8 мурз и татар [3, стб. 371–374].

Таким образом, всего в данном документе 258 человек.

Однако объектом нашего рассмотрения являются не все это число, а только те 200, что оставлены служить рейтарскую службу, а также копейщики из их числа, что были «выбраны из рейтар вновь».

В середине XVI–XVII вв. рейтары представляли собой род западно-европейской кавалерии, ведущей бой в правильных, линейных боевых порядках; важной их особенностью было активное применение в ближнем бою огнестрельного оружия – пистолетов и карабинов. В эпоху кризиса европейского воинского сословия этот разряд войска стал альтернативой традиционной рыцарской, дворянской конницы, постепенно вытеснив её

из состава действующей армии или вынудив перейти на новые формы боя (в основном, типа «пистольеров» или «кирасир»). Весь этот процесс был метко охарактеризован немецким историком Г. Дельбрюком как преобразование рыцарства в кавалерию.

О. А. Курбатов выделил следующие этапы развития русской рейтарской конницы в XVII в.:

I. (1633–34 гг.). Первый опыт формирования и боевого применения полка рейтарского строя (в ходе Смоленской войны 1632–34 гг.);

II. (1649–53 гг.). Создание учебного полка Исаака Фанбуковена и подготовка в его рядах национальных кадров начального состава пехоты и кавалерии «нового строя».

III. (1654–58 гг.). Создание и активное боевое применение шести «тысячных» полков рейтарского строя в войнах с Речью Посполитой и Швецией.

IV. (После 1658–60 гг.). Превращение рейтарского строя в стандартный вид русской полевой конницы, поэтапно в Белгородском, Смоленском, Новгородском разрядах, Замосковных, Украинных и Понизовых городах. Для Саранска и Атемара это был 1678/79 г., когда в массовом порядке беднейшие городские дворяне были поверстаны в рейтарскую службу.

«В рядовой состав рейтар на добровольной основе принимались малообеспеченные дети боярские и служилые татары. В качестве образца снаряжения послужила модель западноевропейских рейтар («аркебузиргов»), его составляли пара пистолетов, карабин, шпашак и двусторонняя кираса. Поголовное вооружение рейтар карабинами говорит об образе боя этого полка – с максимальной опорой на залповую стрельбу. Существовали рейтары за счёт высокого «подъёмного жалования» (по 30 руб. в год) и выдачи казённого комплекта вооружения («рейтарской службы»), и поэтому не зависели от состояния своих поместий.

Вооружая таким образом своих служилых людей «по отечеству», правительство разом решало две задачи: возвращение в конный строй заведомо неспособных к «дальней полковой службе» нищих детей боярских, и получение взамен прекрасно экипированной и обученной линейному бою части» [4, с. 113–118].

В большинстве случаев дети боярские записывались в «рейтарский строй» того же «титульного» полка, куда распределяли и их соседей по уезду, служивших сотенную службу. От момента создания 6 первых рейтарских полков, активно проявивших себя в ходе действий Русско-Польской войны, наши соотечественники служили в двух из них. Так О. А. Курбатов указывает, что третья тысяча (Ф. А. Фанбуковена) в значительной мере была укомплектована дворянами и детьми боярскими из Передового полка (Арзамас, Углич, Бежецкий Верх, Романов, романовские татары и новокре-

щены, Можайск и др.). В «четвёртой тысяче» (полк В. В. Кречетникова) были включены новые рейтары из северных «замосковных» уездов (Тверь, Торжок, Зубцов, Ржева Володимерова) и из Низовых городов (Казань, Свияжск, Алатырь, Курмыш, Атемар).

С 1658–60 гг. полки рейтарского строя стали основным видом царской полевой конницы. В силу их слабости обеспечения доспехами русских рейтар нельзя считать аналогом тяжёлой или ударной кавалерии Западной Европы. Это хорошо видно из анализа О. А. Курбатовым боевого применения этих частей. Так, рейтары часто осуществляли разведывательную и дозорную службу и отправлялись в дальние скорые «посылки» гораздо чаще конных сотен [4, с. 121–122].

В атемарской десятне 1679/80 г. содержатся ценные сведения об участии саранских помещиков в трех видов полков разных этапов развития рейтарской конницы России XVII в.

1) Тысячи 1654–58 гг. (в которых из атемарцев служили только «старые рейтары», взятые на службу с 1654 г.).

2) Полки территориальные 1659/60 г., формировавшиеся в ведении Казанского Дворца. Снабжались по другим нормам, пока не исследованным, хотя логично предположить, что карабины и пистолеты, как и латы, могли забираться у рейтар в казну по окончании похода – отчего они и служат с неполным комплектом вооружения в 1680 г. История этих полков не изучена.

3) Полки сводные 1679/80 г., с копейщиками (нововведение для всех разрядов, кроме Белгородского), когда произошли разборы, в ходе которых вместо старых сложившихся полков всех помещиков свели поуездно вместе, старых рейтар и новых.

В исследуемой десятне отсутствуют сведения только о вооружении 10 дворян (из 200, т. е. 5%). Мурз и татар 45 человек из 200, то есть 22,5% (или 58 из 258, то есть также 22,5%). 4 человека из 200, то есть 2% саранских дворян служило с саадаками, у трех из которых кроме лука были обязательные пистолеты, и только крещеный татарин Дмитрий Исянгилдин, у чьего брата отбили под Чигириным пару пистолей и карабин, «служил государеву службу» с саадаком и саблей. С саадаком, пистолетом и саблей должен был явиться по царскому зову и иноземец, шляхтич Иван Вороблевский. У Григория Прокофьевича Карачурина и Петра Павловича Ульянина кроме луков было по паре пистолей из государевой казны и личные сабли. На вооружении саранских помещиков-рейтар обязательным холодным оружием служила сабля – у 167 из 200 (то есть у 83,5%). Огнестрельное оружие распределяется следующим образом: всего в десятне у 200 рейтар значится 418 единиц, карабинов 192, из которых казенных 131 (15 утрачено или отбито) и личных 38. Пистолетов 249, казенных 183 (51 утрачено) и 66

личных. Всего при разборе 1680 г. у помещиков оказалось в наличии 352 единицы (198 пистолетов и 154 карабина). То есть в среднем на одного саранского рейтара приходилось 1,8 единицы огнестрельного оружия, вместо необходимых 3. 69 дворян (34,5%) выходили на службу с боевыми холопами (всего 70 человек). При этом «на бою с пищалью» был всего 1 холоп, «на бою с саблею» – 3. В кошу 66 холопов, из которых 34 с бердышами, а остальные вообще без всякого оружия. У двух и трех братьев Еремея и Лаврентия Жулебиных и Ивана, Мартына и Клементия Юрасовых по одному холопу в кошу без оружия. Только 4 дворянина выходили на службу с 2 людьми: Степан Иванович Аникиев (один с саблей, второй в кошу с бердышем), Иван Алексеевич Аленин (один человек за ним с саблей, второй в кошу), Иван Григорьевич Чарыков («да человек за ним с боем, бою пищаль; да человек в кошу с бердышем» [3, стб. 259]) и Петр Иванович Мартынов («человек с боем да другой в кошу» [3, стб. 305]). Все остальные дворяне были на службе с одним боевым холопом или вообще без таковых.

Всего рейтары и копейщики, как это видно из таблиц, расписаны по 13 статьям.

В десятне у дворянина Якова Артемьевича Колюпанова, служащего рейтарскую службу 25 лет, то есть с 1654 г., значатся выданные из казны: «карабин, да пистоль, да латы и шишак, и те латы и шишак отбиты на бою под Синбирском» [3, стб. 300–301], то есть в ходе крестьянского восстания 1670–71 гг. Аналогичны записи и у следующих дворян: служащих рейтарскую службу 25 лет, то есть с 1654 г. Так у Михаила Григорьевича Сыропятова: «великого государя жалованья выдано ему из казны ружья: шишак да латы да карабин да пара пистолей, и те латы и шишак, и карабин, и пистолы отбили под Синбирском воровские казаки; да вновь дано ему из казны под Чигириным: карабин», с которым он и явился на смотр [3, стб. 302]. Андрей Григорьевич Горылев, получил «государева жалованья: шишак да латы, и те латы да шишак под Синбирском воровские казаки отбили» а «карабин и пистолы государева жалованья» остались у владельца [3, стб. 303]. Похожа история и у Максима Путиловича Любовцова, который получил «государева жалованья: шишак да латы, карабин и пара пистолей, и то ружье, и латы, и шишак, отбиты на бою на реке Басе; а вновь под Чигириным дано ему: шишак да латы, и тот шишак и латы отбили турецкие люди под Чигириным» [3, стб. 303].

Близка к предыдущим и история дворянина Ивана Ивановича Юрасова, который служил рейтарскую службу с 1659/1660 г.: «Великого государя жалованья выдано ему: карабин, пара пистолей да шишак и латы, и то ружье на службе великого государя в польских городах на бою под Губарями отбито» [3, стб. 300].

В «сказке» Семена Никифоровича Богатырева значится следующее: «учал служить великого государя полковую службу с городом 6 лет, а рейтарскую службу служит с 25 лет. Великого государя выдано ему из казны ружья: шишак и латы и карабин да пара пистолей; а шишак да латы и карабин да пара пистолей отбиты на Басе реке в Углах; да вновь выдано ему, под Чигириным карабин» [3, стб. 318].

Интересная запись содержится, например, в «сказке» Алки Делеева: «служит великого государя рейтарскую службу 20 лет и больше. Ружье ему дано из казны: карабин да пистоль; а латы и шишак даны двоим с рейтаром с Баймашем мурзою Семаевым; а латы и шишак покинуты в Крыженском уезде, в селе Речках» [3, стб. 326–327]. Ишкаю Семаеву и Бибулату Битудину кроме карабина и пары пистолей каждому на двоих также были даны «шишак и латы, и те латы и шишак отбиты под Чигириным в кошах» [3, стб. 330]. У крещеного татарина Василия Томина в «сказке» написано: «дано ему великого государя жалованья: карабин да пара пистолей, и та пара пистолей отбита на бою под Чигириным, а латы и шишак даны ему с Уразкаем мурзой Тлевлеевым, и те латы покинуты в Крыжском уезде, в селе Речке» [3, стб. 339].

В сказках некоторых русских дворян и татар значится, что «латы и шишак даны двоим», данная формулировка объясняется очередностью службы: еще в первой половине XVII в., после Смуты, служили береговую и полковую службы по «половинам», поскольку ежегодно «подниматься» в поход состояние хозяйства многим дворянам не позволяло. Таким образом, выходили на службу раз в два года. После того, как их зачислили в рейтары, латный комплект выдавался на боевую единицу в полку, а эта единица менялась раз в год. Явление это сугубо российское, характерное для немногих полков.

Исходя из данных десяти можно сделать вывод, что некоторым рейтарам, поверстанным при создании первых 6 тысячных полков правительство в 1654 г., а также полков, находившихся в ведении приказа Казанского дворца в 1559/1660 г. и в 1660-е гг. (в ходе Русско-Польской войны) выдавало полный комплект положенного вооружения (Например, Я. А. Колопанову и И. И. Юрасову, хотя первому была выдана только «одна пистоль»). Однако в «сказке» Петра Ивановича Алашеева читаем: «служил он рейтарскую службу лет с 20 и больше (т. е. был поверстан в конце 1650-х гг.), а из казны великого государя ружья ему не выдано; служил со своим ружьем» [3, стб. 301–302], таким образом, некоторые провинциальные рейтары по 20 лет служили с личным оружием.

В одном из ценнейших источников по истории Московского государства, сочинении подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина 1666 г., известном под названием «О России в царствование Алексея Михайлови-

ча», в главе 9 так говорится о рейтарах: «Рейтарские полки; и в те полки в рейтары выбирают из жилцов, из дворян городовых, и из дворянских детей недорослей, и из детей боярских, которые малопоместные и беспоместные и царским жалованьем денежным и поместным не верстаны, так же и из волных людей прибирают, кто в той службе быти похочет; и дают, им царское жалованье на год по 30 рублей денег. Да им же ис царские казны дается ружье, карабины и пистолы, и порох и свинец, а лошади и платье покупают сами; а чего в котором году того жалованья у них за хлебную дороговью не доставает, и им в полки посылают жалованье с прибавкою. А у которых дворян, и жилцов, и у недорослей, есть крестьянские дворы: и тем царского жалованья дают несполна; сколько за кем крестьянских дворов, и у таких из жалованья против крестьян вычитают, да им же на службе с ружьем велят быть с своим. А у кого на службе убьют лошадей, или умрет, и таким для покупки лошадей жалованье дается в полках, по рассмотрению; а у ружья что попортитца или на бою отобьют, и в то число ружье дается иное в полках же, по рассмотрению, а иным пожиточным людям велят купити на свои денги» [5, с. 108].

Как видно из документа, во второй половине 1660-х и 1670-е гг., верставшимся в рейтары дворянам выдавали далеко неполный комплект вооружения, который должен был состоять из кирасы («лат»), шлема, сабли/шпаги, карабина и пары пистолетов (а также обязательной лялдушки и натруски). В данный период доспехов уже не выдается совсем, хотя логично предположить, что после окончания войны или похода карабины и пистолеты, как и латы, могли забираться у рейтар в казну – отчего они и служат с неполным комплектом вооружения в 1680 г. Чаще всего на одного человека выдается в этот период только пара пистолетов, или карабин и пистолет, еще реже только одна единица огнестрельного оружия. В десятне также находятся и такие дворяне, которым «великого государя жалованья ружья не дано» совсем. Так, например, у Лаврентия Федоровича Жулебина в сказке читаем: «великого государя служил полковую службу с городом со 178 году (1669/70 г.), а рейтарскую с 187 году, а ружья ему из казны великого государя не дано, служил со своим карабином, а лат и шишака не дано ж... На службе великаго государя будет на меринке, ружья карабин да сабля» [3, стб. 306–307].

К 1680 г. в Саранске было 9 рейтар, которые служили по 20 и 25 лет, но «поместными и денежными окладами были не верстаны».

Ни у одного саранского сына боярского, дворянина или мурзы нет на вооружении шпаг, только сабли, которые всегда были личными, не выданными казной. Очевидна нехватка огнестрельного оружия – 1,8 единицы на человека вместо положенных 3; а также полное отсутствие на 1680 г.

необходимых для рейтар доспехов. Всего у анализируемых помещиков в десятне зафиксировано только 16 выданных шлемов и 23 кирасы, причем все они были утрачены в ходе различных войн 1650–1670-х гг.

Последние случаи вторичной выдачи зафиксированы после крестьянского восстания 1670/71 г., когда доспехи и вооружение повторно были даны под Чигирином М. Г. Сыропятову и М. П. Любовцову.

О полке, в котором воевали саранско-атемарские рейтары, можно сделать предположение из царской грамоты в Кадом от 1 апреля 1681 г., где значится: «А Казанского розряду начальным людем и городовым копейщиком и рейтаром стольника нашего и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова в полку товарища ево стольника и воеводы Ивана Леонтьевича рейтарского строю полковника в Данилове полку Пулста. А стать им на нашей, великого государя, службе... Казанского розряду начальным людем и городовым копейщиком и рейтаром в Путивле июня 1 число» [6, с. 46], то есть саранско-атемарские рейтары, как относящиеся к Казанскому розряду, скорее всего, воевали в полке Д. Пулста.

Очевидно, что саранско-атемарские рейтары, несмотря на богатый опыт боевых действий, проливавшие кровь во многих сражениях своего времени, это не показатель для всей русской армии и для всех кампаний. Зачастую они воевали если не с минимальным, то по крайней мере с неполным комплектом вооружения, часто без положенных доспехов. Бедность и «худое» вооружение привели к тому, что при разборе 1680 г. 14 человек мелкопоместных дворян и детей боярских и 5 татарских мурз переписали из рейтар в солдатский строй, служить в котором для дворян считалось зазорным. О чем в той же царской грамоте в Кадом от 1 апреля 1681 г. читаем: «Да копейщиком ж и рейтаром сказать наш государев указ, чтоб они на нашу, великого государя службу ехали сами, а вместо себя наемщиков да переменщиков не посылали; да у них же б были лошади добрые и ружья полные службы, у копейщиков по копьё да по паре пистолей. У рейтар по карабину да по паре ж пистолей, и латы, и шишаки или иные какие железные доспехи имали ж с собою. А у людей бы их были в обозе пищали долгие и бердыши и копыя. А которые начальные люди, и копейщики, и рейтары, в полк к указанному сроку поспеют, – и они б за то впредь ожидали себе наши, великого государя, милости и денежного жалованья перед их братьею... А буде кто из них к указанному сроку в полки не приедут, или копейщики их и рейтары учнуть приходить пеши и приезжать на худых лошадях и не с полною службою ружья или за кого объявятца наемщики и переменщики, – и такие начальные люди оставлены будут зимовать в малороси(й)ских городах, а копейщики и рейтары написаны будут в салдаты» [6, с. 47].

Десятня 1679/1680 года
Вооружение и контингент, с которым саранские и атемарские
дворяне, дети боярские, мурзы и татары обязаны явиться
на службу по разбору воеводы Павла Петровича Языкова
и подъячего Андрея Степанова 1680 г.

Таблицы по статьям в десятне. Братья или родственники, значащиеся в «одной сказке», в таблицах расположены под одним номером в разных строках, а также обозначены разными буквами (например, 77 А и 77 В). Порядковый номер дворянина в таблицах соответствует номеру сказки в десятне.

Таблица 1. Дворяне, которые до 1678/1679 г. несли городовую службу, затем были поверстаны в рейтары, а по разбору воеводы П. П. Языкова и подъячего А. Степанова в 1680 г. были выбраны из рейтар в копейщики

№ п/п	фамилии	сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия
			из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «коше»		
							огнестрельное/ писталь	холодное/ сабля	без ору жия	с оружием (бердыш)	
1	Аникиев С.И.		2		1			1		1	5
2	Милохов Н.С.	1	2								3
3	Аникиев И.И.	1	1	1	1				+		4
4	Аленин И.А.			2	1			1	+		4
5	Чуфаров Н.А.	1			1				+		2
6	Синбугин С.И.	1	2						+		3
7	Чуфаров П.А.	1	-2*		1					1	3
8	Ульянин С.С.	1	2		1					1	5
9	Беликов Д.И.	1	-2*		1				+		2
итого		7	13– 4**	3	7			2	5	3	31

* «-2» в таблицах обозначает, что в списке прежде выданного конкретному человеку оружия (в данном случае пара пистолетов) оно значится, но на момент составления десятни утеряно в бою или иным способом.

** «13–4» обозначает, что правительством было выдано 13 пистолетов, но к моменту составления десятни 4 было утрачено в силу разных причин.

Таблица 2. Неповерстанные дворяне, которые до 1678/1679 г. несли городовую службу, затем были записаны в рейтары, а по разбору воеводы П. П. Языкова и подъячего А. Степанова в 1680 г. были выбраны из рейтар в копейцики

№ п/п	фамилии	саадак	сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «кошу»		
								огнестрельное/ пищаль	холодное/ сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
10	Своитинов Ф.В.		1	-2		1				+		2
11	Дмитриев К.Л.					1					1	2
12	Нечаев И.С.			1		1				+		2
13	Дмитриев А.Л.			2							1	3
14	Карачурин Г.П.	1	1	2							1	5
15	Чарыков И.Г.		1	2				1			1	5
16	Ананьин С.Н.		1	1	1						1	4
итого		1	4	10–2	1	3		1		2	5	23

Таблица 3. Дворяне, которые до 1678/1679 г. несли городовую службу, затем были поверстаны в рейтары, а воеводой П. П. Языковым и подъячим А. Степановым в 1680 г. были также переверстаны в рейтары

№ п/п	фамилии	саадак	сабля	пистолет		карабин		боевые холопы		Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	в «кошу»		
								без оружия	с оружием (бердыш)	
17	Лехотников А.Л.			2		1			1	4
18	Маслов С.И.		1			1			1	3
19	Романов П.Я.		1	2			1		1	5
20	Романов А.Я.		1	2			1			4
21	Сыропятов Н.Я.				2	1				3
22	Насакин И.К.		1		1	1				3
23	Ульянин П.П.	1	1	2						4
24	Тарханов Г.И.		1	1			1			3
25	Михалчуков Ф.С.				2		1		1	4

26	Каменев П.Е.		1	-2			1	+		2
27	Лазарев Н.Т.		1	1		1			1	4
28	Щукин С.П.				1	1		+		2
29	Зазеркин Г.А.		1	2		1			1	5
30	Тарханов М.И.		1	1			1	+		3
31	Скрябин И.И.		1	-1			1		1	3
32	Юдин С.И.			1		1				2
33	Зимнинский В.А.		1			1				2
34	Зимнинский Е.Т.		1	1			1			3
35	Зазеркин И.А.		1	1			1		1	4
36	Езовской Г.Д.		1		1	1				3
37	Лехотников А.Д.		1			1				2
38	Горылев П.Г.		1	2			1			4
39	Палибин С.С.		1	1		1				3
40	Алашеев Р.Г.			2		1			1	4
41	Жадовской Д.Ф.		1			1				2
42	Кадышев С.П.		1		1	1				3
43	Воронин Ф.Л.		1	2			1			4
44	Лехотников В.И.		1			1			1	3
Итого		1	22	26-3	8	16	11	3	10	91

Таблица 4. Рейтары неверстанные

№ п/п	фамилии	саадак	сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «кошу»		
								огнестрельное/пищаль	холодное/сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
45	Левашев Д.Н.		1			1						2
46	Левашев А.Н.		1		2	1						4
47	Загарин Н.К.		1		1	1					1	4
48	Пилюгин П.П.		1		1	1						3
49	Самороков Т.Ф.		1	1	1						1	4
50	Дмитриев Д.Л.			2								2
51	Новиков Н.С.		1	2			1					4
52	Мальцов О.Д.		1			1						2
53	Юрасов М.Ф.		1	2			1					4
54	Жадовской В.Ф.		1	2								3
55	Ховрин И.И.		1	2		1						4
56	Неронов Л.И.		1			1						2

57	Лехотников Д.Т.	1	2					+		3		
58	Новиков К.В.	1	1	1	1			+		4		
59	Метлин Г.И.				1					1		
60	Аристов Н.И.	1	2		1					4		
61	Телешев А.Г.	1	2		1					4		
62	Нездин Т.И.	1	2			1				4		
63	Новиков К.В.	1	2		1					4		
64	Исаев Т.М.	1			1			+		2		
65	Мякишин С.П.	1			1					2		
66 А	Китов В.Н.	1	1			1				3		
66 Б	Китов Ф.Н.	1	2			1				4		
67	Сыропятов А.М.	1	1	1		1			1	5		
68	Жадовской Н.Ф.	1			1					2		
69	Зазеркин Ф.Л.	1	2		1					4		
70	Мякишин В.П.	1				1				2		
71	Езовской С.Ф.	1	1		1			+		3		
72	Апраксин А.А.	1	1		1				1	4		
73	Маслов П.И.	1			1					2		
74	Оленин И.В.			2	1			+		3		
75	Степанов И.С.	1		1	1			+		3		
76	Смолков В.С.	1		1	1			+		3		
77 А	Метлин И.А.	1		1	1					3		
77 Б	Метлин Л.А.	1	1			1			1	4		
77 В	Метлин Е.А.	1				1				2		
78	Крыжин Т.И.	1		1	1					3		
79	Скрябин Н.И.	1	2							3		
80	Зенин П.Н.	1			1			+		2		
81	Курунтяев Е.Е.	1	1		1				1	4		
82	Палибин А.А.	1	2		1			+		4		
83	Иртлин Е.И.		1			1		+		2		
84	Издемиров Н.Б.	1		1	1			+		3		
85	Смолков А.А.	1	1	1		1			1	5		
86	Юматов М.И.	1	2						1	4		
87	Жадовской А.Ф.	1			1					2		
88	Буланов И.С.	1		2		1				4		
89 А	Синбугин Л. П.	1	2							3		
89 Б	Синбугин И.П.	1	2							3		
90	Игумнов Л.Ф.	1			1				1	3		
91	Игумнов П.Л.	1			1			+		2		
92	Метлин Ф.С.	1	2					+		3		
93	Хардин Т.Г.		2		1			+		3		
Итого		-	48	48	17	32	12	-	-	14	9	166

Таблица 5Ю Дворяне и дети боярские старых наборов, прошлых лет, а ныне по разбору воеводы П. П. Языкова да подъячего А. Степанова...
служить им рейтарскую службу»
(дворяне, которые более 20–25 лет на службе)

№ п/п	фамилии	доспехи из казны		сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия	
		«шишак»	«латы»		из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «коше»			
									огнестрельное/пищаль	холодное/сабля	без оружия	с оружием (бердыш)		
94	Юрасов И.И.	-1	-1	1	2–1		-1	1						3
95	Колюпанов Я.А.	-1	-1	1	1	1	1	1						4
96	Насакин Р.В.			1	-2	1	-1	1				1	4	4
97	Алашеев П.И.			1				1			+			2
итого		-2	-2	4	5–3	2	3–2	3			1	1	13	

Таблица 6Ю «Старых наборов рейтары, а поместными и денежными окладами они не верстаны»

№ п/п	фамилии	доспехи из казны		сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия
		«шишак»	«латы»		из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «коше»		
									огнестрельное/пищаль	холодное/сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
98	Сыропятков М.Г.	-1	-1	1	-2	1	2–1				+		3
99	Горылев А.Г.	-1	-1	1	2		1						4
100	Любовцов М.П.	-2	-2	1	-2	2	-1	1					4
101	Полумордвинов А.П.			1				1					2
102	Ананьин И.С.			1		2						1	4
103 А	Загарин К.Ф.			1		2		1				1	5
103 Б	Загарин А.Ф.			1		1		1				1	4
104 А	Мартынов П.И.			1	2				1		+		4
104 Б	Мартынов М.Ф.			1			1				+		2
итого		-4	-4	9	8–4	8	5–2	4		1	3	3	32

Таблица 7. «Рейтары,.. дворяне и дети боярские, служить им велено по разбору для безлюдства pogodно»

п/п	фамилии	сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия	
			из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «кошу»			
							огнестрельное/пищальное/холодное/сабля		без оружия	с оружием (бердыш)		
105 А	Жулебин Л.Ф.	1				1						2
105 Б	Жулебин Е.Г.	1		1						+		2
106	Полумордвинов Т.В.			2	1							3
107	Полумордвинов Ф.В.			2	1							3
108	Жуков П.Г.	1		1	1							3
109	Сыропятов Н.Я.											нет данных
110	Сыропятов Е.Я.			2	1							3
111	Тенютин Ф.Б.	1			1							2
112 А	Пенков Г.С.	1			1							2
112 Б	Пенков Б.С.	1	2									3
итого		6	2	8	6	1				1		23

Таблица 8. «Рейтары неверстанные, дворяне и дети боярские, служить им велено по разбору для безлюдства pogodно»

№ п/п	фамилии	сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия	
			из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «кошу»			
							огнестрельное/пищальное/холодное/сабля		без оружия	с оружием (бердыш)		
113	Гольцов З.С.	1	2							+		3
114	Ховрин Г.А.	1				1						2
115 А	Юрасов А.Е.		1			1						2
115 Б	Юрасов И.Е.	1	2			1						4
116	Пахомов А.И.					1						1
117	Корчагин Т.И.	1				1						2
118 А	Маматов Савелий Л.	1		1								2
118 Б	Маматов Степан Л.	1				1						2

119	Зубарев В.С.	1	2-1		1					3
120	Кочергин Ф.Л.	1			1					2
121 А	Юрасов И.Ю.	1		2		1				4
121 Б	Юрасов М.Ю.	1			1					2
121 В	Юрасов К.Ю.	1			1				+	2
122	Скрябин И.А.		2		1					3
123	Маматов А.С.			2	1					3
124	Любовцов А.П.	1	2			1				4
итоги		12	11-1	5	12	2			2	41

Таблица 9. «Дворяне и дети боярские объявились сверх списку, вновь и по разбору воеводы П. П. Языкова да подъячего А. Степанова написаны по окладчиковым сказкам в рейтары»

№ п/п	фамилии	доспехи из казны		сабля	пистолет		карабин		боевые холопы				Всего единиц оружия	
		«ши шак»	«латы»		из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «коше»			
									огнестрельное/пищаль	холодное/сабля	без оружия	с оружием (бердыш)		
125	Богатырев С.Н.	-1	-1	1	-2	1	2-1							3
126	Степанов Т.С.			1		1						1		3
127	Пилюгин П.П.			1		1						1		3
128	Кочергин В. Л.			1			1							2
129	Грязнов М.Д.			1			1							2
130	Зенин В.Ф.			1				1						2
131	Внуков Н.Н.			1								1		2
132	Исаков Ф.Ф.			1		2		1						4
133	Демьянов И.П.			1		1					+			2
		-1	-1	9	-2	6	4-1	2			1	3		23

Таблица 10. «Иноземец, шляхтич»

№ п/п	фамилии	саадак	сабля	пистолет		карабин		Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	
134	Вороблевский И.И.	1	1		1			3

«А на службе великого государя для разорения от воинских людей калмык, по разбору воеводы П. П. Языкова быть не велено» [стб. 322–323].

Таблица 11. «Атемарцы, рейтары, у разбору не были»,
которые «на службе... в Киеве»

№ п/п	фамилии	Вооружение
135	Загарин Г.Т.	нет данных «Окладчики... сказали про них, что они на службе великого государя в Киеве» [стб. 323].
136	Загарин Ф.Т.	
137	Загарин А.Т.	
138	Загарин Е.Ф.	
139	Резов С.А.	
140	Смолков Ф.А.	

Таблица 12. «Атемарцы, рейтары, у разбору не были»

№ п/п	фамилии	доспехи из казны		сабля	пистолет		карабин		Всего единиц оружия
		«шишак»	«латы»		из казны	личный	из казны	личный	
141	Мордвинцов А.И.	-1	-1	1	-2			1	2
142	Пуской П.Н.			1	-2			-1	1
143	Порозов С.П.	-1	-1	1	-2	1	-1		2
итого		-2	-2	3	-6	1	-2	2	6

Таблица 13. «Рейтары мурзы и татаровя, по разбору воеводу
П. П. Языкова да подъячего А. Степанова и по окладчиковым сказкам,
велено им служить рейтарскую службу»

№ п/п	фамилии	доспехи из казны		сабля	пистолет		карабин		Всего единиц оружия
		«шишак»	«латы»		из казны	личный	из казны	личный	
144	Уразгильдеев Кулмай	-1	-1	1	2-1		1		3
145	Емешев Токтар		-1	1	2		1		4
146	Делеев Алкай	-1	-1	1	1		1		3
147	Семаев мурза Баймаш			1	2			-1	
148	Токбулатов Акбулат			1	2		1		4
149	Сюнчалеев Ишмамат			1	2-1		1		3
150	Тлевлеев мурза Уразкай	-1	-1	1	1	1	1		4
173	Томин Дмитрий			1	-2			1	

151	Кошелев Микула			1	1		1		3
152	Баймаметев Тлевлей		-1	1	1		-1		2
153	Акбулатов Ертуган		-1	1	-2		1		2
154	Семаев Ишкai			1	2		1		4
155	Битудин Бибулат	-1	-1	1	1		1		3
156	Досаев Кортлай			1	1		1		3
157	Енбулатов Акутуган		-1	1	2-1		-1		2
158	Ишеев Богдан	-1	-1	1	-2		-1		1
159	Ялтудин Айбулат		-1	1	2		1		4
160	Тимофеев Савелий		-1	1			1		2
161	Кульсеитов Козей			1	-2		1		2
162	Кутломамет Зубарев			1			1		2
180	Токташев Толубай	-1	-1	1	-2		-1		1
163	Байбулатов Уразай			1		2	-1	1	4
164	Тешев Агилдя			1	1		1		3
165	Аюкаев Мартын			1			1		2
166	Демекеев Келмеш			1			1		2
167	Ураскаев Уразмамет			1	-2	2	1		4
168	Булатов Алкатон	-1	-1	1	-1	1	-1		2
169	Миняшев Тлевлей			1	1		1		3
170	Алмаматов мурза Акмамат			1	-2		1		2
171	Салбаев Козей			1					1
172	Исянгилдин Дмитрий		-1	1 саа- дак	-2		-1		2
174	Балашев мурза Невер			1	-2		1		2
175	Баймашев Килмаш			1			1		2
176	Таишев Лукьян			1	2-1		1		3
177	Байбулатов Алмакай			1	-2		1		2
178	Ишмакаев мурза Уразмамет			1	-1		1		2
179	Сюнбаев Исая			1			1		2
181	Байков Токбулат			1			1		2
182	Байков Айдыр			1	2		1		4
183 А	Яваев Албай								нет данных
183 Б	Исянгилдин Сюняш								
184 В	Акбулатов Ишелей								
184	Яваев Албай			1	2		1		
185	Исянгилдин Сюняш			1	-2		1		2
186	Акбулаев Ишелей			1	-2		1		2
итого		-7	-14	42+1	55-29	6	41-8	1	109

Источники и литература

1. Сторожев В. Н. Состав нижегородского дворянства по десятиям XVII в. / В. Н. Сторожев // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. I, вып. 9. Нижний Новгород, 1890, С. 495, 496.

2. Мигунов Ю. В. История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда): автореф. дисс. канд. ист. наук / Ю. В. Мигунов. Нижний Новгород, 2001. С. 19.

3. Десятни Пензенского края 1669–1696 / под ред. А. Барсукова. СПб.: Синодальная типография, 1897. 472 стб.

4. Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук / О. А. Курбатов. М., 2003. 262 с.

5. Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича / изд. Археографической комиссии. СПб., 1859. 260 с.

6. Царская грамота в Кадом от 1 апреля 1681 года // Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. II. МНИИЯЛИ. Саранск, 1940. С. 46–47.

РАЗДЕЛ 4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бушueva Л. А.

Высшие учебные заведения в пространстве города Казани первых лет советской власти

Высшие учебные заведения играли большую роль в организации пространства города Казани. В первой половине XIX в. значительную часть городского центра занял комплекс Казанского университета. В конце XIX – начале XX в. университетское пространство расширилось, а также шло интенсивное строительство зданий и для других учебных заведений. В это время профессора и преподаватели добились строительства крупного больничного комплекса, который появился на Арском поле и получил название «Новые университетские клиники». Здесь же было построено первое студенческое общежитие. На Большой Красной в 1900 г. появился Бактериологический институт благодаря усилиям профессора Н. Ф. Высоцкого. В 1896 г. собственным зданием обзавелся Ветеринарный институт, основанный еще в 1873 г. Оно располагалось также недалеко от Арского поля, на Сибирском тракте. В 1906 г. по инициативе университетских преподавателей возобновили работу Казанские высшие женские курсы [1, с. 209–273]. Также на Арском поле, в конце улицы Грузинской в 1910–1913 гг. для них было выстроено отдельное здание. Незадолго до Октябрьского переворота в Казани по инициативе преподавателей историко-филологического университета начал работу Северо-восточный археологический и этнографический институт. Своим зданием институт обзавестись не успел, а арендовал помещения в здании Коммерческого училища на улице Грузинской.

Как известно, первые попытки новой власти перестроить систему высшего образования начались в 1918 г. Осенью 1918 г. была отменена плата за обучение в вузах, сюда были допущены все желающие учиться старше 16-ти лет. Большевики также отменили дореволюционные ученые степени и звания профессоров и преподавателей. В стране в этот период чередой шли многочисленные съезды разных групп работников образования, на которых обсуждались различные проекты реорганизации высшей школы, и начался бум открытий новых институтов и университетов. На этой волне в Казани также появились новые высшие учебные заведения. В октябре 1918 г. преподаватели коммерческого училища, Виленского химико-технического (было

эвакуировано в Казань во время Первой мировой войны), соединенного промышленного училища, а также художественной школы выступили с инициативой о создании промышленного, экономического и художественного техникума. Уже через месяц новообразованному техникуму коллегия отдела вуз Наркомпроса РСФСР присвоила статус вуза. Так, в Казани появилось первое высшее техническое учебное заведение – Казанский политехнический институт [3, л. 13]. Почти сразу из политеха выделились Художественные мастерские, которые также считались высшим учебным заведением.

В это же время коллектив Казанского учительского института отреагировал на решение Первого Всероссийского съезда по просвещению (август 1918 г.) о преобразовании учительских институтов, которые до революции являлись средними учебными заведениями, в педагогические институты. В Казани таким образом появился педагогический институт. Осенью 1918 г. начались структурные перемены и в университете. По инициативе Казанского отдела земледелия и ряда преподавателей здесь появился лесной факультет.

Таким образом, большевики не мало способствовали и увеличению числа учащихся в вузах, и созданию новых институтов в городе. Однако в условиях гражданской войны и послереволюционной разрухи новая власть их практически не обеспечивала. Выделенных средств едва хватало на заработную плату и пайки преподавателям. Кроме того, что вузы лишились прежнего финансирования, так как плата за обучения была отменена, с введением декрета СНК 1917 г. об отмене частной собственности на городские недвижимости, они потеряли право единолично распоряжаться собственными помещениями. Так, если до революции 1917 г. на территорию университета без разрешения профессорского совета не имела право входить даже полиция, то в первые годы советской власти университет, как самое оснащенное помещениями учебное заведение города, коснулось уплотнение.

В главное здание университета в январе 1919 г. вселилась пролетарская школа общественных наук, оно же стало основным местом проведения заседаний советских учреждений, том числе таких крупных, как городской совет депутатов, губернский исполнительный комитет. По воспоминаниям члена ЦИК ТАССР М. Г. Рошала, эти собрания проходили в актовом зале и в других больших аудиториях при огромном количестве людей. Преподавателям и студентам университета пришлось потесниться и вводить вторую смену. На новом лесном факультете занятия начинались после обеда и шли до 10 вечера.

В наиболее выгодном положении из только что образованных институтов оказался политехнический институт. Он расположился в двух зданиях на улице Грузинской, находящихся недалеко друг от друга – в здании бывшего Промышленного училища (сейчас один из корпусов КНИТУ) и в здании

Коммерческого училища (ныне Сельскохозяйственный институт). В бывшем Промышленном училище находился архитектурный и механический факультет, а в Коммерческом училище – экономический и сельскохозяйственный факультеты.

Однако в 1919 г. политехнический институт также коснулось уплотнение. В здание бывшего Промышленного училища была устроена школа второй ступени, которая работала в первую смену. В связи с этим преподаватели политехнического института перенесли занятия на вечернее время. Весной 1919 г. началось наступление на Казанскую губернию войск адмирала Колчака, многим образовательным учреждениям пришлось приспособляться к военному положению. Как отмечал упомянутый М. Г. Рошаль, в этот период весь город работал на Запасную армию и жил ее нуждами. В бывшем Промышленном училище разместился Госпиталь № 233 санитарной части Запасной армии. Здание бывшего Коммерческого училища оставалось частично занятым Северо-восточным археологическим и этнографическим институтами. Его сотрудники арендовали помещения не только для занятий, здесь они хранили многочисленные материалы губернских и городских архивов, а также коллекции, которые им удалось спасти в первые после-революционные годы. В 1922 г. бывшее Коммерческое училище было изъято у политехнического института и передано Институту сельского хозяйства и лесоводства. В стесненных условиях КПИ просуществовал до 1924 г., когда было принято решение о его закрытии и реорганизации в индустриальный техникум [4, л. 1].

Свои проблемы с помещениями переживал другой казанский вуз – педагогический институт. Как упоминалось выше, он был создан осенью 1918 г. на базе Казанского учительского института. За ним осталось здание, расположенное на углу улицы Грузинской и улицы Жуковского. В середине 1919 г. Наркомпрос РСФСР начал перестройку системы высшего педагогического образования. Еще в августе 1918 г. Всероссийское совещание деятелей по подготовке преподавателей разработало проект реформирования учительских институтов. Согласно этому проекту, все педагогические учебные заведения – учительские институты, семинарии планировалось преобразовать в Институты народного образования. Таким образом, власти намеревались ликвидировать среднее звено в педагогическом образовании. Об этом проекте вспомнили через год, в августе 1919 г. на Втором всероссийском съезде деятелей по подготовке учителей и приняли к исполнению. Институты народного образования имели сложную структуру. Они должны были состоять из 5 отделений – 1. Для подготовки дошкольных работников; 2. Для подготовки работников школ 1 ступени; 3. Подготовка работников для школ 2 ступени; 4. подготовка работников внешкольного образования; 5 – инструктора трудовых процессов.

Осенью 1919 г. казанский губернский отдел образования взялся за реализацию этого проекта. «Камерный» период существования педагогического института закончился. Вуз существенно расширился. Сюда перевели студентов нескольких учебных заведений Казани: Казанской инородческой учительской семинарии, Татарской учительской семинарии (так с 1917 г. стала называться Казанская татарская учительская школа), слушателей всех имеющихся в городе педагогических курсов, а также студенток Высших женских курсов. Согласно отчетам, количество учащихся в институте превысило 600 человек.

Наркомпрос РСФСР включил Институт народного образования в первую категорию вузов, что означало приоритетное финансирование со стороны центра и местных властей. Вузу передали здания Инородческой учительской семинарии за Кабаном, бывшей Татарской учительской школы (располагалась в Старо-татарской слободе, ныне на ул. Тукая). По-видимому, к педагогическому институту была присоединена и часть территории Кизического монастыря. Скорее всего именно там разместилось отделение по подготовки инструкторов трудовых процессов. По крайней мере в документах упоминается «кижицкая» семинария, в которой ранее располагалась колония для малолетних преступников [5, л. 145].

Таким образом, учебные помещения педагогического института оказались разбросанными по всему городу. Основным же учебным зданием стали бывшие Высшие женские курсы. Однако этих помещений было явно недостаточно, так как в переданных домах не было больших аудиторий, в которых было бы можно читать общие курсы. Руководству педагогического института приходилось просить предоставить для чтения общих курсов зал университета и помещения рабочего дворца.

К 1921 г. стало ясно, что необходимо восстанавливать в педагогическом образовании среднее звено, поскольку в Институтах народного образования обучались студенты с очень разным уровнем подготовки, далеко не все из них были готовы учиться в высшем учебном заведении. В этом году состоялось Всероссийское совещание по высшему педагогическому образованию. На нем было принято решение учителей для начальной школы готовить в педагогических техникумах, а в педагогических институтах – учителей для средней школы [2, с. 22]. В 1921 г. из состава педагогического института выделились четыре педагогических техникума, созданные на базе бывшей инородческой учительской семинарии, татарской учительской школы, земской школы для образования народных учительниц. За педагогическим институтом осталось здания Высших женских курсов.

Если Институт народного образования, организация которого была стимулирована властями, пользовался поддержкой Наркомпроса, то Северо-восточный археологический и этнографический институт, созданный по

инициативе местной научной интеллигенции, после 1918 г. окончательно утратил надежду на собственное здание, поскольку неоднократные обращения в органы городской власти не получили отклика. Он продолжал арендовать помещения бывшего Коммерческого училища, где не только проводились занятия, но и хранились архивные и музейные коллекции. В связи с тем, что большинство преподавателей Северо-восточного археологического и этнографического института являлись преподавателями университета, они договаривались с советом о проведении занятий в главном здании. В течение рабочего дня студентам и преподавателям института приходилось перемещаться с Воскресенской улицы (Чернышевского) на конец Грузинской (К. Маркса), из главного здания университета в здание бывшего Коммерческого училища.

После прекращения активной деятельности или ухода из жизни основателей института Н. В. Катанова, Н. М. Петровского и ряда других профессоров, его в свои руки попытались взять молодые казанские ученые М. Худяков, Г. Шараф, Б. Н. Вишнеvский. Они предложили преобразовать институт в Восточную академию и, судя по документам, добились передачи ей зданий бывшей учительской семинарии и галеевского училища (по-видимому, медресе «Мухаммадия»). В 1922 г. Восточная академия вошла в состав педагогического института.

Таким образом, перестройка высшей школы Казани на советский лад происходила без нового строительства. Вузы города пользовались зданиями, построенными до революции, особенно нещадно эксплуатировались помещения университета. В последующие годы (с середины 1920-х гг.) администрации вузов и власти Казани столкнулись с большим наплывом иногородних студентов, которых нужно было обеспечить жильем. В до-революционных зданиях начали также организовывать и студенческие общежития (Казанскому рабфаку была отдана бывшая гостиница «Франция» на улице Чернышевского, позднее здание духовной семинарии на этой же улице). Первые новые корпуса вузов появились в Казани только в 1930-е гг.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии. Казань, 1916.
2. *Васильев К. В.* Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918–1932 гг.) / К. В. Васильев. Воронеж, 1966.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 1.
4. ГА РТ. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 35.
5. ГА РТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 33.

Некрополь Казанского Спасо-Преображенского монастыря

Среди утраченных монастырских некрополей Казани (имеются ввиду – Свято-Троицкий, Иоанно-Предтеченский, Успенский Зилантов, Казанско-Богородицкий, Свято-Введенский Кизический), несомненно, выделялся некрополь Спасо-Преображенского монастыря.

«Не многие из тех, которые провели большую часть жизни в Москве, смотрят равнодушно на Донской монастырь: почти все приближаются к нему с умилением и слезами, ибо там главное кладбище дворянства и богатого купечества» [15, с. 293]. Так говорил некогда Н. М. Карамзин о кладбище Донского монастыря. То же самое можно было сказать и о некрополе Спасо-Преображенской обители. Казанцы не могли проходить без благоговения мимо этого уголка земли, где упокоились останки многих великих людей.

Правда, кладбище это было невелико и не богато изящными памятниками, но таинственная сень его была способна вызвать много дорогих воспоминаний и благоговейных чувств. Здесь представляли образы мирно почивших о Господе и архипастырей, и военачальников, и именитых купцов казанских, и скромных тружеников – монахов. А над всем этим господствовала мысль о том, что этот уголок земли был местом вечного упокоения великих угодников Божиих и первых просветителей казанского края – святителей Гурия и Варсонофия [17, с. 77].

Самой первой на погосте Спасского монастыря была могила св. Гурия Казанского, скончавшегося 4 декабря 1563 г. и погребенного перед алтарем Преображенского собора. Над могилой его вскоре же была сооружена боярином Иваном Елизаровичем Застолбским «каменная клеть» [17, с. 78]. В 1576 г. клеть эта приняла под свою сень нового великого подвижника веры Христовой св. Варсонофия († 11 апреля 1576).

В 1596 г., при перестройке деревянного собора в каменный, клеть, устроенную Застолбским, пришлось сломать. При этом последовало открытие мощей свв. Гурия и Варсонофия. Нетленные тела их оставлены были наверху, а для останков иноков Ионы и Нектария сооружена была пред алтарем каменная «пещерка», которая изнутри имела каменный свод. Снаружи дневной свет проникал через пять узких продолговатых оконцев, забранных железными решетками. Вход в неё был углублён в землю на четыре ступени [3, с. 18].

«Пещерка» не позже 1606 г. приняла останки благочестивого греческого архиепископа Епифания. На могиле его лежал камень со следующей надписью: «Апреля в 19-й день. На память преподобнаго отца нашего Иоанна

ветхия лавры. Преставися преосвященный Епифаний архиепископ святого града Иерусалима, монастыря святыя Голгофы, иже на краниеве месте...»¹⁶.

В 1614 г. здесь же был погребен митрополит казанский и свияжский Ефрем († 26 декабря 1613), ближайший помощник святого патриарха Ермогена в борьбе против Лжедмитрия II и польско-литовских интервентов. После мученической кончины патриарха Ермогена именно митрополиту Ефрему принадлежала вся полнота патриаршей власти. Он председательствовал на Освященном соборе, совершил 11 июля 1613 г. венчание на царствование первого из дома Романовых – Михаила Феодоровича, под Уложенной грамотой об избрании на царство Михаила Феодоровича первой стоит подпись именно митрополита Ефрема.

На могильной плите упокоившегося было выбито: «Лета 7122-го (1613 г.), месяца декемвриа в 26 день. Преставися рабь Божий Ефреъмь, по преименованию¹⁷ вторый митрополить Казанский и Свияжский» [3, с. 8].

14 мая 1915 г. в присутствии высоких духовных и светских лиц Казанской губернии Высокопреосвященного Иакова (Пятницкого), преосвященных Анатолия и Бориса, протоиерея Петропавловского собора Н. А. Воронцова, настоятеля Спасо-Преображенского монастыря, архимандрита Иоасафа, главного начальника Казанского военного округа генерала от инфантерии П. А. Гейсмана, казанского гражданского губернатора П. М. Боярского, и. д. губернского предводителя дворянства А. Н. Боратынского, казанского городского головы В. Д. Боронина состоялась торжественная закладка часовни над могилой митрополита Ефрема. Автором проекта был инженер-художник П. И. Абрамычев [2]¹⁸.

В фундамент часовни была заложена памятная доска со следующей надписью: «В лето от сотворения мира 7423-е, от Рождества Христова 1915-е Мая 14-го дня, при Державе Благочестивейшаго Самодержавнейшаго Великаго Государя Императора Николая Александровича Всея России, Супруги Его Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны, Наследника Его Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Алексея Николаевича, при Высокопреосвященнейшем Иакове

¹⁶ Как свидетельствует П. А. Воскресенский, место на камне с датой упокоения архиепископа Епифания отбито, но он считает, что погребение произошло не позднее 1606 г. [3, с. 8].

¹⁷ Имеется ввиду титул Свияжского, полученный Ефремом, вследствие открытия самостоятельной Астраханской епархии, входившей до того в состав Казанской, поэтому архипастыри, предшествовавшие Ефрему носили титул Казанских и Астраханских.

¹⁸ Поэтому вряд ли прав современный историк Русской православной церкви Александр Журавский, считающий, что часовня была возведена к 300-летию Дома Романовых в 1913 году. См.: [5, с. 619, 717].

Архиепископе Казанском и Свяязском, Главном Начальнике Казанского Военного округа, генерал от инфантерии – Платоне Александровиче Гейсман, Главнокончающему Казанской губернии камергеру Двора Его Императорского Величества Петре Михайловиче Боярском, настоятеле Архимандрите Иоасафе, заложена сия часовня в обители Боголепного Спасова Преображения, над местом вечного упокоения приснопамятного казанского Митрополита Ефрема, в честь и память его святого имени и в благодарное воспоминание о великом деле устроения им Русского Царства в смутную годину 1613 г. Сооружается часовня сия по проекту архитектора -художника Петра Ивановича Абрамычева».

Благодаря усилиям строительного комитета под председательством П. М. Боярского часовня уже в феврале 1916 г. была «вчерне закончена», и начался «кружечный сбор» средств на её внутреннюю отделку.

Однако революционные события 1917 г. и последовавшее за ними богоборческое лихолетье внесли в дело увековечения памяти святителя Ефрема свои разрушительные коррективы. К сожалению, автору не удалось пока проследить в деталях дальнейшую судьбу часовни-памятника, но то, что она оказалась трагической, очевидно, так как в советское время весь комплекс монастыря был разрушен.

В «пещерке» упокоились также настоятели святой обители архимандриты Сергей (1608–1613) и Еремей (1628–1629) [17, с. 129–130]. Надгробная плита архимандрита Сергия, как отмечает П. А. Воскресенский, ещё в конце XIX в. была цела [3, с. 18].

В «пещерке» был погребен и сын Застолбского Нестор, в иночестве Нектарий, а затем и сам Застолбский, нареченный в иночестве Ионою.

В 1706 г. в этой «пещерке» удостоился погребения греческий епископ Арсений. На надгробной плите его была следующая надпись, сделанная вязью: «Во имя Спасителя нашего Христа Бога. Успе, и погребень на семь месте, греческих странь, андружския епархии, пелопонскаго острова, епископъ Арсений, который жилъ прежде въ Москве 7201-го, и посемь жилъ въ Макарьеве пустыне, что близъ Свяязска, тутъ и преставись в лето 1706-го апреля въ 14 день, и погребень великимъ господиномъ преосвященнымъ Тихономъ митрополитомъ казанскимъ и свияжскимъ, апреля в 16 день, бяше же онъ за некая приключаяся обстояния отлучень святейшимъ Досифе-емъ патриархомъ иерусалимскимъ: по смерти же его, тогожь 706 лета, яко усердный, и ближний по евангельскому словеси другъ преосвященнейший архиерей Тихонъ толко тщание о разрешении положилъ, и по намерению своему чрезъ писание о разрешении его получилъ просимое отъ святейшаго патриарха константинопольскаго присланное, за подписаниемъ руки его, и при немъ одинадцать архиереев, въ писанное на греческомъ языке, и та

грамота положена с нимъ во гробъ, и ради ведения преведенный списокъ во архиерейской ризнице положень» [19, с. 36].

За какие-то прегрешения он был отлучен иерусалимским патриархом Досифеем и конец своей жизни провел в Макарьевской пустыни, что в двух верстах от Свяжска. Казанский митрополит Тихон III (1699–1724) за кротость, благочестивую жизнь и полное раскаяние возлюбил его и по смерти старца в 1706 г. похоронил его в «пещерке». Через русского резидента в Константинополе Петра Алексеевича Толстого он предпринял энергичные меры по исходотайствованию прощения от восточных патриархов. Уже после кончины патриарха Досифея (1707 г.), П. А. Толстой исхлопотал у патриарха Константинопольского Гавриила полную разрешительную грамоту, написанную на греческом языке вместе с переводом ее на славянский язык. Греческая грамота была положена Тихоном в гроб Арсения, а славянский перевод её оставлен на хранение в архиерейской ризнице [17, с. 79].

Над погребенными в «пещерке» были положены надгробные плиты с соответствующими каждому надписью, сделанными вязью.

В сентябре – октябре 1995 г. «пещерка» Спасо-Преображенского монастыря была вскрыта раскопками археологической экспедиции под руководством Ж. Р. Алфеевой. В процессе археологических раскопок были выявлены две целые и несколько разбитых надгробных плит. Это были известковые плиты со славянской вязью и рисунком (двойной круг с плавно расходящимися в разные стороны «дугами»), жгутовым орнаментом, розетками. Края плит были обработаны «зубчиками». Плиты были датированы концом XVI – серединой XVII века [4, приложение I].

По левую сторону от «пещерки» в 1740 г. в специально сооруженной часовне был похоронен ближайший родственник Кахетинского царя Теймураза князь Иван Егорович Багратион-Давидов (1693–12 ноября 1740)¹⁹, который проживал в Казани по велению Государыни императрицы Анны Иоанновны (1730–1740).

На надгробной плите, которая находилась в левой стороне часовни, имелась следующая надпись: «Стани зде, путниче, над гробом умилися; помня смерть – о усопшем помолися. Зде положено во гробе тело кахетинского царя Темуразы ближнего его сродника, князь Иоанн Егорович Багратион Давидов, который пожалован, указом блаженнейшей памяти Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны,

¹⁹ Под именем Багратионов-Давидовых подразумеваются потомки: 1) Царевича Имеретинского Давыда Багратовича; 2) сыновей царя Имеретинского Давыда: Вахтанга и Тариела и 3) потомков сына царя Соломона II, Давыда Соломоновича. См.: Долгоруков Пётр, князь [21, с. 8].

бысть в Казани, в Казани ж и преставися сего 1740 году, ноября 12 дня, и погребен на сем месте, а от рождения его было ему лет 47» [19, с. 37].

Пещерка и часовня пользовались среди казанцев глубоким почитанием. Песок, посыпаемый на гробницы, особо почитался среди учащихся города, которые видели в нём чудодейственную силу. Экзаменационные письменные работы, присыпаемые песком, обеспечивали удовлетворительную за неё отметку [6, с. 185].

В «пещерке» было обнаружено 12 погребений²⁰. Все они совершены по христианскому обряду – покоятся на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу, что связано, по всей вероятности, с неправильной ориентацией самого Спасо-Преображенского храма, алтарь которого ориентирован с некоторым отклонением к северу.

Вещей в погребениях не было, за исключением бронзового креста с распятием, поясной бронзовой пряжки, бронзовой пуговицы.

В заполнении могильных ям были встречены фрагменты керамики, слюда, железные гвозди, кусочки обожженной глины, угольки. Эти находки свидетельствуют, что до появления первых могил на этом месте существовало некое поселение, оставившее после себя небольшой культурный слой. По сохранившимся письменным источникам территория обители в XVI в. была меньше, нежели в более поздние времена. Там, где впоследствии возникнет монастырский некрополь, были расположены небольшие деревянные усадьбы русских служивых людей, поселившихся в Казани после присоединения Среднего Поволжья к России. Здесь также прослеживается небольшой пласт культурного слоя времени Казанского ханства, о чём свидетельствуют находки краснолощенной керамики, близкой по стилю к болгарской.

«Пещерка» была небольших размеров [3, с. 18]²¹, и поэтому захоронения были вынуждены «тесниться» в отведённом пространстве. Отдельные погребения поэтому были врезаны под цоколь здания. Погребения были в деревянных гробах, следы которых в виде тёмных полос древесного тлена удалось проследить археологам [4, л. 16].

Археологические раскопки осени 1995 г. «пещерки» Спасо-Преображенского монастыря позволили перенести останки святых мощей. Ныне в Петропавловском соборе почивают мощи преподобных Ионы и Некта-

²⁰ Особо отметим, что как Е. М. Лебедев, так и П. А. Воскресенский упоминают о семи захоронениях в «пещерке». Поэтому остаётся открытым вопрос об остальных пяти погребениях.

²¹ Летом 2004 г. нами произведены обмеры руинированных остатков пещерки и усыпальницы князя И. Е. Багратиона – Давидова. Внутренние размеры пещерки – 4,7 x 5,5 м и усыпальницы – 3,0 x 3,0 м. В настоящее время, ввиду разрушения, они уже не поддаются детальной идентификации.

рия Казанских чудотворцев, сподвижников свт. Гурия, которые находятся в верхнем храме (на солее с северной стороны). В нижнем храме на левом клиросе почивают мощи свт. Ефрема, а в алтаре – свт. Епифания, архиепископа Иерусалимского.

Мощи св. Гурия Казанского в сентябре 1918 г. были перенесены в Казанско-Богородицкий женский монастырь, в 1928 г. – в Петропавловский собор, а с 1939 г. почивают в церкви Ярославских Чудотворцев.

Мощи св. Варсонофия, находившиеся в фондах Государственного музея ТАССР, в начале 1970-х гг. были утеряны. Сохранилась лишь, изготовленная в 1884 г., позолоченная серебряная крышка раки святителя, размером 190 x 59 см (обмер произведен автором – А.Е.).

Осенью 2005 г. казанскими археологами под руководством А. Г. Ситдикова на территории бывшего монастырского некрополя был обнаружен целый ряд могильных камней захоронений конца XVI – начала XVII в. Погребения находились к востоку от алтаря бывшего Преображенского собора. Надпись на старославянском языке на одном из могильных камней была расшифрована по нашей просьбе московским профессором, доктором исторических наук Т. Д. Пановой и она гласит: «Лета 7133 (1624 г.), сентября 30 дня преставися раб Божий Гордей Афанасий Пальчиков».

Могильные плиты оказались под землей уже в конце XVIII в., ибо поверх их легла монастырская брусчатка. Поэтому в исследованиях казанских историков конца XIX в., в частности Е. М. Лебедева и П. А. Воскресенского, сведения об этих захоронениях отсутствуют.

Род дворян Пальчиковых особо проявился на Руси в Смутное время XVII в. Отец Гордея – Афанасий посылался в Польшу царем Борисом, чтобы изобличить во лжи расстригу, будущего Лжедмитрия I. Сам Гордей поддержал Василия Шуйского в его борьбе против Лжедмитрия II. В составе второго народного ополчения он собирал для него налоги. В 1614 г. как голова казанского стрелецкого приказа преследовал отступающего донского атамана Ивана Заруцкого и на р. Яик 25 июня захватил его и бывших с ним Марину Мнишек и её трехлетнего сына Ивана. Пленников привезли сначала в Астрахань, откуда немедленно отправили в Казань [16, с. 314], боясь казацкого мятежа. Заруцкого везли отдельно от Мнишек. Его сопровождало 230 стрельцов, а её – шестьсот вооруженных всадников.

Из Казани их отправили в Москву, где Заруцкого посадили на кол, сына Марины Ивашку повесили. Она прокляла род Романовых и была утоплена по одной из версий в пруду Новодевичьего монастыря.

За эти деяния Пальчиков был дарован от Романовых поместьем в починке Конбинском под Малмыжем. В дальнейшем (1645 г.) оно отошло к его младшему брату Ивану и племянникам [22, с. 26; 18, с. 132–133].

Отметим, что в феврале 1866 г. в церкви свв. Киприана и Иустинии был погребен настоятель обители Кирилл (Василий Наумов), епископ Мелитопольский. Преосвященный Кирилл родился в Калуге в 1823 г. По окончании курса в Петербургской Духовной академии со степенью магистра в 1847 г., принял монашество и был оставлен при академии бакалавром. В дальнейшем (1855) стал ординарным профессором по кафедре нравственного и пастырского богословия. С 1857 г. член русской духовной миссии в Иерусалиме. В 1863–1866 гг. настоятель Спасо-Преображенского монастыря [17, с. 149–153].

Вообще, до конца 60-х гг. XIX в. погребения на монастырском некрополе допускались лишь в исключительных случаях (иноков Спасского монастыря хоронили в основном на кладбище Кизического монастыря) [20, с. 16], но с этого времени стали разрешать погребения и частным лицам.

Выборка захоронений некрополя Спасо-Преображенского монастыря проведена нами по исследованию Н. Я. Агафонова «Казанский некрополь», по списку казанцев, погребенных на городских кладбищах за 1794–1894 гг., хранящемся ныне в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета [1, с. 58–113, л. 6–258].

Нами также использованы некрологи, помещенные на страницах казанских газет «Камско-Волжская Речь»²², «Казанский телеграф»²³, «Волжский вестник»²⁴, «Казанский биржевой листок»²⁵.

На монастырском некрополе упокоились именитые казанцы: священнослужители и профессора Казанской Духовной академии, купечество и военные, чиновники и деятели народного просвещения.

С 1863 по 1925 гг. нами выявлено 92 захоронения. В разрезе десятилетий они представлены в следующей таблице.

²² «Камско-Волжская Речь», общественно-политическая и литературная ежедневная газета. Издавалась с 1 октября 1908 по 14 декабря 1917 в Казани. Первый издатель и редактор А. Ф. Музовский, затем в разные годы Н. П. Гусев, К. Н. Тимофеев. См.: [23, с. 261].

²³ «Казанский телеграф», общественно-политическая, литературная и коммерческая ежедневная газета. Издавалась с 11 апреля 1893 по март 1917. Издатели и редактора А. Г. Ильяшенко, Н. А. Ильяшенко. См.: [23, с. 248].

²⁴ «Волжский вестник», общественно-политическая и литературная газета. Издавалась с 1884 по 3 июня 1904 и с 5 апреля 1905 по 26 октября 1906. Издатели и редактора в разные годы: Н. П. Загоскин, Н. В. и Л. П. Рейнгардты, В. М. Ключников. См.: [23, с. 119].

²⁵ «Казанский биржевой листок», общественно-политическая, литературная и коммерческая газета. Орган Казанской купеческой торговой биржи. Издавалась с 1869 по 1892 г. Редакторы в разные годы: А. И. Миропольский, Н. Я. Агафонов, Д. А. Соколовский, Н. А. Ильяшенко, С. А. Гисси. См.: [23, с. 243].

Захоронения на некрополе Казанского Спасо-Преображенского монастыря в 1863–1925 гг.

1863–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1916	1917–1925
4	5	32	13	17	13	8

После превращения Кремля с сентября 1918 г. Советской властью в закрытый военный городок погребения на погосте были практически прекращены. Нами выявлены пока самые поздние захоронения монастырского некрополя – профессоров Казанской Духовной академии П. В. Знаменского († 2 мая 1917) и Н. Ф. Катанова († 9 марта 1922), а также профессора-зоолога Казанского университета А. А. Остроумова († 1 февраля 1925). Монастырь функционировал до мая 1928 г. когда решением Казанского Совета Рабочих и крестьянских депутатов были закрыты все городские монастыри.

Кстати, в этом же 1925 г. состоялось, судя по архивным документам, исследованным ульяновским краеведом Скалой, последнее захоронение на территории еще действовавшего тогда Покровского мужского Симбирского монастыря – Каролины Карловны Метт (1854–1925), супруги известного в Симбирске врача С. Г. Метт.

На некрополе Спасо-Преображенского монастыря нашли свой последний приют священники – настоятели святой обители о. Климент (Можаров) († 20 сентября 1863), о. Кирилл († февраль 1866) и о. Варсонофий († 20 мая 1912), казначей святой обители, иеромонах Гермоген († 19 августа 1896), протоиереи Петропавловского собора Василий Андреевич Ложкин († 1 января 1870) и Владимирского собора Михаил Егорович Зайков († 1 февраля 1881); профессора Казанской Духовной академии Петр Васильевич Знаменский († 2 мая 1917) и Николай Федорович Катанов († 9 марта 1922), инспектор Казанской Духовной академии, действительный статский советник Николай Яковлевич Беляев († 22 сентября 1894); купцы – Афанасий Силантьевич Силантьев († 22 сентября 1877), Федор Егорович Постников († 27 июля 1881), Ефрем Андреевич Пермьяков († 21 февраля 1882), Николай Капитонович Ушков († 7 ноября 1882), Яков Капитонович Ушков († 5 июля 1902), Никита Егорович Чукашев († 6 декабря 1899), Елизавета Арсентьевна Чукашева (Подуруева) († 6 февраля 1900), Федор Федорович Жадин († 30 октября 1916); благотворительница Мария Ивановна Подуруева († 25 июля 1916); военные – командующий войсками Казанского военного округа, генерал от инфантерии Константин Романович Семякин († 4 февраля 1867), генерал от инфантерии Павел Николаевич Шатилов († 20 июня 1887), генерал-майор Павел Иванович Радзишевский († 3 марта 1894), начальник Казанского губернского жандармского управления,

полковник Николай Федорович Марк († 13 января 1899); чиновники – и. д. начальника губернии, казанский вице-губернатор, действительный статский советник Константин Никанорович Хитрово († 17 марта 1890) и деятели народного просвещения – попечители Казанского учебного округа Петр Дмитриевич Шестаков († 24 ноября 1889), Порфирий Николаевич Масленников († 3 мая 1890) и Николай Гаврилович Потапов († 13 ноября 1894), профессора Казанского университета, ректор Константин Васильевич Ворошилов († 3 декабря 1899), Матвей Фролович Болдырев († 27 декабря 1903), начальница Казанской Мариинской гимназии Анна Григорьевна Волкова († 3 марта 1875).

Особо отметим благотворительную поддержку святой обители елабужскими купцами Ушковыми и Стахеевыми, а также захоронения братьев Ушковых.

7 ноября 1882 г. на 39-м году жизни умер Николай Капитонович Ушков (1844–1882) – младший брат Петра Капитоновича (1828–1898), владельца Бондюжского и Кокшанского химических заводов, учредителя «Товарищества химических заводов П. К. Ушкова» [7, с. 192–194]²⁶.

5 июля 1902 г. упокоился Яков Капитонович Ушков (1842–1902), потомственный почётный гражданин Казани [12, некролог]. Примерно в 1905 г. умерла супруга Якова Капитоновича Мария Николаевна²⁷. Их могилы, как и остальных похороненных на монастырском некрополе, были уничтожены в 1920–1930-х гг.

3 апреля 1912 г. в возрасте 65 лет в Казани скончалась известная казанская и елабужская благотворительница Ольга Андриановна Стахеева, много жертвовавшая на сооружение и украшение храмов. На один только Спасо-Преображенский монастырь ею было пожертвовано до 60 тыс. руб. Немало она жертвовала на благотворительные и просветительные учреждения. В разных учебных заведениях Казани, Елабуги и других городов ею

²⁶ Пётр Капитонович Ушков скончался в Москве 24 января 1898 г. Заупокойная литургия и панихида были отслужены в Казанско-Богородицком женском монастыре 26 января 1898 г. См.: [8; 9]. Тело скончавшегося в Москве П. К. Ушкова прибыло в Казань по Московско-Казанской железной дороге в четверг, 29 января 1898 г., в 2,5 часа пополудни. См.: [10; 11], в 40-й день кончины П. К. Ушкова была отслужена панихида в Казанском монастыре. См.: [11].

С семьёй Ушковых связан один из архитектурных шедевров города, т. н. дом З. Н. Ушковой (ныне Кремлевская, 33). Племянник П. К. Ушкова Алексей Константинович (1879–1948) женится на дочери доктора медицины, хирурга, археолога, краеведа Николая Фёдоровича Высоцкого (1843–1922) Зинаиде и в качестве свадебного подарка дарит ей дворец, созданный архитектором и художником К. Л. Мюфке (1868–1933)

²⁷ Ссылка на семейное предание Татьяны Архиповны Серебрянной из рода Ушковых (записано 3 августа 2012 г. на встрече потомков именитых елабужан).

были учреждены именные стипендии. Похоронная процессия от её дома сопровождалась многочисленным количеством народа. Ольга Андриановна была отпета наместником Спасской обители о. архимандритом Варсонофием. Погребена рядом с мужем Иваном Григорьевичем Стахеевым (1837–1907) в семейном склепе на Троицком кладбище Елабуги [12, некролог]²⁸.

Именно Ольга Стахеева пригласила великого молитвенника Русской церкви, маститого старца – пастыря о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского совершить молебен в своём имении «Святой Ключ» 1–2 июля 1908 г., привезя его на своём пароходе «Талантъ» из Ярославля [24, с. 695–696].

Пробыл досточтимый Батюшка – молитвенник земли Русской на «Св. Ключе» два дня, многих удостоил причастить св. Христовых Тайн, всех благословил, о всех помолился. Своим посещением и молитвенным служением глубокий старец Божий, «сильно больной» (по его собственным словам) произвёл глубокое впечатление на всех, удостоившихся видеть его. Радостное чувство молитвенного восторга передавалось всем молившимся с ним и надолго останется в сердцах их».

Некрополь Спасо-Преображенского монастыря ждёт своего пытливого исследователя.

На погосте Кизического Свято-Введенского мужского монастыря упокоился Илья Федорович Яковкин (12 июля 1764–26 марта 1836), директор Первой Казанской мужской гимназии (1804–1819). Одновременно в 1805–1819 гг. в Казанском университете, профессор-директор (1805–1814). Автор учебников по русской и всеобщей истории [23, с. 682]²⁹.

На его надгробии была начертана глубокая по мысли и содержанию эпитафия, обращенная к последующим поколениям:

«О, вы, которые в молитвах и слезах теснились вокруг
моей страдальческой постели,
которые меня в борьбе с недугом зрели...
О, дети! О, друзья! На мой спокойный прах
придите усладить разлуку утешеньем» [20, с. 12].

²⁸ В 1930-е годы Троицкое кладбище, на котором были захоронены целые династии Стахеевых, Гирбасовых, Черновых, кавалерист-девица Надежда Дурова, расстрелянная в 27 февраля 1918 г. семья протоиерея о. Павла (Дернова), было разрушено.

²⁹ По уставу 1804 г. Казанский университет возглавлял Совет, ежегодно избиравший ректора. Однако в первые годы вместо должности ректора была введена должность профессора-директора, которую занимал И. Ф. Яковкин – учитель истории и географии, инспектор над классами Первой Казанской гимназии. Лишь в 1814 г., когда состоялось полное открытие университета, был избран первый ректор. Им стал профессор анатомии, физиологии и судебной врачебной науки Иван Осипович Браун. См.: [14, с. 118].

Потомки пришли и камня на камне не оставили от старинных монастырских кладбищ. «Мертвые сраму не имут», – говорит народная пословица. Позор за беспамятство падает на живых...

Наверное, среди многих причин того, что наше общество задыхается от нехватки духовности, – забвение очень важных составляющих нашей культуры. Мы обращаемся к наследию отдельных личностей и пренебрежительно относимся к местам их упокоения – тоже носителям культуры. Это вызывает ощущение неполноценности отечественного культурного потенциала, ибо каждая его часть должна органически входить в целое. Не менее печально и то, что мы продолжаем терять завещанное нам нашими предками. Неблагодарные наследники, мы равнодушнозираем на поругание могил предков, разрушение некогда полных жизни домов, одичание рукотворных ландшафтов. Вместе с ними уходит память, продолжает рваться связь времен. Мы до сих пор не можем остановиться в самоограблении.

Но, как сказано у Екклесиаста: «Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время терять и время искать и сберегать» (Еккл. 3;5,6). Ныне, по благословению Владыки Анастасия – Митрополита Казанского и Татарстанского, стараниями и трудами подвижников Христовой Веры возрождаются святые обители и духовная жизнь благочестивых прихожан.

Воспоминание о прошлом всегда поучительно. Мы вопрошаем и устремляемся в прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем. Но прошлое – это прежде всего люди. И вспоминать именитых людей минувшего времени – живая пища ума и тихая радость сердцу. Тем более вспоминать наших предков, жизнь посвятивших служению Богу, царю и отечеству, упокоившихся на старейших монастырских некрополях города. Ибо как сказано в Писании: «Аз есмь воскресение и живот; веруяй в Мя, аще и умрет, оживет. И всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки» (Ин.11.25–26.).

Источники и литература

1. Агафонов Н. Я. Казань и казанцы. Кн. I. Казань: Типография И. С. Пирова, 1906. ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 218. Л. 6–258.

2. Александров Н. А. Святитель Ефрем // Казанский телеграф. 1915. 14 мая.

3. Воскресенский П. А. Пещерка Спасо-Преображенского миссионерского монастыря и исторические сведения о погребенных в ней. Казань, 1899.

4. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль». Отчёт об археологических работах на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря 1995 г. Раскоп 8. Оп. 1. Д. 508/21.

5. Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М.: Сретенский монастырь, 2004.

6. Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань, 1895. Репринтное издание. ООО «ДОМО» Глобус, 2005.

7. Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. Т. II. Казань, 2001.

8. Казанский телеграф. 1898. 25 января.

9. Казанский телеграф. 1898. 26 января.

10. Казанский телеграф. 1898. 29 января.

11. Казанский телеграф. 1898. 3 марта.

12. Казанский телеграф. 1902. 6 июля.

13. Казанский телеграф. 1912. 5–7 апреля.

14. Казанский университет в биографиях ректоров // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. 1/2 (30/31).

15. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. М., 1829.

16. Козляков В. Н. Марина Мнишек. М.: Молодая гвардия, 2005. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Выпуск 935).

17. Лебедев Е. М. Спасский монастырь в Казани (историческое описание). Казань: Типо-литография императорского университета, 1895.

18. Липаков Е. В. Дворянство казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв.: формирование, состав, служба: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1990.

19. Любарский Платон. Сборник древностей казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств, старанием и трудами Спасоказанского Преображенского монастыря архимандрита Платона составленный, 1782 года. Казань: Университетская типография, 1868.

20. Никанор (Каменский). Кладбище Кизического монастыря. История его и описание. Казань: Типография Губернского Правления, 1892.

21. Российская родословная книга. Часть III. СПб, 1856.

22. Соловьев С. М. Соч.: в 18 книгах. Кн. V. Том. 9. М.: Мысль, 1990.

23. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999.

24. Уфимские епархиальные ведомости за 1908 год. Уфа: Губернская Типография, 1908.

Мухаметшин Д. Г., Мухаметшин И. Д.

Город Болгар (к 1100-летию первого упоминания города в письменных источниках)

Вопрос об образовании городов в Волжской Булгарии, в частности города Болгара, и времени их возникновения находится еще в стадии разработки. До сегодняшнего дня внимание ученых привлекали вопросы образования государственности у булгар, принятие волжскими булгарами ислама, возникновение у булгар поселений постоянного характера. Хотя они в какой-то мере раскрывают, и дополняют, но не заменяют вопрос формирования городов в Волжской Булгарии.

Учеными было выявлено два пути формирования городов Волжской Булгарии. Первый путь – это превращение сезонного или постоянного племенного центра в город. Здесь в возникновении населенного пункта основную роль играло этнополитическое и административное значение. Таким путем могли возникнуть Биляр – центр племени баранджар, Сувар – центр племени сувар, Нократ – центр серебряных булгар и др. Второй путь – развитие в города крупных портов и торговых центров, имеющих международное значение. К таковым относится Болгар [4, с. 17].

О времени возникновения городов также нет единого мнения. Большинство археологов и нумизматов скептически относятся к существованию городов в Волжской Булгарии ранее времени Ибн-Фадлана. Ими города подразумеваются как крупнейшие торгово-ремесленные центры. Наиболее полно этот вопрос освещен в монографии Ф. Ш. Хузина «Булгарский город в X – начале XIII вв.», где дается исчерпывающая характеристика основным городам Волжской Булгарии, в том числе городу Болгару [10].

О возникновении и развитии г. Болгара имеются многочисленные сведения различного характера: археологические, нумизматические, письменные и устные исторические народные предания.

Территория г. Болгара издревле была заселена людьми. Обнаруженные археологами материалы подтверждают наличие здесь поселений эпохи неолита, бронзы и раннего железа. Данные поселения занимали удобную в географическом отношении береговую полосу (коренную и луговую террасы) р. Волги. В пределах границ золотоордынского Болгара – от устья Малого Иерусалимского оврага до Ага-Базара – выявлено более 30 разновременных археологических памятников.

Появление укрепленного поселка на территории современного Болгара связано с именьковской культурой (IV–VII вв. н. э.). Поселок занимал мысовую часть «Коптелова бугра». Площадь его была небольшой. В дальнейшем он был занят булгарами и служил основой для будущего города.

По вопросу появления у болгар постоянных поселений в Среднем Поволжье среди ученых нет единого мнения. Как известно, первая волна переселения болгар на Среднюю Волгу связывается с распадом Великой Болгарии Кубрата (642 г.). По мнению Г. И. Матвеевой, Р. З. Багаутдинова, А. В. Богачева, С. Э. Зубова болгары-переселенцы второй половины VII – первой половины VIII в. оставили памятники новинковского типа [1, с. 152]. Памятники, относящиеся к этому периоду, на территории Болгара и его округи археологически не выявлены.

Вторая волна миграции, но уже с территории Хазарии, началась в середине VIII в. после официального принятия каганом Хазарии иудаизма в 730 г. и разгрома Мерваном хазар в 737 г. К этому периоду (вторая половина VIII – первая половина IX в.) относятся оставленные болгарамы Больше-тарханский, Кайбельский, Уреньский могильники. Все они расположены чуть южнее г. Болгара. По мнению Г. И. Матвеевой, в это время у болгар появляются как сезонные, так и постоянные поселения. Такое поселение появляется и на территории Болгара [5, с. 99]. По мнению В. Л. Янина, на всем протяжении восточной торговли с конца VIII до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Болгар. Об этом же говорит Ф. Ш. Хузин, что Болгар был главным образом торговым пунктом государства [10, с. 126].

Третья волна переселения болгар, также с территории Хазарии, произошла во второй половине IX в. На территории г. Болгара и его округи постоянные поселения третьей волны археологически так же не выявлены. Это, прежде всего, связано с неполной исследованностью данной территории. Археологические исследования Болгарского заповедника 2000–2003 гг. на данной территории выявили значительное количество новых памятников, в том числе, ранее неизвестные приозерные селища. Учитывая наличие в районе более 80 постоянных и большое количество сезонных водоемов, поиск в этом направлении может быть перспективным. [8, с. 128].

Археологически выявленные постоянные поселения на территории Болгарского городища, связаны с четвертой волной переселения, относящиеся концу IX – началу X в. Перекочевка была следствием мощного наступления печенегов на Хазарский каганат.

В Среднем Поволжье, как и на Каме, имелись хазарские и болгарские торговые фактории, существовавшие и ранее. Создание укрепленного поселения на высоком берегу Волги у слияния ее с Камой было обусловлено рядом объективных предпосылок. В первую очередь, это удобное расположение, которое позволяло контролировать значительную территорию. Возникновение торжища Ага-Базара послужило еще одним толчком к созданию здесь поселений. Наиболее удобным местом для поселения

могло служить устье Малого Иерусалимского оврага из-за его близости к Волге, а также на центральном плато городища, где впоследствии были сооружены самые ранние укрепления X в., а затем оформился центр города. Такие поселения были найдены на раскопе П. Н. Старостина на правом берегу Малого Иерусалимского оврага, на небольшом останце.

Второе поселение домонгольского времени на северо-восточной окраине Болгара зафиксировано на левом берегу Малого Иерусалимского оврага. Оно было открыто в 1996 г. и исследовалось позднее. В результате работ выявлены остатки шести жилищ. Основную часть вещевого материала с данного поселения составляет керамика. Она представлена обломками красного, коричневого, желтого, серого и бурового цветов. Обнаружен кувшин желто-красного цвета с расширением в нижней части тулова

Дата материалов из данного поселения может быть определена – по аналогиям и находкам пяти куфических серебряных монет – первой трети X в. Материалы поселения близки материалам второй половины X в. с Танкеевского могильника, расположенного в 15 км от городища. Рассматриваемое поселение, было составной частью раннего Болгара, центром которого являлась цитадель, устроенная на мысу между коренным берегом Волги и Большим Иерусалимским оврагом.

Таким образом, археологические раскопки показывают, что наиболее ранние булгарские поселения на территории Болгара возникли на рубеже IX–X столетий.

В письменных источниках наиболее раннее упоминание о г. Болгаре имеется у Аль-Балхи (920–921 гг.). «Булгар – имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10000 человек. Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же расходятся по войлочным юртам» [3, с. 7].

Одновременно с Ал-Балхи, но независимо от него, сведения о булгарских городах дает Ал-Джайхани. «У них (булгар) два города, один из них называется Сувар, а другой Булгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов». Ученые считают, что Ал-Джайхани оставил свое сочинение до 922 г. [2, с. 37].

Через 10 лет, в 930–933 гг. о г. Болгаре пишет Ал-Истахри. Его сведения являются дальнейшей редакцией материалов Ал-Балхи.

В дальнейшем г. Болгар часто упоминается в восточных и русских летописях. Однако, о булгарских поселениях мы имеем и более ранние известия.

Так, Ибн-Русте, писавший свое сочинение не позднее 903–912 гг. говорит, что «большая часть их (булгар) исповедуют ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами». Это известие, прежде всего, касается г. Болгара. Хотя, собственно о городе говорится только у Ал-Балхи, можно с уверенностью сказать, что десятилетием раньше, то есть до 913 г. в Болгаре жили мусульмане, и там имелась Соборная мечеть и медресе [3, с. 8].

В этот период в Среднее Поволжье поступает значительное количество восточных монет. Считается, что булгары чеканили подражания саманидским дирхемам. Эти монеты-подражания обнаружены в многочисленных кладах г. Болгара и его округи. С округи Болгара, в пределах 20 км известен 21 клад монет X в., 6 из них происходит с территории самого городища [9, с. 241].

Начало болгарской чеканки монет нумизматы связывают с эмиром Волжской Булгарии Алмуш-ханом – Джафаром бин Абдаллахом. На основе приведенных на монетах имен халифа аль-Муктафи (892–907 гг.), эмира Саманида Исмаила бин Ахмада (892–907) С. А. Янина датирует данный тип монет 902–908 (289–295) гг.

Отдельные нумизматы выделяют еще монету отца Алмуш-хана Абдаллаха бин Текина. Предполагают, что Абдаллах мог получить свое имя при правлении халифа ал-Муктади (869–870) или его предшественнике аль-Мутазе (866–869), носящие лакаб «Абдаллах».

К периоду правления эмира Алмуша относится другой тип монет с формулой «ал-амир ал-Бармал». Они чеканены до приезда Ибн-Фадлана между 908–922 гг. А. Г. Мухамадиев считает возможным чтение «ал-амир Билярмал», то есть деньги амира Биляра [6, с. 114].

Подражание саманидского эмира Насра бин Ахмеда с местом обозначения Сувар или Сагар считается наиболее удачным подражанием, чеканенным булгарами. Время их чеканки относится к 913/914 (301) г. Штемпель для чеканки подражаний с именем Насра был обнаружен в Казанской губернии.

К одним из ранних типов монет Волжской Булгарии относится монета преемника Джафара бин Абдаллаха Мемектая, чеканенная в 921 (309) г.

Монеты Микаила бин Джафара и следующих преемников Алмуш-хана в музейных коллекциях представлены в значительном количестве.

Нумизматические материалы показывают, что в середине первого десятилетия X в. болгарский монетный двор, в том числе за счет включения в денежное обращение подражаний, переходит на качественно новый уровень чеканки монет. Это можно увязывать с организацией постоянно действующего монетного двора на территории Болгарского городища.

На основании источников Ш. Марджани, Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков и другие составили список болгарских ханов. Приводим начальную часть списка ханов, правивших после Кубрат хана.

Кубрат – царь единой Болгарии, жил в 605–665 гг. Туки – старший сын Кубрата, умер в 630 г. Айдар – сын Туки. Правил до конца VII в. в течение 50 лет. При нем булгары приняли ислам. Зубаир хан правил во второй половине VIII в. Он вел военные действия против Константинополя в 779 г. Мухаммад Амин правил в конце VIII – начале IX в. Шилки (Абдаллах бин Текин) правил во второй половине IX в., чеканил монеты в Болгаре. Алмуш (Джафар бин Абдаллах) сын Шилки – эмир Волжской Болгарии. При его правлении в 922 г. волжские булгары официально приняли ислам. Он чеканил монеты в Болгаре. Ахмад – сын Алмуша. Он совершил хадж в Мекку. Хасан – сын Алмуша. Он в 921 г. в качестве посланника отца совершил поездку в Багдад. Микаил – сын Алмуша. При нем впервые на монетах появляется имя г. Болгара в форме «мадинатал-Болгар». Наср – сын Ахмада, чеканил монеты в 949–959 гг. Муэмин I – третий сын Ахмада, чеканил монеты в Суваре. Муэмин II – сын Хасана, чеканил монеты в Болгаре. Абдурахман бин Муэмин – последний болгарский эмир по монетным данным (по Молчанову), чеканил монеты в Суваре.

Название г. Болгара упоминается и на эпиграфических памятниках золотоордынского времени. На 19 памятниках мемориальной эпиграфики выявлена нисба «Болгари», из них 14 с Болгарского городища. На отдельных памятниках – Болгары №№ 1, 51, 104 данная нисба относится к четвертому поколению погребенных. Если учитывать средний возраст одного поколения в 25–30 лет, то выходит, что владелец нисбы «Болгари» жил в городе в 1170–1190 гг. Поскольку другие этно-топонимы передаются в сочетании с именем существительным или прилагательным – Биляр-иле, Сувар-иле, мухшу ал-мумнин, то в «Болгаре» эпитафий подразумевается именно г. Болгар [7, с. 43].

На материалах эпиграфики второй половины XIII – первой половины XIV в. нашла отражение и более ранняя информация, относящаяся к XII в. – периоду формирования новой этноязыковой общности Волжской Булгарии, в том числе в г. Болгаре.

Таким образом, ранняя история Болгара нашла отражение в различных источниках – археологических, нумизматических, письменных, народных преданиях. Вышеприведенные данные позволяют видеть в Болгаре крупный политико-административный, торгово-ремесленный, культурный центр Среднего Поволжья. Источники подтверждают значительную роль округа Болгара с VII в. Дальнейшее развитие эта территория получает с приходом булгар на Среднюю Волгу, особенно на рубеже IX–X вв. К 920 г. Болгар представляется городом, чеканившим монеты, имеющим мечеть, торговую пристань, административным центром, сыгравшим в дальнейшем большую роль в истории Волжской Болгарии и Золотой Орды.

Источники и литература

1. Багаутдинов Р. С. Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья) / Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов. Самара, 1998. 286 с.
2. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы севера, печенеги, русы, славяне / Б. Н. Заходер. М.: Наука, 1967. 212 с.
3. История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937. 503 с.
4. Ефимова А. М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии / отв. ред. А. П. Смирнов. Казань, 1957. 18 с.
5. Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке / отв. ред. В. Б. Ковалевская. Самара: Изд-во Самарский ун-т, 1997. 225 с.
6. Мухамадиев А. Г. Древние монеты Поволжья / А. Г. Мухамадиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 164 с.
7. Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Д. Г. Мухаметшин. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с. (Археология евразийских степей. Вып. 6).
8. Мухаметшин Д. Г. Спасский район в памятниках археологии / Д. Г. Мухаметшин // Материалы II-й научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2016. С. 118–160.
9. Мухаметшин Д. Г. Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения / Д. Г. Мухаметшин // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 240–251.
10. Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

История Казанского Кремля в работах казанских историков и краеведов первой половины XIX в. К вопросу об источниках

Начальный этап научных исследований истории нашего города и, собственно, развития науки в Казани, предшествовавший открытию университета, определившего место Казани как университетского города, научного центра, занял без малого, век. В своей монографии А. Г. Ситдииков дает периодизацию истории изучения Казанского Кремля, разделяя ее на четыре этапа. И первый, самый протяженный – от создания «Казанской истории» в середине XVI в. до становления советской историографической и археологической традиции 1920-х гг. [6, с. 8]. Принимая эту периодизацию, нельзя не отметить, что весь этот пространственный период вмещает в себя значительное число исследовательских работ, публикаций и введения в научный оборот разнообразных источников.

И хотя мой доклад посвящен как раз позапрошлому столетию, не могу не остановиться на важных, по моему мнению, работах предшествующей эпохи.

Еще первыми экспедициями Академии наук были сделаны шаги по научному, в понимании той эпохи, описанию края. Созданные тогда чертежи, рисунки и планы, собранные разнотипные источники легли в основу дальнейших исследований. В самом конце столетия наметились и группы, типы исследователей, получившие развитие в XIX в. – представители науки в лице сотрудников гимназии, казанское духовенство, в первую очередь связанное с семинарией и «заинтересованная общественность» – широкий круг любителей древностей, далеко не обязательно имевших специальное образование и состоящие на различной службе.

Уже М. И. Веревкин, первый директор открытой в 1758 г. Казанской гимназии, по поручению попечителя округа отправляет гимназиста Г. Р. Державина, в Болгары для фиксации руин и сбора эпиграфических, нумизматических и других памятников.

А вот следующий директор гимназии (с 1764 по 1781 г.) Юлий фон Каниц, работавший, в частности, над описанием библиотеки митрополита Вениамина, составил план Казани середины шестнадцатого века и «Краткое изъяснение» (1778) к нему. Пытаясь определить расположение посадских стен и башен Казанской крепости в середине XVI в., он связал их с маршрутом традиционного городского крестного хода – встречи Смоленской (Седмиозерной) иконы Богородицы [5, с. 34].

Изыскания фон Каница, увидевшие свет только в 1833 г., затем несколько раз переиздавались, несмотря на неоднократную критику.

Более того, с конца XVIII в. можно вести отсчет истории изучения Казани и ее крепости в самом Казанском Кремле. Архимандрит старейшего монастыря города и ректор казанской семинарии Платон (Любарский) написал первую специальную работу по истории возглавляемого им Спасо-Преображенского монастыря и составляет, опять же первым, перечень всех правящих казанских архиереев, сопроводив его краткими характеристиками. В своем труде по истории Спасо-Преображенского монастыря в Казанском Кремле, архимандрит Платон активно использует архивные документы, прежде всего акты о привилегиях и пожалованиях и эпиграфику монастырского некрополя.

Давно отмечено специалистами, что первые знаковые труды по истории Казани, созданные на заре истории университета, принадлежали перу тех, кто вовсе не трудился на кафедре российской истории. Самый яркий пример – «Краткая история города Казани» знаменитого подвижника, врача и профессора естественной истории и ботаники Казанского университета Карла Федоровича Фукса (1776–1846), завершенная уже через 12 лет после прибытия автора в Казань. Фрагменты этой своей работы Фукс помещает на страницах «Камских известий». И в том же 1817 г. получает цензурное разрешение на издание книги, изданной, однако, из-за препятствования цензоров лишь спустя пять лет, в 1822 г. Более того, увидев свет, книга известной не стала вовсе и даже не поступила в продажу. Пройдет немало времени, когда в 1905 г. «Краткая история города Казани» была переиздана тщанием Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, обретя заслуженную славу и многочисленные переиздания [2, с. 9].

Используя – на уровне представлений о научном анализе текста, господствовавших в первой половине XIX в. – разнообразные нумизматические, эпиграфические и, что немаловажно, летописные, источники, Карл Фукс дает достаточно подробное в деталях, описание прежде всего политической истории средневековой Казани, вовсе не много внимания уделяя собственно Кремлю.

Поскольку труд Фукса был практически неизвестен современникам, первой по-настоящему популярной стала другая «Краткая история города Казани», изданная в 1834 г. [4] Ее автор, выпускник Казанской гимназии, а затем и университета, служивший там же адъюнктом на кафедре российской словесности Михаил Самсонович Рыбушкин (1792–1849) еще на рубеже 1820–1830-х гг. опубликовал ряд работ по истории города [2, с. 18].

Рыбушкин, один из издателей газеты «Казанский вестник» с 1823 г., с 1828 г. отвечал за неофициальную часть – «Прибавления». Один из первых казанских журналистов, Рыбушкин вдвоем с адъюнктом М. В. Полиновским

стоял у истоков частной периодической печати в нашем городе – в 1832–1834 гг. они издавали «Заволжский муравей», которому суждено было стать едва ли не лучшим российским провинциальным журналом той эпохи. Как раз из цикла статей в «Заволжском муравье» и родилась «Краткая история города Казани», выдержавшая второе издание в год смерти автора.

Следует отметить, что источники «Кратких историй...» М. С. Рыбушкина и К. Ф. Фукса серьезно отличаются. Рыбушкин, вводя в оборот массив статистических данных, материалы периодической печати, вообще не использовал как исторический источник древнерусские летописи. Структура его труда лаконична – первая книга посвящена истории Казани от первых упоминаний и легенд до второй половины XVIII в. – взятия Казани Пугачевым. А вторая книга содержит описание современной автору Казани первой половины XIX в., в том числе и Казанского Кремля, что делает ее саму важнейшим источником по истории Казани того времени.

Уже на заре существования казанской прессы пространные цитаты и фрагменты общерусских летописных текстов, «Казанского летописца» помещались на страницах «Казанского вестника». В контексте истории Казанского Кремля нельзя не отметить публикацию там в 1823 г. пересказа летописных сведений о «первом Казанском взятии...» [с. 141–149].

Спустя тридцать лет после того, как Карл Фукс завершил свою «Краткую историю города Казани», его коллега, врач порохового завода Н. К. Баженов издает свою «Историю города Казани», вводя в оборот значительное число, прежде всего, устных источников [5, с. 39–40].

В первой половине XIX в. ученые Казанского университета ввели в научный оборот внушительный объем эпиграфических, актовых и нумизматических источников. И в то же самое время, говоря об истории средневекового Кремля и всего города, исследователи все чаще обращались к летописным источникам, систематическое изучение и публикация которых только-только зарождались тогда в отечественной науке. О значении летописей и важности их изучения, в том числе и для местной истории писали первые профессора Казанского университета П. А. Цеплин и Ф. И. Эрдман, использовавший летописные источники фрагментарно, по выпискам и их буквальным переводам [2, с. 14].

Источники и литература

1. Баженов Н. Казанская история / Н. Баженов. Ч. 1. Казанское царство. Казань, 1847. 138 с.

2. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете / В. В. Астафьев, Д. М. Галиуллина, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. Казань: Изд-во Казанского университета, 2003 179 с.

3. Повесть о Казанском царстве, откуда начая // Казанский вестник. 1823. Ч. 9, кн. X. С. 101–108; Кн. XI. С. 141–149.
4. Рыбушкин М. Краткая история города Казани: в двух частях / М. Рыбушкин. Казань, 1834. Ч. 1.
5. Сидорова И. Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы) / И. Б. Сидорова. Ч. 1. Казань, 2014. 304 с.
6. Ситдииков А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование / А. Г. Ситдииков. Казань, 2006. 288 с.
7. Фукс К. Краткая история города Казани / К. Фукс. Казань, 1817.

Ворота городских стен Дербента как материальный, символический и функциональный смысл «места памяти»

Известный французский историк Пьер Нора в начале 1980-х гг. ввёл в научный оборот понятие мест памяти. При, казалось бы, очевидном и интуитивно понятном значении словосочетания «место памяти», Нора нигде не даёт чёткого определения этого явления, но при этом определяет три смысла мест памяти: материальный, символический и функциональный, каждый из которых присутствует в месте памяти одновременно, но в разном объеме [5, с. 40].

Попробуем определить, являются ли ворота городских стен Дербента местами памяти.

Сколько было городских ворот первоначально, установить трудно. С течением времени, в период длительных осад и кровопролитных штурмов одни ворота рушились, а затем вновь восстанавливались, теряя порою свой прежний вид, другие, утратившие свою роль и значение, закладывались, третьи – возводились. Поэтому у разных авторов встречаются сообщения о разном числе городских ворот.

Так, ат-Табари (IX в.) сообщает, что арабский полководец Маслама, захватив в VIII в. Дербент, велел восстановить разрушенные городские стены и устроить в них «...шесть окованных железом ворот». Местная историческая хроника «Дербенд-наме» уточняет эту информацию ат-Табари, сообщая, что Маслама установил трое железных ворот в южной городской стене, двое – в северной и одни в цитадели и называет их: Баб ал-Мухаджир (ныне Джарчи-капы – здесь и далее в скобках перевод названия и пояснения автора, И.С.), Баб ал-Джихад (ныне Кырхлар-капы), Баб ал-Алкама (ныне Нарын-кала-капы), Баб ал-Мактуб (ныне Баят-капы), Баб ал-Хомс (ныне разобранные Енги-капы), Баб ал-Каср (ныне разобранные ворота Даш-капы). По этому же источнику, «...сдьмье ворота – Баб Кучук (арабо-тюркское название, переводится как Малые ворота) открывались в сторону моря». В случае, если мусульмане посылали человека по поводу примирения, то они выводили его через Баб Кучук.

Другой автор IX в. Ибн А'сам ал-Куфи, повествуя о походе в Дербент Йазида ибн Усайда ас-Сулами в 145 г. хиджры (762/3 г.), сообщает, что «...достигнув города Баб ал-Абваба, он расположил здесь войска и привёл в порядок укрепления города и его ворота. Затем он приказал возвести ворота, и их построили в виде растений, тянущихся вдоль стены, которая доходила до горы, называемой ал-Кунак (дословно правительственное

здание. Видимо, название происходит от расположенной на ней цитадели Нарын-кала, где размещались правительственные учреждения). Первыми были ворота, которые именовались Камбах, затем шли ворота Баб ал-Бардана (Холодные ворота, Ворота стороны холода), затем – Баб ал-Хамид, затем – Баб ал-Хадид (Железные ворота), далее – Баб Ваф (Главные ворота), Баб ал-Расул ал-Сугра (Ворота послов малые), Баб ал-Расул ал-Кубра (Ворота послов большие), Баб Арса (Ворота якорные) и последние – Баб адарр Муса (Ворота щедрого Мусы)».

В «Дербент-наме» говорится, что Маслама-бен-Абдул-Малик (первая половина VIII в.) «возвел в городской ограде шестеро ворот, окованных железом», в том числе трое ворот в южной стене, двое в северной и одни в цитадели. Кроме того, как пишет автор «Дербент-наме», были еще небольшие ворота, обращенные в сторону моря; они служили на случай тайного прохода партии людей или животных.

Арабский историк и путешественник ал-Мукаддаси (X в.) сообщает, что в «...северной городской стене трое ворот: Баб ал-Кабир (араб. Большие ворота, идентифицируются с воротами Кырхлар-капы), Баб ал-Сагир (араб. Малые ворота, идентифицируются с воротами Даш-капы) и «...ещё одни ворота близ моря закрытые; они никогда не отворяются. И много есть ворот со стороны моря и со стороны исламских земель», то есть в южной городской стене.

В XV в. город имел семь ворот. Адам Олеарий, побывавший в Дербенте в 1638 г., увидел десять ворот (шесть в южной стене и четыре в северной), а турецкий путешественник Эвлия Челеби в 1647 г. – только шесть.

На планах города 1720 г. северная стена имеет четверо ворот, южная – шесть, двое ворот находятся в цитадели (кроме того, было четверо ворот в поперечных стенах – в каменных и деревянной). Прибывший сюда через два года вместе с Петром I Дмитрий Кантемир перечисляет одиннадцать ворот (западные ворота цитадели и по пять ворот на южной и северной городской стене).

А. И. Ахвердов в 1804 г. писал, что северная стена имеет «...двое окованных железом ворот, из коих главные... Кырхлар-капы, а вторые – Джарчи-капы. Кроме них есть еще одни, заложенные камнем». В южной стене он перечисляет: Хан-капы (Кала-капы), Баят-капы, Орта-капы, Енги-капы и еще «... четверо ворот, забитых и заделанных в трех поперечных стенах города, начиная от замка до последней стены к морю. Все ворота города без изъятия, кроме заваленных и закрытых, обиты с обеих сторон железными довольно толстыми досками и заклепаны железными гвоздями» [1, с. 218–219]. В 1811–1812 гг. был составлен и осуществлен проект ремонта шести городских ворот [6, с. 235].

В 1835 г. в восьми городских воротах были сделаны створчатые привороты из дуба, обитого с двух сторон железом [2, с. 190]. Ворота городских стен Дербента более наглядно, чем сами крепостные стены, отражали все изменения в истории города, в его планировочной структуре, в стилистических приемах архитектуры.

Таким образом, анализируя письменные источники и чертежи города, можно говорить о факте наличия ворот в городских стенах Дербента в различные исторические периоды.

Возьмем функциональный смысл понятия места памяти. Исходя из значения понятия, городские ворота – фортификационный элемент, получивший наибольшее распространение в период Средних веков. Традиционно городские ворота строились, чтобы предоставить точку контролируемого входа и выхода людей, транспорта, товаров и животных из обнесённого стеной города. Помимо этого, такие ворота обладали и рядом других функций. В зависимости от ситуаций и исторического контекста, городские ворота могли иметь оборонительную, защитную, торговую или иные функции. Ворота могут использоваться для ограничения доступа на определённую территорию, а могут быть чисто декоративным элементом. Городские ворота Дербента были не только частью оборонительной системы, но являлись одновременно и украшением фасада города, поэтому с архитектурно-художественной точки зрения из крепостных сооружений города именно ворота и представляют наибольший интерес.

Своим обликом они должны были говорить о мощи и богатстве Дербента. Поэтому ворота северной городской стены, обращенные в сторону неприятельских территорий и враждебно настроенных племён и народов, имеют тяжелые архитектурные формы, что придает им суровый вид. И наоборот, ворота южной городской стены имеют легкий, изящный, торжественный облик.

Ворота города сооружались или закладывались не только с учетом требований обороны, но и по соображениям экономики. Так, с учетом нужд транзитного пути, пролегающего через Дербент, каждому воротам северной стены соответствовали одни или двое ворот южной стены: Джарчи-капы – Баят-капы; Кырхлар-капы – Орга-капы и Енги-капы; Даш-капы – Губа-капы; Кийямат-капы – Дубара-капы. Особое значение для движения через город имели размещавшиеся в несохранившихся прибрежных участках стен приморские ворота, через которые шел транзитный караванный путь, и ворота в верхней части приморской равнины; здесь через ворота Кырхляр-капы один путь вел к несохранившимся воротам южной стены, а другой – через ворота в верхней поперечной стене (сейчас это вход на территорию Джума – мечети) к воротам Орга-капы.

В верхней части города от северных ворот Джарчи-капы можно было проехать на юг через ворота Баят-капы или через цитадель.

В начале XVIII в. каждая из четырех частей Дербента имела одни ворота с северной стороны и соответствующие им ворота с южной стороны, через которые и проходили основные дороги, идущие по Прикаспийскому проходу. Кроме того, вблизи поперечной деревянной стены в южной городской стене существуют ворота Дубары-капы, которые на многих планах начала XVIII в. показаны заложенными, а на наиболее ранних из этих планов открытыми.

Все части города и цитадель сообщались между собой через ворота в поперечных стенах. В цитадели ворота, ведущие к горам, расположены севернее начинавшейся здесь Горной стены, и если бы неприятель прорвался в верхнюю часть города, цитадель с юга могла оказаться отрезанной. Поэтому, учитывая эту опасность, в южной стене цитадели был устроен несохранившийся сейчас проход.

В конце XVIII в. в южной городской стене были устроены еще одни ворота (Кала-капы). Их появление было связано с превращением цитадели в дворцовый комплекс Фет-Али-хана, в результате чего транзитный путь через цитадель от ворот Джарчи-капы был закрыт, и потребовалось создание новых ворот вблизи крепости. В начале XIX в., когда русским гарнизоном проводились работы по укреплению Дербента, часть ворот была перестроена или отремонтирована.

Во второй половине XIX в., когда город вышел за пределы южной городской стены, и в ней на продолжение улиц были устроены проломы, ворота старались не разрушать и сохранить как исторические памятники.

Рассмотрим несколько городских ворот с функциональной точки зрения. Первые от цитадели ворота северной стены называются Джарчи-капы – ворота вестника: около них ханский вестник (джарчи) передавал приказания. Арабы называли их Баб-эль-Мухаджир (ворота эмигрантов или беглецов), русские – Водяными, так как через эти ворота защитники цитадели легче всего могли добраться до расположенного за воротами родника. Интересно, что на городской стене вблизи ворот сохранилась пехлевийская надпись «Вода...» сделанная, по мнению исследователей, во время строительства стены (VI в.). Возможно, эта надпись указывает на какие-то древние водоводы, проложенные в этом районе или на находящееся в городе, вблизи ворот, большое подземное водохранилище.

Расположенные на сложном переломе крепостной стены, Джарчи-капы воспринимаются с внешней стороны не просто как проход в стене, а как объемное сооружение, чтобы усилить мощь и силу для устрашения врагов. Особенно это впечатление усилилось, когда после реставрации над

проемом и над примыкающим к фасадной части ворот под прямым углом отрезком стены было восстановлено старое завершение в виде фигурных, стрельчатых по форме камней.

Ворота Кырхляр-капы в переводе с тюркского «ворота сорока». Это вторые ворота северной стены от цитадели и главные в военном отношении, так как справа от входа располагается огромная башня-бастион диаметром около 24 м, предназначенная для контроля в месте изгиба стены и подхода к воротам. Название ворот произошло от находящегося недалеко захоронения «кырхляр». Арабские авторы называют эти ворота Баб-аль-Кабир («Большие ворота») или Баб-аль-Джихад («Ворота священной войны»). Последнее название, видимо, связано с тем, что именно через эти ворота мусульманские войска уходили в походы против хазар. Русские авторы называют эти ворота «Кизлярскими», имея в виду дорогу в сторону русской крепости Кизляр.

Кырхляр-капы – древнейшие ворота Дербента, сохранившие в нижней части первоначальную кладку. Они были главными парадными воротами северной стороны города и имели наиболее богатое архитектурно-художественное оформление.

Наружный главный фасад представляет собой в настоящее время сложную композицию, состоящую из одновременных элементов. Внешний облик ворот по крепостному суров и в то же время утонченно элегантен. Прямоугольный проем, перекрытый мощной клинчатой перемычкой, консольно выпущенные капители (под которыми угадываются фланкировавшие когда-то проем колонки), стилизованный лев – страж ворот, орнаментальная вязь надписей, ритмический ряд кронштейнов и венчающие всю композицию стрельчатые зубцы с тремя машикулями – все эти элементы, которые, казалось бы, не связанные между собой стилистически, придают художественному облику ворот неповторимое своеобразие, в котором ощущаются исторические пласты, относящиеся к различным эпохам. Из всех сохранившихся старых ворот Дербента они имеют наименее четко выявленные границы фасада, собственно, ворот. Их фасад – это своеобразный архитектурно-художественный акцент на огромном по протяженности, однообразном внешнем фасаде прямого участка северной городской стены. И если общий фасад неприступной крепостной стены был как бы рассчитан на врага, то в художественном оформлении ворот ощущалось гостеприимство транзитного торгового города.

Ворота Кала-капы (VI–\$5IX вв.) (азерб. Ворота крепости) – первые ворота от цитадели на южной городской стене. В отличие от других ворот они ведут не в город, а непосредственно к входу в цитадель. Поэтому

существует еще одно название ворот – Хан-капы (азерб. Ханские ворота, Ворота, ведущие к хану).

Во второй половине XVIII в. дербентский хан Фет-Али сооружает в цитадели дворец и превращает ее в свою резиденцию, недоступную для жителей города. И, как следствие этого, явилось устройство в южной городской стене ворот, так называемых Кала-капы, которые давали возможность проезда через город со стороны ворот Джарчи-капы, минуя цитадель.

В 1920 г. ворота обрушились, и на их месте долгое время существовал пролом в стене. В 1960 г. они были восстановлены.

Ворота Баят-капы (VI в.) – вторые ворота южной стены. Согласно преданию, название ворот связано с тюркским племенем «баят» – 500 семейств, которых персидский шах Исмаил I (1501–1524 гг.) переселил с Ирана в район этих ворот. Общая композиция ворот создает образ сдержанного по формам, но все же в достаточной степени парадного входа.

Ворота Орта-капы (тюрк. Средние ворота) – третьи от цитадели Нарын-кала ворота южной стены. Красота, сказочная торжественность и изящество, отличающие Орта-капы от остальных ворот, говорят о том, что они были главным парадным въездом в город с юга. Ворота Орта-капы относятся к числу древнейших ворот в городе.

Наличие в проеме ворот и в башенных выступях кладок разных типов говорит о том, что эта часть городской стены с воротами неоднократно перестраивалась. Специалисты различают кладки XIV, XV и начала XIX вв., а кладку основания ворот идентифицируют с кладкой основания Кырхляр-капы и относят к VI–VIII вв. По своей стилистической характеристике декоративная стена ворот близка к азербайджанской архитектуре XIV–XV вв., когда город испытал сильное влияние Ширвана.

Ворота Дубары-капы – четвертые от цитадели Нарын-кала из сохранившихся ворот на южной городской стене. Они вели в нижнюю (вторую) часть города – Дубара (между двух стен). Несмотря на то, что архитектурная форма и кладка ворот очень напоминают ворота Орта-капы, они явно позднего происхождения. Специалисты датируют их XVI–XVII вв.

Со второй половины VIII в. происходило активное развитие приморского района межстенного пространства Дербента, что было связано с превращением города в крупнейший центр морской торговли и самый значительный порт на Каспийском море.

Двое ворот сохранились в цитадели. Одно из них, обращенные к городу, называются Нарын-кала-капы, другие – Западные ворота или Горские (Даг-капы).

Данные ворота, расположенные с западной стороны цитадели, служили для въезда вьючного транспорта на территорию цитадели и для внешних

связей правителей города. Через горные ворота в крепость под прикрытием горной стены «Даг-бары» могла придти помощь осаждённым защитникам. Поэтому эти ворота имели ещё одно название – Тайные ворота. В народе эти ворота называли ещё «Воротами Позора», так как в минуту опасности для себя правители города ходили через эти ворота, оставляя защитников одних против врага.

Ворота Дербента наглядно отражали изменения в планировочной структуре города. Менялась роль Дербента (пограничная крепость крупного государства, столица небольшого феодального владения, важный торговый центр Восточного Кавказа), перемещался его общественно-торговый центр и соответственно менялась роль и значение ворот. Одни из них становились главными, другие закладывались, а третьи создавались заново.

На протяжении веков Дербент имел различные названия, семантика которых сливалась в одно емкое определение – «ворота». И это не случайно, как мы увидели, отличительной особенностью города является многочисленность ворот, привлекающих внимание своим неповторимым восточным колоритом. Таким образом, в самой этимологии названия города слились воедино все три составляющие понятия «место памяти»: материальный, символический и функциональный смысл.

Источники и литература

1. Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 / А. И. Ахвердов // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. – М., 1958.
2. Козубский Е. И. История города Дербента. 1806–1906. Темир-Хан-Шура, 1906.
3. Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана / А. А. Кудрявцев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994.
4. Кудрявцев А. А. Древний Дербент / А. А. Кудрявцев. М., 1985.
5. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память. СПб.: Изда-во Санкт-Петербургского университета, 1999.
6. Хан-Магомедов С. О. Дербентская крепость и Даг-Бары / С. О. Хан-Магомедов. М., 2002.

Альфред Александрович Парланд – один из ярких представителей «русского стиля» в архитектуре

Альфред Александрович Парланд (1842–1919), будущий создатель самой известной петербургской церкви, построенной в «русском стиле», родился в разгар правления Николая I, способствовавшего возрождению интереса к национальному стилю в зодчестве, забытого со времён Петра I. Об этом впоследствии сам Парланд напишет так: «Вплоть до царствований Императора Николая I, русский стиль как бы существовал. Все церковные постройки воздвигались по образцам запада, представляя собою в большинстве случаев лишь копии, или подражания иноземной архитектуре» [2, с. 1].

Безусловно, Пётр I, формировавший новую империю и стремившийся преодолеть огромное отставание России от передовых стран Европы, задал последующим самодержцам направление возведения зданий Петербурга в отвечающих современности западных стилях (барокко, классицизм). Отрыв от допетровских построек очевиднее всего обнаруживался в культовых зданиях. При строительстве первых храмов Петербурга полностью отказывались от вековых традиций сооружений церквей: от архитектурного типового решения, закреплённого в крестово-купольном плане здания, до оформления в национальном стиле, проявляющегося как в элементах украшения экстерьера (закомарах, кокошниках, лопаток и пр.), так и в орнаментации стен. К примеру, шпили колоколен Петропавловского собора и первой каменной Исаакиевской церкви получили вместо традиционного завершения крыш (шатровое, луковичные главы) остроконечные шпили, наподобие голландских церквей.

В XVIII в. было только два исключения в петербургском культовом зодчестве: великолепная постройка Смольного монастыря (1748–1764) Бартоломео Растрелли и Исаакиевский собор Антонио Ринальди. Итальянские архитекторы, тщательно изучили опыт строительства национальных храмов до 1700-х гг., и создали здания, приближенные к этому стилю, вернувшись к устоявшемуся в русской православной традиции разрешению объёма с традиционным пятиглавием. Жаль, что любимому архитектору Екатерины I не удалось завершить постройку третьего по счёту Исаакиевского собора: если бы это свершилось, в Санкт-Петербурге появился бы непревзойдённый образец барочной церкви, возвращающий зрителя к традиционному крестово-купольному плану.

В конце 40-х гг. XIX в., тогда как юный Парланд получал домашнее образование, Константин Андреевич Тон (1794–1881) уже был известен

своими постройками в «русском стиле» и преподавал в главном художественном заведении страны. При этом к середине XIX в. сложилась ситуация, когда архитекторы одновременно изучали опыт русских церквей (московских, ярославских и пр.), совершая первые поездки по российским городам с целью обмеров, зарисовок и составления отчётов по древним храмам; и исследовали литературу об устройстве византийских храмов, так как уже сложилось чёткое понимание того, что Россия унаследовала средневековый собор от Византии. В результате этих одновременных процессов в постройках главного архитектора николаевской эпохи проявляется скорее не «русский стиль», а «русско-византийский».

Осознание важности изучения опыта допетровских церквей наряду с византийской традицией было закреплено в программе Императорской Академии художеств, предлагавшей своим выпускникам в качестве экзамена составить проект храма в русско-византийской манере. Так, Давид Иванович Grimm, другой основоположник «русского стиля» и учитель Парланда, оказавший на него безмерное влияние, удостоился по окончании учёбы в академии медали в 1848 г. за проект «соборной церкви в русском стиле московских церквей» [1, с. 81] и право на пенсию за границей за счёт казны с целью продолжения своего художественного образования.

Позже, в 1859 г. по поручению императрицы Grimm создаёт проект Владимирского собора «в чисто византийском стиле», предназначенный для строительства на месте обветшалого храма в Херсонесе. Проект великолепного собора обратит на себя внимание на выставке архитектурных чертежей в 1860 г., и Grimm произведут в профессора Академии и пригласят преподавать архитектурное дело в этом учреждении. К 1863 г., когда Альфред Парланд поступил на отделение архитектуры в Академию, Давид Grimm издаёт первый том своей уникальной книги «Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении». Grimm читает Парланду и его однокурсникам лекции по предмету «архитектура как наука», то есть по предмету пропорциональности архитектурных ордеров» [1, с. 82].

Но наряду с ознакомлением с богатым архитектурным опытом европейского зодчества преподаватели Академии (Роберт Андреевич Гёдике, Александр Иванович Кракау) постоянно предлагали ученикам изучать русскую и византийскую архитектурную традицию на примере культовых зданий, так как к моменту окончания Парландом обучения (к 1871 г.) непременным условием получения медали стало умение составлять проекты церквей в русско-византийском стиле. Сами преподаватели блестяще владели умением создавать пропорциональные здания в данных стилях. Так, Кракау в 1853 г. сам был удостоен звания профессора архитектуры за проект греко-русской церкви.

Перед Парландом на конкурсе за большую золотую медаль по архитектуре в 1871 г. будет поставлена такая же задача: сочинить «проект православной церкви о трёх приделах для кладбища» [5, с. 42]. Конкурсант создал великолепный проект огромного по своим размерам каменного храма с тремя приделами в византийском стиле, тщательно разрабатывая не только фасады, но и внутреннюю отделку здания (от рисунка пола до росписи стен). В тексте задания не говорилось прямо о стиле, в котором должна быть создана церковь. Возможно, что на решение разработать проект именно в византийском стиле могло отразиться влияние Гримма, который сам много проектировал церквей в этом стиле. Парланд победил в этом конкурсе и, как его учителя, стал также пенсионером Академии с правом продолжать образование за границей. Но сначала надо было пойти двухлетнюю строительную практику в России. Опыт создания крупного собора в византийском стиле и хорошие отношения с любимым педагогом помогут новоиспечённому архитектору получить первый большой заказ.

Давид Иванович Гримм в это время трудился над созданием проекта для часовни Иконы Божией Матери Рудненской в крупной обители под Санкт-Петербургом – Троице-Сергиевой пустыни. Гримм был осведомлён о планах настоятеля пустыни построить новый каменный собор, и посоветовал архимандриту Игнатию поручить эту задачу молодому зодчему. Поручившись за своего ученика, Гримм поспособствовал удачному началу карьеры Парланда. Альфред Парланд полностью оправдал ожидания учителя, не только разработав проект, но и лично курируя его воплощение. За четыре года (1872–1876) в обители был сооружён великолепный пятипрестольный собор Воскресения Христова в византийском стиле, украшенный мозаиками и витражами, о котором писали как о «прекрасном сооружении современной России» [6, с. 16]. Появление витража в православных церквях является неожиданной деталью оформления для русских церквей, но их использование в интерьере было обосновано доказанным к 70-м гг. XIX в. знанием о широком использовании византийскими мастерами картин из стёкол для украшения храмовых интерьеров.

Знакомя Парланда с архимандритом Игнатием, который в молодости увлекался искусством и посещал лекции Императорской Академии художеств, Гримм не мог предвидеть, насколько судьбоносной окажется эта встреча для его ученика. Когда в 1881 г. будет объявлен конкурс на лучший проект памятной церкви на месте трагической гибели императора Александра II, чертежи Альфреда Парланда, как и остальных конкурсантов (И. С. Китнера, В. А. Шрётера и др.) не были удостоены одобрения нового монарха. Император скорректировал задачу: он выразил желание иметь в центре

Петербурга церковь, призванную увековечить память о своём отце, много сделавшего для прославления России, в «чисто русском вкусе» [4, л. 9].

Не известно, принял бы участие Парланд во 2-м туре конкурса 1883 г., если бы его не убедил архимандрит Игнатий. Настоятель Троице-Сергиевой пустыни настоял на подаче совместного проекта. И, возможно, именно подпись на проекте духовного лица, известного при императорском дворе (к примеру его имя числилось в списке 14-ти священников, допущенных к панихиде и погребению Александра II), выделила труд из 28 эскизов памятника и обратила внимание монарха. Александр III избрал проект архимандрита Игнатия и академика Парланда, но повелел его переделать. После этого, Архимандрит Игнатий отходит от дел, а Парланд разрабатывает новый архитектурный проект здания, который через четыре года (в 1887 г.) император утвердит в своей резиденции в Гатчине.

Таким образом, Альфред Парланд является единственным архитектором здания, о чём писали с первых дней строительства издания XIX в. Парланд был подлинным создателем этого петербургского шедевра – 24 года своей жизни он посвятил воплощению своего главного грандиозного замысла. Для этого Парланду понадобились все знания, которые он получил от лучших преподавателей Технического колледжа Штутгарта и петербургской Императорской Академии художеств.

При работе над проектом церкви с таким же названием, как он строил в Троице-Сергиевой пустыни (не многие знают, что именно архимандрит Игнатий и Парланд предложили назвать будущий храм на Екатерининском канале церковью Воскресения Христова), Парланд ездил по России, изучая древнерусские памятники архитектуры, в первую очередь, церковные постройки Москвы и Ярославля. К слову сказать, он настолько досконально изучит московское культовое зодчество, что, являясь преподавателем Московского археологического института (с первых дней его создания, с 1907 г.), будет не только читать лекции по своей излюбленной теме истории греческой архитектуры и античной декорации, но и водить архитектурные экскурсии для своих учеников по Москве. Парланд досконально изучает и строительный опыт одного из основоположников русского стиля – Алексея Максимовича Горностаева (1808–1862), также работавшего в Троице-Сергиевой пустыни и построившего там церковь во имя преподобного Сергия Радонежского (1854–1856) в византийском стиле, церковь Саввы Стратилата (1859–1864), часовню Иконы Божией Матери Тихвинской (1863–1864), двухэтажный братский корпус. Парланд напишет об этом так: «Свобода, данная Императором Николаем I русскому стилю, проявляется успешно и в царствование Императора Александра II. Из зодчих этого периода выступает на первый план А. И. Рязанов (церковные постройки в западных

губерниях) и, в особенности, Алексей Максимович Горностаев, постройки которого в Сергиевской Пустыни, в Гельсингфорсе, на Валааме и Коневце, вполне отрешившись от влияния запада, применяют с успехом дорогое нам наследство старины, нашедшее затем в Императоре Александре III могучаго покровителя и просвещеннаго ценителя» [2, с. 2].

Изучив предшествующий строительный опыт, Парланд приступил к выполнению поставленной заказчиком задачи – составлению проекта «в стиле времен Московских царей XVII века». Возможно, таким образом хотели закрепить память о том, что Александр II родился в Москве. Естественно, что выдающимся культовым московским памятником является храм Василия Блаженного, на который и стал ориентироваться Парланд. В соборе Покрова Пресвятой Богородицы (официальное название храма Василия Блаженного) воплотились все лучшие приёмы и решения своего времени. Парланду, знатоку орнаментации стен, не могла не imponировать полихромность декорирования фасадов и куполов, что он повторит в петербургском памятнике.

Идея покрыть пять из девяти огромных по площади куполов разноцветными эмалями принадлежит Парланду, что сразу выделит церковь из всех зданий Петербурга (к слову сказать, до этого опыта покрытия больших по размеру выгнутых поверхностей эмалями не было и в Европе). Итак, архитектор взял типичное решение устройства церковей XVII в.: крестообразный план здания с колокольней и луковичным многоглавием. Но работая над созданием проекта, архитектор руководствовался первоочередной задачей – возвести мемориальную церковь, максимально точно сохранив место трагедии. После покушения Парланд побывал на набережной Екатерининского канала и точно зарисовал расположение булыжников мостовой, «обогранных кровью царя-освободителя». Потом их аккуратно вынули, запечатали в ящики, и они хранились до окончания постройки церкви, чтобы потом быть установленными в специальном месте внутри здания, воспроизводя место ранения. Таким образом, Альфред Александрович при проектировании был связан условием сохранения части мостовой и близостью к набережной канала.

Решение задачи заключения под сводами храма-памятника места драматических событий 1 марта 1881 г., повлияло не только на внутреннее пространство возводимого здания (именно Парланд предложил установить в интерьере «Сень» над воспроизведённой частью мостовой набережной, чтобы обособить священное место, по которому не должна была ступать нога посетителя), но и на саму компоновку церкви. Для этого архитектору пришлось нарушить устоявшееся правило планировки московских церковей XVII в.: колокольня всегда располагалась напротив алтарной стены,

то есть на западной стороне, где устраивался и главный вход, допуская создание двух боковых входов с южной и северной сторон. В строящейся же церкви расположить главный вход с запада было невозможно: место ранения находилось «на вертикальной оси колокольни западной части храма... устроить главный вход было немыслимо» [2, с. 2].

Для решения этой проблемы зодчий решился на нарушение канона и устроил вместо одного главного хода четыре: два с главного западного фасада и два с боковых (с северного и южного фасадов). Крыши каждого из двух полученных внешних притворов архитектор объединил общим завершением, что придало всему зданию более компактный вид: изломанные кровли крылец получили единое шатровое завершение. Интересно решение архитектора оформления дверного проёма: Парланд заимствовал «гирьки» (элементы в виде опрокинутой пирамидки, что свисают наподобие гирьки в верхней части проёмов в точке соединения двух малых арок) из московской архитектуры, где они после первого применения в фасаде Успенского собора Московского Кремля (архитектор Ридольфо Аристотель Фьораванти; 1475–1479) стали типичными мотивами декорирования зданий. Архитектурные декоративные детали притворов, (например, кокошники) повторяются и в других частях фасада, что способствует созданию единого ансамбля. Так, Парланд украсил экстерьер церкви разновидностью кессона, получившего название «ширинка» и широко распространённого в русской архитектуре XVI–XVII вв. Этот элемент внешней отделки каменных стен представляет собой «квадратное углубление в стене, внутри которого иногда помещался изразец или резное украшение» [3]. Но Парланд создал выдающийся памятник русской архитектуры, лучший образчик русского стиля в Санкт-Петербурге, благодаря не механическому перенесению разработанных ранее схем и деталей, а созданию уникального проекта, путём переосмысления опыта предшественников и органического внедрения его в новые архитектурные задачи, строительные материалы и технологии, – то есть приспособившая его к реалиям конца XIX – начала XX в.

Вот как сам Парланд напишет о поиске своих архитектурных решений: «Изучая прекрасные памятники русской старины, стараясь воспринять не только умом, но и сердцем те пути и приемы, те средства, которыми пользовались зодчие того времени, стараясь на сколько возможно понять тайну их творчества, я принялся с увлечением за возложенную на меня работу. При этом задача состояла не только в изучении и разборе богатого материала, дошедшего до нас в памятниках старины, но главным образом в удачном выборе только тех приемов и деталей, тех типично русских оттенков, представляющие собою как бы последний фазис развития стиля XVII века. Но этим ещё не исчерпывается задача зодчего, стремящегося

соорудить постройку, которая производила бы впечатление естественного, нормального продолжения прерванного национально-художественного развития. Одно повторение, воспроизведение, хотя бы с величайшей верностью и точностью подходящих к задаче приёмов и деталей было бы здесь не вполне уместным. Необходимо, чтобы чувствовалось, созерцалось, так сказать, это продолжение развития в художественно-национальном направлении, что может быть достигнуто лишь одним путем, а именно: дальнейшей разработкой избранных приемов и деталей, стараясь приблизить их к идеалу совершенства!» [2, с. 2].

Спас на Крови неповторим ни по своему техническому устройству (в Европе нет подобного тяжёлого культового сооружения расположенного так близко от набережной канала), ни по художественному решению: ни один фасад не повторяет другой своим декоративным оформлением. И тот факт, что и спустя столетие памятник любим петербуржцами, давшими церкви (как и Покровскому собору в Москве) второе название, и представляет собой одну из визитных карточек города, является лучшим свидетельством успешного воплощения на просторах города архитектурной программы Альфреда Александровича Парланда.

Альфред Парланд блестяще умел создавать проекты как в византийском так и русском стилях. Помимо Храма Воскресения Христова в пустыни под Петербургом по его проектам была возведена в византийской архитектурной традиции каменная трёхпрядельная церковь Успения Пресвятой Богородицы в Опочке Псковской губернии и большой храм во имя святых бессребреников Космы и Дамиана в городе Сычёвке Смоленской губернии в русско-византийском стиле. Проект сычёвского собора уникален, так как Парланду удалось с большим мастерством соединить черты двух стилей и получить единое гармоничное по своему архитектурному решению и декоративному оформлению здание. Тяжеловесный объём кирпичного собора, отсылающий к византийским постройкам, венчает массивный купол с прорезанными 24-мя окнами, украшенный закомарами и кокошниками, заканчивающийся луковичной главой. Шатровая двухъярусная колокольня, декорированная элементами, заимствованными из русского стиля придаёт зданию лёгкость и устремлённость вверх.

Но настоящими архитектурными победами можно считать строения, построенные в русском стиле, без примеси византийства. К ним относятся церкви Николая Чудотворца и Георгия Победоносца в селе Николо-Ядревичи Смоленской губернии и Покрова Пресвятой Богородицы в Новгородской губернии. В них Парланд смог проявить всё своё понимание этого стиля, его живописные возможности, позволившие возвести в конце XIX в. здания, продолжающие традицию строительства русских культовых сооружений

XVII в. Парланду удалось передать в кирпичной кладке национальное умение резьбы по дереву, продолжая традиции русского многоузорочья. Внимательное отношение к деталям наружной отделки (использование двойных арок, зубчатого карниза, аркатурно-колончатого пояса и излюбленного приёма – сочетание треугольных фронтонов с кокошниками) позволило построить колоритные церкви, ставшие архитектурными шедеврами. К счастью, обе эти живописные церкви в русском стиле сохранились до наших дней. Они входят в Перечень объектов культурного наследия своих регионов, поэтому каждый желающий может их увидеть и составить своё собственное суждение о мастерстве архитектора.

Источники и литература

1. Д. И. Grimm. Биографический очерк // Журнал «Зодчий». 1898. № 11.
2. Парланд А. А. Краткий отчет о постройке храма Воскресения Христова, сооруженного на месте смертельного поранения в Бозе почившего императора Александра II / А. А. Парланд. СПб: Типография «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг», 1907.
3. Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия: архитектурный словарь / В. И. Плужников. Москва: Искусство-XXI век, 2011. 422 с.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 116. Д. 22. Дело Техническо-строительного комитета МВД По проекту Архимандрита Игнатия и Академика Архитектуры Парланда на постройку Храма в память в Бозе почившаго Императора Александра II-го, на Екатерининском канале в С. Петербурге. 1883.
5. Толмачева Н. Ю. Альфред Парланд. Создатель храма-памятника Спас на Крови / Н. Ю. Толмачева. СПб, 2017. 290 с.
6. Толмачева Н. Ю. Архитектор Альфред Александрович Парланд / Н. Ю. Толмачева. СПб, 2019. 52 с.

Ханбекова Н. И.

Популяризация историко-культурного наследия в пространстве российского города 1920-х гг.: смена мест памяти, Гений места и образа прошлого (на примере путеводителей по Казани)

В России после октябрьской революции 1917 г. был разработан календарь Красных дат, Революционная топография Петербурга, ленинские места по всей стране. Ежегодно в феврале стали проводиться празднования революции, имитирующие взятие Зимнего дворца, выстрел «Авроры» и т. д. В каждом городе «брался» свой Зимний: здание театра или любое другое. Участники выбирали себе роли «вождей» революции, ее «врагов», Николая II и др. Это помогало рабочим идентифицировать себя, не давало забыть о целях и причинах революции, о необходимости дальнейшей борьбы с «чуждым классовым элементом». Но главное – жители огромной страны таким способом «переживали» события, происходившие в центре, и сами становились главными героями, центральными участниками, ключевыми фигурами событий, присваивая себе право «знать» и «помнить» о революции достоверную историю [1; 2; 3; 4]. Так в 1920-е гг. работала горячая опция памяти в городском ландшафте, что отражалось и на формате путеводителя: по сравнению с дореволюционными изданиями сменился автор, читатель издания, его цель и стиль повествования. В 1920-е гг. отмечался расцвет экскурсионного дела, краеведения в целом по стране, в Казани в этот период было издано 3 путеводителя: один по Волге [5], два – по городу [6; 7].

Путеводитель 1924 г. под редакцией И. Мохова [5] был опубликован в Казани по инициативе Общества друзей воздушного флота Татарской республики, от лица которого в предисловии к изданию определены главные цели издания: 1) возобновить прерванные революцией торгово-промышленные связи между волжскими районами, дать им «оценку на фоне новой России» [5, с. 5]; 2) подготовить «первый и пока единственный справочник, посвященный жизненному нерву Советской России – Волге» [5, с. 5], 3) описать волжские города в «их новом послереволюционном быте» [5, с. 5] в советском путеводителе; 4) предоставить информацию на языке эсперанто для иностранных туристов; 5) использовать путеводитель как агитационный инструмент в пользу вступления в Красный воздушный флот [5, с. 6]. В данной статье мы оставим за скобками подробный анализ всех глав путеводителя (конструирование нового образа Волги, календаря Красных дат в борьбе за Волгу в гражданской войне, образ советского туриста) и остановимся лишь на главах, повествующих о Казани.

Путеводитель под редакцией И. Мохова изобилует иллюстрациями, в том числе портретами, фиксируя новых гениев места: в макромасштабе – В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий, в микромасштабе в отношении Казани – А. П. Комлев, Н. И. Лобачевский. Описание Казани снабжено 9 фотографиями: 1) участники Учредительного Съезда депутатов АТССР 25.09.1920 г.; 2) вид на Кремль со стороны адмиралтейской дамбы; 3) портрет Н. И. Лобачевского; 4) университет; 5) дом в Казани, в котором жил Ленин; 6) деревня Ленино; 7) портрет В. И. Ленина в возрасте 3 лет; 8) групповое фото старожилы деревни, помнящих В. И. Ленина; 9) портрет председателя Совнаркома СССР А. И. Рыкова, студента Казанского университета. Таким образом, портрет Н. И. Лобачевского, вид на Кремль и здание университета повторяют дореволюционные виды Казани, но на их основании появляется новый миф – новая память о прошлом: 3 этих и 6 новых иллюстраций приводятся в контексте развития революционного движения в городе, регионе и стране.

Данный путеводитель по своей форме и цели двойственен: с одной стороны, задача автора – включить Волгу и волжские города в новую советскую реальность (что осуществляется за счет описания хода гражданской войны на Волге, актуализацию советских главнокомандующих, героев-красноармейцев), а с другой стороны, еще не сформирован канон описания городов новой советской страны: не произошло исключение стиля, логики и объектов дореволюционного путеводителя. Так среди объектов Казани инерционно еще упоминается памятник Г. Р. Державину: памятник «певцу царственной проститутки Екатерины II и участнику подавления народного бунта Емельяна Пугачева» [5, с. 169]. То есть происходит трансформация старых героев в антигероев и актуализация новых: «В местной прессе уже поднят своевременный вопрос о замене памятника Г. Державину памятником Пугачеву или другому деятелю освободительной и революционной борьбы с царизмом» [5, с. 169]. На территории Кремля еще стоят православные храмы, но Кремль представлен под таким фоторакурсом, что крестов не видно в ландшафте.

Город описан с запада на восток: от Волги через Адмиралтейскую слободу к Кремлю, от Кремля через площадь 1 мая по улице Чернышевской (ныне Кремлевской, бывшей Воскресенской) к университету и театральной площади; упоминается озеро Кабан с садом, татарской частью города (как отмечается в путеводителе, еще более запущенная и грязная, чем основная) [5, с. 168–169]. Среди значимых объектов перечислены: 1) памятник воинам, воздвигнутый «в шовинистических целях царским правительством в память убитых при взятии Казани» [5, с. 167]; 2) Кремль с указанием органов управления новой власти (СНК, Горсовет, Наркоматы и др.), 3)

башня Сююмбике – минарет «Муратовской мечети, о которой упоминает князь Курбский при описании казанской крепости» [5, с. 168]; 4) здание Казанского университета – «alma mater вождей Октябрьской революции В. И. Ленина, Рыкова и др.» [5, с. 168]; 5) памятник Н. И. Лобачевскому.

В целом, Казани посвящено 4 главы и темы: «Татарстанская республика», «Из прошлого В. Ленина», «Казань», «Казанский аэропорт». Границы города расширяются за счет включения нового места памяти – села Кокушкино, переименованного в Ленино. Через описание жизни семьи В. И. Ульянова на материале приводимых в тексте интервью с крестьянами-старожилами данного села конструируется образ демократичного, близкого к народу, понимающего его беды, пострадавшего от царского режима героя. В описании детства В. Ульянова прослеживается попытка нивелировать его происхождение, оправдать близостью к народу. Итоговый миф о Ленине закрепляется через воспоминания старожилов и их групповое фото: «Мария Абакумова, Василиса Александровна, Феклин Яков, все они знают хорошо всю семью Ульяновых. Знают и поняли нутром, какого Илью Муромца социализма они вскормили и вырастили на своих руках» [5, с. 173].

В тексте путеводителя актуализируется прошлое и настоящее, связанное с революционным периодом и борьбой, применяется прямое цитирование правительственных документов, стиль повествования официальный, протокольный. Особенность города подчеркивается открытием одного из первых в стране аэропортов. Новым героем из народа, с безупречным прошлым выступает В. И. Ульянов, все места, связанные с его детством и юностью на Волге становятся новыми местами памяти. Казань называется гордостью и столицей Востока и Поволжья [5, с. 153], образ Казанского университета как alma mater В. Ленина, а Казани – как места становления революционера еще не полностью сформулирован, но начинает складываться.

Путеводитель 1926 г. [6] был издан под эгидой НКВД, описывает только Казань, имеет малый объем по сравнению с предшествующими изданиями. На него вышло 2 рецензии в 2005 г. [8; 9], в обеих он назван первым советским путеводителем по Казани, хотя, на наш взгляд, первой попыткой сформировать образ советской Казани в путеводителе можно считать издание 1924 г. под редакцией И. Мохова [5].

Справочник 1926 г. заявлен его анонимным³⁰ создателем как 1) обратная связь от городского милиционера, к которому постоянно обращаются прохожие; 2) попытка восполнить дефицит подобного издания, так как дореволюционные не удовлетворяют потребностям нового уклада; 3) отражает эпоху нэпа, криминализацию городского пространства, смену «хозяина» города. Стиль изложения в справочнике обезличенный, прото-

³⁰ Вступительное слово подписано «Издательство» [6, с. 6].

кольный, часто используются цитаты правительственных указов, ссылки на Конституцию РСФСР, превращая, таким образом, путеводитель по городу в трибуну властей и способ коммуникации с жителями. В текст путеводителя включена историческая справка «из материалов «5 лет» к пятой годовщине провозглашения Татарской Социалистической Советской республики» [6, с. 8–12]. Посредством путеводителя человек в форме заявляет свои права на городское пространство, читатель знакомится с изменениями (приведен список переименованных улиц) [6, с. 92] и учится воспринимать их в правильном идеологическом русле.

Исторический очерк о городе сфокусирован на угнетении татар русскими в средневековый период, на крепкой совместной борьбе двух народов за революцию в недавнем прошлом и на создании Татарской Автономной республики в текущем настоящем. Предыстория Казани и народов, проживавших на территории бывшей губернии, раскрывается в контексте главной темы – борьбы татар за государственное самоопределение. Татары представляются как первоначально недопонимавшие концепцию национальной политики большевиков, партия представлена как руководящая, заботливая, просветившая «темный» народ.

Краткий обзор города сообщает об его географическом положении, уведомляет о расширении границ путем включения окружающих слобод и об административном разделении города согласно милицейским отделениям. Справочник дает исчерпывающую информацию об инфраструктуре транспорта, рынков, трактиров, кладбищ, дач, мельниц, кузниц, мастерских, складов и садов, постоянных дворов, общежитий и фотосалонов, с одной стороны, как любая справочная книга дореволюционной России, с другой стороны, адресатом такого сообщения выступает не только казанец, но и приезжий, переехавший в город недавно, не праздный турист. То есть функция этого путеводителя не туристско-познавательная, а скорее оповещающе-инструктирующая.

Памятниками в городском ландшафте названы: В. Ленину (недавно установленный), Г. Державину, Н. Лобачевскому, взятия Казани, переименованный в памятник содружества народов [6, с. 83]. Описание памятников приводится не в повествовании при маршрутном описании города, а перечислением номенклатурно, также как приводится список садов, трактиров, дач, наркомов и др.

Таким образом, главный акцент в путеводителе 1926 г. сделан на революционном политическом развитии региона в прошлом и на основных видах производства в настоящем. Биография В. Ленина в контексте Казани и тема университета как центра просвещения в Поволжье не раскрывается.

Третий путеводитель был издан в 1929 г. под редакцией С. П. Сингалевича [7] – активного участника экскурсионного движения в Казани в 1920-е гг., методолога культурно-исторических экскурсий [10], сотрудника кабинета методики обществоведения Восточного Педагогического института, экскурсовода-практика. В предисловии к изданию он определяет цель справочника как пропаганду туризма и создание компактного путеводителя по Казани – национально-краевому центру. Путеводитель состоит из 4 разделов: 1) город в целом (современность и памятники прошлого); 2) культурная жизнь Казани; 3) учреждения, изучающие природу и сельское хозяйство; 4) предприятия Казани. Первый раздел «Казань в ее настоящем и целом» не просто представляет исторический очерк о городе, но содержит маршруты осмотра: «Кремль», «По купеческой Казани», «Дворянская Казань», «Татарская Казань» [7, с. 7–16]. Стиль изложения выверенный: без идеологических перекосов и негативных оценок упоминаются купеческий, дворянский уклады жизни, мечети и православные храмы. Обращение к читателю при описании улиц отсутствует, повествование идет от третьего лица, нет глаголов и местоимений первого лица «мы пройдем/увидим/повернем» и т. п., о самом туристе говорится также в третьем лице. Казань рассматривается авторами цельно, в совокупности своей истории, акцент только на революционных событиях отсутствует.

Описано географическое положение и ландшафт города, торговый характер его экономических связей с разными странами. Образ города описан через деятельность: обширное торжище, центр восточной образованности, связующее звено между Востоком и Западом, «Краса Востока», «Казань – Москвы уголок», «Восточный Гейдельберг», центр образования, столица молодой татарской национальной республики [7, с. 6].

В данном путеводителе приведены статистические данные 1926 г. по демографическому состоянию республики, отражены полемика в определении возраста и происхождения башни Сююмбике, сценарии памятования татар внутри Кремля, развитие сети образовательных учреждений в 1920-е гг. Авторы смогли в нейтральном ключе описать существующий город как профессиональные историки, экскурсоводы, литераторы, не замалчивая конфессиональный каркас ландшафта, при этом фигура В. Ленина и его биография в университете и Казани не освящаются (возможно, это было связано с усилением фигуры И. Сталина).

Путеводитель 1920-х гг. как исторический источник, текст культуры своего времени отразил особенности переходного периода в описании исторических событий и механизм формирования новых героев (антигероев), мест памяти и образа прошлого Казани. Три путеводителя 1920-х гг. по Казани изданы по инициативе трех разных сообществ: 1924 г. – обществом друзей воздушного

флота, 1926 г. – охранно-надзорно-карательным органом – милицей, НКВД, 1929 г. – сообществом интеллектуалов-гуманитариев, профессиональных историков, литературоведов³¹, что делает три этих текста очень разными. Путеводитель 1929 г. под редакцией С. П. Сингалевича наиболее близок к классическому бедкеру, более упорядочен, структурирован, нацелен на просвещение и познание города туристом. В 1920-е гг. путеводитель по Казани из историко-рекламного текста рубежа XIX–XX вв. трансформируется в идеологическое издание; фиксирует обветшалое состояние городов, преобладание численности деревенского населения по отношению к городскому; проблематизирует необходимость урбанизации страны; демонстрирует вариативность интерпретации прошлого в этот период, относительную свободу автора и пропагандистский потенциал данного жанра.

Источники и литература

1. Спутник экскурсанта. Известия Ленинградской Центр. экскурс. базы. Л., 1925. № 1–4.
2. Спутник экскурсанта. Известия Ленинградской Центр. экскурс. базы. Л., 1926. № 5–8.
3. Экскурсионное дело. Научно-педагогический журнал сектора социального воспитания петроградского отдела народного образования. – Пг., 1921. № 1–3.
4. Экскурсионное дело. Научно-педагогический журнал сектора социального воспитания петроградского отдела народного образования. – Пг., 1922. № 4–6.
5. Мохов И. Торгово-Промышленная Волга и иллюстрированный путеводитель по Волге: с приложением карты городов и Волги, расписания рейсов волжских пароходов и тарифов, путеводителя на международном языке «Эсперанто» / сост. под ред. И. Мохова. Казань, 1924. 242с.
6. Успенский В. А. Справочник-путеводитель по г. Казани с прил. плана города / В. А. Успенский. Казань, 1926. 93 с.
7. Сингалевич С. П. Спутник туриста по Казани / под общ. ред. С. П. Сингалевича. Казань, 1929. – 80 с.
8. Султанбеков Б. Был и такой путеводитель: первый справочник по Казани вышел в 1926 г./ Б. Султанбеков // Республика Татарстан. 2005. 28 мая.
9. Бикбулатов Р. Милиция в помощь историкам: первый советский путеводитель по Казани / Р. Бикбулатов // Казань. 2005. № 7–8. С. 264.
10. Сингалевич С. П. Старая и новая Казань: культурно-исторические экскурсии / С. П. Сингалевич. Казань, 1927. 238 с.

³¹ В состав авторского коллектива вошли Е. С. Гинзбург, П. М. Дульский, Н. Ф. Калинин, Р. Ш. Тагиров и др.

**Городская культура и повседневность 1960–1980 гг.
в коллекциях музея социалистического быта г. Казани**

В отечественной историографии значительное место уделено проблемам городской культуры и повседневности советского периода [12, с. 34–43; 3; 5; 8; 9]. Одним из актуальных, но малоисследованных сюжетов является рецепция советской повседневности и ее отражение в современном культурном пространстве. Исследователи, размышляя об изучении истории повседневной жизни, духовно-ценностных переживаний, отмечают важную роль музеев как хранителей и собирателей материальных памятников эпохи. В противовес музеям как форме реализации позитивизма с его стремлением к чистой фактичности в последнее десятилетие активно развиваются и иные принципы презентации духа и содержания советского времени через выставочную и галерейную деятельность частных коллекционеров и собирателей. Вместе с тем и музеи, по образному выражению Б. В. Маркова как «форма осовременивания, включения материальных останков прошлого в современный культурный пейзаж», и коллекционирование как «своеобразная форма сохранения прошлого и его включения в настоящее» связаны с человеком и его культурой, а, соответственно, должны, несмотря на разнородность, прийти к коммуникации, взаимодействию [10, с. 19, 20].

Музей социалистического быта в столице Республики Татарстан г. Казани, созданный по инициативе и на основе коллекций дизайнера и фотографа Рустема Валиахметова, собираемых более 20 лет, на наш взгляд, не противопоставляет себя музейному сообществу города, напротив, служит сохранению исторического наследия недалекого советского прошлого, ведет просветительскую и образовательную деятельность. Не акцентируя внимания на особенностях этнических культур, музей соцбыта отражает нивелирование национальных культур в повседневности горожанина советской эпохи.

Р. Валиахметов сформулировал кредо музея как «пространство, мир позитивных эмоций, храм одной религии, которая называется «позитив». По его мнению, этот музей представляет собой некий психологический проект, «где человек может попасть в среду, отличную от той, которая его окружает на улице, созданную посредством предметов, которые, казалось бы, ещё не ушли из нашей жизни» [1]. В другом своем интервью он утверждал: «Я хочу, чтобы с помощью простых вещей показать, что счастье в жизни есть, чтобы череда благоприятностей, которая была в детстве, обновилась в памяти» [11].

Ежедневно музей, созданный в 2011 г., встречает своих посетителей оригинальной вывеской с весьма символичной историей самого быденного предмета обихода – простого чайника, а также песнями советских лет. Расположенный в бывшей коммунальной квартире площадью около 200 кв. м, сохранивший элементы внутреннего убранства коммуналок – выключатели, чугунные багарей, проводку и перекрытия, – музей дает возможность представить особенности организации жилого пространства и их влияние на быт советских горожан.

Экспонаты охватывают самые разные аспекты будней советского человека. Находясь в музее быта многое, принадлежащее советской эпохе, как в материальном измерении (предметы обихода, одежда, обувь, фото и радиоаппаратура, книги, игрушки, бытовая техника и даже средства передвижения), так и относящееся к праздничной культуре, досугу, обычаям и ритуалам, можно не только увидеть, но и потрогать, почувствовать, «ощутить», окунувшись в атмосферу повседневности старших поколений.

Встречаются в музее предметы, очень далекие по своей доступности от простого обывателя. Так, редким явлением в квартирах советских граждан были сигаретницы, автоматически выдававшие сигареты «легким движением руки». Внимание посетителей музея привлекает проигрыватель виниловых дисков, радио, кассетный магнитофон японского производства 1971 г. выпуска, явно принадлежавший представителю советской номенклатуры. Действительно, в отличие от 1950–1960-х гг., когда выстраивалась концепция советского вкуса, создававшаяся в контексте идеологического соревнования с образцами западной культуры, в 1970-е гг. начала активизироваться идеология «развеществления», являвшая собой сделку власти с представителями среднего класса и номенклатурной элитой в виде дифференциации зарплаты, терпимости к неформальным экономическим практикам, теневой экономике ради стабильности и устойчивости режима [6, с. 128]. Представители чиновничества и партийной власти становятся первыми на пути к западному стилю жизни и манерам потребления.

Музейные коллекции посвящены самой разнообразной тематике. Внимание посещающих музей часто привлекают экспонаты с символикой «социальной справедливости», рожденной октябрьскими событиями, с государственной символикой – гербы, флаги, вымпелы, атрибуты пионерской жизни – горны, галстуки, законы пионерской организации. Неразрывно связанная с Казанью ленинская тематика, долгое время проявлявшаяся в символике производственного быта (вымпелах, барельефах) и в советской системе воспитания, также нашла отражение в музейном пространстве.

В 1960–1970 гг. важным фактором социальной активности молодежи являлась авторская песня, в которой отсутствовала идеологическая риторика, часто звучал критический настрой по отношению к действительности.

«... Гитара становилась как бы символом, связывающим единомышленников» [4, с. 204]. Единственный в стране «зал рок-н-рольной славы» музея социалистического быта являет собой коллекцию, состоящую на сегодняшний день из более 120 гитар, подписанных российскими и зарубежными звездами. Для интересующихся музыкой прекрасным подарком будет знакомство с коллекцией самиздатовских музыкальных журналов.

Узнаваемым брендом для советского мужчины, символом мужественности и статусности были командирские часы завода «Восток». Коллекция наручных часов с самой разнообразной символикой, счастливыми обладателями которых становились в первую очередь за заслуги перед отечеством, в настоящее время является одной из востребованных коллекций музея.

В фондах музея имеются и особые коллекции персоналий, ассоциируемых с советским временем. Они посвящены значимым для наших соотечественников, но известным во всем мире личностям – Ю. Гагарину, В. Высоцкому.

Фалеристов, увлекающихся советскими значками, интересуют музейные коллекции «Ну погоди!», «15 республик – 15 сестер», собрания, посвященные Юрию Гагарину и космосу, Чебурашке, государственной символике и др.

Ярким событием в жизни советских людей стала Олимпиада 1980 г., которая нашла отражение не только в сувенирной продукции с олимпийской символикой, но и в предметах быта – настенных шерстяных коврах и придверных ковриках, спортивной одежде и сумках, бытовой технике и аппаратуре. Любимым времяпровождением как детей, так и взрослых, посещающих музей, стало изучение коллекции олимпийских мишек.

Вполне оправданно и второе название музея «Музей счастливого детства». Здесь представлены настольные игры и всевозможные приборы для занятий советских школьников, разнообразные конструкторы, игрушки советской эпохи, на производство которых немалое воздействие оказывало не только стремительное развитие техники, автомобилестроения, но и идеологические задачи времени. Самое любимое собрание игрушек и детей современных, и детей того, советского времени, коллекция Чебурашек.

Информативным источником музея социалистического быта являются материалы советской периодической печати, в частности, номера журнала «Техника молодежи» довоенного времени, сатирические издания «Крокодил», «Чаян» 1950–1960 гг., журналы для детей «Мурзилка» и т. п. Интерес вызывают советские журналы мод, издававшиеся лучшими домами моделей СССР, поскольку они учили культуре одеваться – красиво, благородно и со вкусом (насколько это было возможно в условиях вторичности советской легкой промышленности). Тем более что воспитание вкуса объявлялось одной из важных форм борьбы «за становление социалистической культуры, за культурный рост всех советских людей» [Об этом см.: 7].

Коллекция сатирических плакатов 1970–1980-х гг., высмеивающих пороки советских граждан – бесхозяйственность, пьянство и тунеядство, преклонение перед заграничными «тряпками», – заставляет задуматься не только о профессионализме авторов, но и о проблемах советского общества. Уникальные плакаты 1920-х – 1930-х гг. рассказывают о становлении «нового» быта, вовлечении женщин в общественную и производственную жизнь. Наряду с пропагандистскими материалами, плакатами в музейных фондах сохранилось немало печатной продукции утилитарного назначения – открытки, календарики, отрывные календари.

Фактурное представление исторического прошлого посетители получают благодаря коллекции предметов одежды как повседневной, так и праздничной, состоящей из «нормальных, привычных» вещей, конструирующих стиль и образ жизни советского человека, но весьма далекой, по мнению современных модниц, от совершенства. По экспонатам коллекции, многие из которых сохранились с бирками, можно узнать и о состоянии легкой промышленности СССР.

Экспонаты музея, отражающие повседневность периода послевоенных лет, эпохи перестройки, предоставляют пытливому взгляду понимание основных жизненных стратегий поведения горожанина в кризисные времена. Значимые, быстрые перемены в повседневной жизни населения советской страны, когда определяющими факторами стали дефицит и очереди, изменения традиционных повседневных практик, когда в условиях тотального дефицита главным было выжить и приспособиться, сказывались на поведенческих стереотипах людей.

Тот же дефицит как одежды, так и натурального сырья, заставляя следовать традиционной народной мудрости – «голь на выдумки хитра», стал причиной создания таких замечательных «шедевров сампошива» как куртка, сшитая из кожаных обложек партбилетов или шелковая блуза, созданная любительницей моды из пионерских галстуков. Атрибуты политической жизни – с одной стороны, они легко были использованы создателями для повседневного использования в жизни обывательской. Эти объекты, по сути, отражают и формы поведения, стратегии выживания людей в специфических социально-политических условиях.

Мотивы поведения и эмоциональные реакции на жизненно важные события, динамику повседневных ценностей горожан, советскую атрибутику и символику, отражение семейного и производственного быта, досуга, в целом культуры советской эпохи, все это можно найти в коллекциях музея социалистического быта.

Музей, словно живой организм, где постоянно меняются экспозиции, выставки, тематика которых охватывает многие грани повседневной жизни:

«Джинсы как культ», «Женская красота в Советском Союзе. Вспоминая косметику», «Советский гражданин и его деньги», «Советская мода», «Советский спорт», «Комсомольские свадьбы», «Жил был Ленин», «Юмор по-советски: «Боевой карандаш» представляет!», «Валентинки по-советски», «Игрушка: сделано в СССР!», «Вредные привычки в СССР» и т. д.

Так, выставка «730 дней в сапогах», посвященная службе в Советской Армии, знакомила посетителей с формой, армейской атрибутикой и армейскими песнями. Коллекция же дембельских альбомов дала возможность визуально представить советскую воинскую повседневность.

Выставка «Советский Новый год», отразившая праздничную культуру нескольких десятилетий, вызвала шквал воспоминаний посетителей, щедро делившихся эмоциями и впечатлениями о проведении праздника как в кругу семьи, так и в детских учреждениях, сравнивавшими традиции прошлого и настоящего.

Образы советской повседневности проявлялись и в формировании ценностей подрастающего поколения. Музейные экспонаты показывают роль традиционных практик воспитания людей, сохранение, преемственность которых очень важны и в наше время. Для посетителей, учившихся в школах СССР, «маршрутом по избранным кусочкам детства» стала выставка «Советская школа». Для них это не просто «эксклюзивные» предметы дизайна или вещицы, отражающие эмоции, духовные поиски взрослеющего подростка, но часть личной истории, объекты ностальгии и приятного узнавания. В частности, в собрании школьных ранцев, начиная от фанерных военного времени до «гламурных» портфелей, появившихся после московской Олимпиады, за основу которых были взяты западные, скорее всего польские образцы, самые разные поколения бывших учеников находили «свои» портфели. Постоянно пополняется самими посетителями и коллекция школьных шариковых ручек, ранние образцы которых относятся к середине 1960-х гг. Наряду с официально транслировавшимися изображениями советских детей – символов наивности и чистоты помыслов – на выставке представлены и образцы, характеризующие далекое от правильного поведение ребенка, например, дневник 1960-х гг., где сделана запись учителя: «Ваш сын принес жвачку в школу. Жевал сам, затем дал пожевать всему классу!».

Финансово-экономической тематике была посвящена выставка «Советский гражданин и его деньги», включавшая плакаты, сберкнижки, карманные монетницы и рассказывавшая о способах «зарабатывания на жизнь», накоплениях и хранении денег, а также коллекция «Рублевка», дающая представление о том, какие товары можно было купить за один рубль (номер журнала «Кругозор», пластинку, игрушку и т. д.). Экономи-

ка повседневности ярко отражена в знаменитых «авоськах», содержание которых – кефирная бутылка, плавленый сырок, были знакомы каждому советскому покупателю 1980-х гг. Непременное внимание посетителей привлекают экспонаты потребительского назначения – спиртные напитки, продукты питания, связанные с советской системой распределения талоны на товары повседневного спроса.

Открытие каждой выставки украшалось какой-либо «изюминкой». Например, на выставке, посвященной женской красоте, звучали советские песни о женщине. Свидетельница события отмечала: «Посетительниц слабого пола как магнитом тянет к витрине с духами. Здесь представлен почти весь ассортимент советских магазинов – от любимого лосьона «Огуречный» до элитной «Красной Москвы». Многие флаконы даже не были распакованы. Либо их берегли, либо покупали с запасом на черный день» [2]. Среди наиболее популярных у советских женщин, но и дефицитных ароматов были польские духи «*Być może*» («Быть может»).

Еще одним направлением просветительской деятельности музея стали «квартирники», которые возвращают в атмосферу домашнего кухонного концерта, самодеятельности, актуализируя классику советского рока, авторскую песню, а также способствуют зарождению новых идей. Так, на вечерах, посвященных В. С. Высоцкому и его творчеству, очевидцы делились своими впечатлениями концертных выступлений В. Высоцкого в г. Казани, а также личных встреч с поэтом-исполнителем.

Безусловно, советскую эпоху можно воспринимать двояко: и как засилье власти, политическое однообразие, борьбу с инакомыслием, скудность ассортимента и аскетизм быта, и как время значительных побед и свершений в производстве, культуре, спорте. Однако приходящие в музей соцбыта говорят, в первую очередь, о той приятной атмосфере позитива, тех положительных эмоциях, которыми они заряжаются наравне со знаниями (или воспоминаниями – для живших в СССР), находясь в музее. Если для «рожденных в СССР» посещение музея – повод вспомнить немало хорошего как из своей истории, так и истории страны, то для молодых поколений – это замечательная возможность получить квалифицированный ответ о советском прошлом своих родителей.

Будучи одним из первых музеев, посвященных советской повседневности, музей социалистического быта г. Казани вдохновил к открытию аналогичных музеев гг. Воронеже (музей советского быта), Москве (музей СССР). Несмотря на необходимость работы над научной составляющей, музей соцбыта выполняет свои основные задачи. Коллекции музея помогают посетителям понять вопросы быта, времяпрепровождения, сам образ жизни, «мир» советского человека, реконструировать его модели

поведения. Косвенно они способствуют построению личностной системы ценностей, переосмыслению ценностных понятий, связанных с «социальной справедливостью», помогают осознанию автономности, независимости своего внутреннего мира. Вызывая неоднозначные процессы восприятия советской повседневности, они служат актуализации традиционных духовных ценностей российского общества.

Источники и литература

1. Акхиямова Л. Рустем Валиахметов: наш музей – место для людей пытливого разума / Л. Акхиямова. URL: <http://www.tatarstan.com/articles/105/rustem-valiahmetov-nash-muzej-mesto-dlya-lyudey-pytlivogo-razuma> (дата обращения: 15.01.2014).

2. Брайловская С. Здесь пахнет страной советов / С. Брайловская // Российская газета. 2013. 5 сентября.

3. Брусиловская Л. Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля: автореферат дис. ... канд. культурологии / Л. Б. Брусиловская. М., 2000. 30 с.

4. Галлямова А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.) / А. Г. Галлямова. Казань: Магариф, 2010. 223 с.

5. Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: к постановке проблемы / А. Г. Григорьева // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 216–218.

6. Гурова О. Ю. Идеология потребления в советском обществе / О. Ю. Гурова // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117–131.

7. Жуков Н. Воспитание вкуса. Заметки художника / Н. Жуков // Новый мир. 1954. № 10. С. 159–179.

8. Косматова Е. В. Социальная повседневность 1950–1960-х гг.: к историографии вопроса / Е. В. Косматова // «Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия: социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13, № 1. С. 190–191.

9. Лукаш Н. П. Повседневная культура советских шестидесятых / Н. П. Лукаш // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2007. Т. 48, № 2. С. 120–126.

10. Марков Б. В. Культура повседневности / Б. В. Марков. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

11. Музей социалистического быта. URL: <http://trt-tv.ru/news/muzej-socialisticheskogo-byta/> (дата обращения: 15.01.2014).

12. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. М.: Изд. дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ТАССР: МНОГОГРАННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПУТИ

Амануллина А. Ф.

Становление судебной системы Татарской АССР после принятия Конституции ТАССР 1937 г.

Обращение к истории всегда дает возможность познать прошлое, уяснить ошибки и достижения, а затем привести этот опыт в настоящее. В Российской Федерации, в ее субъектах и, в частности, в Республике Татарстан продолжают процессы реорганизации, реформирования органов юстиции, судов. Поэтому важно изучить процессы становления судебной системы ТАССР. Став союзной республикой в составе Союза ССР, значительно изменился государственно-правовой статус. Однако вопросы судопроизводства, законодательства в этой сфере остались в ведении республики.

Есть традиционное представление о суде в советское время как о карательном органе, который преследовал только государственные интересы. Нельзя воспринимать это так прямолинейно, необходимо изучить подробнее, какие процессы и события происходили в стране в тот исторический период для лучшего понимания и возможно переосмысления стереотипов.

В 1937 г. произошло важное событие: был принят Основной закон ТАССР – Конституция ТАССР. В архивах сохранился проект Конституции, разработанный еще в 1926 г. [1] Этот вариант не был утвержден, но он дает возможность понять этапы становления Основного закона Татарской республики. Текст Конституции республики не был утвержден вышестоящими органами. Поэтому деятельность Татарской республики осуществлялась на основе Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г., а также законодательства, принятого в республике.

В структуре проекта Конституции 1926 г. не было отдельной главы, посвященной суду. В отличие от этого проекта Конституция 1937 г. предусматривала отдельную главу, посвященную суду и прокуратуре. В главе VII Конституции ТАССР «Суд и прокуратура» [2] предусматривалось, что правосудие осуществляется народными судами, Верховным судом ТАССР, а также специальными судами СССР (ст. 73). Верховный суд – высший судебный орган, на который возлагался надзор за судебной деятельностью всех судебных органов (ст. 75). Он избирался сроком на 5 лет (ст. 76). Граждане республики выбирали народных судей районных (городских) народных судов.

Судебный процесс велся на татарском или русском языках в зависимости от того, население какой национальности преобладало в населенных пунктах района. В центрах процесс велся на обоих языках с предоставлением переводчика при необходимости.

В соответствии со статьей 80, судьи объявлялись независимыми и подчиняемыми только закону, разбирательство – открытым.

Определенно одних положений Конституций было недостаточно, чтобы четко организовать деятельность суда [3]. Эту задачу решил Закон «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» принятый 16 августа 1938 г. [4]. Закон внес следующие изменения:

1. Полномочия верховных судов автономных республик и областей были ограничены в части отмены приговоров в порядке надзора. Право было передано верховным судам, прокурорам союзных республик и Верховному Суду, и Прокурору СССР.

2. Структурное построение Верховного суда ТАССР обрело более четкие очертания, увеличилось количество составов, появилось закрепление по районам.

Верховный суд ТАССР проверял законность и обоснованность приговоров и решений народных судов, рассматривал дела о крупных хищениях собственности, о бандитизме и бракоразводные дела.

Несмотря на это, качество рассмотрения дел оставалось низким: ошибки в работе суда, в разрешении дел по существу. Вот некоторые причины этого:

1. В составе Верховного суда из 24 человек было всего 4 члена суда с высшим юридическим образованием.

2. Значительная нагрузка и неукomплектованность ряда судебных участков судьями.

3. Огромное количество дел, которые проходили через суд. В IV квартале 1937 г. судами рассмотрено 3743 уголовных дела. За это же время рассмотрено 13153 гражданских дел [5].

Судебная система усиленно обновлялась. Председатель Верховного суда ТАССР в отчете о деятельности за 1938 г. сообщал, что враги народа в судебных органах, проводившие вредительство, были изгнаны, взамен нанимались новые кадры, разбирались с волокитой и залежами нерассмотренных в срок дел.

В рассматриваемый период перед судами часто ставились несвойственные им задачи, а именно политизированные. Суд контролировался высшими органами государственной власти, исполнял роль правоохранительных органов. Например, на него была возложена задача обеспечения выборов и предотвращения их срыва.

Отмечалось, что народные суды неправильно квалифицировали дела: нецензурная брань в отношении сталинской Конституции или кандидата

в депутаты в Верховный Совет как простое хулиганство, к примеру. Подобная квалификация была, конечно, недопустима в годы сталинских репрессий.

Исторически 1937–1938 гг. известны репрессиями, которые не обошли нашу республику. Руководителей республики обвиняли в поддержке террористов, бухарицев и др. Выдвигались требования по уничтожению этих элементов. В результате было арестовано множество работников партии, директоров различных предприятий, колхозов и совхозов, а также творческая элита: писатели, литературные критики, драматурги, литературоведы, журналисты, работники редакций и издательств [6]. Репрессии не обошли стороной и работников суда, органов юстиции, которые впоследствии были реабилитированы посмертно.

У Верховного Суда СССР была выездная комиссия, которая рассматривала такие дела, некоторые рассматривались на месте Верховным Судом ТАССР.

Таким образом, Главный Суд ТАССР получил новое название, при этом в целом цели и задачи работы, принципы правосудия, подсудность и подведомственность дел остались неизменными.

В 1937 г. для судебной системы ТАССР произошло важное событие, как то, что статус высшего республиканского суда закрепили в конституциях разных уровней нашего государства. Верховный суд ТАССР на территории своей республики встал в один ряд по статусу с союзным и российским верховными судами.

Источники и литература

1. Проект Конституции Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. Казань: Типография Совнаркома, 1926. 21 с.

2. Мухамадеев А. Р. Становление и развитие высшей судебной власти в Республике Татарстан (1920–2007 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Р. Мухамадеев. Казань, 2008. 27 с.

3. Саляхов Д. З. Казань и правосудие / Д. З. Саляхов // Правосудие в Татарстане. 2005. № 2(23). С. 4.

4. Закон СССР от 16.08.1938 «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф.

5. Мухамадеев А. Р. Судебная система Татарской АССР после принятия конституции ТАССР 1937 года / А. Р. Мухамадеев. URL: <https://yandex.ru/turbo/wiselawyer.ru/s/poleznoe/31616-sudebnaya-sistema-tatarskoj-assr-posle-prinyatiya-konstitucii> (дата обращения: 19.09.2020).

6. Елизарова С. «Устроить в Буинске показательный процесс над врагами народа» / С. Елизарова, Г. Фаезова, Д. Шарафутдинов // Эхо веков. 2007. № 1. С. 86–93.

«Великий волжский путь» – пространство диалога культур и цивилизаций

Государства и народы, которые сегодня мы видим на карте Евразии, сформировались в результате глобальных и многочисленных миграций. Длительный процесс проникновения рас и культур был определен целым рядом факторов. И как бы это не было удивительно, далеко не войны были двигателями этого глобального процесса десятки веков назад. Экономические и культурные связи предопределили развитие Евразии как целостной взаимообусловленной социо-политической системы. Вне зависимости от политических предпочтений, различных противоборств на континенте, простые люди, купцы, ремесленники считали необходимым установление связей между народами, между Востоком и Западом.

Так, еще во II в. до н. э. появляется Великий шелковый путь из древнего китайского Сианя через Персию в Индию и на Ближний Восток, к которому чуть позднее нашей эры присоединяется Великий Волжский торговый путь, соединивший через Каспий и Волгу Халифат со Скандинавией.

Торговля была выгодной для всех. Из Центральной Азии вывозились кони, военное снаряжение, золото и серебро, драгоценные и полудрагоценные камни, изделия из стекла, кожа и шерсть, ковры и хлопчатобумажные ткани, экзотические фрукты – арбузы и персики, курдючные овцы и охотничьи собаки. Из Китая караваны везли шелк, фарфор и металлическую посуду, лакированные изделия и косметику, чай и рис. К началу X в. благодаря Великому Волжскому пути Русь становится посредником между Востоком и странами Европы, так как прямая торговля между ними была практически невозможна из-за кочевых племен, преграждавших им путь.

Именно через Великий шелковый и Великий волжский торговые пути произошло культурное насыщение народов Евразии. Великие торговые пути служили проводниками распространения технологий и инноваций, в том числе в искусстве (танцы, музыка, изобразительное искусство, архитектура), религии (христианство, буддизм, ислам, манихейство), технологии (само производство шёлка, а также пороха, бумаги и т.п.). Помимо развития науки и технологии, взаимопроникновения культурных традиций, простые люди, живущие в разных социальных системах, становились ближе друг к другу, несмотря на амбиции правителей и войны.

Сегодня актуальны программы стратегического развития исторически сложившихся Великих путей. Прежде всего экономика дает импульс развитию, в частности, в рамках стратегической программы ООН «Один

пояс – один путь», разрабатывается ряд проектов морских и сухопутных путей между Европой и Азией под общим названием Новый Шелковый Путь. Сухопутные трассы объединены названием «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века», и целый ряд других проектов.

Однако не только экономически целесообразным является придание новой актуальности этим Великим евразийским артериям. Сегодня на первый план выходит также необходимость международного гуманитарного сотрудничества в данной конфигурации «Восток-Запад» через Великие трансконтинентальные артерии. Развитие науки, культуры, образования и туризма становится залогом обеспечения стабильности развития, региональной и глобальной безопасности народов Евразии.

Казань веками славилась как город, сочетающий в себе традиции Востока и уверенно развивающий все самое лучшее и прогрессивное с Запада. Еще во времена Российской империи Казань была «Восточными воротами» страны, и сегодня миссия Казани как третьей столицы России состоит в созидании сотрудничества, установлении прочных связей на восточном направлении. Конфигурация мира и международных отношений меняется, в будущем лидерство в экономическом и политическом аспектах перейдет от Запада к Востоку, и прогрессивный, созидательный союз России и ее восточных партнеров должен стать основой международного сотрудничества и миропорядка для будущих поколений.

В контексте данной стратегии развития межкультурного диалога на просторах Евразии хотелось бы обратить внимание на то, что 22 мая 2018 г. в рамках Семьдесят второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по предложению Межпарламентского союза консенсусом была принята Резолюция 72/278 «Взаимодействие между Организацией Объединенных Наций, национальными парламентами и Межпарламентским союзом». Документ был подготовлен в Межпарламентском Союзе при активном участии делегации России, а соавторами выступил ряд западных стран (Великобритания, Канада и др.).

Основное содержание Резолюции касается межпарламентского сотрудничества в аспекте укрепления стабильности, глобальной безопасности и межкультурных коммуникаций. Особо значимым в рамках данной Резолюции является закрепленная цель проведения в 2022 г. Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу. Дословно в пункте 22 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН указывается, что организация «принимает во внимание предложение Межпарламентского союза организовать Всемирную конференцию по межрелигиозному и межэтническому диалогу, в которой приняли бы участие главы государств, парламентарии

и представители мировых религий, и поддерживает проведение подготовительных мероприятий в сотрудничестве с ООН».

Первоначально идея проведения такого Всемирного конгресса была закреплена в решении Межпарламентской Ассамблеи СНГ («Санкт-Петербургской декларации о развитии культурного плюрализма и мира через межрелигиозный и межэтнический диалог») и принадлежала лично спикеру Совета Федерации ФС РФ Валентине Матвиенко, лоббистом идеи выступил председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по международным делам Константин Косачев. Учитывая то, что данная идея была сформулирована при активном лоббировании российской стороны, предполагается, что такой Всемирный конгресс должен быть проведен в России. Городом проведения, учитывая расположение в Таврическом Дворце Межпарламентской Ассамблеи СНГ, предполагался Санкт-Петербург.

Однако, решение о месте проведения Всемирного конгресса должно быть принято совместно Межпарламентским союзом и ООН, предложение о месте проведения должно поступить в Межпарламентский союз от Российской Федерации по праву авторства данного предложения, вошедшего в итоге в Резолюцию ГА ООН.

Учитывая безусловный статус Казани, исторически сочетающей в своей культуре восточный и западные традиции, вносящей особый вклад в укрепление межкультурного и межконфессионального диалога, а также принимая во внимание опыт столицы Татарстана в проведении крупных международных форумов, необходимо лоббировать возможность проведения Всемирного конгресса по межрелигиозному и межэтническому диалогу именно в нашем городе. На всемирный конгресс по межкультурному диалогу, ввиду принятой Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, должны будут прибыть главы государств, лидеры мировых конфессий, руководители парламентов и высший дипломатический состав ведущих международных организаций.

Опыт организации охраны общественного порядка муниципальными органами в Республике Татарстан

В настоящее время в 43 муниципальных районах и 2-х городских округах Татарстана проживает 3893,8 тыс. человек [1]. Республика Татарстан занимает восьмое место в России по численности населения. Одна из отличительных черт данного субъекта заключается в многонациональном составе населения, представители свыше 170 национальностей проживают на территории республики. Столица Татарстана, г. Казань в 2009 г. на основе регистрации в Роспатенте получила право официально именоваться «Третьей столицей России». За счет богатого культурного наследия Татарстан стал регионом привлекательным для туризма, а развитая инфраструктура позволила на высоком уровне провести большое количество спортивных и культурно-массовых мероприятий различного уровня.

Вышперечисленные положения в той или иной степени оказывают влияние на общественный порядок в регионе. Безусловно, правоохранительные органы РФ на высоком уровне выполняют возложенные на них задачи по обеспечению законности на всей территории нашего государства. При этом потенциал муниципальных органов охраны общественного порядка остается нераскрытым. В 90-е гг. прошлого столетия проводилась активная работа по трансформации имеющегося механизма обеспечения правопорядка на уровне городов, сельских поселений и иных территориальных единиц. Так Указом Президента России от 03.07.1996 № 802 [2] органам местного самоуправления в рекомендательной форме предписывалось создавать организационные, правовые и материальные условия для поэтапного формирования муниципальных органов охраны общественного порядка в соответствии с законодательством Российской Федерации и соответствующего субъекта Российской Федерации, а также предусматривать в уставах муниципальных образований выборность населением руководителей муниципальных органов охраны общественного порядка. Однако такое положение не нашло активного отклика у муниципальных властей, а вся деятельность свелась к жилищному обеспечению сотрудников милиции, осуществляющих охрану общественного порядка. С сентября 1998 по июнь 2000 г. в Российской Федерации проводился эксперимент по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления. По мнению большинства исследователей, из-за несовершенства законодательства, организационных противоречий, проблем финансирования и т. п. идея создания муниципальных милицейских подразделений оказалась

нереализованной в полном объеме [3]. Как отмечает Г. Г. Загайнова, хотя эксперимент и указал на несовершенство предложенной формы организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления, он выявил продуктивные ресурсы муниципальной милиции [4].

Следует отметить, что согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ [5] в качестве вопросов местного значения выделяются:

- организация охраны общественного порядка на территории муниципального района муниципальной милицией;
- организация дорожного движения и обеспечение безопасности дорожного движения на них, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности;
- оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин;
- осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охране их жизни и здоровья.

Как видно из вышеотмеченного, вопросы охраны общественного порядка являются одной из функций местного самоуправления. Хотя на сегодняшний день муниципалитетами она реализуется лишь частично или не реализуется вовсе. Структуры, носящие названия «муниципальная инспекция» и «муниципальная милиция (полиция)», существуют только в некоторых городах РФ: Ижевск (Республика Удмуртия), Златоуст (Челябинская область), Шахты (Ростовская область), Казань (Республика Татарстан).

В 2014 г. в Госдуму был внесен законопроект о создании муниципальной милиции, который предусматривал не только передачу полномочий по охране общественного порядка на местный уровень, но и выборность местным населением руководителей муниципальной милиции, в том числе и участковых. Однако данная инициатива получила отрицательный отзыв Правительства России [6].

В период начала реформ в ОВД и создания полиции неоднократно на высших уровнях государственного управления ставился вопрос о целесообразности передачи муниципалитетам ряда функций по охране общественного порядка. Кроме того, в 2015 г. на Общероссийском конгрессе муниципальных образований было предложено возродить муниципальную милицию, которая должна помочь в борьбе с бытовой преступностью [7]. Позднее глава МВД Республики Татарстан Артём Валерьевич Хохорин предложил принять закон «О муниципальной милиции» в Татарстане и дать возможность субъектам РФ самим финансировать дополнительное число охранников порядка [8]. Заместитель председателя Комитета Госсовета

РТ по законности и правопорядку Рафил Нугуманов отмечает, что муниципальные органы охраны порядка хотели бы создать многие регионы, но нет федерального закона, который бы регламентировал структуру местной полиции, ее соподчиненность, а также финансирование. Без этого документа что-либо предпринимать на местах практически невозможно» [9].

На сегодняшний день в Казани реализуется пилотный проект по созданию жизнеспособных механизмов функционирования муниципальных органов охраны правопорядка. Им делегированы некоторые полномочия полиции по привлечению граждан к административной ответственности. Муниципальные служащие могут составлять протоколы за нарушения правил торговли, за самогонование в целях сбыта, нарушение общественного порядка при посещении культурно-зрелищных мероприятий. Муниципалы привлекают к ответственности попрошайек, лиц, нарушающих тишину в ночное время, купающихся пьяными, тех, кто пристает к гражданам в общественных местах, нарушителей правил выгула собак. Кроме того, у муниципальной милиции есть право наказывать родителей, которые не заботятся о своих детях. Однако данные полномочия не подкреплены правом проверки документов и личного досмотра, а также полномочиями по задержанию правонарушителей. Соответственно, в данных условиях, выявившие нарушение муниципалы могут работать только во взаимодействии с сотрудниками полиции [10].

Возможно, что проводимый в Республике Татарстан социальный эксперимент позволит опробовать разные предложения в части организации муниципальной милиции. Хотя складывается впечатление, что на федеральном уровне нет нацеленности на то, чтобы часть функций полиции передать на местный уровень. Более того, в новой редакции Конституции РФ (01.07.2020) из 132 статьи исключили такую функцию органов местного самоуправления, как осуществлять охрану общественного порядка. При этом большинство специалистов склоняется к тому, что муниципальной милиции (полиции) все-таки быть. Будем рассчитывать, что опыт нашего региона позволит разрешить это достаточно давнее противоречие.

Источники и литература

1. Официальный Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения: 27.07.2020).

2. О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка: Указ Президента России от 3 июня 1996 г. № 802 // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф.

3. Волохов В. Н. Муниципальная милиция в Российской Федерации: исторический опыт и перспективы: документально-публицистическое

исследование / В. Н. Волохов. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. 568 с.

4. Загайнова Г. Г. Муниципальная милиция (милиция общественной безопасности) – попытка конституционно-правового эксперимента / Г. Г. Загайнова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 124–126.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф.

6. О муниципальной милиции в Российской Федерации: проект Федерального закона № 621910–6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.10.2014) // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф.

7. Конгресс муниципалов в Казани призвал на помощь милицию // Бизнес Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/145409> (дата обращения: 27.08.2020).

8. «Своя милиция»: первые комментарии [Электронный ресурс]. URL: http://www.chelnytd.ru/obshchestvo/%C2%ABsvoya_militsiya%C2%BB_pervie_kommentarii (дата обращения: 29.08.2020).

9. Быть ли муниципальной полицией? // Газета «Республика Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-10125580/> (дата обращения: 29.08.2020).

10. Плотникова И. Рафил Нугуманов: «Полиция должна помогать, но главный по муниципальной милиции – это глава!» [Электронный ресурс] / И. Плотникова. // Интернет-издание «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/32068> (дата обращения: 29.08.2020).

Организация медицинского обслуживания детей в Татарской АССР в послевоенные годы

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на демографическое развитие страны как в военные, так и послевоенные годы. Боевые действия не затронули территорию Татарской АССР, однако последствия войны были тяжелыми и трудными и для нашей республики.

В 1946 г. подъем рождаемости был зафиксирован во многих регионах России. После чрезвычайно низкого показателя рождаемости на протяжении 1942–1945 гг., в 1946 г. рождаемость в Татарской республике также резко повысилась (с 13,2 до 25,1 рождений на 1000 жителей) [4, л. 4]. Уже первый год мирного существования дал огромный прирост населения. Увеличение населения произошло своим образующим фактором – рождаемостью, а не механическими процессами за счет демобилизации и других форм возврата отсутствовавшего населения к своим очагам.

Однако уже в 1947–1948 гг. демографическая ситуация в стране изменилась. Во многих регионах произошло снижение показателей рождаемости. В ТАССР же был отмечен прирост, но очень малый – 2%. По мнению В. Б. Жиромской, одной из причин понижения рождаемости в ряде областей Урала, Башкирии и Татарии стал отток мужского населения в трудоспособном возрасте в связи с эвакуацией промышленных предприятий, а также молодых женщин как работавших на предприятиях, так и вступивших в брак с рабочими и служащими, работавшими по брони [8, с. 19].

В 1948 г. отмечается некоторое снижение рождаемости в республике. Она составила 94% по сравнению с данными на 1947 г. [5, л. 37]. Одной из причин уменьшения коэффициента естественного прироста населения стало увеличение числа криминальных абортов. Так, в 1948 г. в Татарской АССР было зарегистрировано 6548 абортов, из них внебольничных – 5852, в том числе криминальных – 267 [6, л. 8].

Основной же причиной снижения показателей естественного прироста являлась младенческая и детская смертность. Эти показатели в Татарской республике оставались также высокими.

Огромную роль в медицинском обслуживании детей в послевоенные годы играли детские консультации. Они обязаны были наблюдать каждого родившегося ребенка до трех лет. В республике в 1945–1946 гг. работали 95 детских консультаций, из них 23 – в Казани. Однако не во всех консультациях хватало врачей и патронажных сестер. Так, в Казани требовались 10, а в сельских районах более 30 детских врачей. В конце

1940-х гг. в Агрызском, Азнакаевском, Больше-Тархановском, Красноборском, Матвеевском, Шереметьевском и в других районах республики полностью отсутствовали педиатрические кадры. Обязанности педиатров в них по совместительству выполняли врачи других специальностей, что мешало проводить необходимую и своевременную профилактику детской заболеваемости и лечить детей.

Кроме того, в детских консультациях отсутствовало необходимое медицинское оборудование: твердый инвентарь, физиотерапевтическая аппаратура, детские весы и т. д.

Большой недостаток детских врачей в Татарской республике, несомненно, влиял на качество лечебно-профилактического обслуживания детей в районах. В связи с этим Наркомат здравоохранения и Совет Народных Комиссаров ТАССР в конце 1945 г. направили докладную записку в союзный Наркомздрав, где содержалась просьба о «подкреплении республики кадрами детских врачей и весь выпуск 1946 г. молодых врачей педиатрического и лечебного факультета Казанского института оставить здесь» [1, л. 23об., 83].

Наибольшее увеличение доли детской смертности пришлось на 1947–1948 гг. Так, если в 1945 г. эти показатели составляли 7,8 на 100 родившихся, то в 1947 г. – 11,8, а в 1948 г. – 9,1 [4, л. 15, 17]. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что система здравоохранения республики в 1946–1947 гг. не сумела встретить подъем рождаемости. Основными причинами повышения детской смертности стали: неполная и запоздалая госпитализация, неудовлетворительные условия содержания больных детей в лечебных учреждениях, а также засуха 1946 г. и последовавший затем голод.

На ослабленное здоровье населения в послевоенные годы существенно повлиял острый недостаток продуктов питания. К тому же, по мнению ряда исследователей, именно голод обострил проблему детского сиротства. В надежде прокормить ребенка, многие одинокие матери вынуждены были отдавать детей в дома ребенка. Несмотря на дефицит мест в этих учреждениях, количество детей, сданных матерями-одиночками, с каждым годом увеличивалось и в конце 1940-х гг. в некоторых из них доходило до 80% от общего количества детей [7, л. 60].

Условия в домах ребенка не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. Для детей раннего возраста не был обеспечен правильный режим питания. Теснота, скученность, отсутствие изолятора, карантинной комнаты – все это способствовало росту заболеваемости и смертности детей-младенцев. Так, в доме ребенка г. Зеленодольска в 1946 г. из 75 детей умерло 35, то есть 46,6% [3, л. 4].

Увеличению показателей детской смертности в первые послевоенные годы также способствовала высокая заболеваемость инфекционными болезнями. Так, в 1949 г. из 1587 умерших детей до одного года: от кори умерли 23 ребенка, от скарлатины – 12, от коклюша – 18, от дизентерии – 296, от гастро- и энтероколита – 179, от гриппа и воспаления легких – 1059 [2, л. 140–163]. Высокую детскую заболеваемость и смертность в послевоенный период можно объяснить тяжелыми материальными последствиями войны, отсутствием средств на улучшения здравоохранения и высокой долей «домашних родов». Дети рождались весьма болезненными и умирали еще при родах.

В начале 1950-х гг. в ТАССР усилился контроль партийно-советских органов за деятельностью родовспомогательных и детских лечебных учреждений. В результате медико-санитарного обслуживания детского населения республики улучшалось. Началось обслуживание детей по системе единой педиатрии. Детские консультации-поликлиники усилили оказание медицинской помощи здоровым детям, улучшили наблюдение за новорожденными. Проведение значительной лечебно-профилактической и противоэпидемической работы привело к снижению детской смертности во многих районах республики.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 310.
2. ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 558.
3. ГА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 553.
4. ГА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 3. Д. 56
5. ГА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 3. Д. 65.
6. ГА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 3. Д. 84.
7. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 6. Д. 2039.
8. Жиромская В. Б. «Бэби-бум» и «бэби-спад»: к вопросу о демографической компенсации в России после Великой Отечественной войны / В. Б. Жиромская // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. М., 2006. Ч. 1.

ТАССР в первые послевоенные годы в исторической ретроспективе

После окончания Великой Отечественной войны масштабы восстановительных работ в стране были огромны. Сотни городов, тысячи поселков и деревень лежали в руинах. Предстояло восстановить тысячи промышленных предприятий, тысячи километров железных дорог, десятки и сотни морских и речных портов, мостовых переправ, всю социальную инфраструктуру.

Свои сложные задачи решались и на тех территориях, куда фронт не дошел, где не было активных боевых действий. Это республики Поволжья и Урал, где с первых месяцев войны работали на нужды фронта эвакуированные из центральных районов страны оборонные предприятия. Такой была и Татарская республика, куда были перебазированы авиационные и другие оборонные заводы, научно-исследовательские коллективы Академии наук СССР и конструкторские бюро, учреждения культуры.

В первые послевоенные годы требовалось в короткие сроки перестраивать промышленность, переводить предприятия на выпуск мирной продукции, возрождать материально-техническую базу села, социальную и культурную сферу.

В новогоднем номере газеты «Правда» от 1946 г. отмечалось, что труженикам города и деревни предстояло продолжить беспримерный подвиг военной поры в условиях мирного строительства, в короткие сроки восстановить разрушенное войной хозяйство [3].

С этими задачами страна успешно справлялась. Центральная, республиканская и местная печать с каждым днем содержала все больше сообщений о том, как шаг за шагом преодолевались послевоенные трудности.

Большое мобилизующее значение имел выход Постановления Государственного комитета обороны в мае 1945 г. «О перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружений» [4]. Конверсия промышленности проводилась наряду с освоением новых технологий и видов продукции на предприятиях машиностроения, в энергетике и химии, легкой и пищевой промышленности. Люди работали круглосуточно, в несколько смен, в тяжелых условиях. По воспоминаниям многих рабочих, инженеров, конструкторов на рабочих местах находились по 12–14 часов, выполняя срочные правительственные заказы, порой там и спали.

К концу 1946 г. конверсия промышленности в основном была завершена, а вплоть до середины 50-х гг. ежегодно государство снижало розничные

цены на основные продовольственные и промышленные товары.

При всей сложности восстановительных работ в промышленности поднимать сельское хозяйство было еще труднее. Война нанесла ему колоссальный урон, в основных отраслях преобладал ручной труд, деревня потеряла различных специалистов. Много дополнительных бед принесла засуха 1946 г. Потребовалось принять целый ряд неотложных мер по оказанию материально-технической помощи селу, направить дополнительные финансовые средства, уменьшить налоговую нагрузку на крестьянские хозяйства. И такая помощь государством была оказана: принято решение с 1954 г. снизить сельхозналог в 2,5 раза, списать недоимки по налогам за прошлые годы, увеличить приусадебные участки, ускорить развитие сельской и промышленной кооперации [2].

Новые перспективы в экономике и социальной сфере открывались с принятием четвертого и пятого пятилетних планов. В Татарской республике в эти годы в тесном содружестве с научными институтами и конструкторскими бюро страны успешно осваивались новые образцы авиационной техники военного и гражданского назначения, сложных компрессоров и приборов, заметно увеличилось производство товаров народного потребления. Задание четвертого пятилетнего плана в промышленности республики было выполнено досрочно. Уже в 1950 г. было произведено продукции в три раза больше, чем в довоенном 1939 г. Образцы изделий Казанского мехового комбината, Чистопольского часового завода и завода «Теплоконтроль» были представлены на всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. [5]

Для восстановительного периода послевоенной советской истории характерны значительные события не только в экономике, но также в социальной и культурной сферах жизни страны. Строились полностью разрушенные города, деревни, небывалый размах получило жилищное и культурно-бытовое строительство. Для первостроителей все начиналось, как правило, с бараков, разного рода временок без удобств. Только спустя годы выросли современные города – Альметьевск, Лениногорск, Нижнекамск, Набережные Челны, ряд благоустроенных поселков. И все же явное преобладание производственных отношений над всеми другими и, прежде всего, над бытовыми условиями жизни было характерно для нашей советской действительности. Для первых послевоенных лет подобные лишения по крайней мере были понятны. Лозунг «Производственный план любой ценой» был аксиомой. Однако длительное отставание в развитии социальных условий становилось все более сдерживающим фактором для дальнейшего прогресса общества.

Распределение финансовых ресурсов по остаточному принципу в ущерб здравоохранению и образованию постепенно сводили на «нет» эти неког-

да действительно передовые, признанные в мире системы. Промедление с решением экологических проблем оборачивалось тяжелыми последствиями, особенно в районах добычи полезных ископаемых, химических, металлургических производств. Об этих проблемах постоянно сообщалось в средствах массовой информации, они решались по мере возможностей с учетом конкретной ситуации на местах при достаточно активной помощи государства. В 50-е и последующие годы проводились масштабные работы по реконструкции и благоустройству столицы республики – Казани. Город разрастался, появились новые районы. С 1950-х гг. в республике началось строительство новых музеев, представлявших историю культуры, искусства и литературы татарского народа. В 1956 г. в центре столицы открылось новое здание Татарского театра оперы и балета, а в начале 60-х гг. начали работу Дворцы культуры, кинотеатры. Национальное самосознание татарского народа заметно выросло в послевоенные годы. Все больше людей интересовались своей национальной историей, традициями, культурой. Расширилось применение татарского языка в общественно-политической жизни, чему активно способствовали переводы классических татарских произведений на русский и десятки других языков народов страны и за рубежом, активная издательская деятельность, пополнявшая экспозиции музеев республики. Все больший интерес стали вызывать музейные ценности, уникальные архитектурные и исторические памятники. Широкое распространение получил культурно-исторический туризм.

По мнению ряда исследователей культуры, историков различных направлений, важнейшей особенностью культурного строительства в Советском Союзе было то, что почти все структуры и институты материальной и духовной культуры принадлежали государству, находились на государственном бюджете, управлялись государством. Это позволяло поддерживать и развивать культуру во всем ее многообразии с учетом национальных особенностей на довольно высоком уровне. По сути своей она была неотъемлемой составляющей мировой культуры. Доктор исторических наук А. Г. Галлямова пишет, что по своему содержанию, устремлениям, ценностным ориентациям, культуры всех населяющих СССР народов были едины, интернациональны, а по форме существования и выражения (язык, жанровые, стилевые характеристики) – национально самобытны, неповторимы [1]. Такова диалектика развития советской культуры в целом.

Для татарской культуры послевоенных лет и последующего периода присущи все современные направления и виды художественного творчества, все виды искусства. Многие произведения литературы, драматургии, живописи, балетного, оперного, вокального искусства стали классикой. В Татарском академическом театре имени Г. Камала ставились спектакли

ведущих драматургов Татарии. Ведущие артисты Казани и целые творческие коллективы и ансамбли были частыми и желанными гостями в различных регионах страны, где проживало татарское население. Знаковым событием была проведенная в Москве в июне 1957 г. Декада татарской литературы и искусства, получившая большой общественный резонанс в стране и за рубежом.

Таким образом, основные события первых послевоенных лет и последующего периода в развитии ТАССР наглядно свидетельствуют о необходимости и значимости этого времени для столетней истории республики, помогают сформировать представление о том, в каких сложных условиях развивалась Татария.

Источники и литература

1. Галлямова А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.) / А. Г. Галлямова. Казань: Магариф, 2010. 223 с.

2. Галлямова А. Г. Развитие ТАССР в послевоенные годы (1945–1985 гг.) / А. Г. Галлямова. URL: <https://www.tassr90.ru/history/45–85/economy/1/>.

3. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (Февраль 1917 – начало 90-х годов): учебное пособие / Р. П. Овсепян. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 208 с.

4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. [Электронный ресурс]. URL: <http://protown.ru/information/hide/5467.html>.

5. Сабирова Д. К. История Татарстана с древнейших времен до наших дней: учебник для вузов / Д. К. Сабирова, Я. Ш. Шарапов. М.: КНОРУС, 2009. 350 с.

Правовое положение ТАССР в составе Союза ССР в 1920–1930 гг.

В XX столетии многонациональный народ Татарстана, как все российское общество, вступил в новое тысячелетие и пережил новый этап государственного строительства в республике.

20-е – 30-е гг. XX столетия являются для татарского народа эпохой становления своей национальной государственности. Как показывает исторический опыт, только государственность выступает надежной гарантией жизнеспособности, экономического, социального и духовного прогресса всякой нации, поэтому народы всегда стремились и будут стремиться к самостоятельности, самоопределению, обретению той или иной формы национальной государственности.

События начала XX в. имеют большое значение для Татарской АССР и всей Российской Федерации в целом. Многое пришлось испытать Татарстану в ходе его формирования как республики в составе Союза ССР. Также целесообразно выяснить, каким правовым статусом обладала республика. Ведь лишь исследуя определенные моменты в истории, мы имеем возможность погрузиться в эту атмосферу.

Создание государственности татарского народа, как известно, прошло в короткий срок в несколько этапов. Вначале предполагалось создание республики «Идель-Урал», затем «Казанской республики», «Татаро-Башкирской республики». Однако наиболее реальным шагом стало образование Автономной Татарской Социалистической Советской Республики. 27 мая 1920 г. Декрет об образовании АТССР был подписан председателем Совнаркома В. И. Лениным, председателем Всероссийского Центрального Исполнительного комитета М. И. Калининым и секретарем ВЦИК А. С. Енукидзе [1].

25 июня 1920 г. отмечается день провозглашения государственности татарского народа. Именно в этот день власть в Татарской республике в торжественной обстановке была передана Временному революционному комитету республики. Первым руководителем стал Сахибгарей Саид-Галиев. Ко дню, с которого ведет отсчет Татарская республика, был подготовлен ее герб. Было у молодой республики и свое знамя.

В Республике впервые было провозглашено равноправие двух языков: русского и татарского. Татарский язык начали изучать и в школах. Начала активно и широко развиваться татарская светская культура и литература. Но самое главное – образование республики имело неоценимое значение в укреплении национального самосознания.

Республика создавалась как многонациональное государство, входящее в состав РСФСР. На ее территории в 1920 г. проживало 2851,9 тыс. человек. Созданная ревкомитетом комиссия провела территориальное деление и определила границ АТССР. Состав республики был во многом определен в соответствии с национальной составляющей. Территорию дополнили уезды с татарским населением, входившие ранее в другие губернии. Используя экономический критерий, территория республики может быть разделена на следующие районы: Предволжский, Юго-восточное и Северо-восточное Закамье, Западное Закамье, Западное и Восточное Предкамье, Северо-запад [5].

В период 1920–1930 гг. Татария стала индустриально-аграрной республикой. Была проведена коллективизация. Созданы новые промышленные предприятия. Успешно ликвидирована неграмотность основной массы населения. С увеличением плотности населения и роста рабочего класса был запущен процесс постройки новых городов и поселков.

Что касается правового положения, Татарская АССР, став союзной республикой в составе Союза ССР, значительно изменила свой государственно-правовой статус, который был закреплён, как было отмечено ранее, Декретом от 27 мая 1920 г. Его официальная часть провозглашала намерение РСФСР создать равенство между всеми республиками, а также механизм деления финансовых и технических средств между регионами из общей казны. В соответствии с требованиями, был ограничен круг полномочий высших органов государственной власти республики: союзным республикам были переданы внешние сношения, оборона, руководство транспортом и связью. Провозглашалось, что власть будет сосредоточена в руках трудящихся и крестьян. Из последующих событий мы знаем, что это был красивый, но ни к чему не обязывающий слоган партии власти.

Структура государственной власти в автономии создавалась в соответствии с принятой в РСФСР Конституцией. Высшим органом государственной власти в республике являлся Съезд Советов ТАССР, а в период между съездами – избираемый им Центральный Исполнительный Комитет с избираемым исполнительным органом – Советом Народных Комиссаров. Созданные народные комиссариаты имели значительную автономию в действиях и подчинены ВЦИК. Как правило, военная сфера была в ведении Татарского комиссариата. Внешняя политика и торговля оставались подотчетностью центральных структур власти [4].

Для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входившими в круг ведения Совета Народных комиссаров ТАССР, были образованы комиссариаты, затрагивающие управление всеми государственными сферами: Совет народного хозяйства, внутренней

торговли, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции, внутренних дел, юстиции, просвещения, земледелия, здравоохранения и социального обеспечения.

Некоторые из этих комиссариатов подчинялись федеральной власти, а некоторые сохраняли автономность в принимаемых решениях и действиях и были ответственны непосредственно перед Центральным Исполнительным комитетом ТАССР. После создания Совнаркома Татарской республики эта организация осуществляла контроль над комиссариатами в пределах сферы влияния республики [6].

Также необходимо указать, какие полномочия имела сама республика. Так, ей предоставлялось право самостоятельно проводить у себя границы между уездами, волостями и селами, образовывать новые территориальные единицы; организовывать охрану порядка и общественной безопасности; решать вопросы просвещения (при этом все языки имели одинаковое право на существование и развитие); строить местную (коммунальную) жизнь; по-своему решать жилищный вопрос и т. п.

Татарская республика имела большие полномочия в вопросах земельного устройства, здравоохранения и социального обеспечения. «Совершенно самостоятельной» республика была в вопросах правосудия: она могла издавать свои законы, вводить свои кары для преступников, миловать тех, кто заслужил.

Стоит отметить, что в республике в 1925 г. была предпринята попытка принятия собственной Конституции, был подготовлен проект. 13 марта 1926 г. на VI съезде Советов Татарской автономии проект Конституции одобрили [3]. Но, как оказалось, текст Конституции Татарской АССР не был утвержден ВЦИК РСФСР и Съездом Советов РСФСР. В результате, жизнедеятельность Татарской АССР осуществлялась в соответствии с Конституцией СССР 1924 г. и Конституцией РСФСР 1925 г., а также законодательными актами, принятыми в Татарской АССР.

Это значит, что Татария в 1920–30-х гг. была наделена не полной, а частичной автономией. Самостоятельностью республика обладала лишь в некоторых вопросах и решениях, в принятии которых не участвовала федеральная власть.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что в 1920-х – 1930-х гг. Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика имела государственно-правовой статус, который был закреплен Декретом от 27 мая 1920 г. Татария обладал самостоятельностью при решении вопросов, касающихся внутренних дел, просвещения, внутренней торговли, здравоохранения и социального обеспечения и т. п. А в более обширных вопросах республика подчинялась федеральной власти.

Источники и литература

1. Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республике: Декрет ВЦИК и СНК от 27.05.1920. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф.
2. О положении дела по реализации татарского языка и перспективах: Постановление ЦИК ТАССР // СУ ТАССР. 1927. 11 с.
3. Проект Конституции Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. Казань.: Типография Совнаркома, 1926. 21 с.
4. Батыев Г. История национальной государственности в Татарии: учебное пособие / Г. Батыев и Ф. Н. Фаткуллина. Казань: Казан, 1982. 176 с.
5. Образование Татарской АССР: сборник документов и материалов / под ред. И. М. Климова и М. К. Мухарямова. Казань: Таткнигоиздат, 1963. 504 с.
6. Образование и государственно-правовое положение Татарской АССР: сборник документов и материалов. Казань, 1960. 173 с.

Конституционное законодательство в ТАССР в условиях автономной государственности (с разработки и принятия проекта Конституции АТССР 1926 г. до разработки, принятия и утверждения Конституции ТАССР 1937 г.)

Рассматривая данную тему в период 1920–1940 гг. необходимо знать и помнить о том, что это был век социальных конфликтов, смертоносных мировых войн, экологических, политических и экономических потрясений. Также этот период характеризуется множеством разнообразных процессов, таких, как становление новых независимых государств, крушения колониальных империй, обретение новых форм собственности государственности народов.

Так и народ Татарской республики, не оставаясь в стороне, вместе с российским обществом переживает этот период изменения всего законодательства и в целом смены общественно политического строя в республике.

Актуальность исследования заключается в изучении процесса эволюции государственности Республики Татарстан как субъекта Российской Федерации. Общеизвестно, что конституционное законодательство имеет системообразующую роль в политико-правовой системе государства, что обуславливает регулирование значимых для общества и государства общественных отношения с помощью норм конституционного законодательства.

В период становления и перехода к нормам международного права, общепризнанным ценностям современной цивилизации, формирования правового государства и демократического общества стали возникать вопросы и проблемы в области конституционного развития России. Для решения ряда трудностей конституционного развития необходимо изучать и анализировать данный процесс не только на федеральном уровне, но и на региональном, то есть на уровне каждого субъекта Российской Федерации.

Татарская республика всегда стремилась к собственному самоопределению, самостоятельности и к обретению своей формы национальной государственности.

1920–1930 гг. для народа АТССР являются временем становления конституционного оформления и национальной государственности. При этом отметим, что республика, идя по такому пути, не ущемляет права и интересы других народов, наоборот, данные действия приводят к исправлению и налаживанию отношений между центром Российской Федерации и её субъектом. Поэтому изучение документов, носящих конституционный и учредительный характер, начального этапа становления, да и в целом

обращение к истории республики является особенно значимым в настоящее время.

Для совершенствования своего правового положения республике была необходима собственная Конституция, но для её создания нужна была фундаментальная база, на которую можно было бы опереться и в дальнейшем отталкиваться. Так, впервые в 1925 г. состоялось принятие Конституции РСФСР, которая закрепляла основной статус государственности автономных республик, что послужило мощным толчком для развития конституционного законодательства Татарской республики.

Проект Конституции 1926 г. представлял собой полное отражение Конституции РСФСР 1925 г., однако, учитывались приоритеты национальной государственности республики. Благодаря накопленной правовой базе и приобретению практического опыта до 1925 г. проект закрепил на уровне Основного закона результаты развития конституционного законодательства в политике и правовом строительстве республики [3, с. 17].

Значение Проекта конституции 1926 г. заключалось в том, что он послужил правовой основой для дальнейшего совершенствования конституционного законодательства республики. Ведь для принятия новой конституции государство непосредственно будет основываться на ещё действующем Основном законе.

В период развития Проекта Конституции ТАССР 1926 г. были приняты нормативные правовые акты как о местных органах самоуправления, так и высших органах государственной власти и управления республики, уточнявшие их права и задачи в новых условиях, а также акты, направленные на централизацию ряда отраслей государственного управления, конкретизацию и усиление федеративных связей Татарской республики и РСФСР.

На смену Проекту Конституции 1926 г. Чрезвычайным XI съездом Советов Татарской Автономной Советской Социалистической Республики в июне 1937 г. была принята первая, официально утверждённая Конституция республики. Она являлась неотъемлемой частью советской конституционной системы, подвела итог недавно начавшегося процесса конституционного строительства в республике и определила основные тенденции развития национальной автономной государственности.

Наряду с этими аспектами вопросы развития и становления конституционного законодательства рассматривались в трудах А. С. Бабурина, А. И. Вдовина, С. С. Алексеева, Б. Л. Железнова, Н. А. Богдановой, Д. Л. Златопольского и многих других российских, а также зарубежных философов, мыслителей, социологов и правоведов.

Так, Г. Р. Хабибуллина в своих трудах выделяет два аспекта действия Конституции АТССР 1926 г. – внешний и внутренний, где внутренний

заключается в соотношении Основного закона АТССР 1926 г. с текущим законодательством республики вплоть до 1937 г., а внешний заключается в использовании законодательного опыта республики различными субъектами федерации на протяжении последующих десятилетий [4, с. 8].

Также доктор исторических наук А. Ю. Хабутдинов подчёркивает то, что на протяжении всего периода становления законодательства происходило как расширение, так и сокращение полномочий республики. Ключевыми были вопросы избрания республиканского руководства, контроль над землями и недрами, а также принятия новых законов [5, с. 3].

Вместе с тем следует отметить, что проводимые в 1920–1940 гг. основы построения социализма, наложили отпечаток на все сферы общественной жизни Татарии, что нашло своё отражение в нормах текущего законодательства.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что для того, чтобы совершенствовать правовую основу и развитие конституционного законодательства республики, в настоящее время необходимо обращаться к начальному этапу становления Конституции. Все принятые конституционные нормы, разработанные как в Проекте Конституции 1926 г., так и впоследствии после принятия первой официально утверждённой Конституции 1937 г., играли значимую роль как для республики, так и для многонационального народа Татарии, затрагивая все сферы общественной жизни.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2020. 64 с.
2. Конституция Республики Татарстан [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф.
3. Туманов Д. Ю. Становление Конституционного законодательства республики Татарстан: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Д. Ю. Туманов. Казань, 2004.
4. Хабибуллина Г. Р. Становление и развитие Конституции Республики Татарстан / Г. Р. Хабибуллина // Электронный каталог отраслевого отдела по направлению «Юриспруденция» (библиотеки юридического факультета) Научной библиотеки им. М. Горького. СПбГУ, 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=70765>.
5. Хабутдинов А. Ю. Историко-правовой анализ развития конституционализма в Татарстане / А. Ю. Хабутдинов // Газета «Медина аль-Ислам». 2012. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://islamrf.Ru/news/culture/history/25105>.

**Специфика репрезентации образа памяти о событиях Великой
Отечественной войны в современном книгоиздании
(на примере книги к 100-летию Министерства
сельского хозяйства Республики Татарстан)**

Семидесятипятилетие Великой Победы над фашистской Германией – событие, которое в этом году широко отмечалось как в России, так и за ее пределами. Кроме проведения торжественных мероприятий различного масштаба, было создано множество документальных лент и телевизионных проектов, а также выпущено большое количество книг, посвященных героям Великой Отечественной войны и историческим фактам, которые до сих пор были неизвестны широкому кругу читателей. Дата стала еще одним поводом привлечь внимание российской и мировой общественности к этой трудной теме, ведь историческая память о прошедшей войне до сих пор будоражит народы и государства, заставляя вновь анализировать ее итоги и переосмысливать свой вклад в Победу и истинную цену многочисленных человеческих жертв.

Тема Великой Победы была отражена не только в изданиях, специально посвященных Великой Отечественной войне, но и в книгах, которые были выпущены по другим поводам. В качестве примера репрезентации образа памяти о событиях Великой Отечественной войны обратимся к юбилейному изданию «Век испытаний и побед», выпущенному в этом году издательством «Логос» им. академика В. И. Андреева к 100-летию Министерства сельского хозяйства Республики Татарстан. Это первое в своем роде издание, в котором прослеживаются все исторические этапы становления и развития в Татарстане сельского хозяйства и основных государственных органов, осуществлявших руководство аграрным сектором республики. Раздел «Они Победу приближали, как могли (1941–1945)» рассказывает о том, какой вклад в общее дело Победы сделали труженики села Татарии.

Прежде чем приступить к анализу данного аспекта, рассмотрим основные дефиниции, которые мы привлекаем в данной статье.

Говоря о репрезентации образа памяти, необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, это некая «вторичность» книжного текста относительно личного присутствия объекта (презентации) [6, с. 30–34]. Поэтому под понятием «репрезентация» мы имеем ввиду создание образа чего-либо, дающее определенное представление об объекте, представление объекта. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» дается следующее определение репрезентации: «(франц. *representation* – воспроизведение,

показ) представление языковых фактов в условиях наибольшей убедительности» [12]. В нашем случае книжный текст выступает как языковой факт, а условия наибольшей убедительности обеспечивают архивные материалы, мемуаристика, иллюстрации (фотографии, плакаты, инфографика).

Кроме того, при изучении репрезентации книжного образа памяти о событиях Великой Отечественной войны имеет смысл обратиться к понятию «медиатекст». Известный медиаисследователь Е. Варганова дает важную характеристику медиатекста – он адресован массовой аудитории и публицистичен, неразрывно связан с социальным пространством [2]. Другой исследователь – И. Винниченко – обращает внимание на то, что каждое общество выступает конструктором определённой социальной реальности, которая включает несколько уровней: личностный, ситуативный, контекстуальный [3]. Память о Великой Отечественной войне как исторический и социальный феномен касается всех уровней социальной реальности.

Понятие «образ» характеризуется учеными разных научных направлений по-разному: как «воспроизведение представления, как некую чувственно воспринимаемую данность» [11, с. 32], как «всякий чувственно вообразимый предмет или лицо, то есть потенциально каждое существительное» [13]. Если обратиться к эпохе Античности, то самым известным примером является образ платоновской пещеры из 7 книги «Государства» [10]. Образ пещеры понимается как чувственный мир, в котором живут люди, он отличается от истинного мира идей, которые доходят до человека только как тени. Аристотель также анализировал образы в качестве посредников между чувствами и разумом, обращая внимание на то, что они находятся изначально во внутреннем мире человека [8, с. 31]. Философ Августин Блаженный считал, что именно через образы осуществляется познание [1].

Современный философ Д. В. Пивоваров поднимает такие важные для проблематики нашей статьи проблемы: зависит ли целостность образа от оригинала? нейтрален ли образ по отношению к оригиналу или же стремится к некоей трансформации? [9, с. 74] В «Новой философской энциклопедии»: «образ – это результат реконструкции объекта в сознании человека; понятие, являющееся неотъемлемым моментом философского, психологического, социологического и эстетического дискурсов» [7]. Подытожим: образ – это результат продуктивной деятельности воображения, создающей различные модели и конструкции и проводящей мысленные эксперименты, это синтез наглядности и абстрагирования.

В разделе «Они Победу приближали, как могли (1941–1945)» выбранного нами в качестве эмпирического материала издания «Век испытаний и побед» прослеживаются два вектора создания образа памяти о событиях

Великой Отечественной войны: первый вектор – образ, сформированный в культуре советского общества и связанный с коллективной исторической памятью народа, пережившего войну, и второй вектор – образ, который создается в настоящее время при участии различных медиа, в том числе Интернета, изобилующего материалом разного характера – документальным, мемуарным и непроверенным «народным» контентом. Глобальный медиатекст, несомненно, влияет на процесс формирования различных образов.

Понятие «книжный образ», несомненно, близко к понятию «литературный образ» – оба понятия ограничены репрезентацией реальности в пределах организованного в пространстве конкретного текста. Но образ, создаваемый в книжном издании, включает в себя и вербальные, и невербальные средства выражения. Порой сложно определить, что имеет главное значение, а что второстепенное – непосредственно текст или изобразительный ряд, несущий в себе большой эмоциональный заряд. Как отмечает Н. И. Жинкин, вербальная информация требует от мозга дополнительной переработки для восприятия, а изображение воспринимается проще и быстрее, что было подтверждено исследованиями психологов и психолингвистов [5; 4].

Образ памяти о событиях Великой Отечественной войны, который создан в разделе рассматриваемого нами издания, является в нем не доминирующим, а второстепенным, так как книга посвящена сельскому хозяйству. Обращение к теме войны в отдельном разделе книги позволяет раскрыть новый ракурс быта крестьян и деятельности села в Татарстане в военные годы. Ведь война в истории аграрного сектора республики была вписана особой стратегически важной миссией. Через тему материальных лишений, личных драм и суровых испытаний, выпавших на долю каждого сельчанина, авторы издания убедительно показывают, какой ценой решались тогда проблемы продовольственной безопасности страны и обеспечения необходимыми сельскими продуктами на фронтах.

«Всё ли мы знаем о Великой Отечественной войне? Уже много десятилетий отделяют нас от нее, а правда о войне – словно глубокий колодец, из которого все черпаешь и черпаешь воду, а дна не видно. Мы все больше понимаем, что величие подвига народа, победившего в этой жестокой кровопролитной войне, измеряется не только огромными человеческими потерями на поле боя, военными действиями и подвигами на фронтах. Это еще и беспрецедентная трудовая мобилизация людей в тылу страны – во имя Великой Победы». Так задается главная тональность раздела «Они Победу приближали, как могли».

Лейтмотивом через весь текст проходит тема вклада женщин в развитие сельского хозяйства в годы войны. Образ женщины определяется такими

выражениями, как «главная сила в колхозах», «хрупкие плечи женщин», «женщины-трактористки», «подруги-стахановки», «женщины, впряженные вместо лошадей», «женщины-председатели колхозов» и др. Кроме образа женщины-труженицы мы видим также образ матери, мужественной и жертвенной, которая, пока мужчины воюют, отвечает за сохранение семьи и дома. «Сегодня, 75 лет спустя, нам трудно представить, как при такой колоссальной физической нагрузке, суровости быта и многочисленных лишениях деревенские люди выжили. И не только выжили, но и сохранили, вырастили достойными людьми своих детей».

Авторы приводят детали сельского быта, используют для убедительности архивные данные и произведения татарских писателей и художников. И даже тогда, когда достаточно обезличено описывается скудное меню жителей деревни: «Использовали в пищу пролежавшее зиму хлебное зерно, замерзший гнилой картофель, из которого делались лепешки . . . Сахар заменяли самодельным мармеладом из тыквы и свеклы. Кашу варили из семян лебеды, лепёшки пекли из конского щавеля. Вместо чая использовали листья черной смородины, сушеную морковь и прочие травы. Зубы чистили обычным углем». – Мы видим между строк образ женщины-хозяйки, которая прикладывает все возможные и невозможные усилия, чтобы дети выжили.

Привлеченные в этом разделе архивные фотографии (черно-белые) передают нам портреты женщин в разных локациях сельского хозяйства – за рулем трактора, на поле и на фермах. Женские образы на снимках в большинстве своем суровы, мало эмоциональны и даже аскетичны. Это женщина-боец, труженик, надежная опора и тыл для воюющего мужа, отца и брата.

Данный ракурс определенным образом окрашивает статистические данные, документальный материал, которые приводятся как свидетельства того, что сельское хозяйство Татарии выполняло поставленные перед республикой задачи того времени. Тема Победы в Великой Отечественной войне как важный ориентир для развития страны победителей в последующем присутствует и в разделах, посвященных сельскому хозяйству республики в период «хрущевской оттепели» и в период «застоя».

В результате анализа данного издания мы можем прийти к следующим выводам. Образ памяти о событиях в Великой Отечественной войне носит для российского общества сакральный характер. Если рассматривать современное книгоиздание в контексте многообразных медиа, окружающих каждого современного человека, то обращение к данному образу в книгоиздании позволяет выйти на уровень эмоционального, глубокого осмысления документального материала самого разного содержания.

Источники и литература

1. Августин блаж. Исповедь. Книга 8 / Августин блаж. // Христианская психология и антропология [Электронный ресурс]. URL: http://www.xrap-spb.ru/libr/_Avgustin/ispoved-08.html (дата обращения: 19.04.2018).
2. Варганова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ / Е. Л. Варганова // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 1. С. 7–26.
3. Виниченко И. В. Модные образы и общество: традиции и новые РЕАЛИИ / И. В. Виниченко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LIV междунар. науч.-практ. конф. № 11(54). Новосибирск: СибАК, 2015.
4. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи: дис. ... д-ра. пед. наук / И. Н. Горелов. М., 1977.
5. Жинкин Н. И. Механизмы речи: дис. ... д-ра. пед. наук / Н. И. Жинкин. М., 1959.
6. Ким И. В. Модели репрезентации и проблемы социальных симулякров / И. М. Ким // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2007. Т. 2, № 2. С. 30–34.
7. Образ // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0194da78403990285f864994> (дата обращения: 19.04.2018).
8. Орлов Е. В. Аналитика Аристотеля / СХОЛН / Е. В. Орлов // Философское антиковедение и классическая традиция. 2008. Т. 2. Вып. 1. 169 с.
9. Пивоваров Д. В. Философия религии. Гносеология религии в 2 ч. / Д. В. Пивоваров. М.: Юрайт; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 263 с.
10. Платон. Государство. Книга VII [Электронный ресурс] / Платон. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos07.htm> (дата обращения: 19.04.2018).
11. Потемня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потемня. М., 1990.
12. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М., 1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/representaciya/?q=486&n=1545> (дата обращения: 20.03.2019).
13. Шабанова Н. А. Словарь литературоведческих терминов / Н. А. Шабанова. Инта, Республика Коми, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456> (дата обращения: 21.03.2019).

**Положительный опыт Республики Татарстан в локализации
социальной напряженности общества, обусловленной
деструктивной деятельностью молодежных преступных сообществ:
историко-правовой аспект³²**

Социально-групповой самоорганизацией молодежи являются не только конформные или аполитичные структуры, но и деструктивные коммуникативные стратегии и сообщества в сетевом пространстве. Деструктивный сетевой тип коммуникации идет от виртуальной к объективной реальности, что позволяет деструктивным группам вначале заявить о себе в Интернете, а потом уже выходить за пределы виртуальной реальности и трансформироваться в различные формы экстремистского поведения молодежи в реальном пространстве.

Для понимания негативных процессов в среде молодежи в Татарстане важным является мониторинг деструктивных движений, имеющих тенденцию перерасти в уличный активизм как спланированную незаконную политическую акцию или в серию криминально-хулиганских мероприятий с целью запугивания населения.

Молодежный ультрарадикализм получил возможность роста благодаря глобализации и информатизации общества. На это оказывает влияние информационное неравенство, виртуализация социальных практик, господство интернета и социальных сетей в молодежной среде. Увеличивается потенциальная аудитория молодых людей, соприкасающихся с ультрарадикальными концептами в социальных сетях Рунета. Молодежный экстремизм «виртуализируется», что существенно осложняет профилактику этого антисоциального феномена.

В современной России следует обратить внимание на распространение криминальной субкультуры в среде улично-дворовой молодежи, которое достигло угрожающих размеров и создает угрозу для стабильного социально-экономического развития страны.

Прежде всего, речь идет о молодежной субкультуре А.У.Е. (расшифровывается как «арестантский уклад един» или «арестантское уголовное единство»), которая возникла в результате криминализации улично-дворовых кампаний [1]. Можно констатировать усиление влияния криминального мира на маскулинные молодежные сообщества улично-дворового профиля.

Это субкультура, пропагандирующая блатной образ жизни, культивиру-

³² Статья выполнена по государственному заданию № 0599–2020–0006 «Проблема бесконфликтного социального взаимодействия».

ющая определенный кодекс хулигана, основывается на ненависти к правоохранительным органам. Однако во всем этом, прежде всего в социальных сетях, присутствует определенная стилизация. Преступные и антиобщественные группировки молодежи возникают в процессе криминализации обычных дворовых и уличных компаний, привнесения в них идеологии криминального мира.

Как подчеркивает Э. Эриксон, молодежь может «вместить в себя столь глубокую идентичность лишь путем агрессии, а то и вспышек насилия...», а элементы прежде негативной идентичности становятся абсолютно господствующими, в то время как позитивные совершенно устраниаются [2].

Итак, переломным моментом для подростка является время окончания 9 класса средней образовательной школы. Перед большинством школьников встает вопрос с самоопределением в профессиональной сфере – идти дальше в колледж, техникум или в 10 класс и дальше в вуз, а также вопрос, связанный с дальнейшей социализацией в своей возрастной группе. Именно в это время подросток чувствует наибольшую социальную и физическую уязвимость, особенно те, кто получил неполное среднее образование.

Для улично-дворовой молодежи характерна несформированность политических установок, отсутствие выработанных моделей политического участия и социально активной жизни, доминирование «идеологического бессознательного» или квазиидеологий. По К. Маннгейму, «в слове “идеология”, имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других». В данном случае, отсутствие социальных лифтов для такой молодежи создаёт ситуацию формирования собственных ценностей и механизмов социализации во взрослый мир, которые могут носить не всегда общественно одобряемый сценарий [3].

Схематически представителей «А.У.Е.» субкультуры можно представить в следующем виде:

1. «Виртуальные ауешники» – внешний концентр в субкультуре, которые в ходе заражения криминальной идеологией могут «уходить» на улицу.

2. «Пацаны с улицы» (потенциально могут перейти в третью категорию) разделяются на несколько возрастных групп: молодые, старшие, древние. Возрастные рамки четко не определены.

3. «Пацан сидевший» – это молодой человек, прибывший в колонию, уже индуцированный идеологией «А.У.Е.» и вернувшийся на свою улицу после окончания заключения [4].

Именно внешний концентр поклонников данного молодежного движения требует активного внимания со стороны педагогов, учителей и социаль-

ных работников. Требуется разработка инструментария в виртуальном пространстве по противодействию данной идеологии.

Анализ информационной обстановки в сети проводимой «Казанским межрегиональным центром экспертиз» показывает, что контент основных Интернет-ресурсов по продвижению улично-криминальной идеологии носит наступательный, агрессивный характер, отличается хорошей теоретической базой, продуманным спектром методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей и защищенностью ресурсов.

Поэтому формирование антиэкстремистского сознания молодежи через механизмы контрпропаганды не всегда является эффективным средством. Особенно это касается молодежи, которая уже вовлечена или вовлекается в деструктивные сообщества.

Контрпропаганда в сетевом пространстве строится на использовании так называемого контр-контента, под которым понимается жесткая аргументация, обычно в виде визуальных образов (демотиваторов, мемов), постов, видеороликов и т. д., развенчивающие деструктивные концепты.

Контр-контент, который показывает вредность каких-либо деструктивных привычек, концептов, экстремистских идеологий в следствие специфики восприятия информации в подростково-юношеском возрасте, обычно у «зараженных» пользователей вызывает негативную реакцию, поэтому прежде всего следует акцент делать на альтернативном контенте. Наиболее эффективным в данной ситуации является использование картинок, «мемов» и демотиваторов по сравнению с нарративными и видеографическими материалами.

Под альтернативным контентом понимается ситуация перекодирования знаково-символьной системы потребителя, его ценностей через подмену смыслов в деструктивных идеологических конструкциях, что вызывает когнитивный диссонанс. Альтернативный контент создаёт ситуацию осмысливания и разочарования в догматических концептах деструктивных сообществ, прежде всего среди внешнего центра пользователей улично-криминальной тематики.

Размывание ядерной идеологии деструктивных сообществ покажет поллярность подходов и установок в социальном пространстве, двойственность деструктивных максим, которые будут подменяться более продуктивными концептами. Вирусное распространение альтернативного контента продемонстрирует определенную заинтересованность в подобном материале у неглубоко индуцированных пользователей, создаст потенциальный мировоззренческий раскол и переход на общегражданские позиции.

Однако, данная работа должна развиваться в русле соблюдения основных принципов контрпропагандистской деятельности в сфере противодействия

экстремизму в Интернет-пространстве как составляющей общегосударственной концепции безопасности: гуманизма, общегосударственного патриотизма, идеологической обоснованности, социальной справедливости, соблюдения прав человека. Альтернативный контент не отменяет традиционные способы контрпропагандисткой деятельности, прежде всего «деромантизации» террористических лидеров.

Итак, альтернативный контент в контрпропагандисткой деятельности – это более «тонкий» инструмент, который создает ситуацию критического осмысления деструктивных идеологем для потребителя и возможность возвращения его на общегражданские позиции. Важное значение имеет ранняя профилактика вовлечения подростков в улично-криминальные сообщества. Эта работа должна вестись по нескольким направлениям.

Во-первых, это информационно-просветительская работа в рамках образовательного учреждения с родителями о механизмах вовлечения в молодежные деструктивные сообщества. Работа с семьей подразумевает формирование и развитие открытых и доверительных отношений в детско-родительских коммуникациях.

Во-вторых, в рамках образовательного учреждения расширение перечня культурно-просветительских и оздоровительных мероприятий для учащихся – это различного рода кружки, спортивные секции, экскурсии, походы и прочее. Прежде всего, это занятия спортом с повышенным риском, активный туризм, что позволит переключить внимание молодежи, находящейся в группе риска, на социально приемлемую деятельность.

В-третьих, активное использование в работе с семьями, в которых подростки стали участниками улично-криминальных сообществ возможностей общественных организаций.

Источники и литература

1. Иванов А. В. Феномен улично-криминальной субкультуры «А.У.Е.» среди молодежи в Республике Татарстан / А. В. Иванов, В. Е. Козлов // Казанский педагогический журнал. 2019. С. 205–208.

2. Erikson E. Identity: Youth and Crisis / E. Erikson. New York: W. W. Norton, cop., 1994. P. 79.

3. Mannheim K. Ideologie und Utopie / K. Mannheim. Klostermann, 1995. 302 p.

4. Иванов А. В. Последователи идеологии «А.У.Е.» в Республике Татарстан: факторы и акторы негативной социализации / А. В. Иванов, В. Е. Козлов, Ю. Ю. Бурмистрова // Казанский педагогический журнал. 2019. № 6. С. 211–215.

**Некоторые вопросы организационно-кадрового строительства
Рабоче-крестьянской милиции Казанской губернии в 1917–1920 гг.
(на материалах Краснококшайской и Козьмодемьянской
уездных милиции)**

Сразу после революции 1917 г. в рамках осуществления радикальных преобразований Советское государство приступило к формированию рабоче-крестьянской милиции. Ее организация была узаконена постановлением НКВД «О рабочей милиции», изданным 28 октября (10 ноября) 1917 г. [4] Документ предписывал создать при Советах рабочих и солдатских депутатов отряды рабочей милиции, состоящие из трудоспособных граждан страны как органы охраны социалистического общественного порядка.

Из-за слабости влияния центральных органов губернские и уездные Советы принимали множество постановлений, распоряжений, других документов, создали широкую нормативно-правовую базу деятельности милиции на местах. Так, в январе 1918 г. Совет рабочих и солдатских депутатов Казанской губернии, в состав которой входили Царевококшайский и Козьмодемьянский уезды, принял постановление об упразднении прежних органов милиции и передаче ее функций отрядам Красной Гвардии.

В Царевококшайском уезде первый шаг к созданию советской милиции был сделан в феврале 1918 г. VII общее собрание уездного Совета тогда специально рассмотрело вопрос «О милиции». По итогам обсуждения было решено создать в уезде на добровольных началах революционный гарнизон, а волостным земским управам поручить в десятидневный срок выбрать волостных начальников милиции и милиционеров. Были определены следующие принципы выборов: на каждые пять тысяч жителей требовалось избрать на волостных сходах одного милиционера, который должен был быть грамотным и благонадежным; на 15 тысяч – одного конного и двух пеших милиционеров.

Надо признать, что в начале 1918 г. население не всегда имело четкое понимание того, что создание органов охраны общественного порядка и безопасности необходимо. Так, в Петриковской волости Царевококшайского уезда крестьяне решили не проводить выборов, не находя нужным иметь в своей волости милиционеров. Начальник этой же уездной милиции в феврале 1918 г. направил в Царевококшайский Совет письмо, в котором ставил принципиальный вопрос: «Нужны ли милиционеры вообще?». Но по мере обострения ситуации в стране и в регионе в сознание граждан приходило понимание необходимости формирования органов правопорядка.

Органы милиции возникали сначала, как правило, в губернских городах и уездных центрах, затем они создавались в волостях и селах. В марте 1918 г. указания об организации органов Советской власти на местах, включая создание милицейского отдела, поступили от Казанского уездного Совета крестьянских депутатов. В предписаниях волостным учреждениям отмечалось, что милицейские отделы формируются для наблюдения за порядком и охраны личной и общественной собственности. Тогда же на VIII уездном съезде Советов было утверждено «Положение о народной милиции Царевококшайского уезда». В нем подчеркивалось, что новая милиция комплектуется на основе выборов кандидатов из числа городской и сельской бедноты. Работа по комплектованию милиции возлагалась на Советы.

Благодаря принятым мерам в феврале–марте 1918 г. при исполкоме Царевококшайского уездного Совета создается на добровольной основе отряд численностью в 50 человек, ставший вооруженной опорой в борьбе с контрреволюцией. Первым начальником Царевококшайской уездной милиции постановлением собрания уездного Совета, как уже отмечалось, был избран уроженец Костромской губернии Николай Николаевич Раскатов.

К весне 1918 г. на местах удалось создать различные органы подавления классово-враждебных элементов. Так, 23 апреля губернские власти извещались о том, что в Царевококшайском уезде имеются исполком, комиссариат юстиции, революционный трибунал, судебно-следственная комиссия, съезд местных судей, уездные казначейства, управление уездной милиции, местная тюрьма. Все это дало возможность укрепить Советскую власть, развернуть социалистическое строительство.

Создание советской милиции шло чрезвычайно трудно, поскольку пришедшие к власти пролетариат и беднейшее крестьянство не имели ни опыта государственного строительства, ни готовых образцов, которыми можно было бы воспользоваться. Сказывалась недостаточная четкость указаний центра по поводу строительства новой милиции.

В этих условиях все более очевидной становилась необходимость возложения охраны правопорядка на штатную государственную милицию. Юридическое оформление ее создания состоялось 12 октября 1918 г., когда Наркоматы внутренних дел и юстиции утвердили Инструкцию «Об организации Советской Рабоче-крестьянской милиции». Согласно Инструкции подбор кадров для милиции стал вестись на основе вольного найма. Руководители местных органов милиции избирались соответствующими исполкомами Советов [6]. Комплектование кадров велось по принципу классовости, который получил законодательное закрепление в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа: «Эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти». Это положение было воспро-

изведено и в Конституции 1918 г. (раздел I, гл. 4). Инструкция требовала, чтобы лица, поступавшие на работу в милицию, признавали Советскую власть, имели активное и пассивное избирательное право, которыми пользовались только рабочие и крестьяне.

Требования нормативно-правовых актов о классовом подходе к формированию милиции в целом на местах выполнялись. «Состав милиционеров формируется из беднейших крестьян по удостоверениям, выданным комитетами бедноты», – сообщали из Царевококшайской уездной милиции в декабре 1918 г. Подобные свидетельства содержат и многие другие хранящиеся в архивах отчеты, информационные сводки и доклады.

Чтобы исключить возможность проникновения в милицию чуждых элементов, Инструкция НКВД и НКЮ от 12 октября 1918 г. указала основания для отказа в приеме на службу: наличие судимости, нахождение под следствием, лишение или ограничение прав по суду, использование наемного труда с целью извлечения прибыли, занятие частной торговлей или торговым посредничеством. Запрет на службу в милиции распространялся также на лиц, живущих на нетрудовые доходы, служащих культов, служащих и агентов бывших жандармских отделений и чинов бывшей полиции, а также членов императорского дома.

Во исполнение данного указания в милиции периодически происходили чистки рядов милиции. Так, на основании приказа заведующего Казанской губернской милицией от 2 января 1920 г. [3, л. 3] по итогам пересмотра личного состава в Козьмодемьянской уездной милиции были уволены двое бывших чинов полиции. По приказу Главного управления РКМ от 15 апреля 1920 г. из милиции были уволены мелкие содержатели лавок, владельцы кустарных мастерских, все те, кто «промышлял на стороне».

Важным моментом кадровой политики в органах милиции стал принцип партийности, предусматривавший членство ее работников в компартии, комсомоле или их сочувствие этим политическим организациям. Воплощение в жизнь данного принципа рассматривалось в качестве одного из условий строительства милиции на социалистических началах, обеспечения ее высокой боеспособности. Главное управление милиции в телеграммах от 5 января и 15 апреля 1919 г. предлагало организовать при всех органах милиции партийчейки, возложив на них задачу усиления идейно-политической работы среди личного состава. Причем росту партийных рядов способствовала и сама природа формирующегося режима, предполагавшая высокую социальную мобильность общества. Этот режим позволял быстро подниматься по социальной лестнице миллионам людей, для которых ранее такая возможность была недоступна. Наличие партийного билета стало условием удачной карьеры. Как результат – в Краснококшайской уездной

милиции большевики в начале 1919 г. составляли менее 7%, в 1920–14,3%, Козьмодемьянском – 27% и 29% соответственно [с. 14].

Особенно тщательно подбирался командный состав милиции. Согласно Инструкции НКВД и НКЮ на должности заведующих городскими, уездными и губернскими управлениями милиции и их помощников, как правило, назначались лица, имеющие соответствующую подготовку, преданные Советской власти, интересам рабочего класса и беднейшего крестьянства [5]. Их назначению предшествовало обсуждение в уездных комитетах партии и исполкомах Советов.

Поддержав подобный подход к командным кадрам, съезд заведующих уездными отделами управления и начальников уездной милиции Казанской губернии 21 октября 1918 г. потребовал выдвигать на должности начальников органов милиции коммунистов, имеющих полное среднее образование и стаж милицейской работы. И уже в ноябре во исполнение принятого решения во главе Козьмодемьянской милиции был поставлен В. С. Мамонтов, Краснококшайской – Я. Я. Брувер.

Командный состав милиции преимущественно формировался из числа солдат и матросов, получивших закалку на фронтах империалистической и гражданской войн. Среди них были П. А. Аникин, П. Л. Дашков, Е. Н. Викторов, И. С. Семенов, В. К. Юрьев. Одновременно комплектование кадров шло и из числа партийных и советских активистов низового звена, как правило, не имевших военной подготовки. Такими были Н. И. Баженов, Ф. М. Столяров, Н. Н. Раскатов, Э. П. Сколмейстер, С. К. Яшин и др. В ходе практической работы они быстро освоили милицейское искусство, решительно проводили политику партии в области законности и охраны правопорядка.

Но наряду с честными работниками, в милицию проникло немало тех, для кого приверженность к новой власти носила неискренний, лицемерный характер. «Служащие недисциплинированны..., с работой не знакомы..., малограмотны..., многие занимаются взяточничеством», – сообщал в августе 1920 г. начальник Краснококшайской милиции Ф. Ф. Лаптев.

При комплектовании милиции к кандидатам предъявлялся и комплекс профессионально-нравственных требований. Они были сформулированы в обязательствах милиционера, которые подписывались кандидатами при поступлении на службу, и предусматривали честность, трезвость, запрет на использование служебного положения в личных целях. От них требовалась готовность безропотно переносить стужу, непогоду и прочие тяготы, связанные с несением службы. Комплектовать милицию исключительно грамотными, подготовленными людьми в те годы было нереально. Многие сотрудники милиции «почти совершенно безграмотные, не умеют даже читать и нуждаются в обучении», – говорилось в марте 1919 г. на X Крас-

нококшайском уездном съезде Советов. Поэтому при зачислении на службу предпочтение отдавалось кандидатам, которые отличались «преданностью интересам рабочего класса и беднейшего крестьянства».

По мере укрепления милиции требования к ее личному составу повышались. IX съезд РКП(б) потребовал, чтобы милиция опиралась на подготовленные в военном, техническом и политическом отношении кадры.

Революция 1917 г. пробудила к активной политической деятельности национальные окраины. В отношениях между нациями и народностями стали утверждаться принципы равноправия, братской дружбы и сотрудничества. Власти добивались привлечения в ряды милиции представителей коренной национальности. VII общее собрание Царевкокшайского Совета потребовало назначения милиционеров по уезду и по волостям пропорционально национальному составу населения. Тем самым обозначился еще один значимый фактор в комплектовании кадров милиции: знание ими национальной специфики коренного народа, его языка, культуры, быта, традиций. В местах компактного проживания марийского населения были случаи отстранения милиционеров от занимаемой должности, переброски их на другие участки работы из-за незнания марийского языка.

Служба в милиции требовала от ее работников зрелости и жизненного опыта. Поэтому в ее ряды, согласно Инструкции НКВД и НКЮ от 12 октября 1918 г., принимались лица, достигшие 21 года. Верхний возрастной порог для них не был установлен. Летом 1920 г. по распоряжению Главмилиции начался прием в ряды РКМ лиц непризывного возраста, но не моложе 18 и не старше 50 лет, освобожденных от службы в Красной Армии, но годных для службы в милиции. В результате в милицию пришли подростки 17–18 лет, которые по физическому развитию были не готовы к милицейской службе.

Некоторые исполкомы назначали на должности чрезмерно молодых людей. В 20 лет начальником городской милиции стал В. И. Иевлев (Козьмодемьянск), помощниками начальника уездной милиции – М. Н. Булычев и А. В. Николаев (Краснококшайск). Заведующим уголовно-следственным столом в 22 года был назначен Ф. М. Столяров (Краснококшайск), в 21 год – В. Ф. Черников (Козьмодемьянск). Они были полны революционного энтузиазма, но у них не было знаний, необходимых для профессиональной работы, и часто – элементарной культуры.

Суровые реалии гражданской войны не делали снисхождения к тем, кто начинал милицейскую службу в столь юном возрасте со столь почтенных должностей. Под воздействием негативных явлений в жизни революционного общества энтузиазм иссякал, совершалась переоценка ценностей, что нередко приводило молодых людей к увлечению удовлетворением личных потребностей.

Одной из серьезных проблем, с которой столкнулась в те годы милиция, стала проблема стабильности ее кадров. Непостоянство основного состава работников, кратковременность пребывания их на занимаемых должностях – все это было повсеместным явлением. С марта 1918 г. по март 1919 г. в Краснококшайском уезде сменились три начальника – Н. Н. Раскатов, П. А. Аникин, Я. Я. Брувер. За семь последующих месяцев начальниками уездной милиции побывали А. В. Козырев, А. А. Чиркин, Шалаев, И. С. Семенов, М. Л. Шестало, И. Ф. Казарез. За это время обязанности начальника Козьмодемьянской милиции исполняли три человека; его помощника – шесть [1, с. 46]. Кадровая чехарда лишала работников возможности в полной мере проявить свои способности, обрести опыт, действовать с расчетом на перспективу.

По сравнению с царской полицией советская милиция края была моложе, хуже образована, как и царская полиция отличалась чиновничеством и непрофессионализмом. Сохранялся недемократический подход к набору кадров: запрещалось принимать в ряды милиции некоторые категории населения. Однако у новой милиции появились и обнадеживающие признаки, связанные с изменениями этнического состава служителей правопорядка, формированием у них готовности служить Родине.

4 ноября 1920 г. было провозглашено создание советской автономии марийского народа, что стало актом большого политического значения. Краснококшайский и Козьмодемьянский уезды вошли в состав Марийской автономной области, в связи с этим прекратилась их подчиненность Казанской губернской милиции. Однако взаимодействие и сотрудничество органов правопорядка соседних территорий продолжилось.

Источники и литература

1. Иванов В. А. Милиция в Марийском крае: проблемы организации и деятельности / В. А. Иванов. М.: Логос. 2006. 640 с.
2. Иванов В. А. Очерки истории марийской милиции / В. А. Иванов, И. А. Бояринцева, В. В. Иванов. Йошкар-Ола, 2020. 556 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 3997. Оп. 3-л. Д. 9. Л. 2.
4. О рабочей милиции: Постановление по Народному комиссариату внутренних дел от 28.10. 1917 г. // СУиР РКП РСФСР. 1917–1918. Отд. 1. № 1. Ст. 15.
5. О советской Рабоче-крестьянской милиции: Декрет СНК от 3.04.1919 // СУиР РКП. 1919. № 13. Ст. 133
6. Об организации советской Рабоче-крестьянской милиции (Инструкция): Постановление народных комиссариатов по внутренним делам и юстиции от 12.10. 1918 // СУиР РКП. 1918. № 75. Ст. 813; № 80. Ст. 842.

Сохранение исторической памяти: к 100-летию государственности Татарстана

Люди старшего поколения говорят, и иногда это осознается, что вместе с ними постепенно уходят особенности татарского быта, песни, поговорки, приметы, язык и история. Поволжские татары уже не пользуются арабским шрифтом, не читают классические произведения на родном языке. Реальная история, не та, которая обобщена в учебниках, а та, которой жили наши деды и прадеды (как говорят специалисты, они не всегда совпадают) в очередной раз стирается.

В статье мы предприняли попытку раскрыть тайну комплекса разновременного вооружения из фондов Бугурусланского краеведческого музея. История государства складывается из истории его жителей. Исследование опирается на сведения одной из интересных частных историй нашего народа – родословной (шаджарэ) из села Иске Ермак (Ст. Ермаково), Камышлинского района Самарской области.

Исследование опирается на подлинные письменные и устные источники информации: книгу поступлений, инвентарные книги коллекции «Оружие» и «Археология» Бугурусланского краеведческого музея, информацию о которых нам любезно предоставила директор музея и главный хранитель Альфия Вахитовна Косынко.

Авторами использовались семейные родословные, научные работы Ризаэтдина Фахретдина и его исследователей, в ходе поиска информации о предках, нам пришлось просмотреть многолетние издания петербургских «Курантов» и «Ведомостей» XVIII в., русские летописи и другие виды письменных источников. Исследовались также материальные памятники: экспонаты Бугурусланского и других музеев.

В ходе исследования нами, нашими предшественниками и добровольными помощниками применялись различные методы исторического исследования из различных сфер поисковой и исследовательской работы: это

- беседы с очевидцами-долгожителями;
- ознакомление и изучение биографий выдающихся людей этого клана, опрос хранителей родословной и ознакомление с разными ее списками;
- поиск и прочтение арабописьменных текстов, опубликованных в татарских журналах (для этого потребовались навыки палеографии и лингвистической компаративистики)³³;

³³ Выражаем благодарность работавшему с текстами кандидату философских наук М. М. Зарипову.

– оценка сведений об оружии и идентификация его (здесь потребовались наиболее общие знания по материаловедению, металлообработке, классификации стрелкового оружия и военной истории).

Проблема рассматривалась до недавнего времени полностью за пределами официальной науки. Некоторые элементы родословной публиковались в Оренбурге (Р. Фахретдин, журнал «Шуро»), Казани (Халик Садри; Р. Ф. Набиев), Самаре/Куйбышеве (Ф. Шириязданов). Отдельные упоминания о людях и землях этого рода встречаются в работах академиков Палласа, Лепехина, Гумбольта (еще не исследовано). Сведения о представителях рода сохранились в русских летописях при описании татар Алатыря XVI в.

В рамках представленной работы мы рассмотрим некоторые сведения о европейском мушкетоне, а также о кольчуге и шлеме-мисюрке, которые неожиданно для работников музея оказались взаимосвязанными в рамках одной из древних родословных, которая охватывает тысячи людских судеб на пространствах от Алатыря до Бугуруслана на протяжении более пятисот лет.

Бронзовый мушкетон (трамблон), выглядит весьма архаично и привлекает к себе внимание посетителей. Зарегистрировано оружие по приходной книге под номером БКМ КП 501/1 осн. «о» 19.

Его частичную реставрацию и атрибуцию осуществил А. Д. Кокшаров – эксперт по культурным ценностям Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура, г. Оренбург).

Бронзовый ствол имеет следующие параметры:

- калибр – 20 мм;
- внешний диаметр раструба – 45 мм;
- длина ствола – 217 мм.

Рукоять pistolетного типа и ложе – красного дерева, опаленное открытым огнем. Окончание рукояти оковано латунным навершием.

Ударно-спусковой механизм от российского тульского кремневого ружья. Материал – сталь. Клеймо согласно каталогу тульского музея соответствует 1807 г. выпуска. Ударно-спусковой механизм крепится к ложу самодельным шурупом, изготовленным явно кустарным способом вне заводских условий. Русские оружейники делали в то время даже серийное оружие вполне качественно. Без изысков, но добротню.

Специалисты определили этот мушкетон как французский, однако мы можем дополнить это мнение информацией о том, что данное изделие имеет абсолютное сходство и с английскими образцами, и с мушкетонами некоторых других европейских стран XVIII в., что на наш взгляд, довольно примечательно, так как позволяет говорить о неких единых оптимальных параметрах, и, возможно, стандартах европейских оружейников того времени.

К сожалению, каталоги и справочники совершенно не проясняли вопроса о том, каким образом столь экзотическое оружие оказалось в оренбургской глубинке. Известна лишь общедоступная информация об этой разновидности пистолей.

Для регулярной конницы «было разработано специальное короткоствольное ружье (в XX в. в народе его отнесли бы к так называемым «обрезам») для стрельбы на скаку с короткой дистанции картечью – мушкетон (во Франции он назывался также трамблон/трамбон). Мушкетоны имели калибр до 25 мм и ствол длиной до 18 калибров и выбрасывали от 5 до 12 картечин диаметром 6–8 мм с начальной скоростью порядка 250 м/с.

Какую же связь имеет это оружие и некоторые детали обмундирования, прилагавшиеся к нему, с родословной (шаджарэ) жителей села Иске Ермак (Ст. Ермаково) Камышлинского района Самарской области.

По линии отца З. Р. Набиева является продолжателем древней татарской родословной³⁴. Ее хранили и продолжали жители села Иске Ермак, в настоящее время Камышлинского района Самарской области³⁵.

История рода ведется со времен Казанского хана Мухаммеда Амина. В начале XVI в. два брата (тугма) – основатели рода владели городками Алатырь и Канаш. После разгрома вражеского войска они получили от хана за воинскую доблесть полосу земли вдоль р. Сок на протяжении 200 верст (чакрым) и шириной в 80 верст. Их потомки были старшинами башкир (свободных булгаро-татар) долины р. Сок.

В числе близких и дальних родственников семьи Набиевых имеются несколько выдающихся людей. Например, имя основателя деревни – Яр Мухаммеда упоминается в истории башкирского восстания XVIII в. Есть старшины, великие историки (Ризаэтдин Фахретдин), поэты (Ермаки), писатели (Халик Садри), политические деятели (Гаяз Исхаки), но в основном – учителя.

Не исключено, что они также являются первыми исследователями нефтяных месторождений (Волжско-Камского региона) в Идель-Урале. В петровских «ведомостях», работах академиков П. С. Палласа и К. П. Лепёхина³⁶, отмечается старшина Надир Уразметов (либо его земли вдоль р.

³⁴ По линии матери ее родословная также содержит великих и известных предков, но датировать ее начало не представляется возможным.

³⁵ Первые сведения о древней истории рода нам сообщила Салима-эби Шарапова – жительница с. Камышла (урожденная Самигуллина из с. Иске Ермак). Спустя несколько десятилетий Набиев Р. Ф. и Шарапов Э. А. успели записать на магнитофонную пленку краткий пересказ истории рода из уст старейших хранителей шаджарэ – Асхата бабая и Анисы эби (98 лет).

³⁶ Возможно, представители этого рода указаны в немецких текстах академика А. Гумбольта.

Сок), который нашел нефть и представил её в Петербург³⁷. Он является первооткрывателем волго-уральской нефти в российской империи.

Значимость истории рода была подмечена давно. Хранители шаджаре утверждали, что ввиду большой ее значимости, некоторые её эпизоды были опубликованы в журнале «Шуро».

Нам удалось проверить эти сведения. Действительно, в третьем номере за 1914 г. была обнаружена статья Ризаэтдина Фахретдина «Надир хакидында» с выдержками из истории села (его старого места) и родословной Набиевых. Причём, эта статья не была отмечена в путеводителе по журналу (издано под редакцией М. А. Усманова), так как автор (исходя из норм скромности, принятых в то время) подписался лишь двумя буквами «Р.Ф.»

Шаджаре содержит отрывочные сведения о кольчуге, и пушке (туп), которые хранились на горе Юкьяль тау и были обнаружены в начале XX в. и переданы в Бугурусланский краеведческий музей. Одним из потомков легендарных предков – писателем, инженером и военачальником – Халиком Садреевым (Халик Садри).

Как поведали хранители родословной (Мухаметзянов Асхат Вагазович и столетняя Аниса), в 20-е гг. XX в. некий русский крестьянин арендатор при вспашке арендованного участка на склоне Юкял-тау обнаружил в земле кольчугу, шлем, а также некую «пушку» из бронзы. Один из хранителей родословной, Булат Асхатович Халитов, уточнил, что речь идет не о реальной пушке, а о коротком старинном бронзовом ружье большого калибра.

Все это было аккуратно упаковано в ислевшую шкуру. Об этой находке он рассказал председателю сельсовета. Эта находка была передана в Бугурусланский краеведческий музей.

Одним из тех, кто принимал решение о передаче артефактов в районный музей, был Халик Садри, который в это время организовывал электрификацию ближайших сел.

Здесь, по всей видимости, следует сделать отступление, пояснив роль Халика Садреева в образовании Татарской Республики. Он был в числе тех, кто возил в Москву проект договора об автономии. Его личная беседа с В. И. Ульяновым/Лениным и Н. К. Крупской стала основой для успешного разрешения последующей проблемы – подавления восстания «вилочников» (сенекчелэр). Будучи батальонным комиссаром (комиссар полка) в районе Бугульмы, он владел ситуацией и вскоре оказался в центре событий. Он не стал расстреливать земляков при помощи пулеметов и бронемашин, а рассказал им о дальнейших планах советского правительства, психологически «зацепив» их рассказом о личной беседе с Лениным и Крупской, которая якобы быстро

³⁷ В петровских «Ведомостях» о военных и иных делах...» № 3 упоминается нефть на р. Сок. В 1752 г. о нефтяных ключах доложил в Бергколлегию старшина Надир Уразметов и получил разрешение на разработку нефти [2].

подготовила самовар для гостей из Казани. Крестьяне разошлись. Этот эпизод описан его родственниками в ряде работ, посвященных ему. Но лишь спустя много лет узнал, что дело обстояло намного сложнее, чем мы представляли. И, с другой стороны, к процессу замирения был причастен другой представитель родословной – Ризаэддин Фахретдин. Восставшие пришли к нему с просьбой об идейной поддержке. Они заявили, что сейчас татары способны добиться независимости и сбросить многовековой гнет захватчиков. Однако он не благословил бунтарей, говоря, что Советская власть выполняет обещания. Он верил, что В. И. Ленин выполнит обещание о «широкой автономии». Эти два человека не попали в анналы истории как создатели Татарской Республики, но без их влияния на массы события вполне могли пойти по иной колее.

Через определенное время, в ходе мирного строительства Халик Садри участвовал в передаче найденных на Юкьяль тау артефактов в музей Бугуруслана [с. 291]. В это время он был директором Бугурусланской электростанции (и, кстати, сделал мини-электростанцию в своем селе).

В результате поисковой работы введенный в исторический оборот комплекс вооружения из оренбургских степей связал нас реально осязаемыми узлами с древней родословной предков периода Казанского ханства, а также и видным писателем и политическим и хозяйственным деятелем Халиком Садреевым (Халик Садри).

Надо сказать, что история наших предков не менее интересна и богата, чем истории иных стран и народов. По истории села и родословной предстоит сделать еще очень много. Обобщения и находки, сделанные энтузиастами, часто открывают новые перспективы для научных исследований.

Источники и литература

1. История огнестрельного оружия. URL: <http://on-infantry.narod.ru/tehnol/oruzpor.htm> (дата обращения: 12.05.2019).
2. Первая нефть Бугуруслана. URL: http://kraeved.opck.org/towns/buguruslanskii_raion/pervaaya_neft.php/ (дата обращения: 20.03.2012).
3. Шириязданов Ф. История села старое Ермаково. Иске Ярмач авылы тарихы / Ф. Шириязданов. Самара: Книжное издательство, 2018. 396 с.
4. Халик С. Безнен тан (Наша заря). Роман [на татарск. яз.] / Садри Халик. Казань: Татарское книжное издательство, 2010. 192 с.
5. Садретдинов Габдул-Халик Гарифович. URL: http://www.millattashlar.ru/index.php/Садретдинов_Габдул-Халик_Гарифович (дата обращения: 21.09.2019).
6. Халик Садри (Садриев Габделхалик Гарифович). URL: https://ryltat.ru/+x_sadri.html (дата обращения: 21.09.2019).

Тенденции историографии Великой Отечественной войны: мифологема или приближение к подлинности?

Накал научных дискуссий, общественных дебатов о виновниках и истоках Второй мировой войны, о роли государств-участников и последствиях, набрал новые обороты с 1990-х гг. Он, как водится, актуализировался и по мере приближения 75-летнего юбилея Победы. Деформация памяти о войне, наблюдавшаяся с ее окончания и так или иначе направленная на реабилитацию фашизма, ныне получает продолжение. В эту плоскость вторгаются и реалии большой политики, которые порождают парадоксальные и, на первый взгляд, абсурдные повороты в официальной политике ряда государств. Так, на памятные мероприятия годовщины начала Второй мировой войны польские власти представителей России не пригласили, приравняв роль Советского Союза к роли Германии. Манипулирование информационными потоками в западных СМИ и публикациях сводится к судьбоносности высадки союзных войск в Нормандии, тиражируются сюжеты разгрома американской военно-морской базы Перл-Харбор и т. д. В «фигуру умолчания» для бывших союзников по антифашистской коалиции превратилась роль Восточного фронта.

В ряду причин ажиотажной перелицовки истории войны стоит узость спектра и ограниченность сюжетных рамок советской историографии, которая была запрограммирована однозначностью оценок и акцентов при характеристике причин, многочисленности жертв, лишений на фронте и в тылу, в том числе связанных с ошибками политического руководства. Однако неопровержимость фактов требует признания подлинного вклада советского народа в Победу не только по параметрам длительности Великой Отечественной войны, решающей роли сражений на Восточном фронте. Неизмеримы и невозполнимы человеческие потери СССР. Помимо прочего они связаны с тем, что немцы относились к населению оккупированных советских территорий с неизмеримо большей жестокостью, нежели к другим.

О масштабности потерь СССР в сравнении с союзниками по коалиции свидетельствует тот факт, что в США человеческие потери требовали использования математических дробей. В СССР же высота ставок диктовала нацеленность на победу любой ценой. Причем не только на фронте, но и в тылу, то есть речь шла о воззвании к каждому из граждан-жителей-братьев большой страны. Результатом столь высокого мобилизационного накала стали его производные: СССР, уступавший противнику с суммарно-совокупными ресурсами и вооружениями государств оккупи-

рованной Европы, произвел оружия и военной техники, причем лучшего качества, вдвое больше. Все сферы жизни в Советском Союзе находились под государственно-партийным контролем, что усиливало мобилизационный ресурс системы. Быт и личные интересы ставились на последнее место в жизненных приоритетах огромных масс людей. «Не будь СССР, способного выстоять против чудовищной военной машины Гитлера, человечество оказалось бы отброшенным назад на целое столетие, а может быть, и больше назад», – констатируют глобальный итог жертв нашей страны историки [1, с. 16].

Неприемлемое и упрощенное видение мировой схватки как борьбы двух зол: требуются корректировки на уровне деталей, а также существенные поправки по причине глобальности происходившего исторического действия, противоречивости и неизбежности для советских людей коллизий противостояния. Конечно, с постепенным уходом живых свидетелей отношение к нацизму и войне также будет меняться. Тем важнее честная и справедливая фокусировка исторического анализа сегодня.

Одним из направлений искажения подлинности характера войны служат попытки уравнивать вину Германии и СССР за ее развязывание, муссирование темы превентивного удара как стратегической цели Сталина. Помимо арсенала публикаций российских историков – оппонентов версии Резуна – контраргументировать тезис позволяет обращение к документам Нюрнбергского трибунала [2, с. 569].

Обогащает историческую науку обращение к историко-антропологическому методологическому подходу психологическими, экзистенциальными ракурсами. Память поколений, переживших войну, предельно насыщена эмоционально-образным содержанием, и это нельзя не учитывать для представления о самоощущении военного поколения всех стран-участниц войны. Разумеется, разница в «оптике» видения военного прошлого своего народа, страны в государствах-представителях разных военных сторон сохраняется поныне. Немцы – не исключение, причем для эволюции представлений о войне для новых поколений немцев по мере угасания эмоционально-образной памяти о мировой войне важен фактор СМИ.

В новом содержательно-оценочном наполнении нуждается тезис о морально-политическом единстве советского общества и народов. Требуется анализ и новый ракурс взгляда на соотношение социального, патриотического и национально-этнического компонентов общественного сознания. Э. Тагиров ставит вопрос о необходимости «философского, концептуально-универсалистского, космологического понимания роли татарского фактора» в поединке глобальных проектов и типов идеологий, в сопряжении типов характера народов [5, с. 82]. В такой же плоскости ученый видит

один из уроков войны: в контексте альтернатив будущего нельзя допустить повторения военной формы противоборства различных «конфликтогенных проектов по переустройству современной мировой системы», включая новые формы геноцида, социал-дарвинизма, расизма [6, с. 114].

С учетом ставки германского командования на использование национального фактора в провоцировании разброда и шатания в стране Советов повышенную значимость обрела работа пропагандистских структур, их способность не просто информировать и оценивать обстановку на фронтах, а исключительность характера противостояния. Ведь борьба обрела цивилизационно-конфронтационный конфликт, требующий апелляции к иным, нежели до войны образам и струнам массовой психологии. Идеологические ставки в годы войны резонировали с фундаментальностью противостояния как такового. Перестроечные перипетии пропаганды в национальных республиках, дезориентированной установками Центра в канун 22 июня 1941 г., иллюстрируют архивные документы, хранящиеся в ЦГИА, в частности, планы работы отделов пропаганды и агитации Татарской республики на лето 1941 г.

Официальный блок планов отделов – доклады о Феликсе Дзержинском, консультации по «Краткому курсу истории ВКП(б)». Другой тематический блок предполагал информирование о положении на фронте, малопонятные населению справки о природе фашизма. Отдельным сектором идеологической работы уже в начале войны выделяются сюжеты советской и российской истории. Так, план Бавлинского райкома ВКП (б) на первые недели войны включено консультирование (прямая связь с населением) по истории народов Союза, доклады о боевом пути РККА в 1918 г. в боях с немецкими оккупантами. Выделим нацеленность районного отдела на историю разгрома немецких рыцарей на Чудском озере, о войне 1812 г. Думается, приведенные сведения (они транслируются на большинство нреспублик) стимулируют историческую мысль на изучение феномена советской пропаганды на разных этапах войны.

Таким образом, в условиях, когда историческая наука оказалась в ситуации кризиса, частично обусловленного дифференциацией научного знания как такового, историография войны испытывала и испытывает влияние политических факторов. Они различались в первые мирные годы, на разных этапах холодной войны и истории нашей страны. Ныне наблюдается поворот от преимущественно событийной истории к комплексно-панорамному анализу, включая ракурс морального единства советских людей. Наряду с классическими версиями патриотизма народа, состоянием тыловых районов, культуры, науки, здравоохранения с середины 1990-х гг. утверждается междисциплинарный подход с его культурно-исторически-

ми и историко-психологическими измерениями. Е. С. Сеньявская сделала предметом исследования идеолого-психологическую конструкцию образа врага как одного из феноменов массового сознания XX в., характерного для СССР [4]. Тема образов войны стала объектом изучения современной историографии [3]. Думается, ракурс восприятия Великой Отечественной войны на уровне образов перспективен и с методологической, и с содержательной стороны.

Память о войне фиксирует один из центральных сюжетов отечественной и мировой истории, она служит стержнем национального сознания. «Битва за историю» служит новым плацдармом борьбы и своеобразным продолжением противостояния в форме интерпретаций с их покушениями на подлинность. Всплеск дебатов о войне, полярность оценок в преддверье юбилея Победы сопровождалась мозаичностью и полярностью трактовок, что объясняется не только глобальностью происшедших роковых военных событий. Знаковой тенденцией современной историографии стало стремление к человеческому измерению трагедии войны как страдания, ужаса, бойни, катарсиса и т. п.

Одновременно наблюдается перелицовка истории войны по геополитическим соображениям. Фактором деформации исторической памяти послужил и распад СССР. Ограниченность формата изучения, описания и оценок войны советской историографией, отсутствие опыта критического отношения молодого поколения к сенсационным, нередко бездоказательным трактовкам создают почву для ниспровержения факта ключевой роли СССР в Победе и интернационалистской позиции народов.

Источники и литература

1. Кириллов В. В. Влияние войн на развитие и международное значение России в мире / В. В. Кириллов, Ю. Н. Крючков // Военная мысль. 2008. № 2. С. 10–22.
2. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. V. Допросы подсудимых и речи адвокатов. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1960. 884 с.
3. Поливанов Я. Образы второй мировой войны: версии и реалии / Я. Поливанов. Казань: Шаг-полиграф, 2013. 216 с.
4. Сеньявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сеньявская. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 288 с.
5. Тагиров Э. Р. По ком звонит Колокол Истории? Размышления о Великой, неоконченной войне / Э. Р. Тагиров. Казань: Центр инновационных технологий, 2020. 164 с.

6. Тагиров Э. Р. Факел миротворчества. Казань: Центр инновационных технологий, 2020. 308 с.

7. Тагиров Э. Р. Войны памяти. Против перелицовки истории Великой Отечественной войны: монография / Э. Р. Тагиров, М. В. Андреев, О. Н. Коршунова, Я. М. Поливанов. Казань: Центр инновационных технологий, 2020. 136 с.

ТАССР и становление советской национальной политики

События начала XX в. явились важным шагом в государственном и национальном строительстве в России. Революции, национально-освободительное движение привело к изменениям в административно-территориальном устройстве российского и советского государства, но также к изменениям и в национально-культурной структуре России. Формируется национальное самосознание народов многонациональной страны, оно трансформируется в институциональные формы, в административно-территориальные образования, государственные учреждения и организации. До начала XX в. национализм был преимущественно уделом интеллектуальной элиты и слабо затрагивал широкие слои преимущественно сельского населения. Национализм в значительной степени подменялся мусульманским самосознанием татар и других тюркских народов. Распространявшийся с конца XIX в. джадидизм нёс значительный модернизационный импульс. Возникновение этого течения в исламе было ответом на потребности социального-политического развития, необходимость быть на равных представленными в развивающихся, новых социально-экономических условиях. Центральный мусульманский комиссариат РСФСР (Муском) возглавляли сторонники прогрессивного течения джадидизма, до августа 1918 г. – Мулламур Вахитов, а потом – Мирсаид Султан-Галиев.

Перед революциями начала XX в. татарское общество имело альтернативу социального развития либо в рамках единой исламской традиции с джадидскими элементами обновления, либо по пути этно-национального развития, татарской культуры. Джадидизм пытался совместить исламскую традицию с европейскими социально-политическими идеями. Это течение преодолевало партикулярную националистическую позицию продвигая идеи пан-исламизма и пан-тюркизма. Став центром притяжения сторонников джадидизма Муском, входя в Народный комиссариат РСФСР по делам национальностей, зачастую вступал в противоречие с политикой Наркомнаца и его подразделений, с советскими организациями на местах. Султан-Галиев развивал идею «пролетарской нации», рассматривая мусульманское население отсталых мусульманских регионов, в которых фактически отсутствовала классовое разделение, как рабочий класс в целом. Султан-Галиев мечтал о создании Мусульманской коммунистической партии и пантюркского социалистического государства.

Одним из факторов победы большевиков в революции и гражданской войне можно рассматривать эффективное решение национального вопроса.

Для большинства других партий национально-освободительное движение оказалось неожиданностью, ими не было выработана политика позволявшая бы возглавить национальные движения. Национальная политика большевиков, разумеется, не может рассматриваться как окончательное разрешение национального вопроса. Учитывая динамику национально-культурных процессов в XX в., окончательного разрешения и не могло быть. Но в начале XX в. и на протяжении полувека подходы, которые разрабатывали большевики и советское руководство, задавали тон в практике национальной политики в мире. В 20-х гг. интенсивная политическая работа партии и советского руководства в вопросах национальностей, дискуссии помогли выработать национальную политику, которая в своих принципах оставалась неизменной вплоть до конца XX в.

Опора на национальные элиты, провозглашение национального возрождения должны были явиться эффективными инструментами модернизации, перехода к социализму, поскольку позволяли модернизационным процессам проникнуть в национальный уклад, преодолеть самоизоляцию, консервацию традиционного уклада жизни, приобщить широкие массы к иницилируемым властью социальным трансформациям. Привлечение в органы государственного управления национальных кадров должно было стимулировать рост партийных организаций в регионах. Одной из проблем в первые годы советской власти была малочисленность местных партийных ячеек. Процесс «коренизации» управления и партийной работы, более того, способствовал формированию собственной, советской элиты у народов России. Националистическая, буржуазная элита должна была смениться новой советской элитой. Таким образом, автономные национальные государственные образования были форпостами в распространении советского строя и советской идеологии. И таким первым опытом, получившим продолжение во многих других автономных образованиях, была Татарская АССР.

Большевики стремились решить сложную задачу: с одной стороны, преодолеть великорусский шовинизм, провести социальную модернизацию народов и национальностей страны, но, с другой стороны, предоставляя институциональные возможности для народов России, не допустить скатывания в мелкобуржуазный национализм. Национализм народов, воплощенный в институализированных формах – государственных, культурных, социальных, рассматривался как позитивная сторона развития народов. Такой национализм позволяет пройти путь к социалистическому интернационализму. Контроль над такой модернизацией виделся только в формах централизованного государственного управления.

Сталинская политика коренизации должна была вырвать народы из изолированного котла собственного автохтонного развития, влить их

в динамику советской жизни, подготовить их для работы в местных партийных ячейках, советских учреждениях, научных организациях. Создание национальных кадров через политику коренизации, по мысли советских идеологов, позволило бы интегрировать национальные меньшинства в советское общество и государство, преодолеть русский колониализм.

В обсуждении программы большевиков лидер крыла интернационалистов в партии большевиков Юрий Пятаков критически оценивал позицию «право нации на самоопределение», рассматривая ее в контексте социалистической революции как позицию контрреволюционных сил. В противоборстве течения интернационалистов и линии, проводимой Лениным и Сталиным, принятая программа партии большевиков отразила компромиссную позицию, признавая право наций на самоопределение, но в тоже время рассматривая это право в контексте классовой позиции и уровня исторического развития народа, таким образом, ограничивая это право. Ленин же рассматривал широкие права народов на самоопределение как оправданный противовес колониализму и русскому шовинизму.

На 12 съезде партии в апреле 1923 г. обсуждался национальный вопрос, в июне этот вопрос также был предметом конференции ЦК партии. Ведущий теоретик по делам национальностей в РКП того времени, народный комиссар по делам национальностей Сталин провозгласил необходимость для национальных меньшинств установить некоторые формы государственности, включающие национальную территорию, язык, национально-культурные формы. Еще в 1913 г. в статье «Марксизм и национальный вопрос» Сталин допускал создание национально-территориальных автономий. Это под руководством советской власти, по мысли Сталина, позволит преодолеть отставание в социальном развитии. Еще в 1918 г. эта идея могла бы реализоваться в создании татарско-башкирской советской республики. Однако, гражданская война помешала реализовать эти планы. При создании СССР идея Сталина столкнулась еще с одной сложностью. Идея национально-культурной автономии уже была реализована в структуре РСФСР, и возникал вопрос: каким образом могут образоваться единое государство в 1922 г. четыре советские республики – РСФСР, Белоруссия, Украина и Закавказская федерация.

Глава Мусульманского комиссариата в Народном комиссариате по делам национальностей – Султан-Галиев – рассматривал национально-освободительную борьбу и национализм как инструмент продвижения к социализму. Султан-Галиев критиковал иерархизацию национальных образований, понижение в административно-государственном статусе автономных республик по сравнению с союзными республиками, приобретение статуса Татарской АССР ниже союзных республик. Сталин критически относился

к идее Султан-Галеева передать союзные полномочия на уровень автономных республик, рассматривая централизованное управление как необходимое условие контроля процесса национальной модернизации.

Становление национальной политики, жаркие партийные дискуссии, научный поиск в 20-е гг. прошлого столетия находились в неразрывной связи с практикой национально-территориального строительства. Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика была одним из первых успешных примеров реализации советской национальной политики, построения СССР и России на новых принципах, принципах противостоящих колониализму и шовинизму.

Конституционно-правовой статус Республики Татарстан в 1990–1999 гг.

Вопросы государственного строительства весьма актуальны для современной России. Об этом свидетельствует текущая практика создания новых властных институтов, реформирования уже существующих. В качестве примеров можно привести учреждение Государственного Совета указом Президента и придание ему конституционного статуса, реформу Совета Федерации, перераспределение некоторых полномочий между федеральными органами государственной власти и т. п. Представляется, что система власти в нашей стране ещё находится в процессе становления. Основы конституционного строя, закреплённые действующей Конституцией, позволяют судить о некоторой институциональной неопределённости, отсутствии чёткой модели, задающей рамки государственного строительства.

При таком положении вещей особую важность приобретает анализ истории государственного строительства в нашей стране, особенно на этапах глубоких системных преобразований.

Отмечаемое в текущем 2020 г. столетие со дня учреждения ТАССР – важнейшая и закономерная веха в истории советского государственного строительства. Она ознаменовала учреждение национальной государственности татар в форме автономной советской социалистической республики, обеспечивающей классовые интересы городского и сельского пролетариата. Другой переломной вехой истории является демонтаж системы советского социализма, начавшийся в середине 1980-х гг. и завершившийся развалом СССР, шоковым вхождением в капитализм, конституционным кризисом, и утверждением новой Конституции в 1993 г.

1990-е – время противостояния различных политических сил, оформления новых политических концепций и моделей, попыток их реализации. Инициативы Республики Татарстан в сфере государственного строительства представляют ярчайшую страницу политической истории современной России. Представляет интерес анализ тех социально-политических условий, в которых формировалась концептуальная модель Республики Татарстан как альтернатива политике федерального центра в отношении федерализма в России.

Республика Татарстан была в числе первых, кто провозгласил государственный суверенитет на своей территории. Идея провозглашения независимости объединила различные политические силы Республики. Однако по-разному виделись ими пути реализации суверенитета, цели его провозглашения. Можно утверждать, что на момент принятия Декла-

рации о независимости Республики Татарстан 30 августа 1990 г. основная полемика о статусе республики развернулась между демократическими силами (например, отделение Демократической партии России, движение «Демократическая Россия», Социал-демократическая партия Татарстана) и представителями татарского национального движения (ТОЦ, Иттифак). И если первые выражали поддержку стремлению руководства Татарстана к повышению политического статуса республики в составе России, то вторые видели в принятии Декларации шаг по направлению к обретению реальной национальной государственности татар.

По-разному представлялись плоды суверенизации и основной массе населения Татарстана. Результаты проведенных в республике социологических исследований показывают, что интерес татар, то есть титульной нации в Татарстане, оказался большим, чем интерес со стороны русских. Титульное население, особенно городское, национальная интеллигенция и управленческий аппарат воспринимали суверенитет как «суверенитет титульной нации, как установление фактической, а не декоративной национальной государственности. Отсюда ожидание приоритетов для своей нации в области управления, особенно в жизненно важных общественных сферах» [3, с. 2]. Русское население воспринимало суверенитет лишь как наполненную новым содержанием форму автономии, при которой минимизируются федеральные налоги, облегчается доступ к естественным ресурсам и национальным богатствам.

Указанные противоречия нашли отражение при обсуждении вопроса о правосубъектности республики на заседаниях Верховного Совета РТ, при обсуждении проекта Декларации о государственном суверенитете. Спорное положение не нашло разрешения в тексте принятого документа. Суверенитет был провозглашен без ссылки на принадлежность Татарстана к Российской Федерации. Тем не менее, принятая Декларация провозглашает государственный суверенитет Татарстана от имени его многонационального народа. Это положение Декларации было закреплено в дальнейшем в первой статье Конституции РТ, принятой 6 ноября 1992 г.: «Республика Татарстан – суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики. Суверенитет и полномочия государства исходят от народа».

В то же самое время чаяния представителей татарского национального движения обретают весомую поддержку в академических кругах республики. В 1990-е гг. в Татарстане увидело свет множество статей, монографий, посвящённых истории татарского народа и татарской государственности, рассматривающих провозглашение суверенитета республики в качестве завершения национально-освободительного цикла в истории Татарстана и начала нового этапа восстановления государственности татар. Наиболее

ярко эта позиция была обоснована в работах И. Тагирова, Д. Сабировой, Я. Шарипова, М. Закиева. Разумеется, новое осмысление истории Татарстана является существенным фактором, которым нельзя было пренебречь в процессе обновления системы федеративных отношений в России.

Известно, что после принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан Председатель Верховного Совета РТ М. Шаймиев заявил о необходимости договорных отношений с РСФСР. По его словам, суверенитет СССР означает «верховенство государственной власти в решении вопросов внутренней и внешней жизни вне пределов прав, добровольно переданных ею РСФСР и Союзу ССР на основании договора» [5].

Кроме того, 13 декабря 1990 г. было принято постановление Верховного Совета Татарской ССР «О проекте Союзного договора», демонстрировавшее готовность Татарстана «выступить соучредителем Союза Суверенных Советских Республик, самостоятельно подписать Союзный договор и принять вытекающие из него высокие обязательства» [5]. При этом Верховный Совет выступил с критикой проекта Федеративного договора, исходящего от руководства РСФСР, поскольку Республика Татарстан взяла курс на самостоятельное участие в обновленном союзном государстве.

После распада Советского Союза Татарстан продолжает последовательно следовать выбранному курсу, направленному на равноправное сотрудничество с республиками бывшего СССР, в том числе и с РСФСР. Делается попытка непосредственного вхождения в только что созданное объединение – Содружество независимых государств. Двадцать шестого декабря 1991 г. Верховный Совет РТ принял Декларацию о вхождении Республики Татарстан в СНГ.

Отказавшись от подписания Федеративного договора в марте 1992 г. руководство Татарстана активизирует работу по подготовке двустороннего договора с Россией.

В условиях довольно жесткого нажима со стороны федерального центра в Татарстане 21 марта 1992 г. Проводится референдум по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан. Главная цель мероприятия была сформулирована следующим образом: «...прямым свободным волеизъявлением граждан подтвердить положения единогласно принятой Верховным Советом Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан...» [6]. Вопрос референдума был сформулирован следующим образом: «Согласны ли вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров». Такая постановка вопроса была признана некорректной Верховным Советом РФ, поскольку объединяла три разных вопроса, на которые предлагается дать один ответ: «да» или «нет» [6]. Конституционный

суд Российской Федерации вынес постановление, в котором проведение референдума в Татарстане признавалось противоречащим Конституции РСФСР «в части формулировки вопроса, предусматривающей, что Республика Татарстан является субъектом международного права и строит свои отношения с Российской Федерацией и другими государствами на основе равноправных договоров, поскольку это связано с односторонним изменением национально-государственного устройства РСФСР и означает, что Республика Татарстан не состоит в РСФСР» [7].

Председатель Конституционного Суда РСФСР В. Зорькин выразил мнение, что референдум в Татарстане создает юридические основания для выхода республики из состава России, большую угрозу национально-территориальному единству России [2].

Новый государственно-правовой статус Татарстана был закреплён в новой Конституции РТ, принятой 6 ноября 1992 г. Ст. 59 закрепляла положение о самостоятельном определении Татарстаном своего государственно-правового статуса. Согласно ст. 61 Конституции «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основании Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения», что закрепляло договорную форму отношений с Российской Федерацией.

В 1993 г., используя право законодательной инициативы, Татарстан предложил закрепить особый статус республики в тексте Конституции России [1, с. 25–26]. Более того, руководство Татарстана предложило концептуальную модель федеративного устройства России, основополагающие принципы которой были озвучены председателем Верховного Совета Республики Татарстан Ф. Мухаметшиным:

– все суверенные государства – субъекты федерации независимо от размеров территорий, численности населения, экономического потенциала полноправны;

– субъекты федерации добровольно по Конституции, а конкретно на основании договоров и соглашений передают строго оговоренный минимум полномочий и предметов ведения федеральному центру;

– весь договорно-конституционный процесс возникновения новой федерации идет снизу вверх. Не центр «расширяет права субъектов федерации», а они вручают их центру;

– субъекты федерации выступают источником образования федерации и ее суверенитета;

– наличие субъектов двух типов: национальные республики (суверенные государства) и административно-территориальные единицы (учредители федерации) [4, с. 96–97].

Как видно, речь шла о том, что принявшим декларации о государственном суверенитете республикам РСФСР предлагалось заключить равноправ-

ные договоры с Россией, играющей роль федерального центра. При этом административно-территориальные единицы России выступали бы в качестве учредителей федерации. Очевидно, предложенная модель договорной асимметричной федерации не соответствовала историко-культурному опыту государственного строительства, геополитическое пространство России сокращалось до территорий её административно-территориальных единиц, создавая угрозы политической и социально-экономической стабильности.

Как известно «модель Татарстана» стала достоянием истории. Инициативы Татарстана были проигнорированы. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. закрепила конституционный характер Федерации. Республика Татарстан включена в перечень республик – субъектов Федерации наряду с прочими.

С принятием новой Конституции России активизируется работа Конституционного Суда РФ, который отметил несоответствие ряда конституционных актов субъектов Российской Федерации, в том числе и Конституции Республики Татарстан и рекомендовал привести их в соответствие с федеральной Конституцией.

В дальнейшем конституционное строительство России пошло по пути правовой унификации, централизации, укрепления вертикали власти. В апреле 2002 г. увидела свет новая редакция Конституции Республики Татарстан, закрепившая конституционно-правовой статус Республики Татарстан – статус субъекта Российской Федерации.

Источники и литература:

1. Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. Сборник официальных документов. 1990–1995 гг. – Казань, 1996.
2. Верховный Совет РСФСР. Стенограмма заседаний 19 марта 1992 г. М.: Известия, 1993.
3. Губогло М. Н. Опыт и уроки суверенизации / М. Н. Губогло // Отечественная история. 1995. № 2.
4. Мухаметшин Ф. Х. Республика Татарстан: от референдума до договора / Ф. Х. Мухаметшин. Казань: Татарское книжное издательство, 1995.
5. О суверенитете Татарстана. Выступление Председателя Верховного Совета ТАССР М. Ш. Шаймиева // Советская Татария. 1990. 30 августа.
6. Обращение Верховного Совета Республики Татарстан к народу Республики Татарстан в связи с обращением Верховного Совета Российской Федерации к народу, Верховному Совету и Президенту Республики Татарстан // Известия Татарстана. 1992. 10 марта.
7. Требуется изменить вопрос референдума // Известия Татарстана. 1992. 14 марта.

Война цивилизационных проектов

История – это пространство противоборства разнополярных начал, воззрений, интересов, устремлений. Война в этом плане выступает способом осуществления замысла, плана, программы. То есть война – это осознанная проективная деятельность субъектов истории. Отсюда и корни перманентности войн. За 5–6 тыс. лет истории цивилизации на планете произошло примерно 15 тыс. войн, унесших более 3,6 млрд. человеческих жизней – это больше, чем численность всего населения мира в 1970-е гг. По подсчетам П. Сорокина, за 24 века истории человечества на 4 мирных года приходился 1 год войны. Профессор, генерал В. В. Серебряников дополняет, уточняет военизированную картину мира так: за всю историю существования человечество на Земле, сменяя друг друга, жило примерно 800 поколений. «Стаж» войны насчитывает свыше четырех тысяч лет, а передышка между войнами составила не более 300 лет [1, с. 95–96].

Пафос проективности преследует человечество с момента его перехода от пещерного варварства к современной цивилизованности. «Проективность – центральное понятие Библии, представленное в образах творения, замысла Божьего, божественного строительства. Проективность есть сущностно-экзистенциальная характеристика личности и общества, модус их бытия» [2, с. 61]. Коран – также оформился как проектный духовный источник. Но с двадцатого столетия проекты начинают обретать форму мета-идей, претензий на глобальное господство. Если Первая мировая война была первой «пробой», экспериментом, генеральной репетицией на этом пути, то Вторая мировая война, органической частью которой является Великая Отечественная война, стала ареной «сшибки» разных общественных систем, идеологий, мировоззренческих и ценностных установок. Возникшая в рамках дихотомии «запад-восток», по большому счету, она была войной крупных социальных проектов: советского, национал-фашистского и либерально-капиталистического. Фашистский проект – нацистский. Здесь абсолютизируется нация, род. Его символом является принцип крови и как расистский, антигуманный он потерпел поражение. Прошел проверку и окреп либерально-капиталистический проект, превращенный США в условиях глобализации в проект мирового гегемонизма. Победил коммунистический, созидательный, миротворческий проект, подготовкой которого страна занималась четверть века. Победа сорок пятого года – не случайный, а закономерный итог советской проективной культурно-цивилизационной деятельности.

Германско-фашистский проект завоевания СССР имел многогранный, многоцелевой характер. Он в своей основе раскрыт и известен широкому кругу общественности. В имеющейся литературе все больше делается акцент на его хищническо-грабительской стороне. Развивая это концептуальное положение необходимо подчеркнуть, что проект был тонко обрاملен идейной паутиной освобождения восточной части земли от господства «недочеловеков», «нецивилизованно-варварских» славянских и иных неарийских племен и народов. Но его суть – первоцель заключалась в завоевании пространства, где географически размещался Советский Союз. Той части востока, где имелись стратегическо-жизненно важные ресурсы, природные богатства и источники для превращения Германии в повелителя мира. Германию Россия интересовала, прежде всего, как житница хлеба и кладовая черного золота – нефти.

Продовольственная проблема среди всех по понятным причинам являлась ключевой. На протяжении веков она для немцев была – вечной головной болью.

Милитаризация страны, создание самой крупной армии в мире и превращение Германии во властелина Планеты, напрямую связывались с надежным решением хлебного вопроса. «Германия должна была «стать непобедимой», если бы забрала территории СССР, – отмечает маститый ученый-историк, директор Центра исследования Византии в Оксфордском университете Питер Франкопан, – хранящие «неизмеримые богатства». Исчезла бы зависимость от доброй воли СССР и его непредсказуемого руководства, результаты британской блокады средиземного и северного морей в основном сошли бы на нет. Это был шанс обеспечить Германию всем необходимым». Далее он, продолжая хлебный сюжет войны, как ключевой, пишет: «именно с этими речами выступал Гитлер, когда летом 1941 г. началась атака. Пока германские солдаты с впечатляющей скоростью продвигались на Восток, фюрер с трудом удерживал волнение. Германия никогда не оставит эти вновь завоеванные земли, ликовал он, они станут «нашей Индией», нашим новым райским садом» [3, с. 494–495]. В ближайшем круге фюрера также начали «расшифровывать» идеологическую начинку начавшейся войны. Не уничтожение большевизма, главное в другом, «на кону стояло сырье и прежде всего продовольствие» – откровенничал генерал-полковник Йодль. Геббельс, рейхминистр пропаганды, еще более откровенно заявлял об этом так: «Война ведется за зерно и хлеб, за обильный завтрак, обед и ужин... Это, и ничто другое, – цель Германии в войне захватить на Востоке широкие колосющиеся поля золотой пшеницы, более чем достаточные для пропитания нашего народа и всей Европы» [3, с. 495].

Отметим, что за этим откровением стояла жестокая реальность, ибо в Германии вот-вот должно было закончиться продовольствие, а советские поставки не в силах были восполнить хроническую недостачу. Британская военная блокада довела ситуацию до критической отметки. Тот же Геббельс летом 1941 г. писал в дневнике: «Полки берлинских магазинов пусты, найти в продаже овощи – редкая удача» [3, с. 495]. Берлинское радио сообщало о фактах умственного расстройства вследствие недоедания.

В плане усиления мысли о том, что важная цель войны против СССР – это обеспечение хлебной безопасности Германии, приведем еще несколько соображений Питера Франкопана. Так он утверждает, что уже в план «Барбаросса» заложена задача – по мере продвижения на Восток германские армии должны были обеспечить себя продовольствием на месте. Понятно через «очищение» завоеванных пространств от «неарийцев» (как обузы, как лишних ртов), сбора спелого урожая и опустошение заготовленного русскими стратегического хлебного запаса. «Один из самых шокирующих документов в истории гласит: Х миллионов человек будет, несомненно, голодать, если мы вывезем все, что нам необходимо». Этими жизнями Германия покупала возможность прокормить себя. Эти миллионы были сопутствующим ущербом, необходимой жертвой во имя успеха и выживания Германии» [3, с. 496–497].

Только теперь мы начинаем понимать, что зверства на оккупированной части нашей страны, массовые казни и расстрелы пленных красноармейцев, измор голодом детей и блокада Ленинграда, который подлежал не захвату, а убийству его защитников через медленную голодную смерть (2 млн. жертвенников, ставшие для фашистского эксперимента предметом измерения степени прочности человеческого организма в условиях голода, лежат на Пискаревском кладбище), все это было не только элементом плана «Барбаросса», а его стратегически-«сердцевинной» частью. Фашистская Германия знала цену хлеба. Хлебный этический кодекс, содержащийся в Коране и Библии, в обезображенном варианте была ею использована для своих целей. Хлеб – в нацистском представлении был «сверхоружием» в войне против СССР. Предполагалось, что планомерно оставленные в живых «русские рабы» будут сеять пшеницу, убирать урожай и доставлять хлеб к немецко-хозяйскому столу. Прочность народа страны социализма испытывалась оружием измора. На решение этой задачи был ориентирован специальный научно-исследовательский институт под руководством специалиста по аграрной истории России Герберта Бакке, докторская диссертация которого была посвящена теме «русские зерновые». «Бакке был поглощен мыслью о России, – пишет Питер Франкопан, – как решение проблем Германии. Со времен падения российской империи степи мед-

ленно превращались из обиталища полудиких кочевников в превосходную житницу, колосющиеся поля тянулись насколько хватало взгляда, почвы были необычайно плодородны, особенно черноземные...»³⁸.

Акцентируем на этом внимание читателя по ряду причин, мало кому известно, что хлебная история России так тщательно изучалась, имея в виду, что все данные о сортах и урожайности зерновых, о хлебоугодных площадях и продвинутости советской науки в хлебном деле будет иметь геостратегическое значение. Это, во-первых. Во-вторых, нами также слабо усвоен вытекающий из военного противоборства двух проектов-систем «Россия – Германия» урок о стратегической важности хлебного потенциала; о значимости ломтя хлеба для спасения жизни человека и, наконец, о сакральности явления – «хлеб». Вспомним мудрость – завет предков: «Да отсохнет рука, бросившая под ноги хотя бы крошку хлеба». Не зря же заведено: «хлеб – можно класть на Коран, но Коран на хлеб – нельзя». Ну и, наконец, в-третьих, подвиг выдержавших фашистское испытание голодом и все четыре года борющихся за хлеб на колхозных полях, необходимо приравнять к подвигу солдата – добытчика Победы.

Выше уже отмечалось, что война гитлеровской Германии против Советского Союза в принципе являлась продолжением межцивилизационного противоборства по линии «Запад-Восток». Запад, по мнению его идеологов-стратегов, при разделе мира Богом был обделен по многим параметрам: по величине площади земного покрова ойкумены, разнообразию фауны и флоры, богатству природных богатств, в том числе ресурсов стратегического характера. Среди них черное золото – нефть. Ошибка это Господа, то ли Его «особая задумка», но нефтяные запасы на карте мира расположены так: они подальше от Запада, ближе к Востоку. Проблема нефте-стратегического ресурса обострялась по мере «отрыва» Запада и «оставания» Востока в контексте их научно-технологической конкуренции. Данная проблема особенно ощутимо проявлялась в набиравших индустриально-капиталистическую силу странах – Германии и Британии. Именно они первыми подошли к открытию тайны разрушительной силы нефти – «греческо-миддинского огня» и уже 70-е гг. XIX в. покрыли сеть нефтяных конфессий территорию от Калифорнии до Африки. Геополитический проект «Проснись, Англия!» перевернул представление старого века о горючем из нефти, от которого должно было зависеть будущее военно-морского флота, стратегия покорения морей и земной суши. А перспективы роста Англо-Персидской нефтяной компании (позже преобразованной в компанию British Petroleum)

³⁸ Незабвенный В. И. Ленин, разъясняя суть хлеба в военно-стратегическом контексте, отмечал: «кажется, что это борьба только за хлеб, а на самом деле это – борьба за социализм».

грозили резкой сменой местоположения фигур на мировой шахматной доске [3]. Нефтяной аппетит разгорался повсюду. Каждая из претендующих на лидерство капиталистических стран, находила свои аргументы на право иметь эксклюзивное право на овладение нефтью России. «Нефть – кровь земли, и она же стала кровью войны». С формулой Питера Франкопана приходится соглашаться.

Решение задачи превращения Германии в «хозяина» мира предполагало соединение двух геостратегических начал – хлеба и нефти. Война в XX в. становилась войной моторов. Без нефти ни одна из воюющих сторон не могла иметь успеха. Не случайно, мечта Германии стать центром мира покоилась на нефтяном запале – на завоевании Кавказа, захвате нефтяных скважин и переводе военной техники на обеспечение российской нефтью. «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, – заявил Гитлер, – придется закончить войну» [3, с. 523]. Чем дальше вглубь России втягивался вермахт, тем проблема нефти становилась острее. На пути к цели нацистов встал Сталинград. К немецкой армии на этом поволжском «пяточке» стало началом поражения Германии.

В этом конкретном факте обнаруживались признаки заката похода на Восток не только Германии, но в целом Запада. Итоги Второй мировой и Великой Отечественной войн дали ответ на вопросы, на протяжении веков мучавшие лидеров западных держав: кто будет контролировать громадное пространство Евразии³⁹, кого будет кормить плодородная земля русская, чьей будут золотые пески Каспийского моря и великий волжский путь. Контроль над «сердцем» Азии перешел в руки его законных владельцев. Солнце мира вновь начало восходить на Востоке и заходить на Западе.

Источники и литература

1. Тагиров Э. Р. Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики / Э. Р. Тагиров. Казань: Таткнигоиздат, 2014. 335 с.
2. Курочко М. М. Великая Отечественная война в контексте проективности истории / М. М. Курочко // Власть. 2010. № 7. С. 61–64.
3. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / Питер Франкопан; [пер. с англ. В. Ю. Шаршуковой]. М.: Эксмо, 2019. 864 с.

³⁹ Вспомним Х. Дж. Маккнидера: «Тот, кто доминирует над Хартлэндом («срединная земля») – тот владеет судьбами Евразии, тот, кто владеет судьбами Евразии – тот доминирует над миром».

Сведения об авторах

Агмуллина Людмила Тагировна, заведующая отделом научно-методической работы, Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань.

Айкашева Ольга Александровна, аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета; старший научный сотрудник, Музей-усадьба Н. А. Дуровой Елабужского государственного музея-заповедника, г. Елабуга.

Алиев Фахратдин Бабаевич, заведующий отделом «Культура и быт древнего Дербента», Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Дербент.

Амануллина Аниса Фирдусовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Андреев Максим Валентинович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, президент МО «Великий Волжский путь», г. Казань.

Бадрутдинова Кадрия Борисовна, ведущий специалист, Музей истории государственности татарского народа и Республики Татарстан Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», г. Казань.

Балинченко Александр Петрович, директор, Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник, г. Алушка.

Белов Евгений Александрович, кандидат социологических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Берестова Наталья Владимировна, редактор информационно-издательского отдела, Елабужский государственный музей-заповедник, г. Елабуга.

Бикчурина Эльвира Загировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Бояринцева Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола.

Брусков Эдуард Владимирович, специалист экспозиционно-выставочного отдела, Елабужский государственный музей-заповедник, г. Елабуга.

Бурмистрова Юлиана Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

Валеев Рафаэль Миргасимович, заместитель директора по научной деятельности, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Валеева Наталья Сергеевна, ведущий специалист, Музей естественной истории Татарстана Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», г. Казань.

Воднева Ирина Петровна, заведующая Краеведческим музеем, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, Белоруссия, г. Полоцк.

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

Гагина Ольга Евгеньевна, старший научный сотрудник, Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Владимир.

Гараева Нурия Габдулахатовна, ведущий специалист отдела фондов, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», г. Казань.

Гиматдинова Гузелия Ильдусовна, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Гущина Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Даутова Резида Вагизовна, доктор исторических наук, профессор кафедры телепроизводства и цифровых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Дмитриченко Ольга Михайловна, хранитель музейных предметов II категории отдела учёта и хранения фондов, Белгородский государственный историко-краеведческий музей, г. Белгород.

Егорова Анна Фадеевна, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Елдашев Анатолий Михайлович, член Союза писателей России, г. Казань.

Зув Кирилл Олегович, хранитель фондов, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск», с. Свияжск.

Ибрагимова Роза Гафурьяновна, заведующая Музеем памяти, Елабужский государственный музей-заповедник, г. Елабуга.

Иванов Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт педагогики, психологии и социальных проблем; исполнительный директор, АНО «Казанский межрегиональный центр экспертиз», г. Казань.

Иванов Виталий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола.

Иванов Владислав Витальевич, ведущий юрист, ООО «Пепеляев групп», г. Москва.

Идрисова Римма Равефовна, кандидат исторических наук, директор Археологического музея, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Кабиров Дмитрий Эрнстович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Кабирова Айслу Шарипзяновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, и. о. заведующего отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

Камакин Олег Николаевич, заместитель директора, Центр детского творчества г. Ноябрьск; региональный координатор по Ямало-Ненецкому АО, Российское движение школьников, г. Ноябрьск.

Касерта Лилия Фидарисовна, старший преподаватель кафедры английского языка, литературы мировых языков, Государственный университет им. В. Ферриса, США, штат Мичиган.

Коновалова Наталья Евгеньевна, научный сотрудник, хранитель коллекций керамики, фарфора, стекла, Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Рыбинск.

Кориунова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технический университет, г. Казань.

Курлович Павел Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Маркова Алина Сергеевна, ведущий специалист, Центр «Эрмитаж-Казань» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», г. Казань.

Микерин Андрей Александрович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Мингалиев Арслан Хайрутдинович, аспирант кафедры антропологии и этнографии, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Мустафина Айназ Мунировна, начальник отдела, Музей истории государственности Татарстана Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», г. Казань.

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр по изучению Болгарской цивилизации, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, г. Болгар.

Мухаметшин Ильшат Джамильевич, научный сотрудник, Центр по изучению Болгарской цивилизации, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, г. Болгар.

Набиева Земфира Рустамовна, курсант, Казанский юридический институт МВД России, г.Казань

Набиева Нафиса Фатихяновна, специалист по связям с общественностью, Нефтекамский историко-краеведческий музей, г. Нефтекамск.

Петренко Екатерина Эдуардовна, ведущий специалист, Центр «Эрмитаж-Казань», Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», г. Казань.

Петрухно Лилиана Анатольевна, кандидат технических наук, заведующая отделом по охране памятников и охраняемой территории, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода», г. Александров.

Поливанов Ярослав Мстиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технический университет, г. Казань.

Постнов Николай Витальевич, ведущий специалист, Центр «Эрмитаж-Казань», Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», г. Казань.

Рысаева Эльвира Рависовна, родительский комитет республиканского культурно-образовательного проекта «Культурный дневник школьника»; экскурсовод, Детский университет Приволжского федерального округа, г. Казань.

Смаглюк Ирина Петровна, заместитель директора по науке, Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Дербент.

Суминова Татьяна Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности

факультета государственной культурной политики, Московский государственный институт культуры, г. Москва.

Тагиров Энгель Ризакович, доктор исторических наук, профессор, ректор Института культуры мира (ЮНЕСКО), президент Международной гуманитарной академии «Европа-Азия», г. Казань.

Титова Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры антропологии и этнографии, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Тихонова Маргарита Сергеевна, кандидат исторических наук, руководитель, Центр «Эрмитаж-Казань» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», г. Казань.

Толмачева Наталия Юрьевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», г. Санкт-Петербург.

Фролов Дмитрий Викторович, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе, Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина, г. Саранск.

Фролова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Ханбекова Наиля Ильдаровна, аспирант кафедры всеобщей истории, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

Чумак Олеся Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск.

Шишкина Ксения Алексеевна, хранитель фондов, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Островград Свияжск», с. Свияжск.

Щепетев Арсений Николаевич, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Якимова Елена Андреевна, аспирант кафедры истории, философии и культурологии, Казанский государственный институт культуры, г. Казань.

Содержание

РАЗДЕЛ 1. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

<i>Алиев Ф. Б.</i> Институт красоты, чистоты и здоровья как национальная культура и музейная ценность в Дербенте	10
<i>Балинченко А. П.</i> Сохранение и популяризация исторического наследия в условиях новой реальности (на примере деятельности Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника)	14
<i>Валеев Р.М., Валеева-Хакимова Р.Р.</i> Государственная культурная политика в стратегическом измерении	20
<i>Валеева Н. С., Камакин О. Н.</i> Историко-культурное наследие России через призму детского экологического движения.....	25
<i>Габдрафикова Л. Р.</i> Новый подход к изучению историко-культурного наследия на примере научно-популярной книги о родниках Татарстана.....	28
<i>Гараева Н. Г.</i> К вопросу об изучении коллекции Коранов из собрания Музея-заповедника «Казанский Кремль»	34
<i>Гущина Е. Г., Мингалиев А. Х.</i> Актуализация культурного наследия народов Среднего Поволжья в музейном пространстве (на примере программ Этнографического музея Казанского университета)	42
<i>Касерта Л. Ф.</i> Изучение расизма как исторической реалии в современной Америке (на материалах Музея Джима Кроу в Государственном университете им. В. Ферриса)	46
<i>Маркова А. С.</i> Новые возможности изучения и продвижения объектов культурного наследия в социальных сетях.....	49
<i>Петрухно Л. А.</i> История изучения памятников архитектурного ансамбля «Александровская слобода» и особенности их музеефикации.....	53
<i>Рысаева Э. Р.</i> Популяризация историко-культурного наследия среди детей в современных реалиях.....	60
<i>Суминова Т. Н.</i> Арт-менеджмент как технология изучения и популяризации историко-культурного наследия.....	66

РАЗДЕЛ 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ РЕГИОНОВ
И МЕСТА ПАМЯТИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Айкашева О. А.</i> Представления Н. А. Дуровой об особенностях заключения брака у татар.....	72
<i>Бадрутдинова К. Б.</i> Отражение тюркского народного искусства через экспонаты Музея истории государственности Татарстана.....	76
<i>Брусков Э. В.</i> Этнокультурные образы в изобразительном искусстве на примере татарских и башкирских художников – участников международных арт-симпозиумов в Елабуге.....	80
<i>Воднева И. П.</i> Краеведческий музей Полоцка как место изучения, сохранения и трансляции историко-культурного наследия.....	87
<i>Гагина О. Е.</i> Выставочный проект 2019 года «Древо жизни».....	92
<i>Гиматдинова Г. И.</i> Музейная коммеморация поэта Габдуллы Тукая....	98
<i>Дмитриченко О. М.</i> На южных рубежах.....	103
<i>Ибрагимова Р. Г., Берестова Н. В.</i> Проект «Живые хроники войны», посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.....	108
<i>Коновалова Н. Е.</i> Фарфоровая фабрика торгового дома «Карякин и Рахманов» – экспонент Всероссийской научно-промышленной выставки в Казани 1890 г.....	113
<i>Мустафина А. М.</i> Музей истории государственности Татарстана: выставки к 100-летию ТАССР.....	120
<i>Набиева Н. Ф.</i> Многоцветие национальных культур (из опыта работы с национально-культурными объединениями г. Нефтекамск Республики Башкортостан).....	124
<i>Тихонова М. С.</i> Репрезентация выставочного проекта «Незримые узы с родиной» к 100-летию ТАССР (опыт выставочного отдела – Центр «Эрмитаж-Казань»).....	128
<i>Чумак О. А.</i> Эффенди Капиев – поэт Кавказа и сын России.....	131
<i>Шишкина К. А.</i> Способы конструирования и формы репрезентации социальной памяти в современной культуре (на примере деятельности ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск»).....	137
<i>Якимова Е. А.</i> Микроистория как метод визуализации событий Великой Отечественной войны в музейном пространстве.....	142

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Зувев К. О.** Значение православной культуры на территории острова-града Свияжск для Республики Татарстан147
- Идрисова Р. Р.** Этнографические материалы в работах казанских фотографов конца XIX – начала XX в.152
- Кабирова А. Ш.** Становление татарского профессионального музыкального искусства (1917–1930-е гг.)159
- Петренко Е. Э.** Появление и влияние фотографии на культуру татар165
- Титова Т. А., Фролова Е. В.** Межгрупповая дистанция между представителями этнических групп в Республике Татарстан172
- Фролов Д. В.** Русские дворяне и служилые татарские мурзы и их вооружение во второй половине XVII в. в Саранской десятине 1680 г.174

РАЗДЕЛ 4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Бушуева Л. А.** Высшие учебные заведения в пространстве города Казани первых лет советской власти192
- Елдашев А. М.** Некрополь Казанского Спасо-Преображенского монастыря197
- Мухаметшин Д. Г., Мухаметшин И. Д.** Город Болгар (к 1100-летию первого упоминания города в письменных источниках)209
- Постнов Н. В.** История Казанского Кремля в работах казанских историков и краеведов первой половины XIX в. К вопросу об источниках215
- Смаглюк И. П.** Ворота городских стен Дербента как материальный, символический и функциональный смысл «места памяти»219
- Толмачева Н. Ю.** Альфред Александрович Парланд – один из ярких представителей «русского стиля» в архитектуре226

<i>Ханбекова Н. И. Популяризация историко-культурного наследия в пространстве российского города 1920-х гг.: смена мест памяти, Гениев места и образа прошлого (на примере путеводителей по Казани)</i>	<i>234</i>
<i>Ханипова И. И. Городская культура и повседневность 1960–1980 гг. в коллекциях музея социалистического быта г. Казани</i>	<i>240</i>
РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ТАССР: МНОГОГРАННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПУТИ	
<i>Амануллина А. Ф. Становление судебной системы Татарской АССР после принятия Конституции ТАССР 1937 г.</i>	<i>247</i>
<i>Андреев М. В. «Великий волжский путь» – пространство диалога культур и цивилизаций</i>	<i>250</i>
<i>Белов Е. А. Опыт организации охраны общественного порядка муниципальными органами в Республике Татарстан</i>	<i>253</i>
<i>Бикчурин Э. З. Организация медицинского обслуживания детей в Татарской АССР в послевоенные годы</i>	<i>257</i>
<i>Бурмистрова Ю. Ю. ТАССР в первые послевоенные годы в исторической ретроспективе</i>	<i>260</i>
<i>Бурмистрова Ю. Ю., Егорова А. Ф. Правовое положение ТАССР в составе Союза ССР в 1920–1930 гг.</i>	<i>264</i>
<i>Бурмистрова Ю. Ю., Щепетев А. Н. Конституционное законодательство в ТАССР в условиях автономной государственности (с разработки и принятия проекта Конституции АТССР 1926 г. до разработки, принятия и утверждения Конституции ТАССР 1937 г.)</i>	<i>268</i>
<i>Даутова Р. В. Специфика репрезентации образа памяти о событиях Великой Отечественной войны в современном книгоиздании (на примере книги к 100-летию Министерства сельского хозяйства Республики Татарстан)</i>	<i>271</i>
<i>Иванов А. В. Положительный опыт Республики Татарстан в локализации социальной напряженности общества, обусловленной деструктивной деятельностью молодежных преступных сообществ: историко-правовой аспект</i>	<i>276</i>

<i>Иванов В. А., Бояринцева И. А., Иванов В. В. Некоторые вопросы организационно-кадрового строительства Рабоче-крестьянской милиции Казанской губернии в 1917–1920 гг. (на материалах Краснококшайской и Козьмодемьянской уездных милиции)</i>	280
<i>Набиева З. Р., Кабиров Д. Э. Сохранение исторической памяти: к 100-летию государственности Татарстана</i>	286
<i>Коршунова О. Н., Поливанов Я. М. Тенденции историографии Великой Отечественной войны: мифологемы или приближение к подлинности?</i>	291
<i>Курлович П. Н. ТАССР и становление советской национальной политики</i>	296
<i>Микерин А. А. Конституционно-правовой статус Республики Татарстан в 1990–1999 гг.</i>	300
<i>Тагиров Э. Р. Война цивилизационных проектов</i>	305
Сведения об авторах	310

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
ДЕВЯТЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Подписано в печать 17.12.2020. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 18,6. Заказ № 17.12/20-1.

Издательство Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
